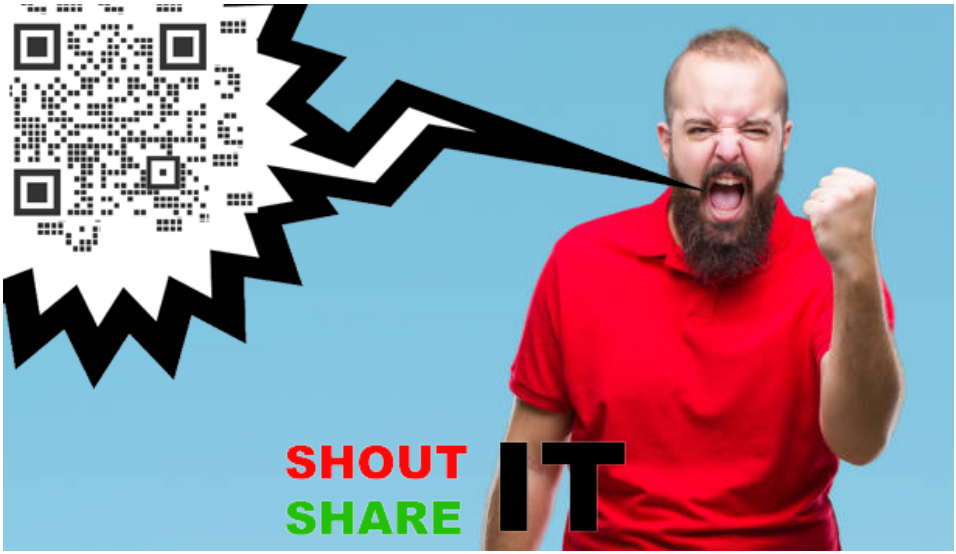
Александр Владимирский

JFK

ПРЕЗИДЕНТ КЕННЕДИ. ЗАГОВОР В ДАЛЛАСЕ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга посвящена одному из самых популярных государственных деятелей США – 35-му президенту Джону Фицджеральду Кеннеди. В ней не только подробно освещена его политическая карьера и деятельность на посту президента, но и уделено значительное внимание его личной жизни. Много места отведено также событиям, связанным с его трагической гибелью. Автором проанализированы все основные версии убийства президента, и выводы, к которым он приходит, сильно отличаются от укоренившихся в общественном сознании в нашей стране и за рубежом.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

- Александр Владимирский
  -
  - Предисловие
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26

○ 27
○ Библиография

Александр Владимирский
JFK. Президент Кеннеди. Заговор в Далласе

© Владимирский А.В., 2023
© ООО «Издательство «Вече», 2023

* * *

Предисловие

Одни из первых воспоминаний моей сознательной жизни связаны с Карибскими ракетным кризисом и президентом Кеннеди. Когда разворачивался этот кризис, мне было уже неполных шесть лет. Помню, я тогда очень сочувствовал революционной Кубе, Фиделю Кастро, кубинским партизанам-барбудос. Обо всем этом много писали в газетах, рассказывали по радио, показывали на экранах кинотеатров и нецветных еще тогда экранах телевизоров. Во время Карибского кризиса все очень боялись, что будет война. Помню, я тогда жил у дедушки с бабушкой, и каждую ночь мы ложились со страхом, что война начнется именно этой ночью. Разницу во времени между Москвой и Гаваной как-то не принимали во внимание. Еще мне снилось, как на Кубе высаживаются американцы, а кубинские и наши солдаты обращают их в бегство и американцы бегут. Что такое атомная и водородная бомба, я себе тогда толком не представлял, хотя и слышал об их существовании.

И тогда же, помню, весь Советский Союз был влюблен в президента Джона Кеннеди. Возможно, это началось сразу после Карибского кризиса. Помню, как бабушка и дедушка, и не только они, восхищались красавчиком Кеннеди. Дедушка рассказывал мне о его военном подвиге, как он, будучи раненым, спасал экипаж своего торпедного катера. Дедушка и бабушка, оба врачи, очень переживали, как у Кеннеди болит спина после ранения, как он страдает. А в ноябре 63-го мы видели по телевизору кадры его убийства, затем траурную церемонию прощания и новое убийство, теперь уже Освальда. Гибель Кеннеди переживалась тогда как страшная трагедия. Никто не мог поверить, что погиб такой молодой, красивый, успешный президент. И все верили, что его убийство могло быть только результатом какого-то жуткого заговора темных сил.

Прошли годы и годы. В Америке сменилось с тех пор девять президентов, а Советского Союза больше нет. Сегодня я думаю, что, быть может, советские люди в своей любви были подсознательно благодарны Кеннеди за то, что он тогда, в октябре 62-го, не начал мировую термоядерную войну и не обрек их на гибель.

Теперь многое видится и оценивается иначе, чем в начале 60-х. И Кеннеди, наверное, предстает не столь идеальным, и советская правота выглядит не столь очевидной, и убийство Кеннеди не выглядит столь загадочным, как когда-то. Я попытался дать краткий очерк жизни и дел самого молодого и

самого трагического из американских президентов, попытался показать, в чем был вклад Кеннеди в мировую историю, а также ответить на вопросы, кто же убил президента Кеннеди и почему это произошло.

Александр Владимирский (Борис Соколов)

1
Детство

Джон Фицджеральд Кеннеди, а по-семейному просто Джек, будущий 35-й президент США, самый молодой и первый президент-католик, родился 29 мая 1917 года в Бруклайне, предместье Бостона (штат Массачусетс). Он также стал первым из президентов, родившихся в XX веке, и единственным президентом в этом веке, погибшем в результате покушения. На посту президента он пробыл всего 1036 дней.

Джон принадлежал к влиятельному политическому клану Кеннеди ирландского происхождения. Он был вторым из девяти детей, из которых четверо умерло в младенчестве.

26-летний фермер, Патрик Кеннеди покинул Ирландию в 1849 году. В Америку его, в отличие от многих других ирландцев, гнал не голод, а желание разбогатеть. Он обосновался в Бостоне, где была большая ирландская колония, составлявшая до трети населения крупнейшего американского порта, главных ворот в Америку для иммигрантов.

Патрик Джозеф Кеннеди

Родоначальник клана Кеннеди был третьим сыном зажиточного фермера из графства Уэксфорд, где особого голода вообще не было. Еще по дороге в Америку он познакомился с Бриджет Мэрфи, уроженкой того же графства Уэксфорд. 26 сентября они обвенчались. У Патрика и Мэри были три дочери и сын Патрик Джозеф, родившийся 14 января 1858 года. Десять месяцев спустя, 22 ноября 1858 года, Патрик Кеннеди умер, оставив семье лишь очень скромные средства. Он был бондарем и делал скобы и подвески для фургонов, которые пользовались большим спросом – на Дальнем Западе началась «золотая лихорадка». Кроме того, Патрик мастерил бочки для виски – национального ирландского напитка.

После смерти мужа Бриджет Кеннеди стала приказчицей в галантерейной лавке, которую потом смогла приобрести. На Патрика Джозефа смотрели как на надежду семьи. Он посещал монастырскую школу и помогал матери в лавке. Повзрослев, работал грузчиком в доках. Сестры успешно вышли замуж и

покинули родительский дом. Патрик Джозеф стал копить деньги и в возрасте 22 лет сумел купить салун, заняв денег у матери и сестер.

Он преуспел в торговле спиртными напитками, а потом и в финансовых операциях. Твердо встав на ноги, Патрик Джозеф решил заняться политикой в местном масштабе. Установив контакты с боссами Демократической партии в Бостоне и сделав щедрые пожертвования в партийную казну, он был избран членом палаты представителей штата Массачусетс.

Отец будущего президента США, Джозеф Патрик Кеннеди, родился 6 сентября 1888 года в США в семье, которая по местным меркам считалась состоятельной. Его мечтой и целью было заработать очень большие деньги. И мечта сбылась. Джозеф Патрик стал мультимиллионером, значительную часть состояния сделавшим на незаконной торговле спиртным во время сухого закона.

Джозеф Патрик не очень любил, когда ему напоминали о его ирландском происхождении. Когда его, уже миллионера, одна бостонская газета назвала «ирландцем», он возмутился: «Черт возьми! Я родился в этой стране, здесь родились мои дети! Что же еще надо сделать, чтобы стать американцем?»

Путь к богатству оказался довольно быстрым, но непростым. Джозефу Кеннеди удалось поступить в престижный Гарвардский университет, что для ирландца-католика было редкой удачей. Там он стал членом нескольких престижных студенческих клубов, пусть и не самых элитных. Но еще большее значение имело то, что ему удалось заключить важный политический брак. Себе в жены Джозеф выбрал Роуз Элизабет Фицджеральд, дочь мэра Бостона Джона Фрэнсиса Фицджеральда, первого ирландца, ставшего мэром Бостона. Тесть Джозефа прошел все ступени политической карьеры. Он последовательно был членом городского совета Бостона, членом законодательного собрания штата Массачусетс и членом палаты представителей конгресса США от своего штата. Джон Фицджеральд был вхож в круги бостонской элиты, проявил себя как хороший оратор и упорный политик, всегда добивающийся своего и получивший прозвище «милашка Фиц». Он был чрезвычайно публичен и старался посещать все сколько-нибудь значительные политические, общественные и культурные мероприятия, чтобы постоянно быть перед глазами избирателей. Ведь телевидения тогда еще не было. Но, несмотря на располагающую внешность, он всегда жестко поступал со своими противниками. Когда 2 октября 1950 года «милашка Фиц» умер в возрасте 87 лет, на похороны пришел один из его врагов. Когда его удивленно спросили, зачем он здесь, тот

ответил: «Только затем, чтобы убедиться, что этот мерзавец наконец сдох!»

Брак с матерью Джона Кеннеди Роуз Элизабет Фицджеральд для Джозефа Кеннеди-старшего во многом был браком по расчету. Благодаря женитьбе основатель клана Кеннеди приобрел связи с политическим истэблишментом Демократической партии.

Уже к концу 20-х годов Джозеф-старший обладал капиталом в 200 млн долларов, что делало его привлекательной фигурой для многих политиков в родном штате. Эти средства он удачно инвестировал в недвижимость, а средства, полученные благодаря спекуляции недвижимостью, использовал в биржевой игре, где тоже преуспел. Не менее удачными оказались попытки продюсирования голливудских фильмов.

В 25-летнем возрасте Джозеф уже был главой банка, а в 35 лет стал мультимиллионером. Вот как это случилось. В 1913 году «Коламбиа Траст банк», в котором его отец Патрик Джозеф имел значительную долю акций, оказался под угрозой насильственного поглощения. Джозеф-старший, срочно заняв 45 тыс. долларов (по сегодняшней покупательной способности это чуть больше 1 млн долларов) у семьи и друзей, выкупил контрольный пакет акций банка и был избран его президентом в возрасте 25 лет. Он с гордостью говорил журналистам, что является самым молодым президентом банка в Америке. Джозефу Кеннеди удалось не только в короткое время оздоровить «Коламбиа Траст банк», но и значительно увеличить состояние благодаря удачным операциям с недвижимостью. У него было удивительное чутье по поводу того, какое здание является перспективным в плане повышения его рыночной стоимости.

В 1917 году Джозеф Кеннеди стал помощником главного управляющего судоверфи «Фоур ривер», являвшейся частью компании «Бетлихем стил», одной из крупнейших сталелитейных и машиностроительных компаний, неплохо зарабатывавшей на военных заказах.

А после окончания Первой мировой войны, когда Джозеф сколотил свой первый миллион долларов (по нынешним временам – более 22,5 млн долларов), крупный бостонский финансист Стоун пригласил подающего надежды брокера управляющим инвестиционного банкирского дома «Хейден, Стоун энд К°». Джозеф успешно играл на бирже, в совершенстве освоив эту непростую науку. Скоро он превратился в партнера-совладельца инвестиционной фирмы.

Затем Джозеф Кеннеди-старший занялся кинобизнесом. Он приобрел разветвленную сеть кинотеатров Новой Англии. В 20-е годы он также владел несколькими крупными кинокомпаниями,

которые после реорганизации и объединения в студию «Радио-Кейт-Орфеум» продал с немалой для себя прибылью. Но все-таки главные доходы приносил не Голливуд, а игра на бирже и нелегальная торговля спиртным, доходы от которой успешно отмывались в ходе биржевых операций.

Джозеф был одним из немногих финансистов, кого не задел крах биржи и кризис 1929 года. В этот период ему даже удалось заработать около 15 млн долларов. Джозеф Кеннеди, в отличие от подавляющего большинства других игроков, заранее ощутил надвигающуюся на биржу угрозу краха и сумел сделать так, что даже заработал на финансовой катастрофе, играя на понижение.

В 30-е годы основная часть многомиллионного состояния семьи Кеннеди была вложена в недвижимость и давала устойчивый доход, на который мировой экономический кризис не оказывал никакого негативного влияния. Джозеф также приобретает акции прибыльных нефтяных и газовых компаний.

В 1929 году Джозеф создал специальный фонд для своих детей, который быстро растет. Согласно условиям фонда, каждому из детей Джозефа Кеннеди-старшего в 1949 году причиталось по 10 млн долларов. Так что Джон Кеннеди получил весомый подарок к совершеннолетию. Конечно, по сравнению с миллиардерами Рокфеллерами, Морганами, Дюпонами отец Джона был всего лишь скромным мультимиллионером, но для родного Бостона он был финансистом первой величины.

В начале 30-х годов Джозеф решает заняться политикой, используя опыт, авторитет и связи тестя. В 1932 году он пожертвовал на предвыборную кампанию Франклина Рузвельта 75 тыс. долларов и собрал от других бизнесменов в его предвыборный фонд еще 100 тыс. долларов. Кроме того, Джозеф-старший выделил десятки тысяч долларов для местных организаций и кандидатов от Демократической партии. Он был уверен, что Рузвельт – сильный лидер и непременно победит на выборах. Так и случилось. А в 1936 году, к очередной предвыборной кампании, Джозеф Кеннеди-старший издал пропагандистскую книгу «Я – за Рузвельта», за что последний тоже не остался в долгу.

Связи с автором «Нового курса» открывали для Джозефа Кеннеди заманчивые перспективы и в бизнесе, и в политике. Вскоре после отмены в декабре 1933 года в Соединенных Штатах «сухого закона» Джозеф активно занялся легальным импортом крепких алкогольных напитков. Это как раз и породило подозрения в том, что он занимался тем же самым и в эпоху действия «сухого закона», поскольку Джозефу Кеннеди очень быстро удалось наладить связи с поставщиками алкоголя. Данное

обстоятельство заставляло подозревать, что они с Кеннеди хорошо знали друг друга и раньше. Замечу, что, если Кеннеди действительно торговал контрабандным виски в период «сухого закона», то, делая состояние на нелегальной торговле алкоголем, Джозеф Кеннеди не мог не иметь контактов с молодой американской мафией, которая по-настоящему развилась в эпоху борьбы с «сухим законом».

Чтобы расширить импорт спиртного, Джозеф Кеннеди отправился в Европу вместе с сыном президента Франклина Рузвельта Джимми. Последний познакомил его с крупнейшими производителями и торговцами алкоголем. Как итог поездки, принадлежавшая семье Кеннеди компания «Сомерсет импортерс» получила исключительные права на продажу в США таких популярных брэндов, как джин «Гордонс», виски «Дьюарс» и «Хейг энд Хейг», ром «Рон Рико».

Всего у Джозефа-старшего и Роуз Кеннеди, вступивших в брак в 1913 году, было девять детей. Четверо – Джозеф-младший (Джо), Джон (Джек), Розмари и Кэтлин – родились в первые пять лет брака. Еще трое – Юнис, Патриция и Роберт (Бобби) – появились на свет в последующие восемь лет. А вот двое самых младших, Джин и Эдвард (Тэдди), родились после трехлетнего перерыва, соответственно, в 1928 и 1932 годах. В момент рождения Джона Кеннеди его отец был президентом банка «Коламбиа Траст», расположенного в восточной части Бостона.

Дети с самого начала росли окруженные заботой и лаской, не испытывая никаких трудностей и ни в чем не зная отказа. По традициям бостонской элиты, им прививали любовь к спорту, в том числе к американскому футболу, теннису, парусному спорту, плаванию. Из всей семьи самым слабым был Джон, страдавший болезнью Аддисона.

Широкой общественности о заболевании Джона стало известно только в ноябре 2002 года, когда после истечения срока хранения медицинских секретов были обнародованы отчеты врачей о состоянии здоровья президента Кеннеди. Он всю жизнь страдал от смещения позвонков, полученного от падения на футбольном поле (потом пиарщики это превратили в результат от падения на палубу тонущего торпедного катера во время войны). Но еще важнее оказалось то, что 35-й президент США с детства также страдал от серьезных желудочных проблем и ряда других неприятных симптомов, поскольку был болен болезнью Аддисона. Это довольно редкое эндокринное заболевание с неясной этиологией заключается в том, что надпочечники теряют способность производить достаточное количество гормонов, прежде всего кортизола. В результате больной ощущает

хроническую усталость, постепенно усиливающуюся с течением болезни. Он испытывает мышечную слабость, теряет вес и аппетит. Затем появляются тошнота, рвота, понос и боли в животе. Болезнь сопровождается пониженным артериальным давлением, особенно в положении стоя. А Кеннеди ведь часто приходилось стоять, выступая на пресс-конференциях или перед избирателями. Больной становится раздражителен и вспыльчив, и в то же время подвержен депрессиям. В довершение ко всем напастям возникают т. н. «мелазмы Аддисона», – пятна на коже в местах, облучаемым солнцем. Кеннеди перед выступлениями и пресс-конференциями кололи новокаин, чтобы он выглядел здоровым человеком и, не дай бог, не упал, причем приходилось блокировать не только боль в поврежденной спине, но и болезненные проявления основного заболевания. А гримерам тоже пришлось немало поработать, чтобы Кеннеди смотрелся загорелым голливудским красавцем. Еще из-за болезни Кеннеди приходилось пить много жидкости, и его влекла соленая пища. А уж о таких мелочах, как тахикардия (учащенное сердцебиение), дисфагия (нарушение глотания) и постоянное чувство тревоги и беспокойства, и говорить не стоит. Конечно, болезнь Аддисона – не смертельная, но неприятностей она доставляет изрядно, особенно активно действующему политику.

Чтобы преодолеть свою природную слабость, Джон Кеннеди усиленно занимался спортом, особенно плаванием, где достиг немалых успехов.

Уже в юношестве при росте 185 сантиметров и весе 80 килограммов Кеннеди выглядел очень элегантно и неизменно пользовался благосклонностью прекрасного пола. Впоследствии, уже после выстрелов в Далласе, Роберт Кеннеди вспоминал о Джоне, ничего не говоря при этом о болезни Аддисона: «По крайней мере, половину дней своей жизни на земле он испытывал острую физическую боль. У него была скарлатина, когда он был маленьким, и очень серьезные проблемы со спиной, когда он стал старше… В промежутке между этими двумя серьезными хворями он переболел почти всеми возможными детскими болезнями… Но я никогда не слышал от него жалоб. Он ни разу не заикнулся о том, что Бог обошелся с ним несправедливо».

Здесь не было никакого преувеличения. Болезни буквально преследовали Джека с самого детства. В возрасте трех лет он перенес скарлатину и после выздоровления был отправлен восстанавливать здоровье в санатории в штате Мэн. Когда он вернулся домой три месяца спустя, отец вместо прежнего скромного, обшитого досками дома купил новый большой двухэтажный особняк, что отражало его резко возросшее к тому

времени богатство.

Хотя Джозеф-старший очень заботился о Джеке, самом болезненном из своих детей, он не обделял своим вниманием и остальных, включая старшего Джо. Именно в Джозефе-младшем он видел своего наследника и в бизнесе и в политике. Но главной движущей силой для Джозефа-старшего оставалась не семья, а бизнес. Как пишет американский историк Нейл А. Хамильтон, «он смотрел на жизнь как на битву за выживание, в которой честность была лишним багажом». Такая вещь, как использование на бирже, а тем более в политике, инсайдерской информации, равно как и других этически не безупречных методов и даже незаконных махинаций, никогда не составляла для него моральной проблемы. И эти принципы он старался передать детям, которые очень рано поняли, что тот образ собственной персоны, который надо создавать для публики, особенно, если хочешь сделать политическую карьеру, – это одно, а твоя реальная жизнь – это нечто совсем другое. Впрочем, и в бизнесе, и в политике люди, исповедующие иные принципы, выживают редко.

Джон Кеннеди в детстве

Бостонская элита с опаской относилась к Джозефу Кеннеди не только из-за его ирландских корней и католической веры, но еще и потому, что он слыл человеком грубым и беспощадным. Кроме того, многие считали верхом безвкусицы его нисколько не скрываемый роман со знаменитой актрисой Глорией Свенсон.

Не отличаясь крепким здоровьем, Джек много читал. В своей любви к чтению он значительно превосходил сестер и братьев.

Будущий президент читал о похождениях средневековых рыцарей, особенно короля Артура и рыцарей Круглого стола, о приключениях пионеров, осваивавших американский Дальний Запад, о военных сражениях. В более старшем возрасте его любимым чтением стали научные и научно-популярные книги по истории и географии.

Когда Джек повзрослел, он одновременно и уважал, и боялся своего отца, и было за что. С одной стороны, Джозеф-старший достиг очень многого. Это он сделал клан Кеннеди одним из самых могущественных в Америке. Но, с другой стороны, он был беспощаден со всяким, кого считал своим противником, не останавливаясь ни перед какими средствами для его дискредитации (хотя заказных убийств, слава богу, не практиковал). Джозеф Кеннеди-старший учил сыновей, что единственной целью в жизни является победа. Надо всегда и во всем быть победителем, а для достижения победы любые средства хороши. Джек никогда не смог стать столь же беспощадным, как отец.

Джозеф-старший по причине занятости бизнесом, политикой и амурными делами уделял детям не слишком много внимания. Мать тоже отстранилась от воспитания, передоверив его нянькам и гувернерам. Так что Джек, как и его братья и сестры, в детстве был несколько обделен родительской лаской. Зато к его услугам были любые развлечения: игрушки, книжки, музыка, верховая, езда, бассейн, теннис, другие виды спорта. Матери нравился Джек, как она говорила, «этот забавный мальчик, который так живо и оригинально говорит».

Любимцем и надеждой семьи оставался первенец – Джо-младший, которому отец прочил блестящую финансовую и политическую карьеру. Но эта особая любовь к старшему сыну была вовсе не в ущерб его младшим братьям и сестрам. Отец и мать учили старших помогать младшим и заботиться о них. Теплые отношения между всеми детьми Джозефа Кеннеди-старшего, равно как и между ними и родителями, сохранились на всю жизнь.

Теплота отношений, однако, не исключала здорового соперничества. Так, Джек немного ревновал Джо, пользовавшегося повышенным вниманием отца, и всячески старался доказать, что он не хуже старшего брата, особенно в спорте. Он часто вызывал Джо на соревнования то по борьбе, то по плаванию, то по велогонке, и тот, несмотря на атлетическое сложение и несокрушимое здоровье, отнюдь не всегда выходил победителем, хотя в большинстве случаев все же брал верх.

Супружеская верность не относилась к достоинствам

Джозефа Кеннеди-старшего. Если как голливудский продюсер в плане создания нетленных шедевров он ничем особенным себя не проявил, то работа в Голливуде способствовала интимным знакомствам с местными звездами. Любовницей Джозефа, в частности, была звезда немого кино Глория Свенсон, и далеко не она одна. Любовницы у Джозефа Кеннеди были всегда, и сыновья от него не отставали.

Роман со Свенсон привел к единственной попытке Джозефа создать киношедевр, в котором его любовница должна была сыграть главную роль. Он заказал известному режиссеру австрийцу Эрику фон Штройхему написать оригинальный сценарий и поставить по нему фильм, который должен стать подлинным событием в мировом киноискусстве. Миллионер обещал режиссеру, что не будет стеснять его в средствах, лишь бы получилось. Однако вышел полный провал. Штройхем, увлекшись сценарием о любви бедной монастырской воспитанницы и наследного принца, снимал дубль за дублем, пытаясь достичь идеального совершенства. Расходы росли, а фильм, названный «Королева Келли» (первоначальное название – «Топь»), все не получался. Режиссер для реализации первой четверти сценария отснял 30 часов пленки. Просмотрев отснятое, Джозеф Патрик пришел в ужас. Он понял, что такой фильм смотреть никто не будет, и выгнал Штройхема, карьера которого после этого пошла под откос. Но новые режиссеры не смогли спасти фильм. Весь отснятый материал положили на полку. После этого Кеннеди-старший снял Свенсон в веселой комедии «Вот это вдова!», которая, однако, провалилась в прокате. На дворе стоял 1929 год, и натужное веселье героев фильма не соответствовало настроению публики. Тут под откос пошли и отношения с Глорией, которая обнаружила, что, согласно их договору, прибыль от фильма, если она есть, делится между ней и Джо пополам, а вот убытки, в том числе полмиллиона долларов, выброшенные на «Королеву Келли», целиком идут за ее счет.

Глория Свенсон в 1919 г.

Джозеф Патрик Кеннеди утвердил девиз клана Кеннеди: «Мы не хотим иметь проигравших среди нас. Не становитесь вторыми или третьими, это не считается. Вы должны выигрывать».

Благодаря активному спонсированию Демократической партии Джозеф-старший наконец получил в январе 1938 года важный и престижный, по меркам американского общества, пост посла в Великобритании.

Однако на этом посту он пробыл недолго – лишь до октября 1940 года. Дело в том, что Джозеф Кеннеди довольно терпимо относился к антисемитской политике Гитлера, считая, что евреи, прежде всего, сами виноваты в происходящем. Джозеф Кеннеди выступал за политику умиротворения и за развитие отношений США и Англии с нацистской Германией. Поэтому после краха политики умиротворения и особенно после краха Франции, когда Англия осталась один на один с Гитлером и США пришлось все активнее втягиваться в войну, посол-изоляционист фактически стал мешать политике Рузвельта. Это чувствовал и сам Джозеф-старший. Он стремился покинуть Лондон, чтобы активно

участвовать в президентской кампании 1940 года. Но Рузвельт, опасаясь, что он может поддержать его противников, предпочел продержать посла Кеннеди в Лондоне вплоть до осени 1940 года.

2
Интермедия. Что было бы, если бы президентом США стал Джозеф Патрик Кеннеди

Надо сказать, что антисемитизм Джозефа Патрика Кеннеди отнюдь не был крайним или особо выдающимся для своего времени. Наоборот, после трагической «хрустальной ночи» 9 ноября 1938 года посол всерьез озаботился положением евреев в Германии и даже разрабатывал план вывоза всех немецких евреев в Африку и Западное полушарие при помощи США и Англии. Однако проект не поддержали ни американское правительство, ни еврейские организации США, которые увидели в нем опасную, с их точки зрения, альтернативу сионистской идее создания еврейского государства в Палестине, чему противилась Англия. А начавшаяся вскоре Вторая мировая война окончательно похоронила проект Кеннеди.

То, что отношение Кеннеди к евреям не было чем-то исключительным в мире в эпоху Второй мировой войны, доказывает следующий пример. В апреле 1943 года бывший руководитель подполья НКВД в Могилеве, называвшегося «Комитет содействия Красной Армии», К.Ю. Мэтте писал в своем отчете об отношении населения Могилева к проводившемуся нацистами «окончательному решению еврейского вопроса»: «В первые месяцы оккупации немцы физически уничтожили всех евреев. Этот факт вызвал много различных рассуждений. Самая реакционная часть населения, сравнительно небольшая, полностью оправдывала это зверство и содействовала им в этом. Основная обывательская часть не соглашалась с такой жестокой расправой, но утверждала, что евреи сами виноваты в том, что их все ненавидят, однако было бы достаточно их ограничить экономически и политически, а расстрелять только некоторых, занимавших ответственные должности. Остальная часть населения – советски настроенная сочувствовала и помогала евреям во многом, но очень возмущалась пассивностью евреев, так как они отдавали себя на убой, ни сделав ни одной, хотя бы стихийной попытки выступления против немцев в городе или массового ухода в партизаны. Кроме того, и просоветски настроенные люди отмечали, что очень многие евреи до войны старались устроиться на более доходные и хорошие служебные места (будто русские или белорусы не стремились к тому же

самому! – *Авт.*), установили круговую поруку между собой, часто позволяли нетактичное отношение к русским, запугивая привлечением к ответственности за малейшее выступление против еврея и т. д. «И вот теперь евреи тоже ожидают помощи от русских Иванов, а сами ничего не делают», – говорили они.

Общий же вывод у населения получился таков: как бы немец не рассчитался со всеми так, как с евреями. Это заставило многих призадуматься, внесло недоверие к немцам».

Получается, что посол Кеннеди, чьи взгляды по британским, да и по американским меркам считались антисемитскими, практически полностью совпадали с взглядами просоветского меньшинства населения Могилева, города, который до оккупации более 20 лет был под советским управлением: евреи во многом сами виноваты в том, что к ним так относятся немцы, но репрессировать, а тем более убивать их, конечно же, нельзя, а надо их по мере возможности спасать от нацистов. При этом большинство населения Могилева было настроено по отношению к евреям еще хуже и в той или иной степени поддерживало нацистскую политику по отношению к евреям. Разумеется, и в Америке, и в Англии антисемитизм был распространен меньше, чем в Советском Союзе, где многие отождествляли евреев с коммунистической властью. Но и по западным мерам Джозеф Кеннеди считался довольно умеренным антисемитом.

Джозеф Патрик Кеннеди

В 1992 году Джозеф Кеннеди-старший стал персонажем романа британского писателя и журналиста Роберта Харриса «Фатерланд», написанного в жанре альтернативной истории (два года спустя по роману был снят голливудский фильм). Действие романа происходит в 1964 году, но это совсем другой мир, чем он был в действительности в первый год после убийства президента Джона Кеннеди. В «Фатерланде» президент США тоже носил фамилию Кеннеди, но это не Джон, а его отец, посол Джозеф Кеннеди. В этой выдуманной реальности в 1942 году германские войска захватили Сталинград и Кавказ и отбросили Красную Армию за Урал. Остатки советских войск при американской поддержке продолжают вялотекущую, полупартизанскую войну за Уралом, которая длится и в 1964 году. Здесь Харрис развил мысль Гитлера, высказанную им в застольных беседах 29 августа 1942 года: «Иногда мне говорят: «Остерегайся! Тебе навяжут двадцать лет партизанской войны!» Я в восхищении от такой перспективы… Германия будет оставаться в состоянии

постоянной боевой готовности». Эта цитата служит одним из эпиграфов к роману. Вся Европейская часть СССР вплоть до Уфы оккупирована немцами и превращена в германскую колонию. После того, как в 1944 году неудачей окончилась высадка в Нормандии, германские войска высадились на Британских островах и полностью оккупировали их. Британское правительство бежало в Канаду. Американцы в 1945 году с помощью атомных бомб принуждают Японию к капитуляции и ставят под свой контроль Японию, Китай и другие страны Тихого океана. Своя атомная бомба появляется и у Гитлера. Между двумя сверхдержавами-победительницами устанавливается фактическое перемирие, основанное на «равновесии страха» после того, как Германия запустила в сторону США межконтинентальную баллистическую ракету. К 1964 году Гиммлер и Геринг уже умерли, но Гейдрих зато избежал покушения и не умер от полученных в результате него ранений 4 июня 1942 года, а до сих пор жив. Именно он, по всей вероятности, организовал катастрофу самолета в 1962 году, в которой погибли Гиммлер, шеф гестапо Мюллер и другие высшие руководители СС и полиции. Адольф Эйхман умер в 1961 году от сердечного приступа, и у читателя остается подозрение, что это могла быть не вполне естественная смерть. Естественность же смерти Геринга в 1951 году в романе никак не подвергается сомнению. Умерли также Геббельс, Борман, Лей и большинство других нацистских вождей. Гитлер по-прежнему остается фюрером, рейхспрезидентом и рейхсканцлером, но различные группировки в нацистском руководстве продолжают интриги и подковерную борьбу за власть. Готовятся пышные торжества в связи с его 75-летним юбилеем. В Германию впервые с официальным визитом должен прибыть президент Кеннеди, чтобы подписать наконец американо-германский мирный договор и начать разрядку напряженности между двумя сверхдержавами.

К тому времени мир ничего не знает о судьбе европейского еврейства. Жители Германии и других стран помнят только, что в 1942 году их соседей-евреев депортировали куда-то далеко на восток, и думают, что евреи сейчас обитают где-то между Волгой и Уралом. Герой романа штурмбанфюрер Марч, офицер криминальной полиции, расследуя одно загадочное убийство молодого курсанта эсэсовского военного училища, выходит на странную цепь убийств отставных нацистских функционеров, которые, как выясняется, были участниками совещания в Ванзее в январе 1942 года, на котором было принято решение начать истребление европейских евреев, а потом в руки Марча попадают и документы, доказывающие, что миллионы евреев действительно

были уничтожены, а отнюдь не переселены на восток, как думали все эти годы. Марш понимает, что гестапо убирает свидетелей, чтобы правда об «окончательном решении» не могла никогда стать достоянием общественности и не помешала бы германо-американской разрядке напряженности. Гестаповцы убивают Марча, но перед смертью он успевает передать документы своей подруге американской журналистке Чарли Магуайр, которая приехала в Германию освещать предстоящий визит президента Джозефа Кеннеди. Она успевает вывезти документы в нейтральную Швейцарию, а затем публикует их. Из-за возмущения американской общественности визит Кеннеди в Берлин срывается. Американо-германская разрядка оказывается похороненной. В финале фильма (но не романа) повзрослевший сын Марча сообщает, что после смерти Гитлера Третий рейх пал, раздираемый межэтническими противоречиями, пораженный экономическим застоем, а также сделавшись объектом для атак террористов.

Сам роман «Фатерланд» к шедеврам изящной словесности не отнесешь, равно как и его киноверсия вряд ли войдет в «золотую коллекцию» лучших фильмов. Достаточно сказать, что саму Германию Харрис знает плохо и видит ее глазами туриста, не удаляющегося слишком далеко от отеля. Но интерес к роману и фильму объясняется прежде всего придуманным Харрисом оригинальным сценарием альтернативной истории, довольно зло пародирующим советско-американскую разрядку напряженности и последующий крах СССР. Очевидно, Харрис не без основания полагал, что начало процессу разрядки было положено еще в президентство Джона Кеннеди, когда удалось урегулировать Карибский ракетный кризис, а затем подписать договор о запрете ядерных испытаний в трех средах: на суше, на море и в воздухе.

И тут необходимо оговориться, что тот сценарий Второй мировой войны, который конструирует Харрис в своей книге, никогда не мог быть реализован даже теоретически. В принципе нанести поражение Красной Армии в 1942 году Гитлер мог. Для этого вермахту надо было наносить главный удар не на Сталинград и Кавказ, а со ржевско-вяземского плацдарма – на Москву. Именно такого удара больше всего и опасались Сталин и его начальник Генерального штаба маршал Б.М. Шапошников, державшие главные силы Красной Армии на московском направлении. И в такой советской стратегии был свой резон, поскольку именно удар на Москву был наиболее опасен. Тем более, что наносился бы он опытными, закаленными в боях германскими дивизиями, которым, в отличие от южного крыла фронта, не надо было бы полагаться на помощь гораздо менее

боеспособных венгерских, итальянских и румынских соединений. Можно предположить, что даже несмотря на концентрацию советских сил, вермахту, если бы он предпринял генеральное наступление на московском направлении, удалось бы взять Москву, окружить здесь значительные советские силы и существенно сократить здесь линию фронта.

Также у Германии был шанс выиграть кампанию 1942 года на Восточном фронте (но не войну в целом), если бы после захвата Ростова и Воронежа, когда стало ясно, что уничтожить основные советские силы на южном крыле Восточного фронта не удалось, наступление на Сталинград и Кавказ было бы остановлено, и часть сил из групп армий «А» и «Б» было бы переброшено для организации наступления с ржевско-вяземского плацдарма. Дело в том, что продолжение наступления на сталинградском и кавказском направлении далее за Ростов в силу географических особенностей приводило к резкому удлинению линии фронта на юге, притом, что дополнительных средств для его удержания у немцев и их союзников не было.

В случае реализации московского варианта немецкого генерального наступления в 1942 году советские войска, скорее всего, оказались бы отброшены в Поволжье (но все-таки не на Урал) и понесли бы еще более тяжелые потери в людях и технике, чем это было в действительности. Однако и в этом случае сопротивление Красной Армии вряд ли упало бы до той степени полупартизанской войны, которая описана в «Фатерланде». Но давайте предположим невозможное. Немцы в 42-м году разгромили Красную Армию, вышли, как это и было предусмотрено планом операции «Барбаросса», на линию Архангельск – Астрахань и с помощью стратегической авиации (которой у них, кстати сказать, не было) в значительной мере парализовали работу предприятий Уральского промышленного района. Затем, оставив на советско-германском фронте и оккупированных территориях 60–70 дивизий, как это и было, опять-таки, запланировано при проведении блицкрига в 1941 году, Гитлер сосредоточил основные усилия на борьбе с Англией и Америкой. А вот в этой части сценарий Харриса абсолютно нереалистичен. Ведь в борьбе с западными союзниками главную роль играли не германские сухопутные войска, в значительной мере освободившиеся тогда после победы на Восточном фронте, а флот и авиация. Но для усиления этих двух видов германских вооруженных сил победа над Советским Союзом, в сущности, мало что давала. Военная авиация и флот, по западным меркам, были очень слабы, торгового флота и транспортной авиации почти не было. Трофейные корабли и

самолеты не могли сколько-нибудь значительно усилить кригсмарине и люфтваффе. Захваченные советские промышленные мощности были в значительной степени разрушены, а их восстановление сталкивалось с острой нехваткой сырья и других ресурсов. Так, в частности, только одного алюминия, критически важного для авиационной промышленности, более 40 % Советский Союз получал по ленд-лизу. Поэтому даже с советскими трофеями Германия не могла существенно нарастить мощь своей авиации и флота. Точно так же частичная демобилизация сухопутной армии вермахта позволила бы вернуть ряд специалистов в промышленность и до некоторой степени нарастить производство боевых самолетов и подводных лодок. Однако догнать США и Британскую империю, располагавших практически неограниченными ресурсами, все равно бы не удалось, поскольку немцы скоро достигли бы определенного предела в производстве важнейших видов вооружений, обусловленного наличием ресурсов сырья, топлива и квалифицированной рабочей силы. Поэтому в области морских и авиационных вооружений между Англией и США, с одной стороны, и Германией, с другой стороны, и в этом случае сохранился бы большой разрыв. Конечно, возвращение с Восточного фронта значительных германских сухопутных сил затруднило бы действия англо-американских союзников на сухопутных фронтах, но все-таки не парализовало бы их. Можно предположить, что к 1945 году союзникам удалось бы ликвидировать германо-итальянскую группировку в Северной Африке, так как при ведении войны на этом театре боевых действий главную роль играли авиация и флот, по которым у союзников было бы неоспоримое преимущество. Также можно предположить, что к тому времени англо-американские войска смогли бы захватить Сицилию и достаточно обширные плацдармы в Южной Италии и в Нормандии, а вот сил для развития успеха в глубине Европейского континента у них было бы еще недостаточно. Однако сорвать операцию «Оверлорд» и сбросить союзников в море, а уж тем более осуществить в дальнейшем успешную высадку на Британские острова, как это описано в романе Харриса, немцы ни в коем случае не могли. Опыт реальных боев в Нормандии летом 1944 года показал, что главным фактором для успеха десанта была поддержка авиации и корабельной артиллерии. Союзная авиация полностью господствовала в воздухе в районе высадки, несмотря на то, что немцы для противодействия десанту сняли почти всю истребительную и штурмовую авиацию с Восточного фронта, и эсэсовские танковые дивизии, наносившие контрудары по

десанту, были разгромлены благодаря огню корабельной артиллерии и ударам авиации. По этой причине германское командование и не пыталось использовать свои танковые соединения непосредственно на побережье в первые дни высадки, поскольку понимало, что в этом случае германские танки будут всего лишь идеальными мишенями для огня артиллерии с американских и британских кораблей. В случае же, если бы в 1942 году советское сопротивление было бы ослаблено, танковых и пехотных дивизий германское командование смогло бы сосредоточить в Нормандии гораздо больше, чем это было в реальности, и сравнять обороняющиеся сухопутные силы вермахта с сухопутными силами англо-британского десанта. Однако и тогда бы англо-американское превосходство на море и в воздухе никуда бы не делось. Поэтому плацдарм в Нормандии союзникам все равно бы удалось удержать. Правда, сосредоточив против плацдарма гораздо больше сухопутных сил, немцы, по всей вероятности, смогли бы гораздо дольше сдерживать союзников в Нормандии, не допуская их выхода на оперативный простор во Франции и прорыва к границам Германии. При этом и союзники, и немцы понесли бы гораздо бóльшие потери, чем это было в действительности. Не исключено, что тогда позиционный тупик в Нормандии продлился бы вплоть до второй половины 1945 года.

А уж о возможности успешной высадки германского десанта на Британские острова в 1945 году, как то происходит в «Фатерланде», и говорить не приходится. Подавляющие превосходство союзных военно-морских и военно-воздушных сил в этом году было гораздо большим, чем в 1940 году, даже после проигрыша люфтваффе Битвы за Британию, а британский торговый флот был бы по-прежнему слишком слаб. Поэтому в обоих случаях попытка вермахта высадиться в Англии неизбежно закончилась бы полным провалом.

Но даже разгром Советского Союза никак не ускорил бы развитие германской ядерной программы и не замедлил бы прогресс американцев в этой области. В силу ряда причин в деле создания атомной бомбы немцы отставали от американцев примерно на два года. Поэтому можно не сомневаться, что в любом случае США в июле 1945 года провели бы первое успешное испытание атомной бомбы, тогда как Гитлеру в то время до атомной бомбы было еще далеко. Разумеется, никто бы сверхдорогие ядерные бомбы на Японию, находившуюся бы и тогда при последнем издыхании, тратить не стал. Американское и британское командование наверняка оценивало бы будущие потери своих войск во время боевых действий во Франции

и Германии как весьма значительные. Поэтому можно не сомневаться, что для сокращения этих потерь до минимума президент США Трумэн приказал бы подвергнуть атомной бомбардировке главные германские города. При этом особенно откладывать применение ядерного оружия против нацистской Германии американцы бы не стали. Ведь они не имели четкого представления, насколько именно от них отстают немцы в осуществлении своего ядерного проекта. В то же время Трумэн мог опасаться, что двух бомб, которых в реальном сценарии войны оказалось вполне достаточно для капитуляции Японии в августе 1945 года, для Германии могло бы и не хватить. Поэтому, скорее всего, американский президент нанес бы ядерный удар по Германии в ноябре или в декабре 1945 года, имея в запасе 10–12 атомных бомб. И тогда можно представить себе апокалиптическую картину, как в радиоактивные руины превращаются Берлин и Кельн, Мюнхен и Нюрнберг, Гамбург и Бремен, Штутгарт и Франкфурт-на-Майне, как от ядерных взрывов, пожаров и радиации гибнут миллионы немцев, в своем подавляющем большинстве – женщин, стариков и детей. Не знаю, сколько бы атомных бомб потребовалось сбросить на Германию, чтобы она капитулировала, но подозреваю, что десятка ядерных зарядов бы хватило. Даже если бы Гитлер предпочел бы собственную смерть и гибель германского народа капитуляции, против фюрера в этом случае наверняка бы взбунтовались его собственные фельдмаршалы, организовавшие бы капитуляцию непосредственно на фронтах.

Можно с уверенностью сказать, что своим героическим сопротивлением в 1942 году и в последующие годы Красная Армия спасла германский народ от ужасов атомных бомбардировок, причем гораздо более массированных, чем реальные атомные бомбардировки Японских островов.

Только таким и мог быть альтернативный сценарий войны в случае, если бы в 1942 году Красная Армия потерпела бы решительное поражение. Однако Харрис не был вдохновлен картиной возможного ядерного апокалипсиса в Европе и потому предпочел сделать в своем романе два абсолютно невероятных допущения: насчет возможного краха операции «Оверлорд» и насчет возможной успешной высадки германских войск на Британские острова, то есть осуществления плана операции «Морской лев». Писатель понимал, что если в его романе Англия окажется свободной от германской оккупации и останется союзницей Америке, то читателям будет очень трудно внятно объяснить, почему США не стали применять ядерную бомбу против Гитлера. Поэтому Харрис и лишил американцев

плацдарма на Британских островах. Правда, нерасчетливо оставил в руках американцев Исландию с ее военными базами. А расстояние между Рейкьявиком и Гамбургом составляет всего 2144 километра, тогда как от Гамбурга до Берлина – еще 463 километра. Между тем американский бомбардировщик Б-29 («летающая суперкрепость»), с которого как раз и были сброшены атомные бомбы на Японию, имел практическую дальность действия в 6380 км, а дальность действия с максимальной боевой нагрузкой – 4865 км и свободно мог достичь практически любого города Германии, пусть даже и без истребительного сопровождения. Впрочем, для такой миссии американцы могли бы разработать и специальный тяжелый истребитель с достаточным радиусом действия. Да и существовавшей тогда истребитель Р-51 «Мустанг» с дополнительными топливными баками мог дотянуть до Германии. Так что и в случае того геополитического расклада, который складывается на середину 1945 года в «Фатерланде», американцы вполне могли сбросить на Германию столько ядерных бомб, сколько душа пожелает.

В реальной действительности же в 1942 году уже к концу августа Гитлер понял, что основные советские силы, несмотря на большие потери, все-таки смогли отступить к Сталинграду и предгорьям Кавказа; он понял, что войну Германии не выиграть. Длина Восточного фронта резко увеличилась, германские силы все убывали, а войска союзников Германии были малобоеспособны. С этим осознанием были связаны и осуществленные в сентябре радикальные перемены в командовании, включая снятие со своих постов начальника Генштаба сухопутной армии генерал-полковника Ф. Гальдера и командующего действовавшей на Кавказе группы армий «А» фельдмаршала В. Листа. Гитлер понял, что рано или поздно теперь войну Германия проиграет, поскольку ей противостоят превосходящие силы коалиции, которые она не в состоянии разбить. Поэтому слова о двадцати годах партизанской войны, сказанные фюрером в конце августа 1942 года, скорее относились не к СССР, а к Германии. Возможно, Гитлер надеялся, что и в случае оккупации Германии немцы два десятилетия будут вести партизанскую войну. На это, кстати сказать, и был ориентирован план «Вервольф», осуществлявшийся в последние недели войны и полностью провалившийся.

3
В дни ученичества

Но вернемся к истории семьи Кеннеди. Здесь большое внимание уделялось тому, где учить детей. Сначала, еще в Массачусетсе, Джек вслед за своим старшим братом Джо был отдан в небольшую, но очень дорогую частную школу Декстер, основанную в 1866 году. Затем братья учились в ривердейльской частной школе в нью-йоркском Бронксе. А в 13 лет Джона отдали в католическую школу-интернат в Кентерберри, штат Коннектикут, где он проучился всего год. Затем отец в 1931 году отдал его в Чоут, престижную частную школу, расположенную в Валлингфорде (Коннектикут). Там учились дети элиты. В Чоуте Джек сплотил вокруг себя группы товарищей. Они называли себя «грубиянами» и творили разнообразные проказы. Из предметов Джеку хуже всего давалась латынь, и его по-прежнему преследовали болезни. Чтобы укрепить здоровье, он играл в американский футбол и хоккей.

Весной 1934 года его экстренно госпитализировали в Йельский госпиталь в Нью-Хейвене, а в июне перевели в клинику Майо в Рочестере (Миннесота), где у него диагностировали колит. В действительности это были проявления болезни Аддисона, которую к тому времени у Джека еще не обнаружили.

После того как Кеннеди закончил школу в Чоате, отец направил его в сентябре 1935 года учиться в Лондонскую школу экономики. Там его руководителем стал известный профессор Гарольд Ласки, симпатизировавший лейбористам. Джек и здесь много читал, увлекался историей и географией. Болезни не позволяли ему играть со сверстниками, что способствовало замкнутости характера.

В Лондоне Джек проучился совсем недолго. По официальной версии, из-за желтухи, а в действительности от обострения болезни Аддисона, ему пришлось прервать учебу в Лондонской экономической школе и вернуться в США уже в октябре 1935 года. Там, играя в американский футбол, он повредил себе позвоночник. Проблемы со спиной, осложняемые болезнью Аддисона, мучили его всю оставшуюся жизнь.

Уже тогда Джека Кеннеди больше тянуло не к экономике и бизнесу, а к политике, в первую очередь внешней. Кстати сказать, его старший брат Джо, тоже начавший обучаться в Лондонской школе экономики, там не задержался, предпочтя родной Гарвард.

Чоут Розмари Холл

После возвращения из Лондона Джон Кеннеди короткое время (всего шесть недель) проучился в Принстоне. После этого у него обострилась болезнь Аддисона, и его пришлось госпитализировать. Потом, восстанавливаясь, Джек провел зиму 1935/36 года в доме семейства Кеннеди в Палм Бич, а весну и лето – на ранчо близ Бенсона, в Аризоне.

Осенью 1936 года по стопам отца и старшего брата поступил в Гарвардский университет, где изучал государственное право и государствоведение. Такое образование считалось очень хорошим для начала политической карьеры. Он с отличием окончил университет четыре года спустя. Но до старшего брата, тоже учившегося в Гарварде, ему было далеко. Джо и в университете был первым и в учебе, и в спорте, и в Гарвардском студенческом совете, одним из лидеров которого он стал. А вот Джек учился первые годы довольно средне, да и спортивными успехами не блистал. Зато он завоевал стойкую репутацию плейбоя и академическим занятиям предпочитал вечеринки и гонки на своей великолепной яхте, стоявшей в Кейп-Код. В американский футбол он продолжал играть вплоть до октября 1937 года, когда получил травму спины во время какого-то странного происшествия на поле.

В период учебы Джек одновременно выполнял обязанности секретаря отца. После окончания первого курса университета он совершил поездку по странам континентальной Европы.

В Гарварде Кеннеди продолжал много читать. Среди прочитанной им литературы можно отметить биографию Муссолини, «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса и «Государство и революцию» Ленина. Тем самым Джек получил представление о тоталитарных идеологиях, и они особых симпатий у него не вызвали. В то же время об эксцессах, связанных с тоталитарными режимами, в США тогда было мало что известно.

Во время поездки по Европе Джек побывал во Франции, Италии и Испании.

Летом 1937 года в письме отцу из Испании Джек утверждал: «95 % населения США находятся почти полностью в неведении о положении в этой стране», и большинство «поддерживают Франко». В своем дневнике Кеннеди писал о своих симпатиях к испанским республиканцам. Он тогда еще не знал, что террор был одинаково свойственен как франкистам, так и республиканцам. И когда он узнал о терроре республиканцев, то охладел к ним. Вслед за отцом он стал считать фашизм «естественным состоянием» для Италии и Германии. В конце 1937 года Джозеф Кеннеди приехал в Лондон, чтобы приступить здесь к обязанностям американского посла. Он был сторонником политики «умиротворения» и рекомендовал Рузвельту не вмешиваться в случае возникновения войны в Европе, но одновременно советовал «вооружаться для самообороны ввиду возможности всяких случайностей». По свидетельству министра финансов США Генри Моргентау, Рузвельт два или три раза говорил ему: «Кеннеди слишком опасен, чтобы иметь его рядом…» Впрочем, Моргентау и Джозеф Кеннеди-старший друг друга очень не любили, так что первый мог слова Рузвельта и сочинить.

Джек после приезда отца в Лондон все свои каникулы проводил в Англии и во Франции. Однажды он чуть не погиб, когда вместе с приятелем арендовал автомобиль, чтобы поспеть из Парижа на вечеринку на Лазурном Берегу. Джек был не слишком опытным водителем и на крутом повороте не справился с управлением. Машина перевернулась, и Кеннеди грустно пошутил: «Теперь-то мы уж точно не успеем вовремя». К счастью, друзья отделались лишь легкими ушибами.

Джек стал частью лондонского высшего света. Здесь он подружился с Дэвидом Ормсби-Гором, который позднее стал британским послом в Вашингтоне в бытность Кеннеди президентом.

Кеннеди продолжал много читать. Биография британского премьера середины XIX века либерала Уильяма Лэмба, виконта

Мельбурна, написанная лордом Дэвидом Сесилем, восхитила Джека. Ему импонировала энергия Лэмба и его способность достигать компромисса. Эти качества сам Джон Кеннеди впоследствии не раз демонстрировал в свою бытность членом палаты представителей, сенатором и президентом.

Понравился Кеннеди и «Путь пилигрима» Джона Бьюкена. Оттуда он почерпнул афоризм: «Когда менять не надо – менять не следует». В свою бытность президентом Джек тоже старался без крайней нужды ничего резко не менять, а действовать постепенно. Кеннеди нравилась и энергия Уинстона Черчилля. А вот встретились они только в 1960 году. Во время президентской кампании Кеннеди был приглашен отобедать на яхте греческого судовладельца Онассиса, где и познакомился наконец лично с отставным британским премьером. Великий сэр Уинстон был уже стар и болен, и толком поговорить им не удалось.

В 1938–1939 годах Джон Кеннеди посетил СССР, Балканы и Средний Восток, собирая материалы для своей выпускной работы. Во время этой поездки на обратном пути он посетил Чехословакию, уже оккупированную, и Германию. Там Кеннеди сделал короткую остановку в Берлине. В германской столице ему пришлось наблюдать, как нацисты публично сжигали книги неугодных авторов. Штурмовики напали и на автомашину, в которой ехали Кеннеди и его друг американец Вайзер Уайт. Житель Берлина, он объяснил сыну миллионера, что гнев штурмовиков вызвало то, что на их автомобиле был английский номерной знак. Инцидент в Берлине начисто излечил Кеннеди от идеи, что нацизм для Германии – «естественное состояние». В Лондон Джек вернулся 1 сентября 1939 года, как раз в день нападения Германии на Польшу. 3 сентября, в день объявления войны Англией Германии, все члены семейства Кеннеди, находившиеся в Лондоне, включая Джека, присутствовали в палате общин и слышали официальную декларацию об объявлении войны.

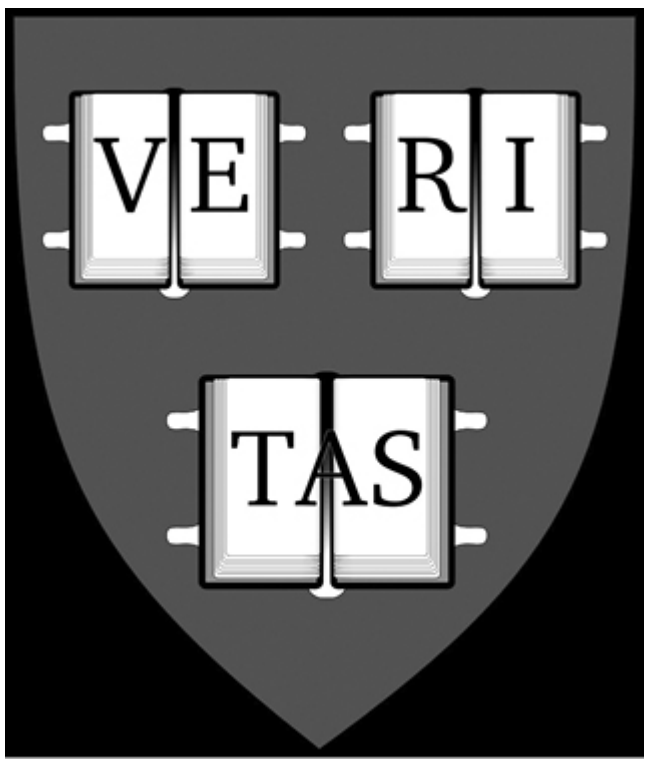
Вскоре по поручению отца Кеннеди занялся отправкой домой уцелевших американских пассажиров с британского судна «Атениа», потопленного 3 сентября германской подводной лодкой. Затем Джек сам отправился в США самолетом из Фойнс (Ирландия) до Порт-Вашингтон (Нью-Йорк). Это был его первый трансатлантический перелет.

После возвращения из Европы Кеннеди стал гораздо усерднее заниматься в Гарварде, но еще никак не проявлял намерения заняться политикой.

Его сосед по студенческому общежитию потом вспоминал: «Джек был очень предрасположен жить. Он очень хорошо мог

аргументировать свою позицию. Он обладал столь глубоким интеллектом, что мог высказывать свое мнение по любому поводу, на какую бы тему вы с ним ни говорили. И у него было наилучшее чувство юмора из всех Кеннеди».

После того, как он отправил сыновей в Соединенные Штаты, посол Кеннеди на прощальном обеде со своим обычным отсутствием дипломатии заявил, что теперь немцы «вздуют» англичан, что вызвало скандал. Это не понравилось и Рузвельту, который, однако, не торопился отзывать Кеннеди, а отправил в качестве своего личного эмиссара в Англию Уильяма Донована, который через голову посла стал устанавливать контакты с членами британского кабинета.



Герб Гарвардского университета

В 1940 году Кеннеди с отличием окончил Гарвард. В своей выпускной работе Кеннеди анализировал британскую политику «умиротворения» нацистской Германии.

Он выступал за решительную борьбу демократии против тоталитарной угрозы и осуждал «умиротворение» агрессоров, хотя частично объяснял его давлением бизнеса и пацифистов. Кеннеди подчеркивал, что британская демократия находится в опасности, поскольку Британия вооружалась очень медленно в

тот период, когда Гитлер ускоренными темпами создавал свою военную машину.

Расширенная редакция этого сочинения под названием «Почему спала Англия» имела большой успех после падения Парижа летом 1940 года. Кеннеди здесь впервые обратил внимание на «общую слабость демократии» перед лицом агрессивных диктатур. Он утверждал, что изоляционизм – это не та политика, которой должна следовать демократическая страна. Книга разошлась в Соединенном Королевстве, США и Канаде тиражом в 80 тыс. экземпляров и принеся своему автору доход в 40 тыс. долларов. Скорее всего, эту, как и последующие книги Кеннеди, писали неведомые миру спичрайтеры, благо, средства семьи Кеннеди легко позволяли их нанять.

После того, как началась Вторая мировая война, а особенно после того, как Франция капитулировала, а экспедиционные силы эвакуировались с континента, фигура Джозефа Кеннеди-старшего в качестве посла в Лондоне стала совсем уж неуместной. Америке пришлось фактически вмешаться в войну и начать массированную помощь Англии, чтобы не допустить германского вторжения на Британские острова. А Джозеф одобрял политику «умиротворения» и Мюнхенское соглашение, чем взывал неодобрение нового британского премьера Уинстона Черчилля, решительного противника мюнхенского курса. Повод же к отставке дал сам Джозеф-старший. Осенью 1940 года, участвуя в США в кампании по переизбранию Рузвельта, в интервью журналистам бостонских газет он заявил: «Я готов использовать все свое влияние, чтобы мы не были втянуты в войну. Нет смысла в нее ввязываться… С демократией в Англии покончено». Если бы такое заявил какой-нибудь американский сенатор, большого скандала бы не было. Некоторые сторонники изоляционизма из американской глубинки выражались и похлеще. Но для американского посла в Англии это было уже слишком. Впрочем, Кеннеди давно уже тяготился постом посла в Лондоне, особенно после того, как разразилась Вторая мировая война, и стал очевиден крах политики умиротворения. Однако, как мы уже говорили, Рузвельт не торопился отзывать Кеннеди, опасаясь, что тот может сыграть против него на президентских выборах. Поэтому не исключено, что посол Кеннеди сознательно спровоцировал скандал, чтобы у президента не осталось выбора. На этот раз сразу после своего переизбрания Рузвельт вынужден был отозвать Джозефа Кеннеди из Лондона. Больше отец Джона Кеннеди политических должностей не занимал, но он надеялся, что его сыновья еще сыграют в политике свою роль и что кто-нибудь из них непременно достигнет президентского кресла.

Джозеф Кеннеди-младший в это время стал одним из лидеров гарвардских изоляционистов, выступавших против вовлечения Америки во Вторую мировую войну. Он был избран делегатом от Массачусетса на национальный съезд Демократической партии, где поддержал соперника Рузвельта Джо Фарми. Джек же в это время занимал в целом прорузвельтовскую позицию.

4
На Тихоокеанском театре Второй мировой

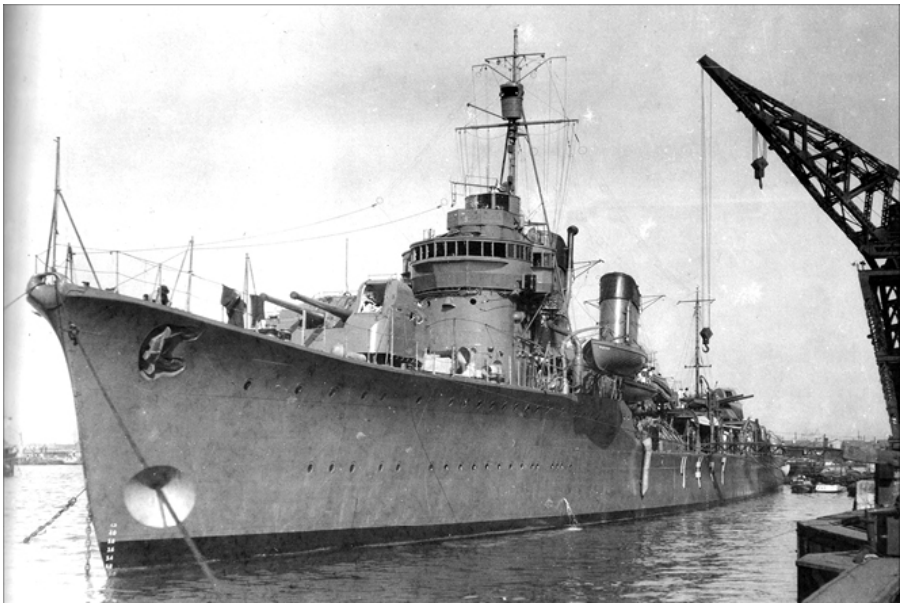
Служить во флоте Джон Кеннеди под влиянием отца пошел в сентябре 1941 года, еще до формального вступления США во Вторую мировую войну. Однако Джек, как и его отец, нисколько не сомневался, что очень скоро его страна окажется в числе противников Германии и Японии. Сначала ему отказали из-за слабого здоровья, и прежде всего из-за проблем со спиной, служить в сухопутной армии, но затем, благодаря связям отца, зачислили в военно-морской флот. Здесь помог тогдашний глава военно-морской разведки, ранее служивший военно-морским атташе в Лондоне в бытность там послом Джозефа Кеннеди. В момент японской атаки на Перл-Харбор Джек уже служил энсайном (соответствует второму лейтенанту в армии) в военно-морском министерстве. С началом войны он окончил центр подготовки офицеров запаса флота и центр подготовки экипажей торпедных катеров. После окончания учебы Кеннеди был направлен в Панаму, а потом на Тихий океан.

В конце 1942 года Джон Кеннеди получает назначение в отряд торпедных катеров на Тихоокеанском театре боевых действий. Его произвели в младшие лейтенанты (соответствует армейскому первому лейтенанту) и присвоили временно звание лейтенанта (соответствует армейскому капитану).

Джон Кеннеди в 1942 г.

В темную штормовую ночь 2 августа 1943 года в районе Соломоновых островов, у Новой Георгии, в проливе Фергюсона, японский эсминец «Амагири» протаранил торпедный катер PT-109, которым командовал лейтенант Джон Кеннеди. Это случилось в два часа ночи. Один из членов экипажа заметил неприятельский корабль за секунды до столкновения. Катер разломился пополам, и весь экипаж оказался в воде. При ударе последовал взрыв. Стоявший у штурвала Кеннеди упал на палубу.

Позднее он утверждал, что именно тогда повредил спину. Это казалось гораздо почетнее и выгоднее во всех отношениях, чем травма во время футбольного матча.



Японский эсминец «Амагири»

Кеннеди, несмотря на то, что у него болела спина, помог удержаться на воде раненому механику и помог ему добраться до суши – необитаемого острова в трех милях от места катастрофы. Всего 11 из 13 членов экипажа уцелели, а двое погибли. В воде, когда все они держались за носовую часть катера, на 4,5 м выступавшую из воды, Кеннеди сказал своим уцелевшим подчиненным: «У нас выбор: мы должны либо бороться, либо капитулировать. О такой ситуации, как эта, в уставах ничего не говорится. Многие из вас имеют семьи, а некоторые – детей. Что вы захотите выбрать? Мне, в отличие от вас, нечего терять». Так, по крайней мере, воспроизводили происшедшее в газетах и журналах. На самом деле никакого выбора у экипажа не было. Японский эсминец, опасаясь атак других американских торпедных катеров, сразу же покинул место столкновения и никого спасать не стал, так что сдаться в плен моряки при всем желании не могли. Да и вряд ли Кеннеди в тот момент было до речей, которые, по всей видимости, придумали журналисты.

Они надеялись, что вот-вот их спасут. Кеннеди и его подчиненные не знали, что другие американские катера, в свою очередь, испугавшись японского эсминца, уже ушли из этого района. Тогда люди уцепились за плавающий в воде сук

кокосового дерева. Кеннеди же вместе с тяжело раненым механиком Пэтом Мак-Махоном поплыл к берегу, сжав в зубах концы от его спасательного жилета.

Весь уцелевший экипаж направился вплавь к ближайшему небольшому необитаемому острову Плам Паддинг, до которого все вместе они добрались через четыре часа после крушения.

Американские моряки назвали этот остров птичьим, так как единственную влагу, которую они могли найти, они слизывали с листов на кустах, запачканных птичьим пометом. Через некоторое время они сплавали на соседний остров, где нашли кокосовые плоды, которые помогли утолить голод и жажду. Затем Кеннеди и еще один моряк сплавали на третий остров, где нашли японский продовольственный склад с галетами, леденцами и питьевой водой. Часть этих запасов они доставили своим товарищам.

Будучи хорошим пловцом, Кеннеди дважды плавал в открытый океан в надежде встретить американское судно. Во время второго заплыва ему попались два туземца в лодке, которые плыли к острову, где были американцы. Кеннеди передал им записку с указанием координат, где они находятся, спрятанную в скорлупу кокосового ореха. В записке говорилось: «Этот житель острова Науру знает расположение и может показать. 11 человек живы. Нужен маленький катер. Кеннеди». Скоро их нашли британские моряки, получившие записку. С момента катастрофы прошло шесть дней.

Существует легенда, будто много лет спустя, когда Кеннеди уже стал президентом, он пригласил в Белый дом своих спасителей, двух туземцев с Науру. Но пока они ожидали самолет до Вашингтона, Кеннеди уже убили.

Кеннеди был произведен в лейтенанты и награжден Медалью американского военно-морского флота и корпуса морской пехоты «за героическое поведение в качестве командира торпедного катера 109 после столкновения и потопления этого судна на Тихоокеанском театре в ночь 1 на 2 августа 1943 года. Не думая об опасности, лейтенант (тогда младший лейтенант) Кеннеди, решительно преодолевая все трудности и риски, которые таились в ночной тьме, руководил спасательными операциями, а потом, когда благодаря его стараниям экипаж оказался на берегу, плыл в течение многих часов в поисках помощи и пищи. Его выдающееся мужество, выносливость и руководство способствовали спасению нескольких жизней и полностью соответствовали высоким традициям американской военно-морской службы». Медаль американского военно-морского флота и корпуса морской пехоты вручается за «героизм, проявленный не в непосредственном столкновении с врагом. За спасение жизни или попытку спасения

жизни, которая сопряжена с риском для собственной жизни». Поступок Кеннеди полностью попадал под статут медали.

В октябре 1943 года лейтенант Кеннеди был назначен командиром торпедного катера PT-59, переоборудованного в канонерскую лодку. В ноябре он принял участие в эвакуации морских пехотинцев с острова Шуазель в группе Соломоновых островов.

После тяжелой операции спины Кеннеди с почетом уволился из военно-морского флота в начале 1945 года с постоянным званием лейтенанта флота (соответствует армейскому капитану). Кроме медали американского ВМФ, он был удостоен медали «Пурпурного сердца», которой удостаиваются все военнослужащие, получившие ранения (к таковому была приравнена травма спины, полученная в момент катастрофы PT-109), а также медали «Служба Американской обороне», которой удостаивались военнослужащие, находившиеся на службе в период с 8 сентября 1939 года, когда президент Рузвельт провозгласил ограниченное чрезвычайное положение, и до японского нападения на Перл-Харбор 7 декабря 1941 года. Кеннеди также получил медаль «Американской кампании», которой награждались все военнослужащие, служившие на Американском театре боевых действий (Кеннеди учился в учебных центрах на территории США и служил в зоне Панамского канала), медаль «За Азиатско-Тихоокеанскую кампанию» с тремя бронзовыми звездами и медаль «За победу во Второй мировой войне».

Характерно, что Кеннеди не участвовал непосредственно в боевых действиях с врагом. Им лично или по его приказу не был убит или ранен ни один неприятельский военнослужащий, а выпущенными с его катера торпедами не было потоплено или повреждено ни одно вражеское судно. Не участвовал он и ни в одном крупном морском сражении, выполняя рутинную работу, связанную главным образом со снабжением и переброской сухопутных войск и морских пехотинцев.

В американских газетах, благодаря стараниям после Кеннеди, много писали о подвиге Кеннеди. В газетах и журналах были, разумеется, поэтические преувеличения, но и подвиг действительно был. Ведь Кеннеди, как командир экипажа, сумел обеспечить эвакуацию экипажа, включая одного тяжелораненого, а потом сделал все возможное, чтобы к ним пришла помощь и чтобы они до этого момента не умерли от голода и жажды. Потом этот свой фронтовой подвиг Кеннеди успешно эксплуатировал перед избирателями во время выборов членом палаты представителей, сенатором и президентом США. Правда, во время

президентской кампании 1960 года некоторые враждебно настроенные по отношению к демократам американские СМИ утверждали, будто генерал Дуглас Макартур, командующий Тихоокеанскими силами союзников, в зону ответственности которого входили и Соломоновы острова, узнав о происшествии с торпедным катером РТ-109, только выругался по поводу его командира, который допустил, что его судно протаранил неприятельский эсминец, и проворчал, что такого командира надо отдать под суд. Действительно, катер, которым командовал Кеннеди, стал единственным американским торпедным катером, который протаранило японское судно. Однако тогда же, в 1960 году, генерал Макартур публично опроверг утверждения о том, что он собирался отдать Кеннеди под суд и что к нему вообще имелись какие-либо претензии. А в оправдание командира торпедного катера РТ-109 надо заметить, что у таких судов не было сколько-нибудь надежных средств навигации, и в полной темноте с борта катера можно было и не заметить идущий без огней эсминец.

Когда Джона Кеннеди впоследствии спрашивали, как он стал героем, он отшучивался: «О, очень легко. Они разрезали мой катер пополам».

Американские торпедные катера

На войне Джек потерял своего старшего брата. Лейтенант морской авиации (соответствует капитану армии) Джозеф Кеннеди-младший, такой же, как и Джон, красавец и любимец женщин, погиб 12 августа 1944 года, выполняя специальное

задание – уничтожить стартовые площадки немецких ракет Фау-2 в Голландии. Ему было всего 29 лет. С сентября 1943 года Джо служил в Англии. Его самолет, начиненный почти десятью тоннами взрывчатки, должен был уничтожить стартовые площадки немецких ракет на большой территории, поскольку обнаружить и поразить эти точечные позиции иным путем было в то время очень трудно. План операции «Афродита» предусматривал, что Кеннеди и его напарник, лейтенант морской авиации Вилфорд Джон Вили, должны были пилотировать свой самолет Б-24 «Либерейтор» вплоть до высоты 610 м над английской территорией, после чего выпрыгнуть с парашютом. Оставшуюся часть пути бомбардировщик проделал бы как управляемый по радио самолет-снаряд. Однако уже через 2 минуты после контрольного сеанса связи и за 10 минут до того, как экипаж должен был покинуть самолет, начиненный взрывчаткой бомбардировщик взорвался из-за неисправности в системе электропроводки. Взрыв был такой силы, что обломки Б-24 поразили летевший в 90 метрах позади самолет «москито», с которого съемки бомбардировщика проводил сын Франклина Рузвельта полковник Элиот Рузвельт. «Москито» получил повреждения и с трудом дотянул до аэродрома. Обломки самолета Джо Кеннеди упали недалеко от деревни Блитбур в графстве Саффолк. Хотя он и Вили официально числились пропавшими без вести, никаких сомнений в их гибели не было, как не было и могилы. Месяц спустя муж сестры Джо Кэтлин, Уильям Кавендиш, маркиз Хартингтон, майор британской армии, погиб в боях во Франции. Но эта потеря, как бы она ни была тяжела, была все же несравнима с гибелью Джо, с которым отец связывал свои главные надежды. Теперь все надежды семьи возлагаются на Джека.

Между прочим, перед вылетом Джо Кеннеди доложили о том, что электропроводка барахлит, и он хорошо понимал, что замыкание легко может вызвать преждевременную детонацию заряда. Однако он не просил отложить полет, опасаясь, что его заподозрят в трусости. Никакие фрагменты тел Джо и его второго пилота так никогда и не были найдены. Да и мудрено было чему либо остаться, когда в считаных метрах, если не сантиметрах, от летчиков рвануло почти десять тонн взрывчатки.

Посмертно Джо был награжден Военно-морским крестом, Крестом отличия летного состава и Медалью ВВС. Ранее он получил «Пурпурное сердце» за ранение во время одной из 25 успешно выполненных боевых миссий, связанных главным образом с патрулированием в поиске германских подводных лодок. В представлении к награждению Военно-морским крестом

говорилось: «За исключительный героизм и мужество, проявленное во время воздушного полета в качестве пилота американского бомбардировщика «Либерейтор» 12 августа 1944 года. Прекрасно сознавая ту исключительную опасность, которой он подергался, и совершенно не заботясь о собственной безопасности, Кеннеди без колебаний добровольно вызвался осуществить исключительно опасную специальную операцию. Отважный и смелый в ее выполнении, уверенный в жизненной важности своей миссии, он сознательно рисковал своей жизнью, показывая высшую степень преданности долгу, и своим большим личным мужеством и силой духа в осуществлении рискованного предприятия поддерживая и приумножая лучшие традиции американской военно-морской службы.

О Джозефе Патрике Кеннеди-младшем и его подвиге осталась память во многом благодаря средствам и связям семейства Кеннеди. В 1946 году один из американских эсминцев был назван «Джозеф П. Кеннеди-младший». На этом корабле короткое время служил Бобби Кеннеди, будущий сенатор, который в 1952 году назвал в честь погибшего брата своего сына Джозефом Патриком Кеннеди-вторым. Эсминец «Джозеф П. Кеннеди-младший» участвовал в блокаде Кубы в 1962 году, а сейчас превращен в плавучий музей. В 1947 году Кеннеди учредили Фонд Джозефа П. Кеннеди-младшего, на средства которого в Бостонском колледже был возведен мемориальный зал его имени.

Джон Кеннеди (справа) со старшим братом (слева) и отцом в 1938 г.

По словам Джека, после смерти Джо «отец хотел, чтобы я пошел в политику… Впрочем, «хотел» – неправильное слово. Он не хотел, а требовал».

Отмечу, что в семействе Кеннеди произошла еще одна трагедия, тоже связанная с авиацией. Сестра Джо и Джека и вдова маркиза Хартингтона Кэтлин Кеннеди Кавендиш погибла 13 мая 1948 года во время авиакатастрофы во Франции в возрасте 28 лет.

В апреле – июне 1945 года в качестве корреспондента газет медиа-магната Уильяма Рандольфа Херста, друга Джозефа Кеннеди-старшего, Джон Кеннеди был на конференции в Сан-Франциско, где была основана Организация Объединенных Наций. Устав ООН ему не понравился из-за того, что не накладывал на государства-члены строгих обязательств. Кеннеди считал, что только создание на базе ООН некоего мирового правительства может предотвратить будущие войны, не понимая еще в тот момент всю утопичность этой идеи. В качестве корреспондента Джек освещал также Потсдамскую конференцию лидеров США, Англии и СССР в июле – августе и другие события.

5
Джон Кеннеди – политик

В 1946 году освободилось место члена палаты представителей в конгрессе США от 11-го округа в Массачусетсе, куда входила значительная часть Бостона и где демократы традиционно выигрывали выборы. Освободилось это место благодаря Джозефу Кеннеди-старшему, который предложил тогдашнему конгрессмену-демократу баллотироваться на пост мэра Бостона, обещая свою поддержку, и действительно обеспечил избрание Джеймса Майкла Курли на искомый пост. Таким образом, место в палате представителей освободилось фактически для Джека, который с большим преимуществом победил своего противника от республикнцев.

В 1947–1953 годах Кеннеди представлял округ Бостон в палате представителей конгресса США от Демократической партии. Победить на выборах ему во многом помогло то обстоятельство, что в его округе было много католиков – иммигрантов из Италии и Ирландии и их потомков. Во время первой своей предвыборной кампании Кеннеди выглядел больным, что избирателям объясняли поврежденной на войне спиной, тщательно скрывая болезнь Аддисона. Джозеф-старший потратил на кампанию сына солидную по тем временам сумму в 300 тыс. долларов. Широко распространялись листовки с журнальной статьей о подвигах Кеннеди и экипажа торпедного катера PT-109. Джон Кеннеди потом уверял, что во время предвыборной кампании он спал по четыре часа в сутки.

Кеннеди был членом Комитета по труду и образованию. Кеннеди делал упор на социальные проблемы, настаивая, что конгресс и правительство должны больше внимания уделять повышению зарплаты, улучшению условий труда, снижению квартирных цен, помощи и льготам ветеранам войн и пенсионерам. В этом Кеннеди поддерживали профсоюзы, традиционно ориентировавшиеся на демократов. Кеннеди был одним из разработчиков законопроекта о жилищном строительстве, направленном на снижение квартплаты. Но в 1948 году он был провален республиканцами и консервативной частью демократов. Кеннеди также ратовал за определенное расширение прав профсоюзов, но считал, что слишком много власти им давать тоже нельзя. Во время обсуждения законопроекта Тафта – Хартли, направленного на ограничение прав профсоюзов, особенно права на забастовку, Кеннеди заявил,

что как предприниматели, так и профсоюзы часто ведут себя своекорыстно и что забастовщики порой ведут себя безответственно. Кеннеди мог действовать относительно свободно и самостоятельно, так как, благодаря состоянию судьбы, не зависел от какой-либо группы лоббистов. Он предупреждал, что «принятие законопроекта Тафта – Хартли вызовет жестокую и опасную войну с профсоюзами и сыграет на руку профсоюзным радикалам, проповедующим доктрину классовой борьбы». Кеннеди был одним из 79 членов палаты представителей, голосовавших против этого законопроекта, принятого и в палате представителей, и в сенате подавляющим числом голосов.

Конгрессмен Дж. Ф. Кеннеди. Вторая половина 1940-х гг.

В сфере внешней политики, которой он уделял особое внимание, конгрессмен Джон Кеннеди поддерживал «доктрину Трумэна», выдвинутую президентом на заседании конгресса 12 марта 1947 года и направленную на «сдерживание коммунизма» и помощь тем государствам, которые могли стать объектом экспансии со стороны СССР. Кеннеди также был сторонником плана Маршалла, согласно которому страны Западной Европы получили масштабную американскую финансовую помощь для послевоенного восстановления. В то же время Кеннеди довольно жестко критиковал правительство за потерю Китая и призывал президента «не допустить, чтобы

надвигающаяся волна коммунизма поглотила всю Азию». Трумэну эта критика не понравилась, и он невзлюбил конгессмена-однопартийца. Кеннеди тогда были неведомы далеко идущие расчеты Трумэна. Президент решил, что Америке выгоднее отдать коммунистам Китай, чем пытаться спасти коррумпированное и неэффективное в тот момент правительство Чан Кайши с помощью многомиллиардных долларовых вливаний, посылки американских вооружений, а возможно и войск. Трумэн надеялся, что довольно скоро единый коммунистический Китай станет самым серьезным геополитическим соперником Советского Союза, что будет только на руку Соединенным Штатам. Недаром того, на что тайно рассчитывал Трумэн, столь же тайно опасался Сталин, для которого вместо объединенного под властью коммунистов Китая был бы предпочтительнее Китай, разделенный между коммунистами Мао Цзэдуна и националистами Чан Кайши по реке Янцзы. Поэтому он предлагал остановить наступление двигавшихся с севера коммунистов на данном естественном рубеже, но этому воспротивился Мао Цзэдун.

Кеннеди был сторонником развертывания гонки вооружений, чтобы не отставать от Советского Союза. Он требовал резкого увеличения численности и качества американских ВВС. В 1951 году, в разгар войны в Корее, Кеннеди совершил поездку по основным странам НАТО, посетив Англию, Францию, Италию, ФРГ. Он также заехал в Испанию и Югославию. Последняя находилась в тот момент в состоянии острого конфликта с СССР, США и другие страны Североатлантического пакта готовились в случае необходимости защитить Тито от Сталина. Кеннеди тогда довелось побеседовать с Тито. Рассказывая о своей поездке на совместном заседании сенатских комиссий по иностранным делам и вооруженных сил, Кеннеди подчеркивал стратегическое значение Западной Европы для Америки и считал необходимым направить туда дополнительные контингенты американских войск. Но он также требовал, чтобы сами европейцы вкладывали больше средств в обеспечение собственной безопасности.

Вслед за Европой Кеннеди отправился в Азию, посетив страны Ближнего Востока, а также Пакистан, Индию, Индокитай, Малайю и Южную Корею. После этой поездки он пришел к выводу, что американцы «слишком сосредоточили свое внимание на Западной Европе». Он требовал увеличения американской помощи странам Ближнего Востока и Азии. Кеннеди критиковал ведение войны в Корее, требуя там более активных боевых действий, и осудил отставку с поста главнокомандующего на Дальнем Востоке генерала Дугласа Макартура, своего бывшего

командующего в годы Второй мировой войны. Однако, узнав, что Макартур предлагал нанести массированные бомбовые удары по Маньчжурии, в том числе с использованием тактического ядерного оружия, он перестал поддерживать генерала, считая применение ядерного оружия в данном случае преждевременным и опасным.

Кеннеди дистанцировался от деятельности печально знаменитой комиссии сенатора Джозефа Маккарти по расследованию антиамериканской деятельности, хотя в 1950 году в одном из заявлений утверждал, что борьба с коммунистами и сочувствующими им в американских госучреждениях ведется недостаточно энергично, и поэтому он с уважением относится к деятельности сенатора Маккарти на этом поприще.

В ноябре 1952 года Кеннеди успешно баллотировался в Сенат, также от Массачусетса, победив известного политика и тоже миллионера Генри Кэбота Лоджа-младшего, которого в свое президентство назначил послом в Южном Вьетнаме. В ходе предвыборной кампании Джеку пришлось совершить десятки агитационных поездок и выступить в сотнях городов и поселков штата. В борьбе за кресло сенатора Кеннеди заручился поддержкой губернатора Массачусетса демократа Девера, который боялся, что ему не одолеть республиканца Лоджа в борьбе за кресло сенатора, и он предложил рискнуть Кеннеди.

На этот раз в свой предвыборный фонд Кеннеди удалось собрать только 300 тыс. долларов, из которых семейные деньги составляли только 70 тыс. долларов. У Лоджа денег тоже хватало, ведь он представлял богатый и влиятельный в Массачусетсе клан. А вот столь активно, как его соперник, вести предвыборную кампанию Лодж оказался не способен. Тем более, что по ораторским способностям он на голову уступал Кеннеди. Все члены клана Кеннеди активно агитировали за Джона. Мама Роуз, например, доверительно говорила избирательницам: «А теперь я расскажу вам о последних веяниях моды, которые я видела в Париже». Оттого, что жена мультимиллионера так запросто говорит с ними, жительницы Массачусетса просто расцветали. По всему штату развозились тысячи экземпляров журнала «Ридерс дайджест» с перепечаткой статьи «Спасение» о подвиге Кеннеди во время войны. А сам он успел до дня голосования побывать в 351 городе и поселке Массачусетса. Ирландские католики критиковали Лоджа за то, что он слишком мягко относится к коммунистам, и выдвинули лозунг: «Кеннеди сделает больше для Массачусетса!» Лоджу, представлявшему влиятельный клан бостонской элиты, не помогло даже то, что на заключительном этапе кампании в Бостоне с речью в его поддержку выступил сам

Эйзенхауэр, который тогда одержал верх на президентских выборах. И Джон Кеннеди одержал безоговорочную победу в борьбе за сенаторское кресло.

Политика для клана Кеннеди стала делом семейным. Джек однажды сказал: «Если я умру, то мой брат Бобби захочет стать сенатором, а если что-нибудь случится с ним, то мой брат Тэдди будет стремиться попасть туда вместо нас». Так и случилось, только старший из братьев не знал, что ему и Роберту предстоит погибнуть от пуль убийц и что только Эдварду посчастливиться умереть своей смертью в сенаторском кресле.

Братья Кеннеди в начале 1960-х гг.

Сенатор Кеннеди был членом сначала членом Комитета по труду и общественному благосостоянию, а с 1957 года – членом Комитета по иностранным делам. Кеннеди ратовал за социальные реформы, улучшение условий жизни рабочего класса и расовых меньшинств (проблема ветеранов к тому времени уже утратила актуальность). Во внешней политике он продолжал оставаться безоговорочным сторонником плана Маршалла и НАТО, но, в отличие от президентов Трумэна и Эйзенхауэра, теперь выступал за сближение с Китаем, видя в нем противовес Советскому Союзу, хотя в тот момент советско-китайского противостояния еще не

было. В то же время Кеннеди агитировал итальянцев в Америке голосовать за партию христианских демократов в Италии, чтобы предотвратить приход к власти коммунистов. А выступая перед живущими в Америке поляками, он резко критиковал Франклина Рузвельта за то, что в Тегеране и Ялте президент «отдал Польшу Сталину». Кеннеди, в свою очередь, рассчитывал, что на выборах его поддержат, в числе прочих, итальянцы и поляки, которых в Массачусетсе было немало, причем поддержат не только из чувства католической солидарности, но и потому, что он проводит политику, отвечающую их глубоким чаяниям.

Деколонизацию стран Азии и Африки Кеннеди рассматривал как естественный процесс, который может быть выгоден Соединенным Штатам, и проявлял большой интерес к «новым национализмам», возникшим в бывших колониях. В 1957 году он резко критиковал Францию за колониальную войну в Алжире и говорил о необходимости предоставить этой стране независимость. В том же году после запуска первого советского спутника Кеннеди решил, что коммунистическая диктатура лучше вооружена для будущего, чем демократический Запад, и поэтому следует ликвидировать собственное американское «отставание» во многих областях, начиная с образования и заканчивая ракетным вооружением, не жалея на это сил и средств. Только позднее, став президентом, Кеннеди обнаружил, что по ракетам у США не только не было никакого отставания от СССР, а наоборот, было значительное и качественное, и количественное преимущество на стороне Соединенных Штатов. Сенатор тогда не знал, что для космических запусков, по крайней мере в Америке, часто используют те ракеты, которые уже сняты с вооружения как устаревшие. Главное же, в СССР космические достижения были одной из главных пропагандистских целей, на которые не жалели средств. Для администрации же Эйзенхауэра мирный космос был всего лишь дорогостоящим и не приносящим очевидной пользы ответвлением военного ракетостроения и финансируемым по остаточному принципу. Эйзенхауэра вопросы престижа волновали не очень сильно. Он больше привык полагаться на силу.

Кеннеди неоднократно вносил в сенат законопроекты, направленные на стимулирование текстильной, судостроительной и часовой промышленности. Именно эти отрасли играли важную роль в Массачусетсе. Кеннеди также удалось добиться принятия закона о модернизации бостонского порта, который до середины XIX века был крупнейшим морским портом Америки. Он опять, как и в палате представителей, ратовал за увеличение военных расходов, чтобы противостоять

коммунизму, но вновь дистанцировался от сенатора Маккарти, чтобы не разочаровать либеральную часть своих избирателей.

Либералы в сенате считали Кеннеди своим, хотя одному из друзей он признался: «Я был бы счастлив сказать, что я вовсе не либерал. Я не чувствую себя комфортно с этими людьми».

Опыт многолетнего пребывания в палате представителей и в сенате привел к тому, что Джек был совсем не в восторге от американской политической жизни. Он писал в дневнике, уже будучи сенатором: «Политика – это джунгли. Приходится выбирать между справедливыми действиями и сохранением должности, между местными интересами и национальными интересами, между частными интересами политика и общими интересами нации». У Кеннеди был сильно развит «инстинкт политического самосохранения». Поэтому он при необходимости был готов идти на компромисс, хотя и позиционировал себя «политическим радикалом». Кеннеди понимал, что для успеха в политике надо уметь лавировать, и добивался того, чтобы его не отождествляли полностью ни с либералами, ни с консерваторами, хотя по своим убеждениям он был скорее близок к первым, чем ко вторым. Но Кеннеди всерьез мечтал о президентском кресле, а для победы в этой гонке надо было заручиться поддержкой самых разных сил, в том числе и консервативного крыла Демократической партии. На посту же президента он надеялся сделать нечто настолько безоговорочно великое, что поможет ему войти в историю. Иначе не стоило и стремиться к тому, чтобы возглавить самое могущественное государство в мире.

В период своего пребывания в сенате Кеннеди все чаще болел и пропускал заседания. Его беспокоили как боли в спине, так и проявления болезни Аддисона. К тому времени она была уже у него диагностирована, но лечили ее пока что не слишком эффективно.

2 декабря 1954 года, в день, когда состоялось решающее голосование по резолюции, осуждающей деятельность комиссии Маккарти, Кеннеди лежал в хирургическом отделении больницы, ожидая повторной сложной операции на позвоночнике. Резолюция была принята подавляющим большинством голосов. Ранее в том же году Кеннеди уже перенес операцию, но боли в позвоночнике продолжались. Потребовалась повторная операция. В позвоночник вставили металлическую пластину, но стало только хуже и пластину пришлось срочно удалять.

После операции начались осложнения, связанные с болезнью Аддисона. Послеоперационная рана гноилась и долго не заживала. Для публики их выдавали за последствия травмы позвоночника, полученной при падении на палубу тонущего

торпедного катера, а также малярии, будто бы перенесенной Кеннеди во время войны на Тихом океане, и даже лейкемии, которой, как потом выяснилось, у него на самом деле не было. Американские политики должны выглядеть перед избирателями здоровыми как огурчик, иначе их шансы на избрание на высокие должности становятся проблематичными. Если же многочисленные хвори не удается скрыть от избирателей, то их стараются объяснить ранами и травмами во время выполнения патриотических миссий, в том числе на фронте.

Временами Джек казался так плох, что его на всякий случай причащали и соборовали. На помощь Кеннеди весной 1955 года пришла нью-йоркская врач Жаннет Травель. Она стала делать Кеннеди новокаиновые блокады перед публичными мероприятиями, благодаря которым он мог выглядеть перед зрителями, избирателями и коллегами по сенату здоровым и бодрым. Кроме того, Жаннет стала регулярно давать Кеннеди только что появившиеся кортизоновые таблетки, восстанавливавшие недостаток соответствующего гормона в организме гораздо эффективнее, чем прописанные ему прежде внутримышечные уколы. Конечно, с неизлечимой болезнью Аддисона справиться не удалось. Но теперь ее ход находился под контролем медиков, и они делали все, чтобы Джон Кеннеди мог полноценно участвовать в общественной жизни и не испытывал проблем в быту. Только вот в результате операций на спине левая нога Кеннеди стала короче правой. Кеннеди стал носить специальную обувь и корсет, а во время сильных приступов иной раз пользоваться тростью или костылями.

Поскольку большую часть 1955 года Кеннеди пришлось провести в постели, он потратил вынужденные каникулы на написание книги «Профили мужества». Она была опубликована в начале 1956 года и сразу же стала бестселлером. Год спустя, в апреле 1957 года, Кеннеди получил за нее самую престижную в американской журналистике Пулитцеровскую премию в номинации «За биографию или автобиографию американского автора». Первоначально она не была номинирована на премию, но Джон Кеннеди-старший попросил известного колумниста и своего давнего политического советника Артура Крока, входившего в жюри Пулитцеровской премии, проголосовать за «Профили мужества». Противники Кеннеди возмущались, что в действительности, как они не без некоторых оснований полагали, книгу написал не сам Джон, а его спичрайтер Тед Соренсен, и что впервые в истории Пулитцер вручен за книгу, написанную «приглашенным писателем». Однако угрозы многомиллионных исков за клевету со стороны семейства Кеннеди заставили на

время замолчать критиков. Джек также продемонстрировал сомневающимся черновики книги, написанные его рукой.

Жаннет Травель

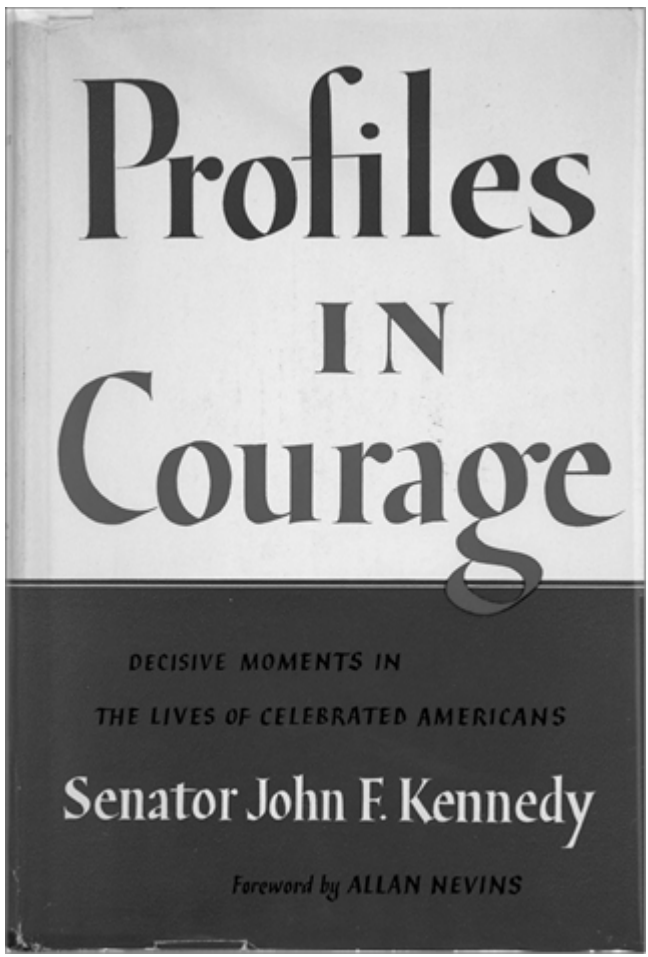
Но много лет спустя, в 1980 году, когда Джона Кеннеди-старшего давно уже не было в живых, американский историк Херберт Палмерт в своей книге «Джек: Борьба Джона Кеннеди» проанализировал текст «Профилей мужества» и пришел к выводу, что, хотя Кеннеди наблюдал за созданием книги, задавал ее основное направление и отправил Соренсену ряд своих посланий по поводу ее содержания, именно Соренсен проделал основную работу и превратил текст в конечный продукт, пригодный для употребления, то есть чтения. Только первая, концептуальная, вводная глава, «Мужество и политика», и последняя глава, «Значение мужества», как утверждал Соренсен, были написаны при значительном участии Кеннеди, но и это утверждение впоследствии подверглось сомнению. Сама идея книги пришла ему после прочтения книги американского историка Херберта Азара «Цена Союза», где рассказывалось о мужестве сенатора Джона Квинси Адамса, выступавшего за покупку Луизианы и за введение торгового эмбарго как против Англии, так и против Франции, в период Наполеоновских войн, хотя оба этих акта были весьма непопулярны среди членов Федералистской партии,

пославшей его в сенат. Можно предположить, что в главе, посвященной Дж. К. Адамсу, роль Кеннеди также была больше, чем в остальных биографических главах. Х. Палмерт, исследовавший архив Кеннеди, нашел там рукописные заметки только об одном герое книги, Адамсе. Кеннеди также помогали в написании книги профессор истории Джорджтаунского университета Джулес Дэвидс и еще несколько ассистентов из Библиотеки конгресса.

В мае 2008 года Соренсен, переживший почти всех других близких к Кеннеди лиц и скончавшийся 31 октября 2010 года, в возрасте 82 лет, так описал в своей автобиографии «Советник» процесс совместной работы над «Профилями мужества»: «Находясь в Вашингтоне, я получал из Флориды почти ежедневно инструкции и запросы как в виде писем, так и по телефону: какие книги прислать, какие проекты меморандумов подготовить, какие источники проверить, какие материалы подобрать. Кеннеди также посылал мне диктофонные планы главы или исправления в уже написанные главы». Соренсен признал, что Кеннеди работал «особенно долго и усердно над первой и последней главами, задающими тон и философию книги», и что «я делал первоначальные наброски большинства глав» и «помогал подобрать слова для многих предложений». Он указал также на то, что Кеннеди «отметил во введении мою обширную роль в композиции книги». Соренсен утверждал, что в мае 1957 года Кеннеди «неожиданно и благородно предложил, а я счастлив был принять», чтобы в течение нескольких лет я получал определенную сумму денег, которую я расценил как более чем справедливую компенсацию за мою работу над книгой».

По самому тону воспоминаний Соренсена чувствуется, что он выражается максимально обтекаемо и дипломатично, чтобы в его признаниях труднее было прочесть то, что видно любому непредвзятому наблюдателю. Фактически весь текст книги написан им, Теодором Соренсоном, а Кеннеди принадлежат лишь некоторые идеи и редактирование, в самом широком смысле слова, текста Соренсена. Но при жизни Кеннеди, а затем в течение многих десятилетий после его смерти Тед утверждал, что именно Джек является единственным автором «Профилей мужества», а он сам играл в создании книги сугубо вспомогательную роль. Характерно, что Соренсен так и не назвал размер суммы, заплаченной ему за работу над книгой, но дал понять, что она была весьма солидной. Вполне возможно, что налогов он с нее вовсе не платил, или платил не полностью, поэтому и не был заинтересован в обнародовании точных цифр. Наверняка эта сумма была значительно больше 10 тыс. долларов,

которые полагались лауреату Пулитцеровской премии. Но значение этой премии определяется прежде всего престижем, а не размером денежного вознаграждения. Однако тут Соренсену обижаться было, по сути, не на что. Ведь не будь на обложке книги фамилии Джона Кеннеди и не будь денег Джозефа Кеннеди, «Профили мужества» никогда бы не получили Пулитцеровской премии. При этом нет прямых доказательств, что Джозеф кого-то прямо подкупал, хотя и этот вариант исключать нельзя. Но он, несомненно, широко использовал для обеспечения премии сыну услуги людей, так или иначе от него зависимых. И для Джона это стало весомым дополнением к сенатскому креслу в обосновании перед общественностью его претензий на Белый дом.

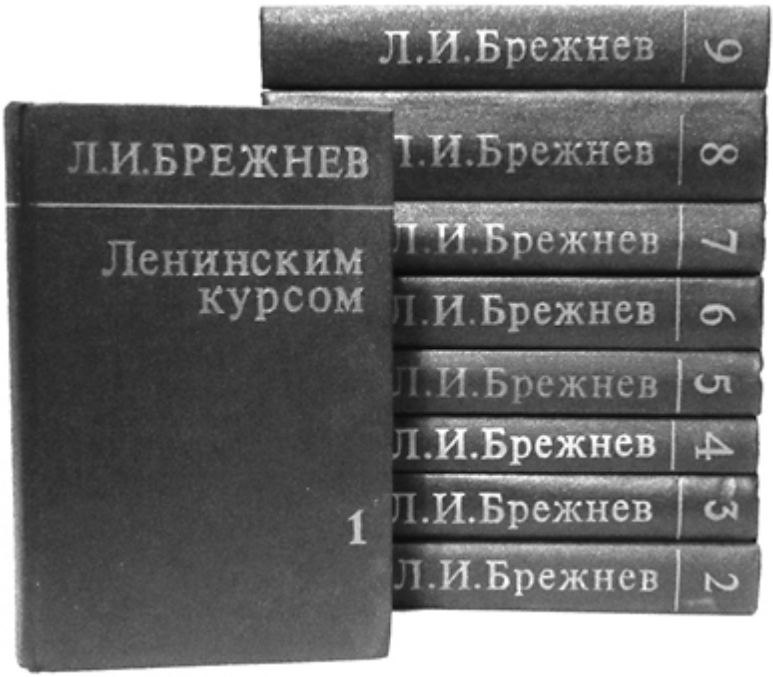


Обложка первого издания книги Дж. Ф. Кеннеди «Профили мужества»

Х. Палмерт обнаружил, что сохранились лишь написанные рукой Джона Кеннеди отдельные заметки, в основном посвященные Дж. К. Адамсу, но ни одна из заметок не вошла в неизменном виде в окончательный текст. Это свидетельство заставляет усомниться в утверждении Соренсена, будто Кеннеди особо много внимания уделял концептуальным первой и последней главам. Палмерт утверждает, что «нет никаких свидетельств существования принадлежащих руке Кеннеди набросков подавляющей части книги». Хотя тон книги и высказанные там мысли, несомненно, являются мыслями Кеннеди, но, по мнению историка, сама работа по написанию текста была выполнена «литературным ремесленником» Соренсеном, который «придал книге драматизм действия и плавность речи, сделал ее читабельной».

Фактически создание научно-публицистической книги сенатора и сына американского мультимиллионера не так уж сильно отличалось от процесса создания мемуаров генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. Только вот сенатору в возрасте 38 лет писать мемуары казалось еще слишком рано. Джек не знал, что жить ему осталось всего восемь лет. Поэтому он предпочел стать автором серии биографических очерков, усердно написанных его спичрайтером. Крайне сомнительным кажется то, что Кеннеди действительно мог посылать диктофонные записи Соренсену из Флориды в Вашингтон. Иначе трудно представить себе, что Тэд не сохранил бы для истории хотя бы одну такую раритетную запись. Да и зачем же тогда Кеннеди, еще не оправившийся от последствий операции, не пошел по более легкому пути, ограничившись диктофонными записями и телефонными разговорами, а еще и делал кое-какие записи. Скорее всего, общение Кеннеди и Соренсена ограничивалось присылкой письменных набросков и короткими телефонными разговорами с инструкциями. Очевидно, примерно так же и Брежнев работал над своими мемуарными шедеврами. Только у него был не один главный спичрайтер, а большая группа спичрайтеров, творивших «Малую землю», «Целину», «Возрождение» и прочую нетленку. И эта обслуга непосредственно с Леонидом Ильичем не общалась, чтобы не создавать толпу и не мешать занятому, да и не слишком здоровому человеку, а получала всю информацию от двух помощников генсека, которым тот, очевидно, рассказывал о каких-то фактах своей жизни, может быть, писал какие-то короткие записки или диктовал на диктофон. Да вот беда, в отличие от Кеннеди, у которого был один главный спичрайтер, сохранивший его записки и вернувший их в архив Кеннеди,

помощники Брежнева мемуаров не написали, и ни записок Брежнева, если они и были, ни собственных записей брежневских высказываний не сохранили. Поэтому мы лишены возможности проверить, где в мемуарах Брежнева его собственные мысли и воспоминания, где факты, действительно имевшие место в его жизни, а где – мысли и факты, придуманные спичрайтерами.



Собрание сочинений Л.И. Брежнева

В главной и наиболее известной книге Джона Кеннеди (другие просто являлись сборниками его речей) собраны биографии восьми американских сенаторов: Джона Квинси Адамса и Даниэля Вебстера от Массачусетса, Томаса Харта Бентона от Миссури, Сэма Хьюстона от Техаса, Эдмунда Дж. Росса от Канзаса, Люциуса Ламара от Миссисипи, Джорджа Норриса от Небраски и Уильяма А. Тафта от Огайо. Эти люди, по мнению автора, в отдельные моменты своей жизни проявили настоящее гражданское мужество, не побоявшись пойти против общественного мнения и общепринятых стереотипов, рискуя своей политической карьерой. Среди таких героев, как считал Кеннеди, достойное место заняли сенатор Эдмунд Росс, чей голос спас президента Эндрю Джонсона от импичмента в 1868 году, и сенатор Роберт Тафт, в 1946 году предложивший помиловать нацистских преступников, поскольку их судили за действия,

которые в Германии до 1945 года преступлениями не считались. Тафт считал, опираясь на мнение ряда американских генералов, что Нюрнбергский процесс создает опасный прецедент. Если победившие армии союзников сегодня могут судить германских генералов за военные преступления, которые не были преступлениями с точки зрения германских законов, то в будущем противники США точно так же смогут судить попавших к ним в плен американских генералов. Кеннеди счел это мужественным поступком, так как своим заявлением он сознательно перечеркнул цель своей жизни – президентское кресло. Тафт обращал внимание, что, согласно проведенному им сенатскому расследованию, к подсудимым и свидетелям широко применялись пытки, и нельзя безоговорочно верить всем признаниям, сделанным в таких условиях. Кеннеди сочувственно цитировал речь Тафта в Кенионском колледже (Огайо) 5 октября 1946 года, где он осудил приговор Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками: «Суд победителей над побежденными, не может быть беспристрастным вне зависимости от того, насколько он ограничен рамками справедливости… Во всем этом судилище присутствует дух мести, а месть редко бывает справедливой. Повешение одиннадцати заключенных – пятно на американской истории, о котором мы будем долго сожалеть. На этих судах мы переняли идею русских – не справедливость, а политика государства – с незначительным влиянием англо-саксонского правового наследия. Подменяя юридическую процедуру политикой, мы можем дискредитировать всю европейскую концепцию справедливости на долгие годы».

В «Профилях мужества» Кеннеди подчеркивал, что не только сенаторы, чьи биографии включены в книгу, но и их сегодняшние коллеги подвергаются постоянному давлению со стороны многочисленных лоббистских групп, и поэтому должны обладать большим гражданским мужеством, чтобы проводить независимую политику и следовать своим моральным убеждениям. Кроме того, хотя в конгрессе отсутствует жесткая партийная дисциплина, сенаторы и члены палаты представителей вынуждены в принципиальных вопросах подчиняться руководству своих партий, иначе их шансы на переизбрание значительно уменьшаются.

Кеннеди признавался, что ничто так не ослабляет политического мужества, как желание переизбраться на новый срок. Он утверждал: «Избиратели выбирают нас потому, что верят в нашу способность здраво рассуждать… Значит, в некоторых случаях мы должны руководить общественным мнением, информировать избирателей, направлять и иногда даже

игнорировать их…»

Остается добавить, что уже после смерти Кеннеди на основе «Профилей мужества» был сделан 26-серийный телесериал, который в 1964–1965 годах с успехом прошел на Эн-би-си и был отмечен несколькими премиями. Правда, из сериала по не вполне понятной причине выпала биография сенатора Люциуса Ламара (возможно потому, что он активно участвовал в гражданской войне на стороне южан), зато добавились биографии еще 19 американских политических деятелей.

Политические баталии не мешали личной жизни. 12 сентября 1953 года Кеннеди женился на весьма элегантной и привлекательной дочери нью-йоркского банкира французского происхождения Жаклин Бувье, трудившейся фоторепортером в вашингтонской газете «Таймс Геральд». За свой труд она получала 42 доллара 50 центов в неделю. В начале июня 1953 года Джек сделал Джекки предложение, а поскольку она находилась в Лондоне, где снимала коронацию Елизаветы II, предложение руки и сердца было сделано по телеграфу. В качестве свадебного подарка Жаклин получила кольцо с изумрудом в обрамлении бриллиантов.

Свадьба Дж. Ф. Кеннеди

На свадьбе Джека и Джекки, которая прошла в Ньюпорте, на

острове Род-Айленд, присутствовал весь политический и экономический бомонд Америки, а журналисты окрестили это событие «свадьбой года». Перед свадьбой она попросила жениха назвать лучшие и худшие черты своего характера. Обе черты оказались политически нейтральными. Лучшей чертой своего характера Кеннеди счел любознательность, а худшей – раздражительность.

Политикой Жаклин не интересовалась, зато старалась создать мужу настоящий домашний уют. Она говорила в одном из интервью: «Я внесла в жизнь Джона порядок, – говорила Жаклин. – Мы хорошо питаемся. А ведь до женитьбы Джон лишь перекусывал всухомятку. Теперь по утрам он больше не выходит из дома в грязных туфлях. Его одежда всегда выглажена, и я укладываю ему вещи в дорогу, если он куда-нибудь собирается. Джон в любое время может привести с собой нежданных гостей, и у меня будет чем их угостить». Разумеется, гладила вещи не сама Жаклин, а многочисленные горничные.

После смерти Джона Кеннеди Жаклин вспоминала, что не сразу была принята кланом Кеннеди: «Я была его уязвимым местом. Все меня воспринимали как эдакую выскочку из Ньюпорта с огромным начесом, которая ненавидела политику и носила французскую одежду». А после избрания Кеннеди президентом она признавалась: «Я, право, не представляю себя в роли жены президента, но думаю о Джеке, как о президенте».

Скажем пару слов о жене нашего героя. Жаклин Ли Бувье родилась в госпитале Саутгемптона, в Нью-Йорке, 28 июля, 1929 года. Ее отец – Джон (Джек) Верно Бувье III, был биржевым маклером на Нью-йоркской фондовой бирже, а мать – Джанет Нортон Ли была очень образованной женщиной по тем временам, когда заботы жен даже весьма состоятельных людей сводились к ведению домашнего хозяйства. Джанет посещала колледж Свитбриар в Виржинии и колледж Вассар, но так и не закончила ни один из них. Она также была хорошей наездницей и многократной победительницей скачек. Жаклин Кеннеди по происхождению была наполовину ирландка, поскольку ее мать была внучкой четырех иммигрантов из графства Корк, которые приехали в Нью-Йорк во время «картофельного» голода 1840-х годов. Бабушка по отцовской линии – Мод Серджинт была дочерью иммигранта из Кента, в Англии. Несмотря на свою девичью фамилию, французом был только один из ее прадедов. Его называли «Первый Бувье». Прадед Жаклин, плотник Мишель Бувье, прибыл в Филадельфию в 1815 году из города Сент-Эсприт в Провансе. Не исключено, что он был сторонником Наполеона Бонапарта и эмигрировал вследствие его поражения.

Таким образом, Жаклин, которую американские журналисты за аристократизм и светский лоск прозвали «наша Королева», действительно происходила, по американским меркам, из старой аристократии – из семьи потомков первых переселенцев, сделавших себе состояния на американской земле и составивших цвет американского общества. Ее отец, Джон Вернон Бувье, был членом ряда престижных клубов Нью-Йорка и унаследовал неплохое состояние, которое весьма интенсивно проматывал на женщин и азартные игры, будучи брокером на бирже. За смуглое лицо его прозвали Черным Джеком, а за неуемную страсть к прекрасному – Шейхом. Женитьба в 1928 году на богатой наследнице Джанет Ли нисколько его не остепенила. Джек был старше Джанет на целых шестнадцать лет, но начал изменять ей чуть ли не на другой день после свадьбы.

Жаклин в детстве с родителями

Жаклин была их первой дочерью. Через несколько месяцев нью-йоркская биржа рухнула, и под ее обломками погибла не промотанная еще часть состояния Джека Бувье, которое он к тому времени успел уменьшить примерно с миллиона до 170 тыс. долларов.

Постоянные измены и пьянство мужа Джанет не радовали, хотя она и родила в 1933 году вторую дочь, Каролину Ли. Но в 1940 году измены и пьянство мужа Джанет окончательно достали, и они развелись.

Жаклин очень тяжело переживала развод родителей. Она была сильно привязана к отцу. Он больше не женился и умер 3 августа 1957 года в Нью-Йорке в возрасте 66 лет. Джанет же в 1942 году вышла замуж за крупного брокера нью-йоркской биржи и совладельца компании «Стэндард Ойл» Хью Дадли Очинклосса, которому родила двух детей, Джанет и Джеймса.

Будущая жена Джона Кеннеди была по-настоящему образованной женщиной. Жаклин училась в престижной женской школе мисс Портер, а затем посещала колледж Вассар, университет Гренобля и Сорбонну в Париже, университет Джорджа Вашингтона, где в 1951 году получила степень бакалавра по французской литературе, а также Джорджтаунский университет.

Еще в 1947 году один из влиятельных журналистов назвал Жаклин дебютанткой года в нью-йоркском высшем свете, и с тех пор в поклонниках у нее недостатка не было.

Весной 1951 года Жаклин на обеде у журналиста Чарльза Бартлетта познакомилась с Джоном Кеннеди. После этого она разорвала помолвку с бизнесменом Джоном Хастедом. Жаклин по-настоящему влюбилась в Кеннеди.

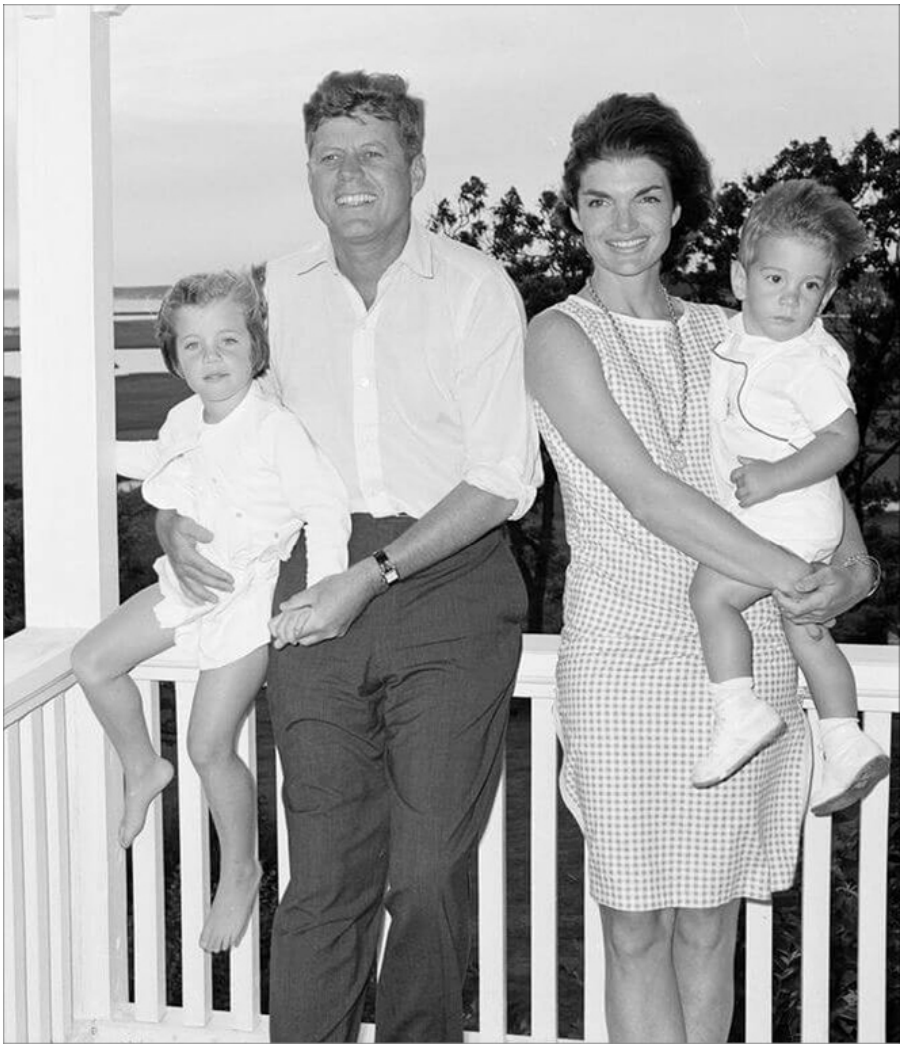
К несомненным плюсам Жаклин, с точки зрения клана Кеннеди, следовало отнести то, что она была, как и Джек, католичкой. Немаловажным было и то, что у нее были обширные родственные связи в высшем свете Нью-Йорка, куда Кеннеди так и не смогли попасть. Наконец, она была умна, красива, обаятельна и стала единственной из бесчисленных женщин своего мужа, которую он действительно уважал.

Отношение клана Кеннеди к Жаклин изменилось только тогда, когда Джек стал президентом. Она вспоминала: «Когда мы переехали в Белый дом, то внезапно все то, что я делала до этого, стало вызывать восхищение у всех, и тогда он (Джон Кеннеди. – *Авт.*) тоже стал доволен и смог мной гордиться. И мне стало хорошо, так что это были наши самые счастливые годы». Особенно близки были Джек и Джекки в дни Карибского кризиса. Тогда некоторые чиновники отослали своих жен из Вашингтона, опасаясь ядерной войны, но первая леди уезжать категорически отказалась. Она сказала Джеку: «Если что-нибудь произойдет, мы все должны быть здесь, рядом с тобой, даже если в бомбоубежище Белого дома не будет места. Я просто хочу быть с тобой, и хочу умереть вместе с тобой. И дети тоже этого хотят. Это лучше, чем жить без тебя».

Сначала Джекки изрядно ревновала своего неверного мужа, который по части любвеобильности переплюнул отца в его молодые годы. Почти ежедневные измены ее поначалу изрядно

напрягали. Дважды, в 1954 и 1956 годах, дело уже чуть было не дошло до развода. Но особенно серьезной ситуация была в конце 1956 и в начале 1957 года.

Жаклин получила то материальное благополучие, которого она так желала. Но семейного счастья не получилось. Джон все время проводил либо с друзьями, либо в предвыборных поездках, либо с девицами и актрисами не слишком строгого поведения. Жаклин старалась быть Джону хорошей женой. Она превратила их дом в место, где всегда были рады гостям, которых Джон приводил во множестве. Она заботилась о внешнем виде Джона и подбирала цитаты для его речей. Ради мужа она преодолела свой извечный страх – Жаклин плохо переносила общество незнакомых людей. Но они с Джеком все дальше и дальше отходили друг от друга. Когда 23 августа 1956 года Жаклин родила мертвую девочку Арабеллу, Джон катался на яхте по Средиземному морю. Хотя он и бросился к жене, как только узнал о трагедии, Жаклин все-таки не простила его. Осенью они расстались.



Джон Кеннеди с женой и детьми

Но Джо прекрасно понимал, что разведенному в Белый дом не попасть. Тогда это было аксиомой. Впоследствии же оно было нарушено, по крайней мере, однажды. Рональд Рейган в 1980 году стал первым разведенным политиком, который победил на выборах президента. Но он, в отличие от Кеннеди, был протестантом-унитарием, и больших технических проблем развод для него не создавал, тем более, что инициатором развода была его первая жена. Католику же Кеннеди было гораздо сложнее, поскольку разрешение на развод пришлось бы запрашивать у самого папы римского.

В итоге Джек Кеннеди встретился с Джеком Бувье, которому оставались считаные месяцы жизни, и они договорились: Жаклин возвращается к мужу, а Джон будет внимательнее к жене и

больше не заводит романов прямо у нее на глазах (о том, чтобы не иметь любовниц вообще, речи не шло, тесть, сам изрядный ходок, прекрасно понимал, что для молодого сенатора это условие в принципе невыполнимо). Жаклин подчинилась. Говорят, что в результате она получила неплохую материальную компенсацию, которую должно было хватить на покупку дорогих туалетов по крайней мере в течение нескольких месяцев. Она смирилась с загулами своего супруга, а чтобы развеяться, занялась шопингом, скупая дизайнерскую одежду и дорогие украшения чуть ли не оптовыми партиями.

Символом вновь обретенного семейного счастья стало рождение 27 ноября 1957 года у Жаклин и Джона дочери Каролины.

Жаклин смирилась и в общественной жизни и в предвыборной борьбе всегда была на стороне мужа. В то же время Джекки продолжала по возможности отслеживать измены мужа, а в качестве компенсации за то, что ей продолжали наставлять рога, совершала набеги на модные магазины и появлялась на публике с друзьями-мужчинами, чтобы возбудить его ревность, чего, однако, сделать не удалось. Однажды на торжестве в Белом доме она напилась шампанского и танцевала со всеми мужчинами подряд. Но ревностью Кеннеди не страдал и не подумал что-либо менять в своем образе жизни. Понемногу Джекки начала привыкать к такой жизни. «Наверное, на свете не существует верных мужей, – делилась она с подругой. – В мужчинах столько всего намешано – и хорошего, и плохого».

Изменяла ли Жаклин Джону при его жизни – достоверно неизвестно. Поговаривали о ее романе с телохранителем. В качестве ее возможных любовников называли некоего «блестящего итальянского графа» и владельца компании «Фиат», с женой которого флиртовал и сам Кеннеди. Но никаких доказательств этих связей нет и по сей день, и на репутации Джекки слухи такого рода при ее жизни никак не сказывались. Американцы ее очень любили и считали верной женой своего президента, о любовных похождениях которого они в своем подавляющем большинстве узнали правду только через много лет после его трагической гибели.

Весной 1958 года Джон и Жаклин были приглашены на яхту «Кристина», принадлежавшую греческому миллионеру Аристотелю Онассису. Джона Онассис практически не заметил; а вот его жена запала впечатлительному греку в душу. «В этой леди есть что-то вызывающее», – сказал он одному из своих друзей. Однако после первой встречи пути Жаклин и Онассиса надолго разошлись.

Яхта «Кристина»

В президентской кампании 1956 года Джон Кеннеди активно поддержал, в том числе финансово, традиционного соперника Эйзенхауэра Эдлая Стивенсона и даже командировал своего младшего брата Роберта в его предвыборный штаб. Бобби сопровождал Стивенсона в поездках по стране, набираясь опыта, которым потом щедро поделился с Джеком.

Уже в 1956 году на предвыборном съезде Джон Кеннеди выдвигался кандидатом в вице-президенты, но пару кандидату в президенты от демократов Э. Стивенсону на этот раз составил влиятельный сенатор от Теннесси Эстес Кефовер, сделавший себе имя на борьбе с коррупцией и организованной преступностью. Лидеры Демократической партии, включая экс-президента Трумэна, отсоветовали Стивенсону брать кандидатом в вице-президенты католика, убедив его, что Америка еще не готова к столь радикальному шагу. Но до самого последнего дня предвыборного съезда демократов Стивенсон не сообщал Кеннеди о своем решении. И Джек даже получил почетное право выдвинуть Стивенсона кандидатом в президенты. Он надеялся, что Стивенсон, в свою очередь, выдвинет его кандидатом в вице-президенты. Однако Стивенсон решил поиграть в демократию и, вопреки традиции, не назвал предпочитаемого им кандидата в вице-президенты (такой кандидат, как правило, автоматически утверждался съездом), а предпочел устроить открытое рейтинговое голосование по нескольким кандидатурам, прекрасно зная, что в этом случае Кеннеди гарантировано проиграет. После объявления кандидата в вице-президенты Кеннеди невзлюбил Стивенсона и фактически прекратил его

поддерживать. Тем не менее при свободной баллотировке он оказался на втором месте после Кефовера. Стивенсон с треском проиграл на выборах Эйзенхауэру, набрав лишь 42,0 % голосов против 57,4 % у действующего президента. Он проиграл отставному пятизвездочному генералу во всех штатах, кроме семи южных. В пользу Эйзенхауэра действовали экономический подъем и репутация президента, успешно завершившего войну в Корее.

Эдлай Стивенсон

Посол Кеннеди был даже доволен, что Джека не выдвинули в президенты, поскольку столь сокрушительный проигрыш мог плохо сказаться на его репутации, да и общественное мнение, как считал Джозеф-старший, еще не готово было видеть католика кандидатом даже в вице-президенты, и преждевременное выдвижение здесь могло негативно сказаться на дальнейших политических перспективах.

В конце своего первого сенатского срока 1957–1958 годов Кеннеди выступал за расширение правительственных ассигнований на образование и повышение минимума заработной платы, за увеличение пособий по безработице и увеличение

иммиграционных квот. В статье, опубликованной в 1957 году в журнале «Форин афферс», Кеннеди утверждал, что «нельзя отклоняться от широкой общенациональной цели ради узкопартийных выгод».

В 1958 году он был переизбран в сенат с самым большим в истории Массачусетса перевесом, набрав 73 % голосов. К тому времени он уже контролировал организацию Демократической партии в своем штате.

В последние годы своего пребывания в сенате Джон Кеннеди поддерживал либеральное крыло своей партии, ориентируясь на будущую президентскую кампанию. Он одобрительно отнесся к законопроектам, направленным против линчевания и за отмену избирательного налога, а также законопроект о повышении минимальной почасовой оплаты труда. Отмена избирательного налога открывала путь для регистрации в качестве избирателей беднейшим слоям избирателям, в том числе представлявшим расовые меньшинства, а это, как справедливо думал Кеннеди, может увеличить число его потенциальных избирателей в будущей борьбе за президентское кресло.

На пути к президентству у Кеннеди было три крупных и совершенно объективных недостатка. Во-первых, Америка, страна по преимуществу протестантская и основанная потомками изгнанных из Англии пуритан и других протестантских конфессий, враждовавших не только с католиками, но и с официальной англиканской церковью, никогда еще не избирала президентом католика. Во-вторых, никогда еще американцы не избирали столь молодого президента. В 1960-м, в год президентских выборов, Джеку должно было исполниться всего лишь 43 года. В-третьих, до Кеннеди на президентских выборах лишь однажды побеждал сенатор, и это был все тот же Дж. К. Адамс. Чаще всего президентами становились бывшие губернаторы штатов или чиновники федерального правительства, поскольку считалось, что президенту прежде всего требуется опыт работы в исполнительной власти. Тем не менее все указанные трудности Джек считал преодолимыми. 28 октября 1959 года в небольшом городке Хианисспорт штата Массачусетс, в доме Роберта Кеннеди, состоялось важное заседание. На нем было окончательно решено выдвигать Джона Кеннеди в президенты, и была разработана стратегия предвыборной кампании. Плюсами нового претендента на Белый дом были его энергия, обаяние, неплохое ораторское мастерство, хорошее знакомство с основными проблемами американской внешней и внутренней политики, приобретенные за 13 лет пребывания в конгрессе. Кроме того, состояние его отца, мультимиллионера Джозефа

Кеннеди, гарантировало, что проблем с финансированием предвыборной кампании не будет. Во второй половине 50-х годов состояние семьи Кеннеди оценивалось суммой от 200 до 400 млн долларов, хотя Джозеф-старший скромничал и говорил, что это завышенные цифры. Если перевести в сегодняшние доллары, оно уверенно превысит миллиард.

В совещании в Хианисспорте участвовало всего 16 человек. Это были ближайшие соратники Джона Кеннеди. 35-летний Кеннет О'Доннел был в свое время капитаном футбольной команды Гарвардского университета. Он отвечал за тактику предвыборной кампании. А 42-летний Лоуренс О'Брайн занимался организационными вопросами. Вместе они работали на Кеннеди целых восемь лет и хорошо дополняли друг друга. Уже знакомому нам Теду Соренсену на тот момент исполнился всего 31 год. Он работал на Кеннеди уже семь лет и умел кратко, ясно и хорошим литературным языком формулировать основные идеи и лозунги предвыборной кампании. Ему, в частности, принадлежал основной лозунг кампании: «Не спрашивайте, что страна может сделать для вас, – спросите, что вы можете сделать для своей страны», запомнившийся практически всем американцам. Соренсену также приходилось писать и редактировать речи Кеннеди, придавая им хороший литературный стиль. Он считался «альтер эго» Кеннеди, и тот шутливо называл его «мой интеллектуальный банк».

Социолог Луис Харрис, присутствовавший на совещании, был специалистом по изучению общественного мнения. А начинал он, создав собственную фирму по исследованию потребительских предпочтений американцев на рынке товаров и услуг.

На долю 34-летнего журналиста Пьера Селинджера выпала роль пресс-секретаря Кеннеди. Он объяснял пишущей братии, какой замечательный, умный, честный и принципиальный кандидат Джон Кеннеди. После победы на выборах Селинджер стал официальным представителем главы Белого дома по связям с прессой.

Джон Бейли, глава организации Демократической партии в штате Коннектикут, также был приглашен на совещание. Он не только мог гарантировать победу Кеннеди на праймериз в Коннектикуте, но и лоббировал его кандидатуру перед руководством Демократической партии. Бейли возглавил кампанию Кеннеди в северо-восточных штатах, всегда являвшихся оплотом либерального крыла Демократической партии.

Еще один участник совещания – Стефан Смит – был мужем сестры Кеннеди Джейн. Он отвечал за финансовую сторону кампании и мобилизовывал тысячи волонтеров, которые, как

предполагалось, должны были бесплатно агитировать за Кеннеди (на самом деле кое-какая мелочишка им перепадала, недаром же Смит заодно контролировал и финансирование кампании).

Организатором предвыборной кампании Джона был его брат Роберт. Для того, чтобы добиться номинации на пост президента от Демократической партии, Кеннеди надо было победить на праймериз – первичных выборах в штатах с участием избирателей-демократов, на которых они должны были отдать свое предпочтение тому или иному кандидату. Выборщики, посылаемые ими на национальный конвент Демократической партии, в большинстве случаев при выдвижении кандидата в президенты должны руководствоваться результатами праймериз. А 1960 году открытые для всех участников праймериз существовали только в 16 штатах. В остальных кандидатов на конвент избирали на собраниях партийных активистов, на которых было велико влияние местного партийного руководства. Успехи Кеннеди на праймериз, согласно плану его штаба, должны были убедить партийных лидеров в Вашингтоне, что только он сможет составить успешную конкуренцию республиканскому кандидату, которым почти наверняка должен был стать вице-президент Ричард Милхауз Никсон.

В своем выступлении на совещании в Хианисспорте Джон Кеннеди отметил, что надо сосредоточиться на праймериз в тех штатах, где нет бесспорного фаворита, поддерживаемого местными партийными боссами, и которые, с другой стороны, посылают на демократический съезд максимальное число делегатов. Было решено сосредоточиться на следующих штатах: Нью-Гэмпшир, Висконсин, Мэриленд, Индиана, Орегон, Западная Вирджиния, Огайо и Калифорния. Нью-Гэмпшир, маленький штат Новой Англии, не мог похвастать большим числом делегатов на партийный съезд. Но праймериз там проходили в самом начале предвыборной кампании, и многолетний опыт показывал, что, как правило, партийную номинацию у демократов обычно получает тот, кто выигрывает праймериз в этом штате. Поэтому психологическое значение победы или поражения в Нью-Гэмпшире всегда было очень велико.

Брат президента США Роберт Кеннеди

Основную часть совещания вел Роберт Кеннеди. Бобби распределял конкретные задания между участниками и инструктировал их. Бейли, помимо северо-восточных штатов Новой Англии, должен был возглавить кампанию в штате Нью-Йорк и в северной части штата Нью-Джерси. Чикагский юрист Раскин возглавлял кампанию в западных штатах. Ему помогал младший брат Кеннеди Эдвард. Сам Бобби взялся договориться с руководством Демократической партии в южных штатах. Это была трудная задача, поскольку здесь были сильны консервативные настроения. О'Брайн должен был уделить особое внимании штатам Мэриленд, Индиана и Висконсин. Такими крупными штатами, как Огайо, Пенсильвания, Мичиган и Калифорния, Кеннеди предполагал заняться сам.

Ситуация для победы демократического кандидата над республиканским в 1960 году была весьма благоприятной. Дуайт Эйзенхауэр, отработав два президентских срока, больше не мог баллотироваться в президенты, а кандидатуры, сравнимой по популярности с бывшим главнокомандующим союзными

войсками в Европе в годы Второй мировой войны, у республиканцев не было. Вице-президент Ричард Никсон, который в итоге стал республиканским кандидатом в президенты, еще ничем особенным не успел себя проявить. Он мог лишь пытаться использовать в своих интересах популярность Эйзенхауэра, всячески подчеркивая, что он работал вместе с ним. После предыдущих выборов 1958 года республиканцы имели своих губернаторов только в 14 штатах из 48 и имели большинство лишь в 7 законодательных собраниях штатов, а также утратили большинство как в палате представителей, где у демократов было 281 место против 153 у республиканцев, так и в сенате, где 62 сенаторам-демократам противостояли лишь 34 республиканца.

Через несколько дней после совещания в Хианисспорте личный самолет Кеннеди доставил всех его участников в Вашингтон. Затем часть команды перебралась в Нью-Йорк. Из политической и экономической столиц Америки они начали зондаж настроений избирателей и функционеров Демократической партии. Первые результаты были благоприятными. И Кеннеди решился.

2 января 1960 года он официально объявил о своем решении баллотироваться в президенты. В ходе предвыборной кампании Кеннеди обещал «гибко реагировать» на вызовы внешнего мира. Он позиционировал себя как молодого, энергичного политика нового поколения, который заявил американцам о намерении вывести США на «новые рубежи».

Кеннеди также возложил на администрацию Эйзенхауэра ответственность за падение престижа США в мире и обещал восстановить его.

На первом этапе предвыборной кампании основным соперником Кеннеди был сенатор от штата Миннесота Хуберт Горацио Хэмфри, в прошлом активно поддерживавший Стивенсона. Однако его финансовая база была довольно слабой. Он не мог тягаться с Кеннеди, рекламные статьи о котором публиковались во многих газетах и журналах. Позднее Хэмфри признавался: «Единственной партийной организацией, которую я контролировал, была организация штата Миннесота. У меня не было ни денег, чтобы привлечь большую прессу на мою сторону, ни людей, которые бы всерьез занялись моей рекламой». У Хэмфри не было средств участвовать в таком количестве праймериз, как Кеннеди, и это предопределило его поражение в борьбе за номинацию в президенты от Демократической партии.

Сенатор от штата Миссури Стюарт Саймингтон, в прошлом первый в истории секретарь (министр) по делам ВВС и бизнесмен,

тоже решил попытать счастья в борьбе за Белый дом. В отличие от Хэмфри и тем более от Кеннеди, денег у него почти не было, и в праймериз он решил не участвовать. Зато у него были хорошие связи в руководстве Демократической партии и поддержка влиятельного и популярного экс-президента Гарри Трумэна, в администрации которого Саймингтон работал. Однако, как и Хэмфри, Саймингтон был практически неизвестен за пределами своего штата.

Третьим соперником Кеннеди был сенатор от Техаса и лидер демократического большинства в сенате Линдон Джонсон.

В борьбе за внутрипартийную номинацию Кеннеди одолел Хуберта Хэмфри и Линдона Джонсона. Техасца Джонсона он потом взял кандидатом в вице-президенты. Это должно было обеспечить ему голоса южан. У него также были обширные связи в руководстве партии и, в отличие от большинства других кандидатов, определенная общенациональная известность.

Наконец, самым известным, и не только в Америке, но и в мире, соперником Джона Кеннеди был бывший губернатор Иллинойса Эдлай Стивенсон, в первые послевоенные годы представлявший США на Генеральной Ассамблее ООН. Профессиональный юрист и неплохой оратор, он, однако уже дважды проигрывал президентские выборы, будучи кандидатом от Демократической партии, Дуайту Эйзенхауэру в 1952 и 1956 годах. Поэтому за Стивенсоном закрепилась репутация вечного неудачника. Поэтому активной избирательной кампании он не вел, надеясь только на то, что, если на съезде Демократической партии в Лос-Анджелесе ни один из кандидатов не наберет большинства голосов, и сложится тупиковая ситуация, и тогда руководство партии выдвинет его, как устраивающего всех компромиссного кандидата. На то же самое, собственно, надеялся и Саймингтон, только относительно своей кандидатуры, но оба они просчитались.

Поскольку Эйзенхауэр не мог баллотироваться на третий срок, в стане Республиканской партии развернулась напряженная борьба за номинацию. Главными соперниками были вице-президент Ричард Милхауз Никсон и губернатор штата Нью-Йорк миллиардер Нельсон Рокфеллер. Фаворитом был Никсон, хотя бы потому, что, если после окончания двух сроков президента, его вице-президент заявлял о своем желании баллотироваться в президенты, партийный конвент ему традиционно не отказывает. Достоинством же Рокфеллера, помимо практически неограниченных денежных средств, являлось то, что он был одним из немногих республиканских кандидатов в губернаторы, кому удалось победить на выборах 1956 года, причем в

крупнейшем штате и с большим отрывом от соперника. Рокфеллера поддержал другой миллиардер – автомобильный магнат Генри Форд. Однако поддержка партийного аппарата обеспечила Никсону убедительную победу на съезде республиканцев. Кроме того, он удачно сыграл на противопоставлении в глазах избирателей себя, выходца из бедной семьи, всего в жизни добившегося самостоятельно, потомственному миллиардеру, родившемуся с серебряной ложкой во рту. Но вот против Джона Кеннеди, тоже сына мультимиллионера, эта тактика в конечном счете не сработала, хотя и здесь Никсон был близок к успеху. Кстати, как и Кеннеди, Никсон после нападения японцев на Перл-Харбор пошел добровольцем в военно-морской флот, хотя как урожденный квакер имел освобождение от призыва. Как и Кеннеди, он служил на Азиатско-Тихоокеанском театре боевых действий, но находился в тыловых частях, занимавшихся снабжением, и в боевых действиях не участвовал. Он уволился из армии в чине лейтенант-коммандора флота (соответствует армейскому майору). По сравнению с Никсоном, военная биография Кеннеди, с его бесспорным подвигом, была гораздо более выигрышной в глазах избирателей.

Никсон в итоге сравнительно легко одолел Рокфеллера на съезде Республиканской партии.

Ричард Милхауз Никсон

5 апреля 1960 года Кеннеди выиграл у Хэмфри на праймериз в штате Висконсин, первых, где Хемфри участвовал. Джек сумел вложить много средств в рекламу своего образа и победил, получив 55 % голосов. Правда, при этом он потерпел поражение в четырех округах, где преобладали протестанты. Следующие праймериз были в Западной Вирджинии, где протестанты составляли 95 % населения. Хэмфри испытывал острую нехватку средств, но от продолжения борьбы еще не отказывался. Для предвыборной кампании в этом штате штаб Кеннеди привлек 9 тыс. волонтеров. Десятками тысяч экземпляров печатались рекламные брошюры о Кеннеди. Посыпались обвинения в подкупе избирателей. Однако ФБР не нашло никаких доказательств этих обвинений. Кеннеди же решил сделать главным тезисом своей кампании то, что большинство западновирджинских избирателей могли счесть его главным недостатком. На митингах он все время повторял: он не верит, что ему могут отказать в праве быть президентом только потому, что он католик. Кеннеди также заверял избирателей, что в случае избрания президентом его религиозные убеждения никак не будут влиять на его политику. В

местной прессе широко тиражировались материалы о Кеннеди как о герое войны. В поддержку Кеннеди выступил и сын президента Франклина Рузвельта Эллиот. Главное же, что помогло Кеннеди победить, были значительные финансовые вливания в его кампанию. Хэмфри потратил в Западной Вирджинии всего 25 тыс. долларов, тогда как Кеннеди на одну только телевизионную рекламу – 34 тыс. Если в начале кампании Хэмфри, согласно социологическим опросам, имел значительное преимущество, то ко дню голосования 10 мая шансы соперников сравнялись. В итоге Кеннеди победил со значительным преимуществом. Это была очень важная победа. Ведь в Западной Вирджинии многие избиратели-протестанты спрашивали, не будет ли католик Кеннеди более лоялен к папе римскому, чем к своей стране. После этой победы из гонки выбыли Хэмфри и Саймингтон. Основным соперником Кеннеди остался Линдон Джонсон. Штаб Джонсона развернул кампанию против Кеннеди, подчеркивая, что он слишком молод и неопытен, чтобы возглавить страну. Как раз весной и летом 1960 года разворачивался скандал с американским разведывательным самолетом У-2, сбитым советской ракетой 1 мая в районе Свердловска. Летчик Фрэнсис Гэри Пауэрс выжил и предстал перед судом, где дал признательные показания. Кеннеди публично осудил разведывательную миссию У-2 и предложил Эйзенхауэру извиниться перед русскими, а Джонсон осудил своего соперника за такое заявление, как проявление слабости перед лицом главного геополитического противника Америки. К лету 1960 года Кеннеди определенно стал самым перспективным кандидатом из числа демократов. К тому времени он побывал во всех американских штатах, и во многих из них заручился поддержкой делегатов на партийном съезде. Его готовы были поддержать 550 делегатов республиканского конвента, и в этом отношении Кеннеди далеко обошел всех своих сторонников. Столь же безоговорочно он лидировал и в расходах на предвыборную кампанию. Хемфри, Джонсон и Стивенсон потратили по 250 тыс. долларов, Саймингтон – 350 тыс., а Кеннеди – 1 млн долларов. Он мог позволить себе такие траты. К тому времени состояние Джозефа Кеннеди-старшего составляло по разным оценкам, от 400 до 600 млн долларов, вложенных главным образом в недвижимость. За вторую половину 50-х годов оно значительно выросло благодаря росту цен на недвижимость. Личный капитал самого Джона Кеннеди был значительно меньше – 11 млн долларов. После вступления на пост президента он перевел его в низкодоходные государственные бумаги, чтобы не создавать конфликта интересов между его деятельностью как

главы государства и его бизнес-интересами. Но и эти низкодоходные ценные бумаги приносили Джеку годовой доход в 200 тыс. долларов – почти столько же, сколько он получал в качестве президента США.

В ходе предвыборной кампании Кеннеди активно критиковал политику Эйзенхауэра и выдвинул концепцию «новых рубежей» как во внешней, так и во внутренней политике.

Предвыборный съезд демократов прошел в июле в Лос-Анджелесе. Его освещали почти 5000 корреспондентов различных агентств, теле– и радиокомпаний, газет и журналов. Кеннеди и другие основные кандидаты вместе с национальным комитетом Демократической партии разместились в отеле «Билтмор». Он победил с подавляющим перевесом. По итогам голосования за Кеннеди было подано 806 голосов, за Джонсона – 409, за Саймингтона – 86, за Стивенсона – 79,5, за других кандидатов – 140,5 голоса. Кандидатом в вице-президенты Кеннеди выбрал Линдона Джонсона. Это вполне соответствовало традиции, согласно которой кандидатом в вице-президенты выдвигался тот, кто занял второе место в борьбе за партийную номинацию. Джонсон был популярен на Юге, и благодаря его кандидатуре Кеннеди рассчитывал заручиться поддержкой консервативной части демократического электората. Этот выбор вызвал критику со стороны либерального крыла партии, где многие надеялись, что кандидатом в вице-президенты будет Эдлай Стивенсон (хотя какой смысл было брать в пару с собой явного аутсайдера предвыборной гонки, тем более, что сам Кеннеди принадлежал к либеральному крылу и, следовательно, ориентировался на ту же электоральную базу, что и сам Кеннеди). Джозеф Кеннеди успокоил сына: «Не беспокойся, Джон. Через две недели все будут говорить, что ты сделал самый умный выбор». Так и случилось, если не через две недели, то немногим позднее.

Существует конспирологическая версия, будто Линдон Джонсон и глава ФБР Джон Эдгар Гувер заставили Кеннеди выбрать Джонсона в качестве вице-президента посредством шантажа. В противном случае Гувер якобы грозился опубликовать компромат о сексуальных похождениях Кеннеди. Эта же версия делает Джонсона и Гувера участниками заговора против Кеннеди, в результате которого президент был убит. Ничего общего с действительностью она, разумеется, не имеет.

16 июля 1960 года, выступая с речью как кандидат в президенты от Демократической партии, Кеннеди заявил: «Семь долгих лет засухи и голода истощили поле идей. Густая мгла опустилась на наши руководящие органы, и гниль, берущая свое начало в Вашингтоне, просачивается во все уголки Америки…

Пора новому поколению руководителей, новым людям приступить к решению новых проблем, использовать новые возможности… Сегодня некоторые скажут, что… все горизонты изведаны, что все битвы выиграны, что американского рубежа больше нет… Но не все проблемы решены, не все битвы выиграны, мы стоим сегодня на новом рубеже – рубеже 60-х годов, неизведанных возможностей и опасностей, неосуществленных надежд и угроз… Новый рубеж есть, независимо от того, ищем мы его или нет. За ним находятся еще не раскрытые области науки и космоса, нерешенные проблемы мира и войны, непобежденные очаги невежества и предрассудков, неразрешенные проблемы нищеты и излишка… Суровые факты таковы: мы стоим на этом рубеже, представляющем собой поворотный пункт в истории». Он поддержал ежегодное проведение «недели порабощенных стран» и обещал бороться за освобождение стран Восточной Европы от коммунизма.

Никсон явно недооценил своего соперника, понадеявшись на то, что большинство американцев не будут голосовать за сына мультимиллионера. Кроме того, в пользу Никсона была его общенациональная известность и поддержка действующего президента Дуайта Эйзенхауэра, все еще популярного среди многих американцев. Вскоре после выдвижения Кеннеди кандидатом от демократов Никсон опережал его в опросах общественного мнения. Однако в ходе дальнейшей кампании успех был на стороне кандидата демократов. Кеннеди влил свой штаб в организационные структуры Национального комитета Демократической партии. Теперь его предвыборные ресурсы значительно увеличились. Основной упор Кеннеди сделал на публичные выступления, особенно по телевидению. Никсон думал, что он хороший оратор, и охотно согласился участвовать в теледебатах с Кеннеди, первых в истории американских президентских выборов, хотя Эйзенхауэр не советовал ему это делать. Но как оратор, Кеннеди превосходил Никсона. Главное же, чрезвычайно молодо выглядевший и фотогеничный Кеннеди выиграл у Никсона во всех четырех телевизионных дебатах. Вице-президент выглядел измотанным и небритым. Каждая схватка продолжалась один час. Кеннеди критиковал администрацию Эйзенхауэра, а Никсон только защищался, порой соглашаясь с критикой, и вообще чувствовал себя достаточно беспомощно, особенно в ответах на вопросы журналистов.

Никсон утверждал: «Я был там (то есть в Белом доме. – *Авт.*) в то утро, когда принималось решение по Ливану (об американской интервенции в Ливане в 1958 году, в результате которого удалось прекратить гражданскую войну. – *Авт.*). Я был

там, когда решался вопрос о Триесте (имеется в виду заключенный в 1954 году при участии США и Англии итало-югославскому договор, согласно которому была разделена Свободная территория Триест, контролировавшаяся англо-американскими военными властями. Сам Триест и территория к северу от него отошли к Италии, территория к югу от города – Югославии. – *Авт.*)… Я убежден, что в наше время Америка не может позволить себе использовать Белый дом в качестве учебного полигона, чтобы кто-то набрался опыта за счет Соединенных Штатов».

И Кеннеди, и Никсон соревновались в том, чтобы продемонстрировать избирателям, что каждый из них является лучшим воином холодной войны с коммунизмом. В то же время Кеннеди резко критиковал поведение правительства Чан Кайши на Тайване, которое будто бы хотело втянуть США в войну с Китаем в ходе кризисов в Тайваньском проливе в 1954–1955 и 1958 годах. Тогда войска коммунистического Китая захватили ряд островов, контролировавшихся войсками Чан Кайши. Только угроза Эйзенхауэра применить против Китая ядерное оружие заставила Мао Цзэдуна прекратить огонь. Никсон в ответ обвинил Кеннеди в «умиротворении» коммунизма и напомнил, что именно демократы втянули США в обе мировые и Корейскую войну, хотя и вынужден был оговориться, что не считает демократов «партией войны».

Но Кеннеди легко парировал аргументы соперника, хорошо обыграв то, что слон является неофициальным символом Республиканской партии: «Г-н Никсон не понимает, что президент Соединенных Штатов, г-н Эйзенхауэр, не является кандидатом. Вы видели слонов в цирке… вы знаете, как они передвигаются по арене, ухватившись хоботом за хвост впереди идущего слона. Это могло сойти в 1952 и 1956 годах. Тогда г-н Никсон ухватился очень крепко. Но в настоящее время г-на Никсона, а не Эйзенхауэра, должен выбирать народ. Вопрос состоит в том, хочет ли народ видеть своим лидером г-на Никсона и Республиканскую партию – партию, которая никогда не стояла за прогресс».

После теледебатов с Никсоном Кеннеди превратился в романтического идола для миллионов молодых американок. Потом политические обозреватели шутили, что Америка выбрала самого телегеничного из кандидатов в президенты.

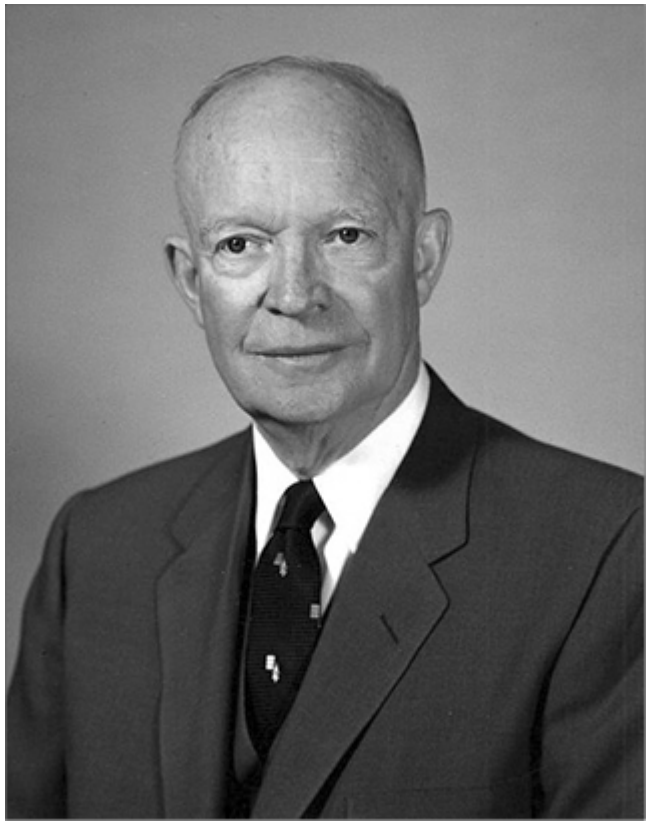
Во всех штатах были созданы отделения организации «Граждане за Кеннеди». Основной задачей Кеннеди поставил завоевание голосов избирателей в западных штатах, где, как показала борьба за демократическую номинацию, его позиции были слабее всего. Здесь кампанией руководил его брат Тед.

Кеннеди удалось привлечь на свою сторону Гарри Трумэна, вдову Франклина Рузвельта Элеонору и недавнего соперника Эдлая Стивенсона. Трумэн привлекал на сторону Кеннеди баптистов, а Стивенсон – избирателей Калифорнии.

Стоит отметить, что Трумэн поддержал Кеннеди, что называется, скрепя сердце. В письме бывшему госсекретарю Дину Ачесону по поводу съезда Демократической партии он заметил: «Это была пародия на конвент. Эд Поули организовал сборище, а затем папочка Кеннеди вытолкнул его!.. Итак, приходится смириться с незрелым демократом. Никсон совершенно невозможен. Вот и все, что у нас есть».

Поддержал Кеннеди и влиятельный мэр Чикаго Ричард Дейли, которому приписывали тесные связи с известным чикагским гангстером Сэмом Джанкана, с которым мы еще встретимся по ходу повествования.

В то же время Никсон, в отличие от соперников Кеннеди по Демократической партии, не испытывал недостатка в средствах. Он считался фаворитом предвыборной гонки, и в его избирательный фонд бизнесмены внесли больше средств, чем в предвыборный фонд Кеннеди. Он критиковал низкие темпы роста американской экономики. Кеннеди утверждал, что в СССР выпускается вдвое больше ученых и инженеров, чем в США, а скоро будет втрое больше. О качестве советских инженеров, многие из которых по уровню функциональной компетентности уступали американским техникам, Кеннеди ничего не знал. Кеннеди критиковал плохое состояние американских школ и низкую зарплату учителей. Он также настаивал, что расовая дискриминация в южных штатах не дает пробиться в университеты талантливой негритянской молодежи, что было сущей правдой. Кеннеди заявлял, что при Эйзенхауэре США отстали от Советского Союза как в экономическом, так и в военном отношении, и обещал, в случае своего прихода к власти, «вновь двинуть Америку вперед».



Дуайт Д. Эйзенхауэр

Подобные настроения разделяли и некоторые представители республиканского лагеря. Будущий помощник президента по национальной безопасности и государственный секретарь в администрациях президентов Ричарда Никсона и Джеральда Форда Генри Киссинджер писал в год выборов: «Соединенные Штаты не могут более позволить себе упадка, которым охарактеризовались последние пятнадцать лет. Еще пятнадцать лет такого ухудшения нашего положения на международной арене, и мы превратимся в изолированную Америку в мире, для которого мы в значительной мере станем чужими». Так что можно сказать, что взгляды Кеннеди отражали общенациональную тревогу по поводу осложнившегося положения Америки в мире. В предисловии к изданному в 1960 году сборнику речей «Стратегия мира» он утверждал: «Главная мысль этих речей заключается в том, что мы не выходим из состояния кризиса в силу двух причин: во-первых, потому, что мы еще не выработали стратегии мира, которая бы соответствовала новому миру, в котором мы живем, а во-вторых, потому, что не платим цены, которой требует такая политика». Кеннеди напомнил своим читателям

древнеримскую мудрость: «Хочешь мира, готовься к войне». Здесь же он, не имея представления об истинном советском ракетном потенциале, настаивал: «Потрясающий прогресс в технике ракетостроения привел Советский Союз к превосходству над Соединенными Штатами в способности доставить ядерные боеголовки к цели». На самом деле никакого советского превосходства в этой сфере не было, но для целей предвыборной борьбы и критики администрации Эйзенхауэра за «мягкотелость» и «расхлябанность» по отношению к Советам этот лозунг в год выборов был хорош, тем более, что сам Кеннеди еще не был осведомлен об истинном положении дел. А потом он действительно стал одним из основных в политическом курсе Кеннеди. Точно так же кандидат от демократов обратил внимание на растущую помощь СССР не только социалистическим, но и развивающимся странам. Поэтому, как считал Кеннеди, США тоже должны увеличить свою помощь третьему миру, чтобы не отстать здесь от СССР. Ведь советские успехи в этой сфере могут иметь «даже большее значение, чем их триумф в военной технике».

Кеннеди считал, что советские успехи в космической области вызваны прежде всего преимуществами советской системы образования. Поэтому он утверждал: «Не будет преувеличением сказать – исход битвы, которую мы ведем, будет решен в классных комнатах Америки».

Кеннеди критиковал администрацию Эйзенхауэра за недостаточную помощь противникам Кастро, хотя ЦРУ уже ввело его в курс предстоящей высадки на Кубе десанта эмигрантов. Никсон, вынужденный хранить операцию в тайне, ничего толком не мог ответить на эту довольно несправедливую критику.

Агенты республиканцев проникали в кабинеты врачей, пользовавших Дж. Кеннеди, взломав для этого замки. Они искали историю болезни кандидата демократов, надеясь найти какой-то компромат. Безуспешно, хотя в то время болезнь Аддисона у Кеннеди давно уже была диагностирована, и обнародование этой информации накануне выборов могло серьезно подорвать шансы Кеннеди на победу. Много лет спустя аналогичная операция по отношению к штаб-квартире демократов будет стоить Ричарду Никсону президентского кресла. Но, по свидетельству профессора Дж. Роша, Джозеф Кеннеди-старший «имел разведывательную сеть, перед которой бледнеет ФБР». Тем более, что задачи у разведки клана Кеннеди были гораздо более узкие, чем у Федерального бюро расследований, а денег она получала лишь немногим меньше. В результате все козни республиканцев были пресечены в зародыше. Победе Кеннеди

помогли и 40–50 прикормленных журналистов, в самом благоприятном свете освещавших его кампанию.

8 ноября 1960 года на выборах президента за Джона Кеннеди проголосовали 49,7 % избирателей, за Ричарда Никсона – 49,5 %. Перевес Кеннеди составил всего 113 тыс. голосов на 68,8 млн проголосовавших избирателей. Он победил в больших городах, среди католиков и афроамериканцев. По штатам победители распределились следующим образом. Кеннеди победил в большинстве штатах на Востоке и на Юге, а Никсон – в большинстве штатов на Западе. Кстати сказать, эти выборы были первыми, где голосование проходило на Аляске и Гавайях, ставших полноправными штатами в 1959 году, и последними в XX веке, на котором демократам удалось победить в южных штатах. Кеннеди победил в таких важных штатах, как Нью-Йорк, Нью-Джерси, Массачусетс, Пенсильвания, Мичиган, Иллинойс и Техас. Никсон из крупных штатов победил только в Калифорнии и Огайо. Кеннеди получил голоса 303 выборщиков, а Никсон – 219. Еще 14 выборщиков-демократов из штатов Миссисипи и Алабама, не связанные обязательством проголосовать за конкретного кандидата, и 1 выборщик-республиканец из штата Оклахома, нарушивший свое обязательство голосовать из Никсона, проголосовали за независимого кандидата, сенатора-демократа от Вирджинии Гарри Флада Берда-старшего, имени которого не было в избирательных бюллетенях. Берд был решительным противником политики расовой десегрегации в школах Юга, проводившейся федеральными властями, и поддерживал политику массового неповиновения, которая привела к закрытию нескольких школ на Юге в президентства Кеннеди и Джонсона.

Как подсчитали эксперты после выборов, если бы 4500 избирателей в штате Иллинойс и 28 000 в штате Техас проголосовали бы иначе, то этих 32 500 голосов хватило бы, чтобы эти два штата с 51 выборщиком поддержали Никсона. Тогда он получил бы голоса 270 выборщиков, что было бы достаточно для победы. Ходили слухи о массовых подтасовках в пользу Кеннеди в ряде штатов, включая Иллинойс и Техас. В последних примеры фальсификаций были наиболее впечатляющими. Так, в одном из округов Техаса при наличии в списках 4895 избирателей насчитали 6138 голосов. В Чикаго машина для голосования на одном участке после того, как успели проголосовать всего 43 избирателя, успела зарегистрировать уже 121 голос. Некоторые друзья и советники и даже некоторые республиканские лидеры, включая самого Эйзенхауэра, рекомендовали Никсону потребовать пересчета голоса в ряде

штатов, где были зафиксированы нарушения на выборах. Никсон отказался, опасаясь ввергнуть страну в конституционный кризис в случае, если в результате пересчета окажется, что ни один из претендентов не набирает необходимого большинства голосов. К тому же нарушения могли быть и в пользу республиканского кандидата, но их наверняка было гораздо меньше. Избирательные комиссии во многом контролировались губернаторами штатов, а большинство губернаторов в тот момент, как мы помним, были демократами. В этих условиях трудно было надеяться на существенный пересмотр итогов выборов по результатам пересчета голосов.

На выборах в конгресс преимущество демократов несколько сократилось. В сенате вместо 34 сенаторов-республиканцев стало 35, а в палате представителей – 259 конгрессменов-демократов вместо 280. Однако в целом Демократическая партия сохранила солидное большинство в обеих палатах. Так что президент Кеннеди мог рассчитывать на поддержку законодателей в проведении своей политики, особенно внешней.

Еще до вступления Кеннеди в президентскую должность на него попытались совершить покушение. Сумасшедший американец Ричард Пол Павлик привязал к своему телу проволокой семь шашек с динамитом и неудачно попытался подорвать себя вместе с избранным президентом. Это было зловещее предзнаменование.

В прощальном обращении к стране 17 января 1961 года Эйзенхауэр заявил: «Сочетание колоссальной военной машины и гигантской военной промышленности стало новым явлением американской жизни. Влияние этого – экономическое, политическое и даже духовное – ощутимо в каждом городе, в законодательном собрании каждого штата, в каждом федеральном учреждении… В деятельности правительства надо остерегаться распространения неограниченного влияния военно-промышленного комплекса независимо от того, осуществляется ли оно намеренно или нет… Мы должны сделать так, чтобы государственная политика не стала пленником научно-технической элиты». На последующей пресс-конференции Эйзенхауэр разъяснил, что имел в виду «почти незаметное проникновение в наши умы убеждения, что наша страна должна быть исключительно вооружениями и ракетами. Я же сказал – хватит, мы не можем себе этого позволить».

Кеннеди к этому предостережению не прислушался и начал значительно наращивать расходы на обычные вооружения, против чего выступал его предшественник.

6
Самый молодой президент

В своей инаугурационной речи 20 января 1961 года Джон Кеннеди изложил программу своего президентства. Он подчеркнул: «Пусть каждая страна, желает ли она нам добра или зла, знает, что мы заплатим любую цену, вынесем любое бремя, пройдем через любое испытание, поддержим любого друга, воспрепятствуем любому врагу, утверждая жизнь и достижение свободы…

Тем народам, которые по всей Земле, в хижинах и деревнях, борются, разрывая оковы массовой нищеты, мы обещаем всеми силами помогать обеспечивать себя самим, сколько бы времени на это ни понадобилось, и будем делать так не потому, что это могут сделать коммунисты, и не потому, что ищем их благосклонности, а ради справедливости. Если свободное общество не способно помочь множеству бедняков, оно не убережет и немногих богатых».

Последняя фраза насчет бедняков была адресована не только бедным или развивающимся странам, но и миллионам бедняков в самой Америке. Кеннеди понимал, что американские избиратели готовы будут одобрить выделение миллиардов долларов на помощь беднейшим странам мира только тогда, когда администрация поведет активную борьбу с бедностью и в самой Америке.

В инаугурационной речи содержалось предложение СССР и его союзникам начать переговоры по сокращению ядерных вооружений, на которых, однако, США явно хотели выступать с позиции силы: «К тем странам, которые пожелают стать нашим противником, мы обращаемся не с обещанием, а с предложением: обеим сторонам следует заново начать поиски мира, прежде чем темные разрушительные силы, высвобожденные наукой, поглотят человечество в предумышленном или случайном самоуничтожении.

Дж. Ф. Кеннеди на церемонии инаугурации

Мы не рискнем искушать их слабостью. Ведь только располагая безусловно достаточным вооружением, мы можем быть безусловно уверены, что оно никогда не будет использовано.

Но две великие и могучие группы стран не могут быть также удовлетворены и нынешним курсом, когда обе стороны чрезмерно обременены расходами на современные вооружения, обе справедливо обеспокоены неуклонным распространением смертоносного атома и тем не менее обе спешат изменить это страшное неустойчивое равновесие, задерживающее наступление часа последней войны человечества.

Так начнем же заново, притом что обе стороны будут помнить, что вежливость никогда не является признаком слабости, а искренность всегда подлежит проверке. Давайте не будем договариваться из страха. Но давайте не будем страшиться переговоров.

Пусть обе стороны выяснят, какие проблемы нас объединяют, вместо того чтобы твердить о разъединяющих нас проблемах».

Ключевыми для понимания политической идеологии Кеннеди стали заключительные слова его инаугурационной речи, в которых прозвучали вера в Америку, в ее историческую миссию и призыв к американцам сделать все для выполнения этой миссии: «В долгой мировой истории лишь немногим поколениям в час величайшей опасности была дарована роль защитников свободы. Я не уклоняюсь от такой ответственности – я ее приветствую. Я не верю, что кто-то из нас согласился бы поменяться местами с любым другим народом, с любым другим поколением. Энергия, вера, преданность, с которыми мы беремся за эту попытку, озарят нашу страну, всех, кто служит ей; отблеск этого пламени

поистине может озарить весь мир.

Поэтому, дорогие американцы, не спрашивайте, что страна может сделать для вас, – спросите, что вы можете сделать для своей страны.

Дорогие сограждане мира, не спрашивайте, что Америка сделает для вас, – спросите, что все мы вместе можем сделать для свободы человека».

Позднее Кеннеди признавался, что был удивлен, когда понял, что в его критике администрации Эйзенхауэра больших пропагандистских преувеличений не было: «Когда я вступил в должность президента, больше всего меня поразило то, что дела действительно были так плохи, как мы утверждали».

Преобладающая экономическая и военная мощь США после Второй мировой войны теперь, к началу 60-х, встречалась со все большими вызовами. Если в 1948 году на США приходилось не менее 54 % мирового промышленного производства, то к 1960 году американская доля упала до 48 %, а доля в мировом экспорте – с 32 до 20 %. Все более значительную роль в мировой политике стали играть страны, освободившиеся от колониальной зависимости, и за влияние на них постоянно шла борьба между двумя сверхдержавами. В первой половине 50-х годов США утратили монополию на ядерное и термоядерное оружие. Во второй половине 50-х годов началась гонка ракетных вооружений с СССР, которая была в самом разгаре в тот момент, когда Кеннеди пришел к власти.

Во второй половине 1960 года темпы роста американской экономики продолжали падать. Стране грозила рецессия. Во второй половине 1960 года в ряде отраслей промышленности, в том числе в сталелитейной и автомобильной, начался спад, что немало способствовало поражению Никсона.

Для поиска путей предотвращения возможного экономического кризиса по указанию Кеннеди была создана специальная экономическая группа под руководством профессора Пола Энтони Самюэлсона, потомка еврейских иммигрантов из Польши и будущего лауреата Нобелевской премии по экономике 1970 года «за научную работу, развившую статическую и динамическую экономическую теорию и внесшую вклад в повышение общего уровня анализа в области экономической науки». Самого себя Самуэльсон называл «современным экономистом… находящимся на правом крыле экономистов-демократов, поддерживающих «новый курс» Рузвельта». Он был экономическим советником Кеннеди с тех пор, как тот стал сенатором, и уже 5 января 1961 года, еще до инаугурации, представил ему доклад «О состоянии американской экономики».

Там Самуэльсон обозначил две главные проблемы, с которыми придется сталкиваться администрации Кеннеди и его преемников в ближайшие десятилетия, – с инфляцией и безработицей: «Различные эксперты, в Америке и за рубежом, полагают, что инфляционный климат, господствовавший в первые послевоенные годы, превратился в эпоху стабильности цен. Кое-кто надеется, что этот радостный диагноз верен. Однако, тщательное изучение поведения цен и себестоимости показывает, что наша недавняя стабильность всеобщего индекса цен вошла в период признаваемой высокой безработицы и слабости нашей экономики. Поэтому было бы опрометчивым считать, что восстановление высокого уровня занятости никак не связано с проблемами стабильности цен.

Экономисты еще не пришли к согласию насчет того, насколько серьезна новая инфляционная болезнь. Многие чувствуют, что новые институциональные программы, отличающиеся от обычной фискальной и монетарной политики, должны быть разработаны, чтобы принять этот вызов. Но сколь бы ни были высоки достоинства различных точек зрения по этой проблеме, должно быть ясно сказано, что от цели высокой занятости и эффективного реального роста нельзя отказаться из-за проблематичного страха, что возвращение процветания Америке принесет с собой некоторые трудности; если восстановление вновь поставит перед нами проблему инфляции, обусловленной ростом издержек производства, тогда у нас не будет выбора, кроме как двигаться к тому дню, когда эта проблема будет успешно разрешена».

Для предотвращения рецессии Самуэльсен рекомендовал оказывать значительную поддержку уже объявленным программам расходования средств, включая рост военных расходов и расходов на оказание помощи другим государствам, но только тем, кто в ней нуждается и кто ее заслуживает. Он советовал активно проводимые образовательные программы; приоритетные программы по обустройству городов, здравоохранению и социальному обеспечению, увеличению выплат пособий безработным. Самуэльсен считал, что необходимо ускорить выполнение программ общественно-полезных работ и строительства дорог, программ по развитию депрессивных районов и проектов по разработке природных ресурсов. Все это должно было уменьшить безработицу и предотвратить наступление рецессии.

Для стимулирования жилищного строительства Самуэльсен рекомендовал Кеннеди понизить ставки и проценты по ипотеке и страховые платежи, увеличить периоды максимальной

амортизации, а также увеличить программу по покупке ипотек Федеральной национальной ипотечной ассоциации. В монетарной политике он особенно рекомендовал больше полагаться на решение краткосрочных проблем, легкое поощрение сокращения долгосрочных процентных ставок, а также решительные действия по улучшению американского международного платежного баланса. Этим советам Кеннеди, а потом его преемник Джонсон старались следовать весь период своего президентства.

По поводу уровня безработицы Самуэльсен в начале 60-х оставался неисправимым оптимистом. Он считал, что уровень безработицы в 6 % уже должен вызывать обеспокоенность правительства, предполагал, что в период президентства Кеннеди безработицу в США можно будет снизить до 4 % от трудоспособного населения, а в недалеком будущем он считал возможным снижение безработицы до 3–3,5 %. Последний показатель в США так никогда пока и не был достигнут.

В полном соответствии с рекомендациями Самуэльсена и для реализации своих предвыборных обещаний о ликвидации «пробелов» в американской обороне Кеннеди увеличил ежегодные военные ассигнования на 3 млрд долларов. По некоторым оценкам экономистов, связанных с военно-промышленным комплексом, масштабное сокращение военных расходов в случае осуществления программ по разоружению могло увеличить безработицу в США на 10 млн человек. Тем более, что в течение всех 50-х годов американское правительство всерьез рассматривало возможность возникновения третьей мировой войны против Советского Союза и коммунистического Китая.

В целом Джону Кеннеди удалось вывести американскую нацию из летаргического сна, в который она стала постепенно впадать в последние годы президентства Эйзенхауэра. Он действительно подарил американцам «1000 дней напряженного президентского руководства», прерванные выстрелами в Далласе. За неполных три года президентства Кеннеди военные расходы составили 167 млрд долларов по сравнению с 315 млрд долларов за два президентских срока Эйзенхауэра. При предшественнике Кеннеди в год на оборону тратили в среднем 39,4 млрд долларов, а в короткое президентство Кеннеди средние ежегодные расходы возросли 58,8 млрд долларов.

В речи в Йельском университете в 1962 году Кеннеди утверждал: «Когда мы принимаем решения по экономическим проблемам, речь идет не о великой битве соперничающих идеологий, которая накаляет страсти в стране, а о практике управления современной экономикой. Нам нужны не ярлыки и клише, а реалистическое обсуждение сложнейших технических

вопросов, чтобы понять, как двигать вперед огромный экономический механизм». Усиливая, по рекомендации Самуэльсона, вмешательство государства в экономику, администрация Кеннеди добилась повышения темпов роста ВНП до 5,0 % в год, что было почти вдвое больше, чем при Эйзенхауэре.

Кеннеди дал старт реформам, которые уже в президентство Линдона Джонсона привели к значительному росту благосостояния народа. Когда сказались последствия мер Кеннеди в сфере ограничения бюджетного дефицита и реформы налогообложения, то оказалось, что с 1961 по 1965 год доналоговые прибыли увеличились на 50 %, а посленалоговая – на 70 %. К осени 1963 года бедных стало на 1 % меньше, чем в 1957 году. К 1966 году уровень безработицы упал до 4 %, и более 5,5 млн человек с 1961 года получили работу. Кеннеди не остановился перед угрозой применения самых решительных мер против сталелитейных монополий, когда в апреле 1962 года они попробовали поднять цены на свою продукцию, что спровоцировало бы рост инфляции. Напуганные монополии капитулировали через 72 часа. Довольный президент заметил: «Мой отец всегда говорил мне, что все бизнесмены – сукины дети. Я не верил этому вплоть до сегодняшнего дня».

Кеннеди дал старт таким преобразованиям в экономике, эффект от которых в наибольшей степени проявился уже в президентство Линдона Джонсона. Расширение участия государства в экономике, прежде всего за счет социальных программ, увеличение государственных расходов, в том числе социальных, военных и на помощь другим государствам, стимулировали экономический рост и снижение безработицы при достаточно умеренной инфляции. Удалось также сократить разрыв между богатыми и бедными, что позволило уже Джонсону в качестве цели провозгласить создание «Великого общества», где больше не будет бедных.

Однако нельзя сказать, что Кеннеди вошел в историю как великий экономический реформатор. Он сам ни бизнесом, ни экономикой никогда всерьез сам не занимался, полагаясь здесь на советы Самуэльсона и других экспертов. Главное же, любые экономические реформы всегда имеют лишь временный эффект и поминаются добрым словом лишь первое время после того, как они дают очевидный положительный эффект. Потом о них забывают, а отдаленные последствия реформ всегда имеют непредсказуемый и нередко негативный характер. Да и три года президентства, которые отпустила Кеннеди судьба, это слишком маленький срок, чтобы успели отчетливо проявиться результаты

проводимой им экономической политики.

Так вышло и с реформами, начатыми Кеннеди и Джонсоном. Уже при Джонсоне значительный рост военных расходов на войну во Вьетнаме затормозил осуществление ряда социальных программ, и «война с бедностью» фактически была остановлена. Затем, в 70-е годы, при Никсоне и его преемниках военные расходы постепенно сократились, в том числе и потому, что накопленные США вооружения, в том числе термоядерные, казались избыточными. Ими уже многократно можно было уничтожить вероятных противников. В сфере же обычных вооружений тогда еще не было прорыва к новым высокоточным системам оружия и средствам управления и защиты, позволяющим вести исключительно бесконтактный бой и минимизировать собственные потери. Зато стали расти расходы на социальные программы, что приводило, в том числе, к росту государственной бюрократии, неэффективности расходования средств и росту инфляции и безработицы. В целом экономика развивалась в том же направлении, какое задано было ей в президентства Кеннеди и Джонсона, но без стимулирующей роли растущих военных расходов. Это привело ее к кризису и к необходимости «экономической революции», осуществленной уже в президентство Рональда Рейгана в 80-е годы. Тогда, наоборот, государство значительно сократило вмешательство в экономику, и были понижены налоги при одновременном росте военных расходов. Это стимулировало частный бизнес и развитие экономики. В 90-е годы в президентство Билла Клинтона опять произошло возвращение к курсу Кеннеди. И именно тогда были заложены основы нынешнего мирового экономического кризиса, когда были резко смягчены условия выдачи ипотечных кредитов и расширен круг их получателей, без учета реальной платежеспособности. Срок выплаты основной массы необеспеченных ипотечных кредитов пришелся на конец второго срока президентства Джорджа Буша-младшего, и американская ипотечная система, основы которой были заложены при Кеннеди, рухнула. Разумеется, Кеннеди и его советники никакой ответственности за этот крах не несут, во-первых, потому, что прогнозировать развитие экономики даже на десятилетие вперед ни один нобелевский лауреат не в состоянии, а, во-вторых, на дальнейшее развитие процессов, начатых в эпоху Кеннеди, влияли и решения других президентов, и развитие мировой экономики.

За первый год президентства Кеннеди в его адрес поступило около тысячи писем с угрозами, иногда весьма конкретными. Впрочем, в этом отношении 35-й президент США принципиально

не отличался от своих предшественников. Эйзенхауэр, например, считал, что его может убить любой человек, готовый пожертвовать ради этого собственной жизнью. И, как и другие американские президенты, Кеннеди подобные угрозы игнорировал. «О господи, море твое так велико, а челн мой так мал», – было написано на пластинке, лежавшей на письменном столе Кеннеди в Белом доме.

С приходом Кеннеди стиль президентства изменился. Начать хотя бы того, что в отличие от Эйзенхауэра, который прессу почти не читал, Кеннеди каждое утро просматривал все основные американские газеты. Он в своей деятельности всегда учитывал реакцию на те или иные шаги своей администрации американского и мирового общественного мнения.

Кеннеди начал свою деятельность в Белом доме с формирования собственной команды. Он назначил министром финансов прагматичного республиканца Дугласа Диллона, который при Эйзенхауэре был заместителем госсекретаря. Новый президент также отозвал из отставки бывшего начальника штаба армии генерала Максвелла Тейлора и назначил его своим особым военным представителем. Государственным секретарем был назначен Дин Раск, родившийся в Джорджии в 1909 году. Он был членом правления Фонда Рокфеллеров, занимаясь распределением средств для помощи развивающимся странам. Как раз такую помощь Кеннеди собирался сделать одним из главных инструментов американской внешней политики. Раск в статье «Президент», опубликованной в журнале «Форин афферс», предостерегал нового президента против поспешных встреч на высшем уровне, которые предварительно должны хорошо подготовить профессиональные дипломаты. Однако, как мы увидим далее, Кеннеди пренебрег этим советом, пойдя на плохо подготовленную встречу с Н.С. Хрущевым в Вене.

Дин Раск

Многолетний кандидат-неудачник на пост президента Эдлай Стивенсон, которому было уже 60 лет, претендовал на пост государственного секретаря, но вынужден был удовлетвориться постом постоянного представителя США при ООН. Там мог пригодиться его ораторский талант. Министром обороны Кеннеди назначил бывшего президента «Форд мотор компани» 44-летнего Роберта Макнамару. Его порекомендовал банкир Роберт Ловетт, член правления Фонда Рокфеллеров, близкий к Республиканской партии. Макнамара, по его собственной просьбе, получил свободу рук при формировании штата руководства Пентагона. Назначение Макнамары разочаровало Саймингтона, который тоже претендовал на кресло министра обороны. Когда некоторые соратники стали пенять Кеннеди, что он включает в свою команду слишком много республиканцев, президент возразил: «К соображениям партийной принадлежности я равнодушен. Все, что я хочу знать – способный ли он человек? Будет ли он поддерживать нашу программу?» Кеннеди хотел создать по-настоящему двухпартийный кабинет. Как отмечал впоследствии историк Артур Шлесинджер-младший, работавший специальным помощником Кеннеди, в лице Диллона Кеннеди «нашел человека,

которому будут доверять банкиры».

Дж. Ф. Кеннеди и Р. Макнамара

Но основной упор Кеннеди сделал на молодые кадры. К ним относились советник по национальной безопасности Макджордж Банди (1920 год рождения), декан Гарвардского университета; специализирующийся на вопросах экономики и деколонизации Уолт Ростоу (1916 год рождения), профессор истории в Массачусетском технологическом институте. Сильное влияние в администрации оказывал брат Кеннеди Роберт (1925 год рождения), также учившийся в Гарварде, и который как министр юстиции нес главную ответственность за политику гражданских прав. Его влияние выходило далеко за пределы его министерских полномочий. Самому Бобби хотелось получить какую-нибудь должность в Госдепартаменте или Пентагоне, но Джек убедил его занять пост министра юстиции, которому, в частности, подчинялось ФБР. Во главе ЦРУ Кеннеди оставил Алена Даллеса, а во главе ФБР – Джона Эдгара Гувера, который к тому времени уже 36 лет занимал этот пост. Даллеса пришлось оставить, в частности, потому, что еще при Эйзенхауэре ЦРУ подготовило план вторжения на Кубу отрядов кубинских эмигрантов, и смена главы ведомства и связанные с этим неизбежные кадровые перестановки могли негативно повлиять на ее осуществление.

К тесному кругу доверенных лиц относились также

гарвардский историк Артур Шлесинджер младший (он был ровесником Кеннеди, родившись в 1917 году), а также пресс-секретарь Пьер Сэлинджер (1925 год рождения). В Гарварде учился и Макнамара.

Кеннеди также отблагодарил демократов-губернаторов, игравших активную роль в предвыборной кампании. Губернатор штата Коннектикут А. Рибикофф стал министром здравоохранения, губернатор Северной Каролины Л. Ходжес – министром торговли, а губернатор Аризоны С. Юдэл возглавил МВД. Бывший губернатор Мичигана М. Уильямс стал помощником госсекретаря по африкаанским делам, а адвокат А. Голдберг, тесно связанный с профсоюзами, был назначен министром труда.

17 декабря 1960 года формирование администрации Кеннеди было закончено. Последним был назначен министр почт. Им стал Эдвард Дэй, крупный бизнесмен-страховщик.

В целом администрация Кеннеди оказалась самой молодой в истории Америки. Средний возраст ее членов составлял всего 45 лет. Кеннеди свято верил, что с помощью интеллектуального анализа и энергичного руководства можно разрешить любую проблему. Он также верил, что американское государство – лучшее в мире, и оно должно служить образцом для других стран и народов. В общем же его администрация не столь уж принципиально отличалась от администраций других американских президентов. Профессиональные бюрократы соседствовали с бывшими сенаторами, губернаторами и бизнесменами.

Если при Эйзенхауэре существовала почти военная иерархия правительства с четким распределением ответственности и компетенции, то Кеннеди предпочел более гибкую структуру правительства с пересечением зон компетенции и ответственности различных ведомств. Мозговым центром администрации стал Совет национальной безопасности, члены которого небольшими, специально созданными группами и комитетами обсуждали очередные проблемы. Кеннеди ориентировал их на выработку нескольких вариантов решения, из которых он сам выберет оптимальный. Подобная практика обеспечивала творческий подход к принятию решений, но затрудняла координацию работы министерств и ведомств.

После того, как формирование команды было завершено, самое время было заняться обустройством быта в Белом доме. Элегантность Жаклин по достоинству оценили как избиратели, так и представители «высшего света» в Вашингтоне, называвшие ее «королевой стиля». В резиденции президента, благодаря ее

усилиям, царили красота и стиль. Жаклин была изысканна и привлекательна до самой смерти. Даже в старости многие завидовали ее стилю.

Стиль же самого Кеннеди прежде всего олицетворяла его обаятельнейшая улыбка. Кеннеди умел заражать публику своей энергией и энтузиазмом. Эйзенхауэр как-то с некоторой иронией заметил, что Кеннеди стал любимцем публики. Но это было действительно так. Кеннеди интересовался буквально всем, хотел по каждому сколько-нибудь важному вопросу составить свое мнение, охотно вникал в детали.

Наверное, неслучайно секретная служба, охраняющая президентов и членов их семей, присвоила Жаклин Кеннеди оперативный псевдоним «Кружево». Журналисты вникали в мельчайшие подробности ее туалетов – от формы шляпки до цвета чулок, тщательно следили за ее покупками в дорогих магазинах. Ее траты безумно преувеличивались. Иногда запускались откровенные утки вроде того, что в универмаге «Бергдорф Гудмэн» Жаклин купила за одно посещение 35 пар туфель.

Жаклин Кеннеди с мужем

За первый год пребывания в Белом доме Джекки лично потратила на одежду, драгоценности и посещение салонов красоты более 105 тысяч долларов. «Ты понимаешь, что я

получаю только сто тысяч в год? – спросил ее Кеннеди. – Если бы у нас не было побочных доходов, мы бы обанкротились». «Я ничего не понимаю. Ты с легкостью тратишь сотни тысяч долларов на избирателей, а мне ставишь в упрек, что я трачу деньги на одежду. Да ты просто жмот», – ответила Жаклин и хлопнула дверью. Тем не менее на следующий день она попросила своего пресс-секретаря «бить ее по руке, если она захочет купить дорогое платье». Поэтому первая леди всегда была рада получить шикарную вещь в подарок. Жаклин была на седьмом небе от счастья, когда император Эфиопии Хайле Селассие преподнес ей шубу из меха леопарда стоимостью 75 тыс. долларов. Президент Пакистана подарил ей колье за 100 тыс. долларов, король Марокко – пояс в драгоценных камнях, а принц Ливии – разных драгоценностей общей стоимостью в 50 тыс. долларов. Всего Кеннеди, по некоторым оценкам, успел получить подарков на два миллиона долларов, предназначенных главным образом для его очаровательной супруги.

Обилие весьма дорогих подарков, вручавшихся президентской чете главами иностранных государств и правительств, побудили впоследствии конгресс принять закон, которому президент мог брать в собственность только подарки, не превышавшие по стоимости 100 долларов, а остальное обязан был сдавать в казну. Но это было уже после гибели Кеннеди.

Каждую неделю четыре дня Жаклин обязательно проводила в своем загородном доме, а хозяйкой Белого дома на это время оставалась одна из сестер президента или его мать. Многих возмущало то, как Жаклин пренебрегала своими обязанностями первой леди. Но на все упреки она отвечала: «Я хочу заниматься только мужем и детьми, если я начну заниматься общественной деятельностью, то у меня не будет времени заниматься семьей».

Надо сказать, что через две недели после победы на выборах, 25 ноября 1960 года, Жаклин родила сына, которого назвали Джон Ф. Кеннеди-младший.

Раздачей должностей своему брату Роберту и зятю Сарджент Шрайверу, мужу Юнис Кеннеди (он руководил Корпусом мира) Кеннеди вызвал на себя значительную критику. Также общественности не понравилось, что Тедди, как бы по наследству, занял освобожденное Джоном в 1960 году место сенатора. Семейная жизнь в Белом доме была лишь красивым фасадом. Сексуальные похождения президента тогда не были известны общественности. Сочетанием интеллигентности, богатства, красоты, успеха, власти и счастья президент Кеннеди воплощал в себе надежду, желания и иллюзии миллионов американцев, их романтические мечты об успехе и счастье. У Джекки не было

политического влияния, но благодаря ее интересу к современному искусству авангардизм стал темой разговоров в светском обществе.

Кеннеди первым из американских президентов активно использовал телевидение для пропаганды своей деятельности. Этой цели служили как ежегодные послания конгрессу «О положении нации», так и специальные выступления по основным вопросам внешней и внутренней политики, а также регулярные пресс-конференции. На последних Кеннеди выступал без бумажки и демонстрировал умение быстро и толково отвечать на самые неожиданные вопросы журналистов. Новый президент часто ездил за границу, любил выступать в символических местах, вроде Берлинской стены, и во время выступлений общаться с массами. Он дружил со многими ведущими американскими журналистами, надеясь, что они не будут благодаря этому допускать слишком резких высказываний по вопросам внешней политики и национальной безопасности. Кеннеди сполна использовал свой ораторский дар, который совершенствовал постоянными упражнениями. Он старался убедить публику, что поставленные им цели, несмотря на весь свой идеализм, реальны и достижимы. Кеннеди претендовал на то, чтобы стать в глазах американцев столь же харизматичным президентом, как Авраам Линкольн, Вудро Вильсон и оба Рузвельта. Он и стал таким президентом, но только после своей смерти.

Внутри страны «новые рубежи» означали оживление экономики за счет снижения налогов, улучшение системы социального страхования, обслуживания больных и образования, оздоровление городов и прогресс в расовой интеграции. Социальные программы требовали новых расходов, тогда как снижение налогов уменьшало государственные доходы. Все это вело к неминуемому росту государственного долга, но к этому средству активно прибегали все американские президенты со времен Франклина Рузвельта. Это было еще одно искусственное средство стимулирования экономики, когда американское правительство занимало у Федеральной резервной системы, которая, естественно, никогда не будет банкротить США. Кеннеди удалось добиться принятия законопроектов по таким важным вопросам, как увеличение минимальной заработной платы, либерализация социального страхования, жилищное строительство, помощь бедствующим районам страны, переподготовка рабочей силы, выплата пособий временно безработным. Однако два важнейших законопроекта, относящиеся к внутренней политике, в период президентства Кеннеди так и не были приняты. Это – законопроекты о стимулировании

экономического роста путем снижения ставок личного и корпоративного подоходного налога и о защите гражданских прав. Последний, предусматривающий жесткие меры против расовой дискриминации, во многом стал реакцией на массовые выступления протеста цветного населения в 1963 году. Проводить данные законопроекты через конгресс пришлось уже президенту Линдону Джонсону, который с этой задачей успешно справился.

Ряд инициатив Кеннеди был заблокирован конгрессом, где порой создавался антипрезидентский блок из республиканцев и консервативных демократов из южных штатов. На руку Кеннеди играло то, что в начале 60-х американская экономика была на подъеме, а инфляция составляла всего 2 % в годовом исчислении. Поэтому значительного снижения налогов не требовалось, что облегчало осуществление затратных социальных программ.

В октябре 1962 года конгресс принял закон о расширении торговли, в рамках которого Кеннеди успешно добивался снижения торговых пошлин во всем мире.

В 1962 году президент сократил государственные заказы в американской сталелитейной промышленности, что стимулировало потребление более дешевой импортной стали, но вызвало недовольство американских сталелитейных корпораций, с которыми Кеннеди воевал все свое недолгое президентство.

Если Эйзенхауэр, по крайней мере теоретически, не исключал освобождение Восточной Европы с помощью войск НАТО, то Кеннеди прямо заявил, что в термоядерный век у США нет возможности освободить Восточную Европу от коммунизма с помощью военной силы. Он высказался за налаживание диалога с Советским Союзом, чтобы уменьшить риск возникновения мировой войны. В то же время он не отказывался от доктрины «массированного ответного ядерного удара», которую исповедовали Трумэн и Эйзенхауэр.

Еще в июне 1960 года Кеннеди выступил в сенате с речью «Время решений». Он рекомендовал обеспечить возможность для США безусловно нанести сокрушительный ответный термоядерный удар даже в случае, если они подвергнутся всеобъемлющему термоядерному нападению. Для этого, по мнению Кеннеди, необходимо было совершенствовать ракетное оружие и сохранять и укреплять базы носителей ядерного оружия по периметру советских границ, в том числе благодаря повышению уровня экономической и политической стабильности в тех странах, где расположены базы. Кеннеди также считал, что США должны обеспечить себе возможность вести одновременно не менее двух локальных войн в различных районах мира. Для этого требовалось провести модернизацию обычных вооруженных

сил. Кеннеди предложил развитым странам Запада совместно оказывать помощь странам третьего мира и увеличить туда приток инвестиций. Будущий президент призывал несколько подкорректировать американскую политику на Ближнем Востоке, чтобы она не воспринималась арабами как безоговорочно произраильская. По его мнению, надо было учитывать рост национализма в Латинской Америке и Африке и исходить из неизбежности краха колониализма в Африке.

Кеннеди также ратовал за расширение политических функций НАТО и за обеспечение свободы мировой экономики за счет преодоления соперничества региональных таможенных союзов. В эти регионы надо направлять больше американских технических специалистов, а все больше африканцев и латиноамериканцев принимать в университеты США.

Кеннеди гораздо большее значение придавал внешней, а не внутренней политике. По свидетельству Соренсена, президент однажды сказал: «Одно дело – провал какого-нибудь законопроекта в конгрессе, и совсем другое – полное уничтожение страны». А такая перспектива казалась реальной в случае начала мировой термоядерной войны. В Европе же США, по убеждению Кеннеди, должны безоговорочно защищать Западный Берлин.

В Азии Кеннеди считал полезным наладить отношения с коммунистическим Китаем, воздерживаясь от его дипломатического признания.

7
Доктрина гибкого реагирования и создание сил специального назначения

Кеннеди выдвинул доктрину «гибкого реагирования», предусматривавшую наряду с ведением тотальной ядерной войны «локальные» и «антипартизанские» войны с применением ядерных и обычных вооружений. В отличие от предшественников, Кеннеди гораздо больше внимания уделил ведению локальных войн с применением локальных вооружений. Будущий председатель объединенного комитета начальников штабов генерал Максуэлл (Макс) Девенпорт Тейлор и был фактическим автором доктрины быстрого реагирования, которую он сперва предложил Эйзенхауэру. Но тот всецело полагался на ядерное сдерживание и считал дополнительное значительное увеличение вооружений и численности сухопутной армии пустой тратой денег. В результате Тейлор вынужден был уйти с поста начальника штаба армии. Кеннеди же не только вернул четырехзвездного генерала из отставки, но и назначил его сначала своим помощником, а затем и на более высокую должность главы комитета начальников штабов всех видов вооруженных сил. Тэйлор особенно подружился с Робертом Кеннеди, который даже одного из своих сыновей, рожденного в 1965 году, назвал Мэтью Максуэлл (Макс) Тейлор.

Генерал М.Д. Тейлор

Генерал Тейлор предложил Кеннеди создать новые высокомобильные части специального назначения для ведения антипартизанских войн в странах третьего мира. Первые такие части были созданы еще при Трумэне, в 1952 году. Первой такой частью стала 10-я группа специального назначения. Она насчитывала 2 тыс. человек и дислоцировалась в Форт-Брэгге (Северная Каролина). 10-я группа первоначально подчинялась Отделению американской армии по ведению психологической войны. Тогда же, в 1952 году, в Форт-Брэгге были созданы Центр и Школа психологической войны. Позднее 10-я группа разделилась на две. Собственно 10-я группа передислоцировалась в Бад-Тельц (Западная Германия). Она предназначалась для разведывательно-диверсионных действий в тылу советских войск в случае их вторжения в Западную Европу, а также для возможных партизанских действий в Восточной Европе. В Форт Брэгге осталась 77-я группа специального назначения, предназначенная для антипартизанских действий в странах третьего мира, и прежде всего в Юго-Восточной Азии. В 1957 году от 77-й группы

отпочковалась 1-я группа, предназначенная для деятельности на Дальневосточном театре, а в 1960 году 77-я группа была переименована в 7-ю группу. В 1961 году, с началом президентства Кеннеди, в Форте Брэгг были расквартированы 5-я группа специальных сил (воздушно-десантная) и 29-я группа артиллерийских сил (артиллерийская). В их задачу входило обучение антипартизанских сил для Юго-Восточной Азии. В том же году здесь была воздвигнута статуя «Железный Майк» – в память обо всех бойцах специальных сил, погибших за Америку. Неофициально их стали называть «зелеными беретами». 12 октября 1961 года Кеннеди впервые посетил Форт Брэгг и встретился с бойцами специальных сил. А уже в январе 1962 года газета «Уолл-стрит джорнэл» писала, что армейские «зеленые береты» «начнут в ближайшее время специальную подготовку для операций в Латинской Америке и Африке с использованием новых видов оружия и тактики, тогда как уже существующие части особого назначения готовятся к операциям в Восточной Европе и Азии. Эти люди будут хорошо знать язык, обычаи, историю и политику этих стран». Было ясно, что бойцы специальных сил будут использоваться в качестве разведчиков, диверсантов и организаторов партизанского движения.

В 1963 году Кеннеди начал уделять повышенное внимание спецназу, поверив, что он может стать средством решения едва ли не всех проблем в антипартизанских и других локальных войнах. В связи с этим дополнительно были созданы 3, 5, 6 и 8-я группы. Позднее, уже после смерти Кеннеди, в составе Национальной гвардии были созданы 19-я и 20-я группы. Все эти части предназначались главным образом для ведения боевых действий в Южном Вьетнаме и других странах Индокитая.

К лету 1963 года в составе специальных сил насчитывалось 12 тыс. человек. Они предназначались главным образом для действий во Вьетнаме. Кроме того, 112 тыс. американских офицеров и 7 тыс. офицеров из союзных стран прошли антипартизанскую подготовку. При этом ведение военных операций, даже ограниченного масштаба, после фиаско в заливе Свиней изъяли из компетенции ЦРУ.

После гибели Кеннеди Школа и Центр специальных методов ведения войны (бывшие Центр и Школа ведения психологической войны) в Форт Брэгге были названы его именем.

Тэйлор убедил Кеннеди, что помимо стратегических ядерных сил у американской армии, флота и авиации должны быть хорошо развиты обычные вооружения и техника для локальных войн и особенно для подавления партизанских движений. Ведь в такого рода боевых действиях применять ядерное оружие – это

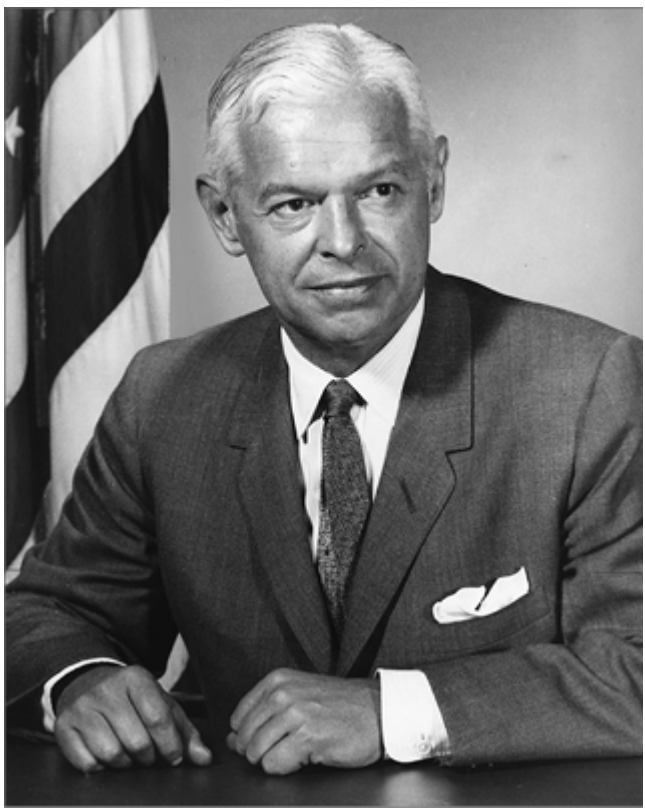
все равно что палить из пушек по воробьям. Правда, обычные вооруженные силы Кеннеди собирался развивать не в ущерб стратегическим. Параллельно с развитием специальных сил Кеннеди начал наращивать число и качество стратегических ракет, способных нести ядерные боеголовки.

Кеннеди поручил Макнамаре обозреть стратегические силы потенциальных противников Америки. Он так и сказал об этом: «Ни при каких обстоятельствах мы не должны ограничивать нашу стратегию или уровень вооруженных сил произвольными, заранее спланированными финансовыми ограничениями». Фактически это означало систематическое наращивание военных расходов. Макнамара еще до инаугурации доложил Кеннеди, что стратегия исходит из реально выделенных ассигнований, а не диктует эти ассигнования, как и должно быть в идеале. В президентство Кеннеди именно избранная военно-политическая доктрина диктовала объем и характер военных расходов. В сумме дополнительные ассигнования на оборону за три года президентства Кеннеди составили более 17 млрд долларов.

В свое время президент Эйзенхауэр стал жертвой советской дезинформации. Хрущев утверждал, что СССР обладает десятками баллистических ракет и может при желании производить их как сосиски. В результате американцы резко нарастили свою ракетную мощь и получили значительный перевес над Советским Союзом. При Кеннеди наращивание ракетно-ядерного потенциала продолжилось. Президент и его окружение рассчитывали получить возможность гарантированного уничтожения советских ракет до того, как те смогут нанести первый удар, но эта цель оказалась недостижима.

В марте 1961 года по инициативе Макнамары и Кеннеди начала свою деятельность рабочая группа по пересмотру военно-политической доктрины «Основы политики в области национальной безопасности», которой руководствовалась администрация Эйзенхауэра. Руководил группой заместитель Макнамары Пол Нитце, а в ее состав входили бывшие сотрудники фонда «Рэнд корпорейшн» Генри Роуэн, Уильям Кауфман и Дэниел Эллсберг. «Рэнд корпорейшен», располагающаяся в Санта-Монике (Калифорния), занимается военно-политической аналитикой, в том числе сравнением эффективности различных образцов и видов вооружений, и обслуживает преимущественно Министерство обороны. Макнамара считал, что новые технологии, особенно в сфере управления, революционизируют военное дело. Речь шла о развитии компьютеров, средств связи и высокоточного оружия, а также средств защиты одиночного бойца. Эти технологии делали тогда еще только первые шаги, в

полной мере проявившись только в последнее десятилетие XX века. Они привели к распространению бесконтактной борьбы, в которой американская армия и армии ряда других государств стран НАТО получили подавляющее превосходство над своими противниками. Это особенно явно проявилось во время двух войн коалиции против Ирака. А основы этой революции в ведении войн закладывались еще в начале 60-х годов Макнамарой и его сотрудниками. Новый министр обороны считал, что с новыми технологиями и возможностями их военного применения лучше разберутся гражданские специалисты. Над подавляющим большинством профессиональных военных, как верно полагал Макнамара, слишком довлел опыт Второй мировой и Корейской войн.



Пол Нитце

По результатам работы группы Нитце Макнамара приказал переработать «Единый оперативный план» Комитета начальников штабов. При Эйзенхауэре этот план был ориентирован только на одновременное применение всех ядерных средств против военных и невоенных целей, причем к последним относились главные

промышленные и административные центры СССР и его союзников. Теперь военные и гражданские цели выделялись в отдельные списки, что предполагало возможность ведения такой войны, в которой ядерные удары наносятся только по военным целям. Кроме того, допускалось «дозированное» применение ядерных сил в случае, если США будут контролировать ход военных действий, и постепенное наращивание ударов в случае, если противник не согласится прекратить войну. Теперь «Единый оперативный план» включал пять основных вариантов ведения ядерной войны, от нанесения ударов только по стратегическим ядерным силам противника и, по мере эскалации конфликта, вплоть до массированного термоядерного удара по основным города и стратегическим промышленным объектам. Собственно, все эти варианты имели больше теоретическое и пропагандистское, чем реальное значение. При их разработке молчаливо предполагалось, что другая сторона, то есть Советский Союз, также будет использовать свои силы поэтапно, то есть в ответ на удар по своим стратегическим ядерным силам ответит ударом по американским носителям ядерных боезарядов. А если Москва применит ядерное оружие первой, то по-джентльменски начнет с ударов по американским ракетам, подлодкам и бомбардировщикам. Слава богу, что ни один из этих вариантов до сих пор не пришлось применять на практике. Но фактически планы поэтапного использования ядерного оружия прежде всего призваны были успокоить американскую и мировую общественность. Людям пытались внушить, что возможна ограниченная ядерная война, которая не будет грозить им особо катастрофическим последствиями, если дело ограничится, например, лишь ударами по стратегическим ядерным силам. Однако к реалиям возможной термоядерной войны все эти сценарии имели очень небольшое отношение. Если бы Советский Союз первым нанес термоядерный удар (а американская военная доктрина исходила прежде всего из такого предположения), то он ни в коем случае не ограничился бы ударом по стратегическим ядерным силам США. Ведь в Москве прекрасно понимали, что у них нет шансов уничтожить не только все, но даже хотя бы большинство американских термоядерных носителей и боезарядов. Следовательно, неизбежно последует сокрушительный американский ответный удар, который, ясное дело, не ограничится уничтожением советских средств доставки термоядерного оружия, а затронет все основные центры страны. Но точно так же, если первыми ядерное оружие решат применить Соединенные Штаты, им не будет никакого смысла ограничиваться советскими стратегическими ядерными

объектами. Все равно уничтожить их все будет невозможно, и у противника останется достаточно сил и средств для термоядерного удара, направленного прежде всего против мирного населения.

Макнамара, объясняя американской общественности причины перехода от эйзенхауэровской доктрины «массированного возмездия» к доктрине «гибкого реагирования», признавал, что ядерная война теперь, когда у СССР появились межконтинентальные баллистические ракеты, может нанести неприемлемый урон населению и территории самих Соединенных Штатов. Ранее наличие у СССР стратегических межконтинентальных бомбардировщиков мало беспокоило Вашингтон, поскольку по своим тактико-техническим свойствам они имели мало шансов преодолеть американское ПВО.

В июне 1962 года Макнамара в речи в Энн-Арбор (Мичиган) выдвинул концепцию контрсилы: «Главная задача в случае ядерной войны… состоит в уничтожении вооруженных сил противника, а не гражданского населения. Однако в крайнем случае даже в случае внезапного массированного нападения со стороны неприятеля у союзников есть резервная ударная мощь, достаточная для уничтожения вражеского общества».

Разработанная в президентство Кеннеди доктрина «гибкого реагирования» предусматривала и определенные стадии развития глобального неядерного конфликта в Европе, если бы таковой случился между войсками Организации Североатлантического договора и Организации Варшавского договора. Американские теоретики полагали, что в неядерном конфликте в Европе обязательно должна возникнуть стадия «неядерной паузы», непосредственно предшествующая применению ядерного оружия. Во время такой паузы, как думали разработчики доктрины «гибкого реагирования», стороны конфликта могли бы взвесить все риски ядерной эскалации и, возможно, отказаться от применения ядерного оружия. Скорее всего, и в данном случае мы скорее имеем дело с пропагандой, направленной на обработку прежде всего американской общественности. Вряд ли в Пентагоне так уж сильно заблуждались насчет качеств советских политических лидеров (военные в СССР самостоятельной роли никогда не играли) и всерьез полагали, что они, в случае начала мировой войны, будут соблюдать «джентльменские соглашения» о «неядерной паузе».

Для того, чтобы уменьшить риск возникновения третьей мировой войны, администрация Кеннеди стремилась также к наращиванию обычных вооружений в Европе, чтобы у советских лидеров не появилось соблазна совершить быстрый марш

к Атлантике. И до Кеннеди, и после его президентства американское военно-политическое руководство значительно преувеличивало реальную боевую мощь Советской армии, не учитывая низкий уровень подготовки основной части личного состава и значительные недостатки в командовании и средствах управления. Тут надо еще оговориться, что представители американского ВПК, включая ЦРУ и Пентагон, нередко сознательно преувеличивали советскую военную мощь, чтобы добиться дополнительных бюджетных ассигнований. На это обратил внимание еще Эйзенхауэр, который и ввел в оборот сам термин «военно-промышленный комплекс». Тем не менее Айк не слишком высоко оценивал боевую мощь обычных вооруженных сил СССР, без ракетно-ядерной компоненты.

Против доктрины «гибкого реагирования» особенно активно выступало руководство ВВС, в чьем ведении находились стратегические бомбардировщики и МБР. Ведь теперь больше, чем раньше, средств военного бюджета должно было идти на развитие обычных вооружений в армии, на флоте и в корпусе морской пехоты, а также на развитие стратегических ядерных сил ВМФ. Однако оппозиция генералитета ВВС была не слишком сильной хотя бы потому, что другие виды вооруженных сил удовлетворялись главным образом за счет дополнительных ассигнований, а не за счет изъятия бюджетных средств у Министерства авиации.

Впоследствии, уже после гибели Кеннеди, некоторые эксперты видели в доктрине «гибкого реагирования» одну из причин американского поражения во Вьетнаме. По их мнению, если бы изначально во Вьетнаме были массированно применены все виды американских вооруженных сил, то сопротивление Вьетконга и Северного Вьетнама было бы сломлено. А тот факт, что эскалация конфликта и наращивание американских войск происходили постепенно, позволял противнику приспосабливаться к ситуации и применять достаточно эффективные контрмеры. Определенный резон в таких соображениях, несомненно, есть. Если бы в момент начала массированных американских бомбардировок Северного Вьетнама в 1965 году в Южном Вьетнаме бы уже находилась та полумиллионная группировка американских войск, которая оказалась там к концу 60-х годов, то, возможно, Вьетконгу был бы нанесен гораздо более тяжелый удар. Однако на полное уничтожение партизан Народного фронта освобождения Южного Вьетнама, в силу самого характера партизанской войны, вряд ли стоило рассчитывать. Точно так же нельзя было надеяться на уничтожение северовьетнамской армии, поддерживавшей

партизан, даже в случае, если бы произошло наземное вторжение американских и южновьетнамских войск в Северный Вьетнам. В случае такого вторжения можно было бы не сомневаться во вступлении в войну китайской армии и возникновении такого же стратегического тупика, который возник после вступления Китая в войну в Корее. Правда, в этом случае, вероятно, появилось бы гораздо больше шансов удержать Южный Вьетнам, подобно тому, как в результате Корейской войны США удалось сохранить независимость Южной Кореи. Однако и при той стратегии, которую реально применяли во Вьетнаме Джонсон и Никсон, шансы на сохранение Южного Вьетнама тоже существовали, но они были похоронены после угрозы импичмента Никсона и его отставки, что резко ослабило президентскую власть в США. Только благодаря этому Северный Вьетнам в 1975 году решился предпринять генеральное наступление, которое привело к свержению проамериканского правительства Южного Вьетнама. Если бы в 1975 году в Белом доме по-прежнему сидел бы Никсон, причем столь же сильный, каким он был, например, в 1972 году, после обвальной победы на выборах, то генерального наступления 1975 года коммунистов во Вьетнаме либо не было бы вовсе, либо оно было бы отражено с помощью возобновления массированных американских бомбардировок вьетнамской территории.

Ракета «Минитмен-1» на тестовой площадке

Кеннеди продолжал и расширял программы производства вооружений, запущенные еще при Эйзенхауэре. 30 января 1961 года Кеннеди принял решение об ускорении строительства стратегических атомных подводных лодок «поларис» и расширении программы развертывания межконтинентальных баллистических ракет «Минитмен-1». Количество «поларисов» увеличивалось с 5 до 10, а «минитменов» – с 540 до 600, причем наземное базирование заменялось на шахтное. В перспективе предельная численность «минитменов» определялась в 1000 единиц, хотя некоторые генералы предлагали уже к 1967 году иметь 3900 таких ракет. Но столь резкого наращивания военных расходов Кеннеди не хотел, да и такое число стратегических ракет было явно избыточно. Напомню, что термоядерные ракеты на атомных подлодках до сих пор остаются неуязвимыми. Базирование же «минитменов» в подземных шахтах делало их в 60-е годы практически неуязвимыми, поскольку такие шахты можно было поразить только с помощью ядерных зарядов. Точность же МБР в то время была такова, что попасть достаточно близко от точки расположения шахты они не могли. Главное же, и тысячи ракет с термоядерными боеголовками самих по себе хватило бы, чтобы гарантированно и не один раз уничтожить все основные советские объекты. Ведь средств противоракетной обороны тогда вообще не было. А ведь были еще ракеты на «поларисах» и стратегические бомбардировщики.

Обосновывая проводимое его администрацией перераспределение и наращивание средств в рамках военного бюджета, Кеннеди в специальном послании конгрессу объявил: «Наша позиция в области обороны должна быть гибкой и решительной… У нас должна быть возможность разумно выбирать виды оружия и стратегию, изменять темпы роста производства вооружений, менять при необходимости способы управление нашими войсками, для того чтобы в сжатые сроки и при любых обстоятельствах приспосабливаться к меняющимся условиям или целям. Наша позиция в области обороны должна быть такой, чтобы уменьшить опасность случайной или непредумышленной всеобщей войны, опасность эскалации малой войны в большую, равно как и возможность просчета или неправильного истолкования какого-либо инцидента либо намерений противника».

25 мая 1961 года Кеннеди выступил в конгрессе США с посланием к стране. Он заявил об ассигновании дополнительных 2 млрд долларов на производство новых видов

вооружения и подготовку отрядов специального назначения, на военную и экономическую помощь другим государствам, строительство в США атомных бомбоубежищ и расширения вещания радиостанции «Голос Америки». Кеннеди предупредил законодателей: «В жизни нашей страны и судьбе свободы на всем земном шаре наступают самые серьезные времена».

В феврале 1961 года Комитет начальников штабов потребовал, чтобы США возобновили ядерные испытания в атмосфере в течение 60 дней. Госдепартамент рекомендовал отложить решение о возобновлении ядерных испытаний на более поздний срок. В начале августа Кеннеди приказал начать подготовку новой серии подземных термоядерных взрывов. Но Советский Союз начал ядерные испытания первым. О предстоящих испытаниях 50-мегатонной супербомбы (еще ее называли «царь-бомбой») объявил Хрущев в своем докладе 17 октября 1961 года на XXII съезде КПСС. Эти испытания состоялись 30 октября. Бомба была сброшена на парашюте с самолета Ту-95В. Взрыв был осуществлен на высоте 4200 м над уровнем моря (4000 м над целью). Мощность взрыва заметно превысила расчетную (51,5 мегатонны) и составила от 57 до 58,6 мегатонны в тротиловом эквиваленте. Излучение потенциально могло вызывать ожоги третьей степени на расстоянии до 100 километров. Ударная волна, возникшая в результате взрыва, три раза обогнула земной шар. Звуковая волна, порожденная взрывом, докатилась до острова Диксон на расстоянии около 800 километров.

«Царь-бомба»

Эти испытания вызвали протесты правительств США и Англии. Максимальная мощность водородной бомбы, испытанной к тому времени американцами, была вчетверо меньшей. Дело в том, что такие сверхмощные бомбы не имели практического боевого применения. В СССР с подачи академика А.Н. Сахарова изучался план о том, чтобы взорвать несколько таких супербомб в Атлантическом океане, чтобы вызвать грандиозное цунами, которое должно было уничтожить Америку или, по крайней мере, нанести главному противнику неприемлемый ущерб. Однако от этой идеи отказались. Осуществить взрыв в 100 милях от американского побережья, как он предлагал, трудно. Атомной подлодке нелегко было бы незамеченной проникнуть в этот район, чтобы затем выпустить гигантскую термоядерную суперторпеду. Заблаговременное размещение супербомб на дне Атлантики, хоть в центре океана, хоть вблизи американского побережья, с возможностью последующего приведения их в действие по сигналу из Москвы, было технически неосуществимо. Учитывая неизбежную коррозию и многокилометровую толщу океанской воды, никакой сигнал не смог бы активировать супербомбу. Кроме того, последствия «термоядерного цунами» могли оказаться непредсказуемыми и затронуть весь мир. Главное же, термоядерную суперторпеду можно было использовать только после начала войны, когда выйти на исходную позицию у советской АПЛ уже не было бы никаких шансов. Для угрозы в рамках «равновесия страха» термоядерная супербомба не годилась. Да и термоядерное цунами само по себе, разрушив прибрежные города, никак не затронул бы американские ракеты в шахтах и на «поларисах», так что у США сохранилась бы способность к ответному термоядерному удару.

Сначала Кеннеди и его советники думали передать вопрос о возобновлении Советским Союзом ядерных испытаний в атмосфере в Совет Безопасности ООН, но потом отказались от этой идеи. Американский представитель на переговорах в Женеве по запрещению ядерных испытаний Артур Дин отметил, что, предприняв подобный шаг, США «ограничили бы свою собственную свободу действий» в проведении термоядерных испытаний. 5 сентября Кеннеди отдал приказ о возобновлении США подземных ядерных взрывов в штате Невада. Накануне, 3 сентября, послы США и Англии в Москве передали советскому правительству совместное заявление, в котором выражалась обеспокоенность возобновлением СССР надземных ядерных испытаний. А 25 апреля 1962 года США возобновили ядерные

испытания в атмосфере, хотя и Макнамара, и эксперты Пентагона были уверены, что испытания водородных бомб в атмосфере, в сущности, не нужны, поскольку вполне можно обойтись подземными испытаниями.

Одновременно было создано Агентство по контролю над вооружениями и разоружению, во главе которого был поставлен республиканец Джон Макклой, бывший американский Верховный комиссар в Германии и бывший председатель совета директоров рокфеллеровского «Чейз Манхэттен банк», придерживавшийся консервативных взглядов. Этот орган выполнял в основном пропагандистские функции, поскольку никаких соглашений с СССР в этой сфере еще не было. Макклой, в частности, утверждал: «Я не верю в мировое общественное мнение. Единственное, что имеет значение, так это сила. В настоящее время мы должны показать, что являемся мощной державой, и давайте не тратить время, гоняясь за тенью мирового общественного мнения».

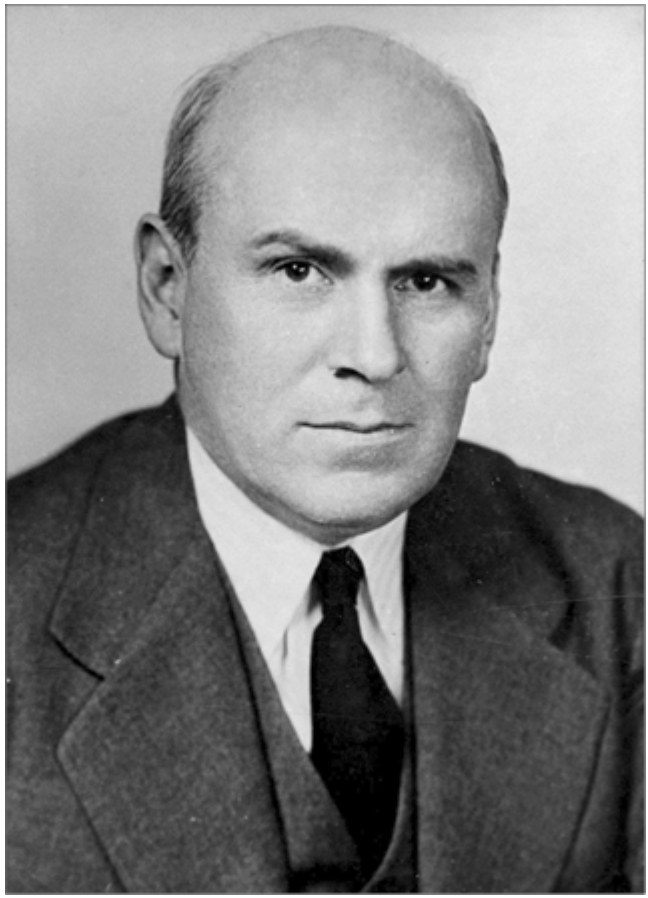
Тем не менее он объявил о намерении начать переговоры с советскими представителями. В июне 1961 года переговоры начались. Партнером Макклоя стал заместитель министра иностранных дел СССР Валериан Александрович Зорин. Он также обладал солидным послужным списком. В 1945–1947 годах Зорин был послом в Чехословакии и фактически диктовал советскую волю правительству этой страны. А в 1949–1952 годах Валериан Александрович, будучи заместителем министра иностранных дел, возглавлял Комитет информации при МИДе – советский аналог ЦРУ.

Макклой на переговорах придерживался тактики «минимальных усилий» и готов был обсуждать лишь самые общие принципы разоружения, которые бы стороны ни к чему не обязывали. Он также предлагал установить контроль за запуском ракет в космос. От советской стороны пытались добиться согласия на создание международных вооруженных сил, обладающих всеми видами вооружений, в том числе и ядерными, причем их использование в «горячих точках» не требовало бы единогласия постоянных членов Совета Безопасности ООН. Эту идею Зорин отверг. Он предложил подписать совместное советско-американское заявление об основных принципах договора о всеобщем и полном разоружении. Кеннеди данное предложение понравилось, но он потребовал от Макклоя основательно подкорректировать текст заявления, в частности, внеся в него положение о необходимости контроля над вооружениями. На это не соглашалась советская сторона. Ведь СССР оставался закрытым тоталитарным обществом, где не

публиковалась практически никакая информация по вопросам советского ВПК, вооруженных сил и вооружений. Поэтому США и их союзники могли добывать эти сведения только с помощью средств технической и агентурной разведки. Напротив, в США подавляющее большинство сведений о вооруженных силах, ВПК и вооружениях так или иначе публиковались, поскольку для их финансирования требовалось согласие конгресса. А американские законодатели не выделяли средства без тщательного обсуждения в комитетах и на разного рода слушаниях. Поэтому в проверках на местах в гораздо большей степени нуждалась американская, а не советская сторона. В результате в июне, июле и сентябре 1961 года состоялись двусторонние переговоры в Вашингтоне, Москве и Нью-Йорке. Наконец, 20 сентября 1961 года было подписано так называемое Соглашение Макклоя – Зорина – совместное заявление о согласованных принципах для переговоров о разоружении. Там отмечалось, что всеобщее и полное разоружение будет включать в себя «роспуск вооруженных сил; ликвидацию военных баз; прекращение производства вооружений; ликвидацию всех запасов ядерного, химического, бактериологического и других видов оружия массового уничтожения и всех средств доставки этого оружия к цели и др.». О контроле над вооружениями в соглашении говорилось следующее: «Программа разоружения должна выполняться в согласованной последовательности, по этапам, пока она не завершена, при этом каждая мера и этап выполняются в пределах ограниченных временных рамок. Переход к последующему этапу разоружения должен происходить после рассмотрения результатов выполнения мер, предусмотренных на предыдущем этапе, и после решения о том, что все эти меры были реализованы и проверены, а также что любые дополнительные механизмы контроля, необходимые для принятия мер на следующем этапе, готовы к использованию, в случае необходимости». Стороны декларировали, что необходим «строгий контроль, чтобы убедиться в соблюдении договора всеми сторонами, и создании международной организации по разоружению с наличием в ней инспекторов, имеющих неограниченный доступ везде, без запрещения полной проверки».

В.А. Зорин

Поскольку ни механизм разоружения, ни механизм контроля над ним в соглашении Макклоя – Зорина не были прописаны, а международной организации по разоружению еще не существовало, данное совместное заявление имело чисто пропагандистское значение. Тем не менее оно устраивало обе стороны, поскольку позволяло продемонстрировать мировой общественности стремление и Вашингтона, и Москвы к решению проблем разоружения и контроля над вооружениями.



Джон Макклой

25 июля 1961 года Кеннеди выступил с большой речью по телевидению. Он объявил об увеличении на 3247 млн долларов военных ассигнований; доведении численности сухопутных сил до 1 млн человек, увеличении численности флота на 29 тыс. человек и военно-воздушных сил – на 63 тыс. человек. Количество призываемых на военную службу в ближайшие месяцы должно было возрасти в 3 раза, что было связано с обострением ситуации вокруг Западного Берлина. Увеличивался также срок военной службы. Кеннеди просил конгресс о выделении дополнительных 207 млн долларов на нужды гражданской обороны. Президент призвал широко развернуть в стране строительство атомных бомбоубежищ с запасом продуктов, воды и медикаментов, необходимых, чтобы выжить в случае ядерного удара по территории Соединенных Штатов. Последний призыв вызвал едва ли не панику среди миллионов американцев. Требуемые ассигнования были немедленно предоставлены. По всей стране состоятельные американцы бросились покупать индивидуальные

атомные убежища, которые на самом деле не могли дать сколько-нибудь надежной защиты от радиации. Многие строительные фирмы неплохо заработали на страхе американцев перед ядерным нападением. В прессе в качестве примера для подражания рассказывалось о том, как лауреат Нобелевской премии по химии Уильярд Либби выкопал себе бомбоубежище в склоне горы, защитил вход в него железнодорожными шпалами и мешками с песком. Либби утверждал, что стоит подобное импровизированное бомбоубежище всего 30 долларов.

Уильярд Либби

20 декабря 1961 года Генеральная Ассамблея ООН учредила Комитет по разоружению, известный в дальнейшем как Комитет 18-ти. На практике там работали представители только 17 государств, поскольку Франция так и не направила в Комитет

своего представителя. Это было учреждение, рассчитанное прежде всего на публику. Там проходили лишь консультации по разоружению, но не серьезные переговоры, которые требовали значительно более узкого формата. Неудивительно, что как Кеннеди, так и британский премьер Гарольд Макмиллан отказались участвовать в его работе.

16 января 1962 года переговоры по разоружению между СССР, США и Англией возобновились в Женеве. Американский и британский представители потребовали принять их предложения по контролю, заявляя, что иначе они прервут конференцию в Женеве и перенесут дискуссии в Комитет 18-ти. Переговоры зашли в тупик.

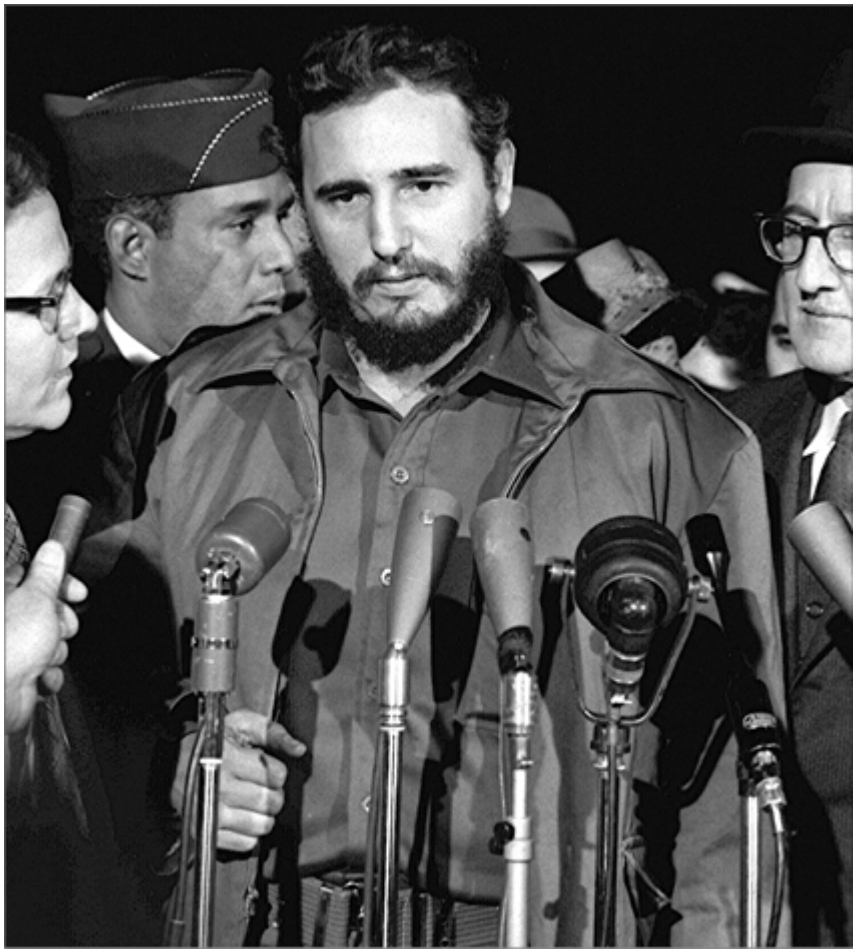
15 марта 1962 года СССР внес на рассмотрение Комитета 18-ти проект Договора о всеобщем и полном разоружении под международным контролем, которое предлагалось осуществить в четырехлетний срок. США это предложение проигнорировали как несерьезное. В ответ американская сторона внесла свое предложение, где основной упор делался на контроль над вооружениями. Его, в свою очередь, проигнорировала советская сторона. Шлессинджер в мемуарах отмечал, что «комитет начальников штабов… выступал против всеобщего и полного разоружения», поскольку не без оснований считал его утопией.

8
Фиаско в Заливе Свиней

Приход к власти на Кубе в начале 1959 года марксиста Фиделя Кастро вызвал определенное беспокойство в Вашингтоне. Однако трагедии из этого при Эйзенхауэре еще не делали. Диктатор Фульхенсио Батиста-и-Сальдивар, которого сверг Фидель, тоже создавал своим коррумпированным режимом немало проблем для американского капитала на острове, да и сам пришел к власти посредством военного переворота. Сначала Эйзенхауэр надеялся, что с Кастро удастся найти общий язык. А когда наладить кубинско-американские отношения не удалось, когда Кастро национализировал американскую собственность без какой-либо компенсации и стал строить социализм, Эйзенхауэр незадолго до ухода с поста президента, 3 января 1961 года, разорвал отношения с Кубой.

Хрущев был прав, когда утверждал, что если бы американцы «допускали, что с изгнанием Батисты, с разгромом его войск Фиделем Кастро они потеряют Кубу, лишатся своих капиталов и Куба перейдет на позиции социалистического строительства, то очень мало потребовалось бы средств со стороны США, чтобы помочь Батисте и не допустить его разгрома».

И Никита Сергеевич весьма скептически относился к утверждениям Кастро, что они разбили бы Батисту и в случае, если бы его активно поддержали США.



Фидель Кастро в 1959 г.

В СССР не сразу поняли, какой козырь дает им установление диктатуры Кастро на Кубе. Хрущев признался в мемуарах: «Когда Фидель Кастро добился победы и вступил со своими войсками в Гавану, мы в СССР, собственно говоря, еще не знали, какое политическое направление будет принято победителями. Знали, что в движении, возглавляемом Кастро, участвуют отдельные коммунисты-одиночки, но Компартия Кубы в целом не контактировала с ним, и секретарь ЦК Компартии Кубы даже вышел из партии, чтобы уйти партизанить в горы вместе с Кастро».

Но очень быстро в Москве разобрались, тем более, что революционное правительство СССР признал еще 11 января 1959 года. В феврале 1960 года во время визита в Гавану члена Политбюро ЦК КПСС А.И. Микояна было подписано первое советско-кубинское торговое соглашение. СССР брал на себя

обязательства закупить на Кубе 5 млн тонн сахара в течение пяти лет, обеспечивать Кубу нефтью и нефтепродуктами и предоставить кредит в 100 млн долларов.

Тем временем в Вашингтоне вызывала беспокойство как антиамериканская пропаганда, которую Кастро и его соратники развернули в Латинской Америке, так и сам по себе «дурной пример», который кубинская революция могла подать другим латиноамериканским народам, многие из которых, как и кубинский, жили в условиях военной диктатуры.

Возвратившись в апреле 1960 года из двухмесячной поездки в Южную Америку, Эдлай Стивенсон признал: «Латинская Америка переживает период революций… Повсюду налицо требования социальных изменений». Существовала опасность, что в ряде стран события будут развиваться по кубинскому сценарию. А в Латинской Америке были инвестированы значительные капиталы американских кампаний, отсюда импортировались некоторые важные виды сырья и продовольствия. К тому же недопущение политического господства какой-либо из других держав хотя бы в одной латиноамериканской стране рассматривалось, согласно доктрине Монро, в качестве угрозы национальной безопасности США.

А.И. Микоян (справа) с Ф. Кастро (слева) во время визита на Кубу

В мае 1960 года СССР установил дипломатические отношения с Кубой. Из Советского Союза на Кубу срочно стали поставлять нефтепродукты, чтобы преодолеть американское нефтяное эмбарго против Кубы. Для этой цели был мобилизован едва ли не весь советский танкерный флот, и в Италии были закуплены дополнительные танкеры. В конце 1960 года на Кубу стало поставляться советское современное бронетанковое, артиллерийско-минометное вооружение и некоторые виды стрелкового оружия, а также зенитные орудия и несколько самолетов-истребителей. Небольшая группа советских военных специалистов на Кубе развернула ускоренную подготовку орудийных расчетов, танковых экипажей и изучение основ тактики их применения в местных условиях.

Еще в ходе предвыборной кампании, в выступлении перед избирателями 20 октября 1960 года, через десять дней после введения торгового эмбарго против Кубы, Кеннеди заявил: «Мы должны попытаться укрепить демократические силы… которые находятся в изгнании и на самой Кубе, с которыми связаны надежды на свержение Кастро. До сего времени эти борцы за свободу фактически не получали никакой поддержки от нашего правительства». Будущая операция по высадке на Кубе вполне ложилась в рамки этой доктрины.

Планы операций против Кубы ЦРУ начало прорабатывать с начала 1960 года. 17 марта 1960 года президент Эйзенхауэр принял решение о разработке операции по свержению правительства Кастро и замене его правительством, «более отвечающим истинным интересам кубинского народа и более приемлемым для США, и таким образом, чтобы избежать впечатление об американской интервенции». Последняя задача была практически невыполнима. Высаживаться кубинским эмигрантам пришлось с американских судов, отправившихся с подконтрольных США территорий и при непосредственной поддержке американской авиации. Однако это невыполнимое требование минимизировать признаки американского участия довлело над разработчиками операции и привело к печальным последствиям. К тому же высадку планировали гражданские сотрудники ЦРУ, а не имевшие реальный опыт десантирования в боевых условиях генералы армии, авиации, флота и морской пехоты. Церэушникам казалось, что предстоит сравнительно легкая интервенция в очередную «банановую» республику, когда противник капитулирует от одного вида американских кораблей (хотя вроде как и не американских), и от нескольких бомб, сброшенных с американских самолетов (официально: неизвестно кому принадлежащих самолетов без опознавательных знаков). Но

им противостоял противник, закаленный в многолетних боях, пользующийся поддержкой значительной части населения и получающий современное вооружение и боевую технику от СССР и его союзников.

Если бы Эйзенхауэр сразу оценил размер кубинской проблемы и предпринял бы вторжение на остров американскими силами еще в начале 1960 года, до того, как начала сказываться поддержка правительства Кастро Советским Союзом, оккупировать Кубу и установить там режим, устраивающий США, было бы достаточно легко, несмотря на неизбежные протесты и падение престижа США в Латинской Америке и остальном мире. В конце концов, вопросы престижа Эйзенхауэра никогда особенно не волновали. Но, похоже, он, как и другие деятели его администрации, включая Аллена Даллеса, думали, что раз Куба находится всего в 90 милях от американского побережья, то никуда она не денется. Поэтому для подготовки тайной операции против режима Кастро, в которой роль США, как надеялись, будет далеко не очевидна для мирового сообщества, еще есть время. Советский Союз далеко, и со своим слабым флотом быстро помочь Кубе он не сможет. Здесь явно сказалась недооценка способности советской системы концентрировать усилия на решении отдельных задач, особенно военно-политических.

От идеи создания антикастровского партизанского движения на острове довольно скоро отказались. Во-первых, среди большинства населения Кубы еще не исчезла эйфория, связанная с победой революции и свержением диктатуры Батисты. Недовольные режимом Кастро были в явном меньшинстве, и партизаны не могли рассчитывать на широкую народную поддержку. Кроме того, Кастро стремился выдавить всех недовольных с острова в близлежащую Флориду, что еще больше уменьшало базу для потенциальных антикастровских движений. Главное же, даже если бы удалось с помощью США создать несколько партизанских зон на Кубе или поддерживать уже существующие очаги сопротивления, партизанская война могла затянуться на долгие годы или даже десятилетия, что не устраивало Вашингтон. Тогда стали рассматривать вариант с высадкой на Кубе отрядов кубинских эмигрантов. В качестве варианта рассматривался первоначальный захват плацдарма на небольшом островке Пинос, откуда уже можно было высадиться и на основной остров. Но Пинос был сильно укреплен, и существовала угроза, что, даже если его удастся захватить, то войска Кастро за время, которое потребуется для оккупации Пиноса, смогут подготовиться для отражения основной атаки. Поэтому в ЦРУ сделали ставку на внезапную высадку на саму

Кубу и быстрый марш на Гавану. 18 августа Эйзенхауэр ассигновал для проведения высадки на Кубу 13 млн долларов. Осенью 1960 года ЦРУ направило в Гватемалу, где готовились в специальных лагерях антикастровские повстанцы, секретное распоряжение готовить их не для партизанских действий, а для масштабной высадки на побережье. Для партизанских действий в глубине кубинской территории теперь предназначался лишь отряд в 60 человек. Открытое вмешательство американских вооруженных сил в эту операцию должно было ограничиваться бомбардировками стратегических объектов и позиций кастровских войск. Кроме Гватемалы, кубинских повстанцев готовили на острове Вьекес, в Пуэрто-Рико. 10 октября 1960 года США установили полное эмбарго на поставки Кубе любых товаров (за исключением продуктов питания и медикаментов).

Впрочем, лагеря в Гватемале вскоре превратились в секрет Полишинеля. О них американские газеты писали уже в январе 1961 года. Кроме того, среди завербованных для операции кубинцев были кастровские агенты. Поэтому 31 декабря 1960 и 4 января 1961 года министр иностранных дел Кубы Рауль Кастро Роа заявил на Генеральной Ассамблее ООН о подготовке американцами вооруженного вторжения на Кубу.

Планируемая операция изначально была обречена на неудачу. Во-первых, костяк отряда вторжения, насчитывавшего около 1,5 тыс. человек, составляли бывшие военнослужащие, полицейские и чиновники режима Батисты, о котором кубинцы имели самые недобрые воспоминания. Поэтому рассчитывать на сколько-нибудь заметное восстание в поддержку высадившихся не приходилось. Тем более, что сколько-нибудь успешное вооруженное восстание требует длительной и тайной подготовки, а никакой подготовки, по сути, не велось. Во-вторых, армия Кастро насчитывала более 25 тыс. человек, не считая 200 тыс. ополченцев народной милиции и 9 тыс. военизированных полицейских, и могла легко справиться со столь малочисленным десантом, имея значительный опыт партизанской войны. Тем более, что наиболее боеспособные соединения кубинской армии располагались в районе Гаваны, и десанту непременно пришлось бы с ними сражаться.

18 ноября 1960 года, через 10 дней после выборов, директор ЦРУ Аллен Даллес и его заместитель Ричард Биссел, непосредственно отвечавший за разработку операции «Плутон» (плана вторжения на Кубу), встретились в Палм-Бич (Флорида) с избранным президентом Кеннеди и ознакомили его в общих чертах с планом высадки в заливе Свиней (заливе Кочинос). Перед самой передачей власти Эйзенхауэр имел беседу с Кеннеди

в Белом доме. Он сообщил ему об основах своей политики по отношению к кастровской Кубе: «Политика правительства состоит в том, чтобы сделать все возможное для поддержки партизанских сил, борющихся против Кастро. Ныне мы помогаем готовить отряды антикастровской оппозиции в Гватемале. Я рекомендую вам продолжить и ускорить это». Эйзенхауэр особо подчеркнул: «Ответственность за успех лежит на новой администрации». Похоже, старина Айк в тот момент уже сильно сомневался в успехе вторжения на Кубу больших отрядов антикастровской оппозиции, которые бы попытались немедленно свергнуть существующее правительство. Больше надежд он возлагал на длительную партизанскую борьбу, поддержанную Соединенными Штатами. Вероятно, и отряды, готовившиеся в Гватемале, Эйзенхауэр считал наиболее целесообразным высаживать на Кубе мелкими группами, чтобы они усиливали местных антикастровских партизан и были бы трудноуловимы средствами береговой обороны.

После вступления на пост президента, 28 января 1961 года, Кеннеди более подробно доложили план «Плутон». Предполагалось высадить 1000 человек на судах в порту Тринидад, в 270 км к юго-востоку от Гаваны, у подножия гор Эскамбрай, в провинции Санкти Спиритус. Кеннеди приказал продолжать разработку плана. Порт Тринидад легко мог принять флотилию судов, а в случае неудачи повстанцы всегда могли отступить в горы Эскамбрай, где действовали бывшие бойцы партизанской армии Кастро, выступившие против него, когда стало ясно, что он устанавливает на Кубе тоталитарный коммунистический режим. Повстанцев в горах Эскамбрай было около 3,5 тысячи, но к моменту высадки поддерживаемых американцами сил в апреле 1961 года основная часть диссидентов была уже разбита 70-тысячной группировкой войск и народной милиции Кастро, а большинство руководителей убито или взято в плен. Кстати сказать, одним из лидеров повстанцев Эскамбрай, боровшихся против режима Батисты, был американец Уильям Александер Морган. Он выдавал себя за ветерана Второй мировой войны на Азиатско-Тихоокеанском театре военных действий и эксперта по партизанской войне, но в действительности, родившись в 1928 году, во Второй мировой войне не участвовал, а лишь служил в американских оккупационных войсках в Японии. С начала 1958 года он боролся за свободу кубинского народа, надеясь, что Куба станет демократической парламентской республикой. В одном из интервью он говорил: «За последние годы, мы, американцы, поняли, что диктаторы и коммунисты – это не те люди, с

которыми можно вести дела. А здесь мы столкнулись с диктатором, опирающимся на поддержку коммунистов. Но завтра он оставит свой пост, если нам поможет Америка». Вскоре после этого заявления, в октябре 1960 года, он был арестован, а 11 марта 1961 года расстрелян. Никаких связей с ЦРУ Морган не имел, и 1959 году его даже лишили американского гражданства за участие в иностранном военном формировании. По просьбе вдовы Моргана, кубинской революционерки, его американское гражданство было восстановлено только в 2009 году. ЦРУ оказывала повстанцам Эскамбрай некоторую помощь, но им катастрофически не хватало боеприпасов, что и предопределило их поражение.

Из-за возражений Госдепартамента порт Тринидад как место высадки был отвергнут. В этом крупном городе сразу бы нашлось множество свидетелей прямого участия кораблей и самолетов США в высадке десанта. Поэтому решено было высаживаться на необорудованное побережье в сравнительно безлюдной местности. Хотя непонятно, каким образом Госдепартамент надеялся скрыть американское участие в высадке. Ведь перед ней американские самолеты, пусть и без опознавательных знаков, должны были бомбить основные стратегические пункты Кубы.

Даллес настаивал, что операция против Кубы должна быть проведена как можно скорее, пока правительство Кастро не укрепило свои позиции и не получило массированную советскую помощь. План вторжения был направлен в Пентагон, а также председателю объединенного комитета начальников штабов генералу Лемнитцеру. 3 февраля военные сообщили, что у них нет принципиальных возражений против плана. Первоначальная дата вторжения была назначена на 1 марта, но в столь сжатые сроки подготовиться не успели, и высадку перенесли на апрель, а численность отряда вторжения увеличили с 1 тыс. до 1,4 тыс. человек. Тем временем 18 марта органам госбезопасности Кубы с помощью агентов-провокаторов и при содействии советских советников удалось арестовать 20 лидеров антикастровского подполья, собравшихся на совещание в пригороде Гаваны. Теперь о каких-либо масштабных выступлениях в поддержку высадившихся эмигрантов следовало забыть.

3 апреля Госдепартамент опубликовал «Белую книгу» о положении на Кубе, где доказывалось, что кастровский коммунизм навязан Кубе извне, и осуждались репрессии против оппозиции и подавление демократических свобод. Насчет внешнего влияния тут была явная неправда, поскольку до своего прихода к власти братья Кастро и их соратники связей с СССР не имели. Коммунистическая же партия Кубы, действительно

связанная с Москвой, играла в установленном Фиделем Кастро режиме личной диктатуры сугубо подчиненную роль, и в дальнейшем многие лидеры кубинской компартии также подверглись репрессиям. Подавление оппозиции действительно имело место, и даже более жестокое, чем при Батисте. Но к моменту вторжения основные силы оппозиционеров были нейтрализованы и не могли оказать десанту существенную поддержку.

В марте в Майами при содействии ЦРУ был создан Кубинский революционный совет – кубинское правительство в изгнании. Его возглавил Хосе Миро Кардона, бывший премьер-министр Кубы, в январе 1959 года назначенный после бегства Батисты и уже в феврале замененный Фиделем Кастро.

4 апреля Кеннеди утвердил план, теперь называвшийся «операция Сапата», предусматривающий высадку в заливе Свиней, в провинции Лас-Вилас, в 150 км к юго-востоку от Гаваны и восточнее полуострова Сапата. Очевидным минусом данного плана было то, что в случае неудачи у высадившихся не было бы никаких шансов укрыться в горах, от которых их отделяло более 80 км труднопроходимой болотистой местности. На совещании на этот раз присутствовали Раск, Макнамара, Диллон, Даллес, Биссел, Лемнитцер, помощник государственного секретаря по вопросам Латинской Америки Томас Манн, помощник министра обороны Поль Нитце и председатель сенатской комиссии по иностранным делам Уильям Фулбрайт. Кеннеди пригласил также трех своих советников по латиноамериканским делам: Адольфа Берли, Ричарда Гудвина и Артура Шлесинджера.

Биссел утверждал, что в Кубе назревает всеобщее антикастровское восстание, и указал на действия повстанцев в горах Эскамбрай. Биссел тогда очень понравился Кеннеди, утверждавшему, что он – «один из четырех-пяти умнейших людей в администрации».

Бригада 2506 – так теперь назывались силы вторжения, как утверждал заместитель директора ЦРУ, сможет легко удержать плацдарм и, расширив существующий неподалеку небольшой аэродром, также сможет принимать там тяжелые транспортные самолеты. Кастровская авиация должна была быть полностью уничтожена 16 американскими бомбардировщиками с базы Пуэрто-Кабесас еще на аэродромах. Следовательно, она, как надеялись разработчики плана, не сможет нанести никакого ущерба десанту. Даллес заявил, что с Кубой можно будет покончить даже легче, чем с правительством президента Хакобо Арбенса Гусмана в Гватемале в 1954 году. Принципиальных возражений против операции не высказал никто из

присутствующих. Только сенатор Фулбрайт сомневался в целесообразности ее осуществления, указывая на неизбежное падение американского престижа в мире. Но и он в конце совещания заявил, что склоняется «больше в пользу проведения операции, чем против нее».

Теперь место высадки было гораздо ближе к Гаване, что облегчало переброску против высадившихся наиболее боеспособных кастровских подразделений, а эвакуация десанта в случае неудачи была возможна только с моря, причем десантников пришлось бы снимать лодками и катерами, а также специальными судами с необорудованного побережья. Несмотря на наличие на острове агентуры ЦРУ и полеты самолетов-разведчиков, в Вашингтоне не имели сколько-нибудь верного представления о дислокации кубинской армии и других вооруженных формирований. В ЦРУ родилась фантастическая идея, что высадившиеся смогут быстро построить полевой аэродром, на который им будут доставлять снабжение. Поэтому в экипировку отряда вторжения дополнительно включили бульдозеры и шанцевый инструмент. Это, помимо прочего, должно было помочь им окопаться после высадки.

Новый срок вторжения 5 апреля тоже не был выдержан. Высадку десанта перенесли на 17 апреля. Теперь также предусматривался отвлекающий десант в районе Пинар-дель-Рио (провинция Орьенте) отряда из 168 «коммандос», который должен был имитировать высадку крупных сил. Цель этой операции вообще была неясна. Крупных кастровских сил в районе высадки в заливе Свиней вообще не было. В Пинар-дель-Рио же оказался достаточно сильный отряд береговой обороны, который, однако, и не собирались никуда перебрасывать. Немедленных же передислокаций Кастро все равно не стал бы предпринимать, пока не понял, что основные силы десанта уже высадились. Многочисленные же агенты кубинского правительства, даже в случае удачной высадки в Пинар-дель-Рио, все равно быстро выяснили бы, где основной десант, а где – вспомогательный.

12 апреля Кеннеди выступил на пресс-конференции, посвященной Кубе. Он заявил: «Прежде всего я хочу сказать, что вооруженные силы США не вторгнутся на Кубу ни при каких условиях. Нынешнее правительство сделает все, что в его силах – а я считаю, что оно может справиться со своими обязанностями, – чтобы ни один американец не был вовлечен в какие-либо акции на Кубе».

Это была сознательная ложь, поскольку вторжение должны были поддерживать самолеты, пилотируемые американскими летчиками, а непосредственно в рядах повстанцев, которым

предстояло высадиться на Кубе, находились американцы – сотрудники ЦРУ. Позднее, уже находясь в плену на Кубе, некоторые командиры бригады 2506 утверждали, что сотрудники ЦРУ обещали им, что вслед за ними на плацдарм высадятся отряды американской морской пехоты. Следов таких планов нет ни в доступных исследователям документах, ни в воспоминаниях лиц, имевших отношение к процессу принятия решений с американской стороны. Да и конкретные действия администрации Кеннеди в ходе кризиса в заливе Свиней доказывают, что подобных планов у нее не было. Но инструкторы ЦРУ действительно могли говорить нечто подобное кубинским эмигрантам, чтобы поднять их моральный дух.

Накануне начала операции в заливе Свиней Кеннеди предупредил представителя Белого дома по делам печати Пьера Селинджера: «Если вас будут спрашивать о событиях в районе Карибского моря, то отвечайте, что вы знаете только то, что пишут в газетах».

9 апреля бригада 2506 начала перебазироваться из лагерей в Гватемале на базу «Трамплин» в порту Пуэрто-Кабесас (Никарагуа). Подготовка операции вступила в решающую фазу.

В 6 часов утра 15 апреля 8 бомбардировщиков Б-26 с опознавательными знаками кубинских ВВС нанесли удары по аэродромам Гаваны, Сан-Антонио-де-лос-Баньос и Сантьяго-де-Куба. Они использовали ракеты, бомбы и пулеметы. Однако кубинская авиация была заранее рассредоточена по полевым аэродромам, и в результате налетов потеряла на земле лишь два (по другим данным – три) самолета. Всего же авиация Кастро имела 24 машины (15 – Б-26, 6 – «Си Фури» и 3 – Т-33). Опознавательные знаки кубинских ВВС были нанесены на американские бомбардировщики для того, чтобы представить налеты как восстание кубинских летчиков против Кастро (в составе кубинских ВВС были бомбардировщики Б-26). На 16 апреля был запланирован повторный налет, но Кеннеди его отменил. В необходимости повторной бомбардировки президента тщетно убеждали помощник по национальной безопасности Банди, Раск и Биссел. Кеннеди утверждал, что внезапности уже не будет, и на аэродромах кубинской авиации все равно нет. К тому времени налет на кубинские аэродромы уже вызвал большой шум. И никто в мире не поверил, что это были восставшие кубинские пилоты. Президент также приказал, чтобы американские военные корабли находились не ближе 20 миль от места высадки десанта.

Одновременно с налетом был обнародован бюллетень № 1 Кубинского Революционного совета, согласованный

с ЦРУ. Он начинался словами: «На рассвете кубинские патриоты в городах и горах начали борьбу за освобождение родины от деспотического правления Фиделя Кастро». Однако никаких выступлений в поддержку десанта на Кубе не последовало.

В ночь на 16 апреля была предпринята попытка высадить отвлекающий десант из 168 человек в провинции Орьенте. Но поскольку побережье сильно охранялось, американское судно «Плайя» с десантом и коста-риканским капитаном вернулось в Пуэрто-Кабесас. Удивляться такому исходу данного предприятия не приходилось. Ведь еще 20 марта в районе Пинар-дель-Рио была высажена с катера диверсионная группа из 8 эмигрантов, обнаруженная и уничтоженная кубинским патрулем. Естественно, после этого береговая оборона в данном районе была усилена.

17 апреля в 5 часов утра основной десант закончил высадку в заливе Свиней с судов «Хьюстон», «Лейк-Чарльз», «Рио-Эскондидо», «Кариде» и «Атлантике» и двух десантных барж. Их сопровождала американская флотилия из 2 эсминцев и 2 авианосцев («Эссекс» и «Боксер»). Основные силы десанта заняли район Плайя-Хирон. Еще две группы десантников высадились в Ларга-Хирон и в 25 км к востоку от Плайя-Хирон. Местные силы самообороны, насчитывавшие несколько сот человек и не имевшие тяжелого вооружения, не могли оказать серьезного сопротивления. Высадка началась около полуночи, а уже через три часа о ней уже знали в Гаване. Фидель Кастро выступил с радиообращением к гражданам страны, призвав их дать отпор силам вторжения. Около половины восьмого утра шесть военно-транспортных самолетов (пять С-46 и один С-54) произвели выброску воздушно-десантного батальона бригады 2506 в количестве 177 человек в районе Сан-Блас. С рассветом семь самолетов ВВС Кубы (два Т-33, два Б-26 и три «Си Фурии») нанесли удар по судам противника и потопили обе баржи и суда «Хьюстон» и «Рио-Эскондидо», причем на последнем ушла на дно значительная часть боеприпасов бригады 2506. И уже 11 часам утра два оставшихся транспорта «бригады 2506» отошли в открытое море, бросив десантников на произвол судьбы.

В середине дня 17 апреля наступление основного отряда эмигрантов было остановлено превосходящими силами кастровских войск. Они использовали танки Т-34, гаубичную артиллерию и авиацию. Всего в этот день по позициям антикастровских сил было выпущено около 2 тыс. гаубичных 122-мм снарядов, но обстрел был малоэффективным, поскольку десантники успели окопаться.

Фидель Кастро и кубинские военные во время высадки отрядов эмигрантов в заливе Свиней

Тем не менее дальнейшие перспективы «борцов за свободу Кубы» выглядели довольно мрачно. Никакой внезапности не получилось. Десантники столкнулись с превосходящими силами противника и оказались лишенными поддержки и с моря, и с воздуха. Требовалось либо ввести в бой значительные дополнительные силы, чтобы попытаться разбить войска Кастро и двинуться на Гавану, либо, если таковых дополнительных сил в наличии не имелось, требовалось срочно эвакуировать десант, поскольку лишенные подвоза боеприпасов десантники должны были в скором времени погибнуть или попасть в плен.

Однако организованных кубинских вооруженных отрядов, способных дополнительно высадиться на Кубу, в распоряжении ЦРУ просто не было. Они и 1,5 тыс. кубинских добровольцев навербовали с большим трудом, потратив на это почти год. Следовательно, в подкрепление уже высадившимся десантникам можно было бросить только регулярные части американских войск. При этом дело должно было идти о силах не меньше чем дивизии, поскольку одним-двумя батальонами нельзя было надеяться переломить ситуацию. Для таких действий требовалось политическое решение президента Кеннеди, он же в тот момент не был склонен посылать американские войска на Кубу.

18 апреля один батальон кастровской армии выбил

парашютистов из Соплильяра, а другой батальон освободил от эмигрантов Плайя-Ларга. К концу дня антикастровские силы оказались блокированы в треугольнике Плайя-Хирон – Кайо-Рамона – Сан-Блас. Хотя десантники смогли здесь остановить противника, их положение без массированной американской военной интервенции выглядело безнадежным. Несколько американских штурмовиков А4Д-2Н с авианосца «Эссекс» с закрашенными опознавательными знаками совершили полет над заливом Свиней, но толку от этой демонстрации не было никакой.

В ночь на 19 апреля на грунтовую посадочную полосу в Плайя-Хирон сел американский транспортный самолет С-46, который доставил оружие и боеприпасы, а также забрал несколько раненых.

18 апреля в Белом доме состоялся традиционный прием для членов конгресса и их семей. Его должны были открыть президент с супругой. Кеннеди было совсем не до приема. С большим трудом помощникам удалось за несколько минут до начала приема все же уговорить его надеть смокинг и выйти к гостям. В отличие от гостей, президенту было совсем невесело. Незадолго до полуночи он незаметно покинул прием. Надо было проводить срочное совещание по Кубе. В нем участвовали Раск, Макнамара, Даллес, Биссел, Лемнитцер и несколько других военных. Все сочли, что вторжение полностью провалилось. Биссел пытался убедить Кеннеди, что ход событий еще можно переломить, если использовать американские вооруженные силы, и в первую очередь – самолеты с авианосца «Эссекс». Начальник штаба ВМФ адмирал Бэрк предложил высадить на Кубу батальон морской пехоты с авианосца, а двум эсминцам приказать поддержать кубинских эмигрантов артиллерийским огнем. Начальник штаба ВВС генерал Уайт и Лемнитцер добивались от Кеннеди разрешения бросить в район боев на Плайя-Хирон значительные силы американской авиации, включая реактивные самолеты. Поршневые Б-26, как показал опыт боев, становились легкой добычей кубинской ПВО. Совещание затянулось до четырех утра. Высаживать морскую пехоту Кеннеди не разрешил. Вероятно, он понял, что батальон американских морских пехотинцев может ждать та же участь, что и отряд кубинских эмигрантов. Для победы одного батальона было явно мало, а к широкомасштабному вторжению на Кубу американские вооруженные силы не были готовы. Президент заявил, что он не хочет, чтобы Соединенные Штаты были вовлечены в операцию на Кубе. На что Бэрк мрачно заметил, что они и так вовлечены.

Однако с использованием авиации тоже произошла накладка.

Утром 19 апреля бомбардировщики Б-26 должны были атаковать позиции кастровских войск под прикрытием американских реактивных истребителей. Но Бэрк и Биссел направили соответствующие директивы соответственно в штаб ВМФ и ЦРУ, но указали в них разное время по часовым поясам, не согласовав его между собой. В результате бомбардировщики В-26 и военные американские истребители с авианосца «Эссекс» разминулись. Истребители опоздали, а бомбардировщики без истребительного прикрытия не рискнули бомбить кастровцев. Ранее в этот день два Б-26 антикастровских сил были сбиты. Никарагуанский диктатор Луис Сомоса предложил использовать для поддержки с воздуха шесть истребителей Р-51 «Мустанг» ВВС Никарагуа с закрашенными опознавательными знаками, но американцы это предложение отклонили.

Во второй половине дня 19 апреля два американских эсминца «Муррей» и «Итон» приблизились к побережью залива Свиней, чтобы эвакуировать десант, но после нескольких выстрелов в их сторону из танковых орудий ушли в открытое море. Решив, что их бросили на произвол судьбы, основная часть бойцов бригады 2506 капитулировала в 17.30 19 апреля. Зачистка местности с поиском пытавшихся спрятаться эмигрантов продолжалась еще пять дней.

Американские эсминцы «Итон», «Муррей», «Конвей» и «Кони», подлодка «Тредфин» и летающая лодка ЦРУ «Каталина» 21–22 апреля смогли спасти от 24 до 30 бойцов бригады 2506.

Опять встал вопрос о возможной высадке американской морской пехоты. Некоторые из участников совещаний советовали Кеннеди организовать высадку на Кубу войск стран – членов Организации Американских Государств, в частности, Никарагуа. Кеннеди эти советы отвверг. Создание коалиции и формирование группировки войск требовали значительного времени, а времени уже не было.

Утром 20 апреля Кеннеди вызвал к себе своего недавнего соперника по выборам Ричарда Никсона и прямо спросил: «Что делать с Кубой?» Никсон ответил: «Я бы поискал подходящее юридическое обоснование и пошел бы на американскую вооруженную интервенцию на Кубе». Совет Никсона был вполне разумен. Пока существовало марионеточное правительство Кубинского Революционного совета, можно было сослаться на его обращение и задействовать для вторжения на Кубу все боеспособные американские силы, которые в тот момент оказались бы под рукой, включая гарнизон Гуантанамо. Отсутствие предварительного плана их использования, конечно, затрудняло дело, но не могло служить непреодолимым

препятствием, хотя и могло привести к дополнительным потерям среди американских военнослужащих. Однако армия Кастро все равно не смогла бы долго сопротивляться превосходящей американской мощи. И тогда бы не было Карибского кризиса.

Но Кеннеди это предложение отклонил, сославшись на то, что рисковать нельзя, ибо возможны ответные меры СССР в Западном Берлине. Однако Хрущев позднее признавал в мемуарах, что в случае американского вторжения на Кубу в апреле 1961 года Советский Союз еще не думал из-за Кастро оккупировать Западный Берлин с риском вызвать третью мировую войну.

В ходе боев в заливе Свиней кубинские регулярные силы потеряли 176 убитых. Кроме того, потери кубинской народной милиции в боях составили, по разным оценкам, от 500 до 4 тыс. убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Потери бригады 2506 составили 114 убитых и 1202 пленных. Из числа последних 9 задохнулись во время транспортировки в закрытом грузовике. Кроме того, кубинские ВВС потеряли погибшими 6 летчиков, а антикастровские силы – 14 летчиков, включая 10 эмигрантов и 4 американских граждан. Во время налетов на кубинские аэродромы было убито 7 и ранено 53 гражданских лица.

В дальнейшем пятеро пленных были приговорены к смертной казни, и трое из них были действительно казнены. Остальным дали по 30 лет тюрьмы. В апреле 1962 года в США были репатриированы 60 раненых и больных пленных. 21 декабря 1962 года между Фиделем Кастро и американским представителем адвокатом Уильямом Б. Донованом было подписано соглашение о репатриации в США 1113 уцелевших к тому времени бойцов бригады 2506 в обмен на продовольствие и медикаменты на сумму 53 млн долларов, собранных в качестве благотворительной помощи. Именно в такую сумму Кастро оценил ущерб от вторжения. С Кубы не вернулось 29 пленных, из которых не менее 3 были казнены, а 9 задохнулись при транспортировке. Остальные, возможно, тоже были расстреляны или умерли в тюрьме.

28 декабря 1962 года Кеннеди с супругой и малолетним сыном Джоном приняли парад возвращенных пленников в присутствии 40 тыс. зрителей. Президенту вручили знамя бригады 2506, и он пообещал: «Заверяю вас, что это знамя будет возвращено бригаде в освобожденной Гаване!» Это обещание не было выполнено ни им, ни его преемниками. Знамя вернули ветеранам высадки в заливе Свиней в апреле 1976 года, когда надежды на свержение Кастро казались несбыточными. Жаклин произнесла короткую речь на испанском. Этим все и кончилось.

Президент Кеннеди с супругой на встрече с уцелевшими участниками высадки в заливе Свиней

Кеннеди свалил ответственность за провал высадки в заливе Свиней на ЦРУ и своих советников. Но ведь никто не мешал ему отложить осуществление операции, чтобы привлечь к ее осуществлению более значительные силы, включая американские войска.

Почти два года спустя, 21 января 1963 года, министр юстиции Роберт Кеннеди заявил, что ни один американец не погиб во время боев в заливе Свиней. Но уже 25 февраля его уличили во лжи. Сенатор-республиканец от Иллинойса Эверетт Дирксен заявил, что тогда погибли четверо американских летчиков. 6 марта 1963 года на пресс-конференции Кеннеди вынужден был признать, что четыре американца действительно погибли, но характер их миссии не позволяет обнародовать обстоятельства их гибели и их имена.

Сорренсен в мемуарах признавал, что десант в заливе Свиней был полностью подготовлен и осуществлен ЦРУ с санкции правительства США. Собственно, в этом никто не сомневался с самого начала боев в заливе Свиней.

Хрущев был прав, когда писал в мемуарах: «Американцы слишком доверились заговорщикам, полагая, что при помощи их оружия эти кубинцы справятся с Кастро, но просчитались. После победы Фиделя мы усилили помощь Кубе: давали ей столько вооружения, сколько кубинцы могли освоить».

Хрущев также признал, что после высадки в заливе Свиней «мы ожидали, что там со стороны США будет оказана также прямая поддержка военными силами, но этого не произошло».

При этом Никита Сергеевич ничего не говорит о том, что в случае, если бы для высадки на Кубе были бы использованы американские регулярные войска, он ответил бы захватом Западного Берлина, что практически гарантировало мировую термоядерную войну. Это говорит в пользу того, что подобных планов у него не было. Ошибка Кеннеди во время высадки в заливе Свиней в дальнейшем создала для Соединенных Штатов немало проблем. Зато эта неудача помогла ему войти в историю во время Карибского кризиса, который в случае падения режима Кастро вообще бы не возник.

Кеннеди был по-настоящему потрясен провалом на Кубе. Хотя он видел ряд недочетов и шероховатостей в подготовке операции «Сапата», но верил, что все же их удастся преодолеть. Позднее он признавался, что боялся: за провал высадки на Кубе ему просто оторвут голову. И с горечью думал: «Еще один такой провал, и моя карьера окончена». А Селинджеру Кеннеди в сердцах сказал: «Как могла вся эта толпа экспертов из ЦРУ и Пентагона так ошибиться».

А действительно, почему так ошиблись достаточно опытные политики, разведчики и военные? Думаю, что если бы решение о начале вторжения на Кубу пришлось принимать Эйзенхауэру, то он, ознакомившись с планом, не разрешил бы проведение операции. Предшественник Кеннеди был опытным военным. В 1944 году он командовал союзными войсками во время осуществления высадки в Нормандии – операции «Оверлорд». Генерал Эйзенхауэр хорошо знал все трудности осуществления крупной десантной операции. И ни план «Плутон», ни план «Сапата» его бы никак не устроил. Во-первых, специалисты из ЦРУ, люди невоенные, подошли к планированию высадки на Кубе как к операции тайной войны, диверсионной операции с последующим свержением военной силой существующего правительства, тогда как по сути им предстояло планировать крупную военную операцию. А с военной точки зрения оба варианта десанта на Кубу были спланированы абсолютно бездарно. Прежде всего, численность десанта была слишком мала и фактически определялась тем, сколько кубинских эмигрантов удалось рекрутировать для проведения операции вербовщикам ЦРУ. Не были предусмотрены ни развитие успеха с помощью ввода в действие дополнительных сил и средств в случае удачного начала операции (очевидно, потому, что таких сил и средств в распоряжении разработчиков просто не было), ни пути

изменения неблагоприятной ситуации, если десантники с самого начала будут терпеть неудачи. Не были разработаны также варианты на случай необходимости отхода и эвакуации десантников. Отчасти такая «забывчивость» объяснялась тем, что в случае первоначальных неудач или необходимости развития успеха при сохранении упорного сопротивления кастровских сил, равно как и для эвакуации остатков десанта в случае разгрома сил вторжения, пришлось бы использовать в полной мере американских солдат, самолеты и корабли. А это противоречило требованию Эйзенхауэра скрыть американское участие в операции. Плохо было еще и то, что у высадки на Кубу не было единого командующего. Кубинцам командование американскими силами поддержки ЦРУ доверить, конечно, не могло. Но и кубинских офицеров, непосредственно руководивших боевыми действиями десанта на Плайя-Хирон, подчинять какому-то американскому генералу было неловко. Тогда еще труднее было бы убедить кого-нибудь в американской непричастности к происходящему.

И, наконец, совершенно необъективно оценивались силы противника. Можно было не иметь агентов в кубинских штабах и ближайшем окружении Кастро, но даже из газетных сообщений легко было сообразить, что под командованием Фиделя находятся десятки тысяч вооруженных людей, по крайней мере тысячи из которых имеют опыт многолетней партизанской борьбы. Было хорошо известно, что они располагают трофейной боевой техникой батистовской армии, включая танки и самолеты, а также танками и артиллерией, поставленными из СССР. У вторгшихся же на остров инсургентов тяжелого вооружения и техники кот наплакал. Силы Кастро захватили при капитуляции 5 танков М41 «Уокер Бульдог» и 10 бронетранспортеров. Это и была вся техника отряда вторжения, у которого также не было полевой артиллерии, а только 18 противотанковых орудий, 30 минометов и 70 противотанковых ружей «базука». Армия Кастро могла противопоставить отряду вторжения несколько десятков танков Т-34 и ИС-2 и САУ СУ-100, а также более сотни 105-мм и 122-мм гаубиц. Непосредственно в районе боев войсками Кастро были задействованы 20 танков Т-34, 10 СУ-100, 14 артиллерийских и минометных батарей, а также сторожевые корабли, вооруженные артиллерией. На Кубе было большое количество автомобилей, а бензиновое эмбарго США было преодолено за счет советских поставок. Следовательно, потенциально армия Фиделя обладала большой мобильностью и могла быть быстро переброшена к месту высадки. Силы же авиации, которые предполагалось использовать при высадке,

были слишком невелики и отнюдь не гарантировали завоевания господства в воздухе. Вражескую авиацию предполагалось уничтожить на аэродромах, а использование истребительной авиации вообще не предусматривалось. Между тем опыт Второй мировой войны показал, что полностью уничтожить на аэродромах даже сравнительно немногочисленную авиацию практически невозможно, тем более в ходе всего одного налета.

Военные, которым уже при Кеннеди пришлось знакомиться с планом вторжения на Кубу, не обладали собственными разведданными о положении на острове и вынуждены были полагаться на оценку ЦРУ. К тому же они непосредственно не отвечали за исход операции, а потому, как видно, не слишком усердно изучали предоставленные им материалы. К тому же они были ограничены во времени, поскольку заключительный этап подготовки операции проходил в условиях настоящей гонки со временем. Ведь как раз в начале 1961 года на Кубу широким потоком стала поступать советская боевая техника и вооружение.

Однако сам Эйзенхауэр, если бы в деталях проанализировал план, наверняка отказался бы от его выполнения. Столь опытный полководец должен был понимать, что даже устранение технических огрехов плана по организации взаимодействия различных родов войск, единого командования и наращиванию американской воздушной и морской поддержки все равно не сделает план выполнимым. И тут были два варианта действий. Можно было бы вовсе отказаться от вторжения на Кубу. Либо, наоборот, можно было бы произвести широкомасштабное вторжение на Кубу, в котором силы кубинских эмигрантов играли бы лишь роль авангарда. За ними должна была последовать не менее чем 100-тысячная группировка американских сухопутных войск и морских пехотинцев, массированно поддержанная с моря и с воздуха. В случае реализации такого сценария отряд эмигрантов сразу после высадки объявил бы о сформировании на острове антикастровского «революционного правительства», которое бы тут же обратилось бы к США за военной помощью. Разумеется, с международным правом такой сценарий не имел ничего общего и являлся его грубейшим нарушением. Именно его использовало советское правительство при оккупации Азербайджана, Армении и Грузии в 1920–1921 годах. В этих государствах на пограничных территориях, занятых советскими войсками, создавались ревкомы, которые обращались за помощью в Москву, после чего следовало масштабное вторжение Красной Армии и свержение местных правительств. Такую же схему попытались применить во время «зимней войны» с Финляндией в 1939 году. Однако разбить финскую армию и «советизировать»

Финляндию не удалось, поэтому после заключения мира пришлось распустить марионеточное правительство Финской Демократической Республики. Точно так же американцам пришлось распустить Кубинский революционный совет. Так что прецеденты подобных нарушений международного права уже были. Да и в том виде, в каком операция в заливе Свиней была проведена, она являлась грубым нарушением международного права.

Я вполне допускаю, что Эйзенхауэр санкционировал бы полномасштабную операцию против Кубы с использованием всех видов американских вооруженных сил. Если бы она была проведена весной 1960 года, то американцев ждал бы полный успех. Советская помощь Кубе в тот момент была еще не такова, чтобы позволить Кастро сколько-нибудь долго сопротивляться американскому десанту. Советских войск на Кубе в тот момент не было, и Хрущев тогда не стал бы из-за Кубы начинать третью мировую войну. Если бы тогда американцам удалось свергнуть режим Кастро, они избавили бы себя и мир и от Карибского ракетного кризиса, о котором речь ниже, и от многих других проблем, связанных с кубинским вмешательством в дела Латинской Америки и Африки. Но Эйзенхауэр после поражения Никсона на выборах, конечно, понимал, что решать проблему с Кубой придется уже Кеннеди. И устранился от оценки плана «Плутон», понимая, что его рекомендации для новой администрации могут иметь обратный эффект. Кеннеди же не рассматривал подготовленный план ЦРУ как провальный и искренне верил, что он принесет полный успех. Поэтому план полноценной американской военной операции против Кубы, похоже, вообще не был разработан, и Кеннеди до начала операции не рассматривал возможность такого сценария. К тому же президент рассчитывал поднять престиж США в мире, а агрессия против Острова свободы его наверняка бы сильно уронила.

Главная ошибка Кеннеди заключалась в том, что он с самого начала не настоял на подготовке вторжения на Кубу как полномасштабной операции вооруженных сил США. Если бы высадка кубинских эмигрантов в заливе Свиней с самого начала сопровождалась неограниченной поддержкой американских сухопутных войск, флота и авиации, то режим Фиделя Кастро был бы свергнут, и не было бы Карибского кризиса 1962 года. Что же касается ответной советской реакции, то Хрущев вряд ли бы рискнул захватить Западный Берлин, поскольку это гарантировано привело бы к началу третьей мировой войны не с самыми радужными для Советского Союза перспективами. Также

ошибкой Кеннеди, как показали события последующего Кубинского ракетного кризиса, было то, что после поражения в заливе Свиней он не приказал в течение ближайших месяцев подготовить и осуществить захват Кубы американскими войсками. Если бы разработка и осуществление подобного плана были бы осуществлены за два-три месяца, то есть не позднее мая 1961 года, Советский Союз не успел бы оказать Кубе такую помощь и перебросить туда такое количество своих войск, чтобы сделать американское вторжение неосуществимым. Но Кеннеди, с одной стороны, опасался негативной реакции на американское вторжение мирового общественного мнения. С другой стороны, он все еще недооценивал степень угрозы, исходившей с Кубы. Кеннеди надеялся, что с режимом Кастро удастся справиться с помощью экономической блокады, и думал, что у него еще есть время. Американский президент и в страшном сне не мог себе вообразить, что всего через два года на Кубе окажутся советские ракеты с ядерными боеголовками.

Кеннеди взял на себя ответственность за провал операции по высадке на Кубе, разработанной еще в президентство Эйзенхауэра. На его решение не прибегать с самого начала к широкомасштабной американской военной интервенции повлияли доклады ЦРУ и Пентагона о том, что режим Кастро слаб и кубинские эмигранты смогут свергнуть его при одной только американской воздушной поддержке. После же провала высадки на Плайя-Хирон Кеннеди счел такую интервенцию слишком рискованной. После этого он стал гораздо меньше доверять информации военных и ЦРУ.

После провала в заливе Свиней судьба Алена Даллеса на посту директора ЦРУ была предрешена. Сразу же после этих событий президент предложил своему брату Бобби возглавить «рыцарей плащей и кинжала», но потом, по здравому размышлению, они решают, что это будет политически невыгодно. Затем Кеннеди совещался с вице-президентом Джонсоном, и они решили, что с увольнением Даллеса надо немного повременить, чтобы не акцентировать еще больше кубинский провал в американском и мировом общественном мнении. Пока во главе ЦРУ находился человек, назначенный на этот пост еще Эйзенхауэром, республиканцы не могли слишком сильно критиковать администрацию Кеннеди за провал авантюры в заливе Кочинос. А. Даллес тихо ушел в отставку 29 ноября 1961 года. Его заменил бизнесмен-республиканец Джон Маккоун, заместителем которого вместо Р. Биссела стал Ричард Хелмс, бывший журналист и кадровый сотрудник ЦРУ.

После провала операции в заливе Свиней Кеннеди

санкционировал тайную операцию ЦРУ «Мангуста», на которую было выделено 50 млн долларов. В рамках операции «Мангуста» оказывалась поддержка антикастровским партизанам на Кубе, организовывались диверсии на кубинских стратегических объектах и планировалось покушение на Кастро, которое, однако, так и не было осуществлено.

Кеннеди поручил генералу Максуэллу Тейлору провести тщательное расследование причин провала на Кубе. Судьба генерала Лаймана Луи Лемнитцера на посту главы объединенного комитета начальников штабов тоже была предопределена, и именно Тэйлора Кеннеди видел его преемником. Но, чтобы не усугублять реакцию в стране за катастрофу в заливе Свиней, Лемнитцера не стали увольнять, тем более, что это тоже был назначенец Эйзенхауэра. Его продержали на этом посту до ноября 1962 года, и уволили уже после Карибского кризиса с почетом, назначив командующим вооруженными силами НАТО в Европе. Вина генерала в кубинском провале была значительно меньше, чем вина шефа ЦРУ.

Генерал Тейлор 13 июня 1961 года представил свой доклад о причинах провала операции «Сапата». Он указал, что главной причиной послужило то, что еще на ранней стадии планирования не было осознано, что успеха нельзя достичь, применяя лишь методы тайных операций. В качестве дополнительных причин генерал указал недостаточное использование авиации как для боевой поддержки, так и для снабжения и эвакуации десанта, а также потерю нескольких транспортных судов в ходе операции, недостаток вооружения и боеприпасов, поскольку операция проходила в условиях, когда необходимо было предоставить правительству США «правдоподобно отрицать» американское участие в операции. Также и в отчете Центрального разведывательного управления, составленном в ноябре 1961 года генеральным инспектором ЦРУ Лиманом Б. Киркпатриком, говорилось, что ЦРУ не имело достаточных возможностей, чтобы переработать проект тайной партизанской операции в проект открытой армейской операции, в которой американское участие уже не требовалось «правдоподобно отрицать». Кроме того, не были учтены все возможные риски и информация о них не была доведена своевременно до соответствующих членов правительства. Также была признана неспособность ЦРУ организовать внутреннее сопротивление режиму Кастро на Кубе и собрать и проанализировать информацию о силах Кастро, а также преодолеть недостатки управления в ходе операции. Еще цээрушники пожаловались на недостаток испаноговорящих

сотрудников и средств для подготовки кубинских эмигрантов. Замечу, что все эти недостатки не были секретом и весной 1962 года, когда решался вопрос о проведении операции «Сапата», но тогда на них не обратили внимание ни руководители ЦРУ, ни военные.

20 апреля на пресс-конференции Кеннеди заявил, что по отношению к Кубе его администрация будет «и впредь прилагать энергичные усилия в борьбе гораздо более сложной, чем война». Таким образом, он признал, что его администрация будет продолжать тайные операции с целью подрыва режима Кастро, но воздержится от открытых военных действий.

Кеннеди однажды воскликнул: «Все убеждают меня, что я должен быть «твердым». Что под этим имеется в виду? Немедленное вторжение на Кубу или в Лаос?» Ни того ни другого он явно не хотел предпринимать.

Пролет американского самолета над советским грузовым судном в 1962 г.

Критики справа, видным представителем которых был сенатор-республиканец от Аризоны Барри Голдуотер, ставили в вину Кеннеди то, что он не решился начать полномасштабную операцию против Кубы. Замечу, что эта критика, по сути, была несправедлива. Немедленно после разгрома инсургентов на Плайя-Хирон плана такой операции еще не было, а ее разработка и сосредоточение необходимых сил и средств требовали несколько недель. Также и Ален Даллес после своего ухода в отставку в сентябре 1961 года критиковал президента за то, что он не разрешил использовать американские войска для

поддержки высадки в заливе Свиней и вообще не выделил достаточных сил для проведения операции. Это тоже была неправда. Президент выделил для проведения операции ровно столько сил и средств, сколько просило ЦРУ, а численность отряда вторжения определялась способностью офицеров ЦРУ завербовать достаточно добровольцев, причем именно при Кеннеди произошло увеличение численности отряда. Кеннеди очень болезненно переживал критику в свой адрес. Ему, по собственному признанию, казалось, что «все люди вокруг хотят, чтобы я провалился».

Итальянская «Корьерре делла сера» писала, что после событий в заливе Свиней «американский престиж упал ниже, чем за все восемь лет президентства Эйзенхауэра». Во многих странах открыто заявляли, что Кеннеди потерпел политическое и моральное поражение. Республиканцы подчеркивали, что Эйзенхауэр, да и Никсон, такого провала не допустили бы.

9
Гонка в космосе

Кеннеди хотел ответить на советские успехи в космосе чем-то столь же значительным, навсегда остающимся в памяти поколений, как и первый полет человека в космос.

Еще в декабре 1960 года на совещании в Белом доме комитет ученых по поручению Эйзенхауэра доложил, что наиболее значительным достижением в космической сфере будет высадка на Луне, на что потребуется 26–38 млрд долларов. Эйзенхауэр начинать столь затратную программу не решился, предоставив решать этот вопрос новой администрации. Но новый президент отнесся к этой программе гораздо более заинтересованно. Ведь она обещала поднять мировой престиж американской науки и техники на недосягаемую высоту.

Утром 5 мая 1961 года Кеннеди собрал Национальный совет безопасности. В этот день стартовала ракета «Атлас», которая вывела в космос космический корабль «Меркурий» с первым американским космонавтом Аланом Шепардом на борту. Члены Совета смотрели прямой телерепортаж о старте. Потом Кеннеди доложили: «Астронавт подобран вертолетом. По словам пилота, он чувствует себя нормально…» Шепард, пробывший в космосе всего 15 минут и совершивший суборбитальный полет, стал национальным героем, а Кеннеди мог утверждать, что Америка догнала Советский Союз в космосе.

Алан Шепард с женой после своего суборбитального полета на встрече с президентом Кеннеди, его супругой и Л. Джонсоном

Кеннеди в мае 1961 года попросил конгресс одобрить космическую программу, по которой США еще до конца десятилетия отправили человека на Луну и безопасно вернули его назад. Для этого пришлось создать до сих пор остающуюся самой мощной в мире космическую ракету «Сатурн-5», сконструированную эмигрировавшим из Германии конструктором Вернером фон Брауном, одним из создателей германских ракет Фау-2, при попытке уничтожить стартовые позиции которых погиб брат президента Кеннеди Джо.

Английский публицист Дж. Ходжсон вспоминал: «Однажды в начале 60-х годов я сидел в кабинете Белого дома, где один из помощников президента по науке, ныне покойный д-р Ник Головин, загибая пальцы, с неопровержимой ясностью перечислял причины, по которым полет людей на Луну не нужен, расточителен и технически неуклюж по сравнению с использованием автоматов. Но при этом он настаивал: несомненно, к исходу десятилетия США высадят человека на Луне. Зачем, спросил я, если это бессмысленно? М-р Ходжсон, –

приструнил он меня, – в нашей стране мы любим побеждать во всех соревнованиях».

Еще до того, как «Аполлон-11» достиг Луны, пришлось потратить 56 млрд долларов, а не 38 млрд, как предполагалось первоначально.

Ракета «Сатурн-5» на стартовой площадке

Кеннеди предлагал Хрущеву совместный советско-американский полет на Луну, но тот отказался. В американских предложениях говорилось: «В качестве первого шага США и СССР могли бы выбрать высадку с научными целями небольшой группы

(около трёх человек) на Луну, а затем возвратить их на Землю…» 20 сентября 1963 года, выступая на Генеральной Ассамблее ООН, Кеннеди заявил: «Почему первый полет человека на Луну должен быть делом межгосударственной конкуренции? Зачем нужно Соединенным Штатам и Советскому Союзу, готовя такие экспедиции, дублировать исследования, конструкторские усилия и расходы? Уверен, нам следует изучить, не могут ли ученые и астронавты наших двух стран – а по сути, всего мира – работать вместе в покорении космоса, послав однажды на Луну в этом десятилетии не представителей какого-то одного государства, но представителей всех наших стран». А 12 ноября 1963 года Кеннеди поручил директору НАСА «взять лично на себя инициативу и основную ответственность в рамках правительства за развитие самостоятельной программы космического сотрудничества с Советским Союзом». Эта программа, сказал Кеннеди, должна включить «предложения по совместной высадке на Луну». Однако ответа на предложения Кеннеди так и не последовало. Будто бы советские космические академики Сергей Королев и Мстислав Келдыш убеждали Никиту Сергеевича принять предложение США, но Хрущев отрезал: «Нет. Луну американцам не отдавать!» 3 августа 1964 года появилось постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем исследовании Луны и лунного пространства. В Советском Союзе в режиме полной секретности развернулись работы по созданию мощной ракеты-носителя, способной вывести к Луне пилотируемый космический корабль. Однако создать надежный носитель, способный доставить человека на Луну, советским конструкторам не удалось. Все четыре испытательных запуска советского лунного носителя Н-1 были неуспешными на этапе работы первой ступени. В ноябре 1969 года советская лунная программа была прекращена после того, как 20 июля 1969 года члены экипажа американского космического корабля «Аполлон-11» Нил Армстронг и Базз Олдрин успешно высадились на Луне. Это было отнесено к одному из величайших достижений человечества. Москва лунную гонку проиграла, но Кеннеди, давший старт этой гонке, об успешном завершении американской лунной программы уже не узнал.

10
Международные дела

Позиции для старта в международной политике у Кеннеди оказались основательно подпорчены неудачей в заливе Свиней. Весной 1961 года во внешней политике Америку преследовали сплошные неудачи. По признанию Роберта Кеннеди, в это время «мы лишь пытались держать голову над поверхностью воды… нам приходилось туго».

Президент Кеннеди теперь решил меньше полагаться на мнения экспертов и советников, равно как и ведомственные оценки международных проблем. Он попытался сам разобраться в главнейших из них и разработать собственную программу их решения. Он потребовал от своих советников подготовить ему по каждой проблеме досье фактов, на основе которого он мог бы принимать самостоятельные решения.

Свою дипломатическую деятельность Кеннеди начал с визита в Канаду. Во время этого визита произошел один неприятный инцидент. По традиции главы других государств, впервые посещавшие Канаду, должны посадить дуб перед зданием правительства в Оттаве в память о своем визите. Когда Кеннеди забрасывал ямку землей, он неудачно махнул серебряной лопатой и потянул свою больную спину. После этого спина еще долго болела, и президент находился далеко не в лучшей форме.

Дж. Ф. Кеннеди с супругой во время визита в Канаду. 1961 г.

30 мая 1961 года Кеннеди отправился в большое турне по Европе. Первым пунктом турне был Париж. Выступая с небольшой речью в аэропорту Орли, американский президент заявил: «Я приехал из Америки, дочери Европы, во Францию, которая является самым старым другом Америки». Переговоры с президентом Франции генералом Шарлем де Голлем прошли в Елисейском дворце. Оба лидера отвергли советские предложения по нейтрализации Западного Берлина и превращения его в «вольный город». Кеннеди заявил, что в случае советского вторжения в Западный Берлин США будут готовы начать мировую ядерную войну. Де Голль полагал, что Москва не хочет войны, но что Западу в отношении СССР надо проводить твердую линию. Затем, после обеда, во время которого Кеннеди и его советники смогли оценить все прелести французской кухни, разговор зашел о положении в Индокитае. Де Голль советовал Кеннеди отказаться от прямого военного вмешательства в Лаосе,

где активизировались коммунистические партизаны Патет Лао, поддержанные Северным Вьетнамом и Китаем, и где проходила «тропа Хошимина», по которой Северный Вьетнам снабжал коммунистических партизан Вьетконга в Южном Вьетнаме. Вместе с тем де Голль обещал дипломатическую поддержку в борьбе с коммунистическим проникновением в Индокитай. Он рекомендовал американцам содействовать формированию в Лаосе коалиционного правительства, которое проводило бы политику нейтралитета. Как раз незадолго перед поездкой в Европу, 9 марта 1961 года, Кеннеди принял командующего вооруженными силами США в районе Тихого океана адмирала Г. Фелта (кстати сказать, по профессии не моряка, а морского летчика). Тот сообщил, что в Лаосе правительственные войска дерутся очень плохо, в отличие от солдат Патет-Лао. «Будут ли лаотянцы бороться за свою страну?» – с сомнением спрашивал Кеннеди. И склонился к созданию в Лаосе коалиционного правительства, которое бы смогло обеспечить его нейтралитет. 16 мая 1961 года в Женеве как раз открылись переговоры по формированию коалиционного правительства в Лаосе. Соглашение о таком правительстве было достигнуто только в июле 1962 года, причем все государства призывались «уважать и соблюдать суверенитет, независимость и нейтралитет, единство и территориальную целостность королевства Лаос». Однако Женевское соглашение по Лаосу так никогда и не было претворено в жизнь.

Кеннеди предупредил своего французского союзника, что США собираются расширить военную помощь Южному Вьетнаму и увеличить там количество своих военных советников. Де Голль предостерег его от слишком большой вовлеченности во вьетнамский конфликт, опираясь на горький опыт французской интервенции: «…Вы безнадежно завязнете в этой бесконечной войне. Если нация пробудилась, никакая навязанная иностранцами власть, сколько бы средств ни предоставили в ее распоряжение, не сможет навязать народу свою волю… Если вы найдете на месте правительства, которые из корыстных побуждений согласятся следовать вашей воле, то народы не все равно не согласятся повиноваться… Чем больше вы будете бороться против коммунизма, тем больше коммунистов будут считать поборниками национальной независимости, тем больше их будут поддерживать. Мы, французы, в этом уже убедились. Вы, американцы, захотели занять наше место в Индокитае, чтобы снова разжечь пожар войны, которую мы прекратили. Я предвижу, что вы будете увязать шаг за шагом в бездонной военной и политической трясине, какие бы вы ни несли потери и расходы».

На второй день переговоров обсуждались проблемы Североатлантического союза. Де Голль заявил о намерении Франции проводить самостоятельную военную политику и в ближайшем будущем выйти из военной организации НАТО, хотя и пообещал, что не будет предпринимать столь радикальный шаг немедленно. И вообще, заявил де Голль, США не должны слишком активно вмешиваться в дела Европы.

Кеннеди сохранял внешнее спокойствие, но на самом деле был потрясен до глубины души. Оказалось, что союзники начинают проявлять строптивость и больше не готовы, как это было при Трумэне и Эйзенхауэре, безоговорочно следовать в фарватере американской политики. Независимость и строптивость стал проявлять даже такой верный союзник в недавнем прошлом, как Франция. Теперь Вашингтону приходилось учитывать их специфические интересы и убеждать европейское общественное мнение в своей правоте.

Кеннеди тщетно пытался уговорить президента Франции отказаться от создания собственных ядерных сил, независимых от НАТО. Он обещал, что Америка «будет воевать, если на Европу нападут», и, если необходимо, готова будет первой применить против Советского Союза (а напасть на Европу мог только он) ядерное оружие. Кеннеди также предложил создать в рамках НАТО подводные атомные силы, которые будут совместно контролировать США, Англия и Франция. Однако де Голль на это предложение не польстился, хотя и не отверг с порога. Но особенно не понравилось Кеннеди то, что де Голль отказался последовать американскому примеру и порвать дипломатические и торговые отношения с Кубой.

Главным итогом встречи для Кеннеди было то, что у них с де Голлем установились хорошие личные отношения. Но, по иронии судьбы, из-за трагедии в Далласе больше им не суждено было встретиться.

В Париже Жаклин Кеннеди привлекла всеобщее внимание своей красотой и элегантностью. О, французы умеют ценить красивых женщин! А у Жаклин еще было природное обаяние.

Несмотря на свои постоянные романы на стороне, Джек был сильно привязан к жене. При виде Жаклин у него загорались глаза. Когда президента попросили одним словом охарактеризовать свою жену, он не задумываясь выдохнул: «Фея!» Он безмерно гордился ее популярностью, ее вкусом, ее образованностью. И во время визита в Париж де Голль признался Кеннеди: «Единственное, что я бы с удовольствием привез из США – это мадам Кеннеди. Она слишком дорогая драгоценность даже для президента США». В ответ Джон заметил: «Позвольте

представиться. Я тот мужчина, что сопровождает Жаклин Кеннеди в Париже, и мне это очень нравится».

Дж. Ф. Кеннеди с супругой во время встречи с Ш. де Голлем

Очарованный де Голль преподнес Жаклин часы с бриллиантами за 4 тыс. долларов. В мемуарах президент Франции так суммировал свои впечатления от встречи с Кеннеди: «Теперь американцы вынуждены считаться с нашей независимостью и иметь дело непосредственно с нами. Но они, тем не менее, не могут представить себе, что их роль перестала быть решающей и что наша роль может быть иной. Коротко говоря, всегда, когда Кеннеди мне предлагает какой-либо шаг, – это шаг, который должен быть сделан в порядке соучастия в его действиях. Я отвечаю, что Париж, безусловно, готов обсудить вопрос о согласованности действий с Вашингтоном, но все, что делает Франция, она делает как хозяйка своей политики и по собственному почину».

Дальше была Вена. В Вене Джон Кеннеди встретился с Никитой Сергеевичем Хрущевым. Главную свою задачу Кеннеди видел в установлении личного контакта с советским лидером. Для заключения каких-либо конкретных соглашений почвы в тот момент не было. Ведь холодная война была в разгаре. Кеннеди считал, что Хрущеву надо ясно дать понять, что неудача на Кубе вовсе не свидетельствует о слабости Америки, и она никому не позволит проводить против себя политику с позиции силы. Примерно такими же были и цели Хрущева. Он хотел доказать Кеннеди, что Советский Союз силен и против него бесполезно пытаться вести политику с позиции силы. Кеннеди рассчитывал получить от советской стороны согласие на создание

коалиционного правительства в Лаосе и на прекращение или, по крайней мере, ограничение деятельности коммунистических партизан в этой стране. Но главным, конечно, стал германский вопрос. Переговоры с Хрущевым прошли 3 и 4 июня. Кеннеди стремился донести до советского лидера свое недовольство советской поддержкой «движений меньшинства» в третьем мире, придерживающихся марксистских или левосоциалистических взглядов, и предупредить, что возникающие из-за этого внутренние и региональные конфликты могут привести к вооруженному столкновению СССР и США. Он говорил Хрущеву, что в советско-американских отношениях надо избегать критических ситуаций, которые могут спровоцировать ядерную войну.

Кеннеди также предложил запретить ядерные испытания, но только при условии, что представители США получат доступ на советскую территорий для проверки подозрительных явлений, которые могут оказаться замаскированными подземными ядерными и термоядерными испытаниями (морские, воздушные и надземные ядерные испытания достаточно надежно фиксировались национальными средствами контроля). Советское предложение о том, чтобы каждая из сторон имела право на три инспекции в год, которое должно было быть включено в договор о запрете ядерных испытаний, Кеннеди не удовлетворило. Он понимал, что плановых инспекций Москва не боится, так как советская сторона всегда успеет к ним подготовиться. Между тем подземные ядерные испытания в то время можно было уверенно зафиксировать только с помощью инспекций. Соглашение же о ядерном разоружении Кеннеди считал в то время недостижимым. СССР еще в сентябре 1959 года внес на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН программу всеобщего и полного разоружения, но в Америке сочли ее чистой воды пропагандой, поскольку она не предусматривала никаких мер контроля и инспекций, кроме уже существующих национальных технических средств. В то же время Генассамблея единодушно одобрила резолюцию в поддержку идеи всеобщего и полного разоружения. США тоже голосовали «за», прекрасно понимая, что это не более чем благое пожелание. Кеннеди считал всеобщее и полное разоружение «недостижимой целью», поэтому и не проявлял большого интереса к переговорам с Хрущевым на эту тему.

Американский президент не готов был и к заключению мирного договора с двумя германскими государствами и урегулированию ситуации вокруг Западного Берлина путем объявления его демилитаризованным «вольным городом». Хрущев же ни на какие уступки ни по одному вопросу не пошел, кроме

согласия на будущее коалиционное правительство в Лаосе, что и было зафиксировано в специальном пункте совместного коммюнике и в последующих соглашениях по Лаосу на международной конференции в Женеве. Однако поскольку после формирования коалиционного правительства коммунистические партизаны в Лаосе не умерили свою активность, и снабжение Вьетконга через лаосскую территорию продолжалось, фактически от компромисса по Лаосу выиграла только Москва. Но это стало окончательно ясно только после смерти Кеннеди.

Хрущев оставил подробные воспоминания о своей единственной встрече с Кеннеди в Вене. Он признался, что с симпатией относился к американскому президенту, и в период выборов 1960 года считал его победу более выгодной для СССР, чем победу Никсона: «Джон Кеннеди вообще у нас был мало известен. В печати, впрочем, отмечалось, что он отличался умом. Еще во время моей поездки по США Комитет по иностранным делам сената организовал прием в мою честь. Председателем комитета был тогда Фулбрайт. Он представил мне присутствующих, и когда дошла очередь до Кеннеди, назвал его: «Вот сенатор Джон Кеннеди». Я пожал ему руку и сказал: «О вас идет молва, вам предрекают большое будущее…» Я постарался тогда какие-то слова сказать каждому, с кем меня знакомили. На этом наше знакомство в те дни и кончилось. Впрочем, мы знали, что Кеннеди отличается от других конгрессменов остротой реакции, образованностью и тактом…»

Хрущев так объяснял выбор Кеннеди в качестве кандидата в президенты: «Демократы решили, что лучше сделать ставку на Джона Кеннеди. Это был молодой человек, к тому же миллионер…» Советский лидер, как кажется, не понимал, что быть миллионером для кандидатов в президенты США было скорее минусом, чем преимуществом, поскольку многие американцы не верят, что богачи на посту президента будут должным образом учитывать интересы простых людей.

Хрущев утверждал, что когда перед выборами 1960 года в Москву в качестве посланца Эйзенхауэра прибыл Г.К. Лодж, вместе с Никсоном баллотировавшийся кандидатом в вице-президенты, то он попросил: «Нам не нужно ваше выступление в чью-то пользу, это пойдет, наоборот, во вред. Просьба держать строгий нейтралитет. Не вмешивайтесь в наши внутренние дела во время выборов президента».

По всей видимости, так и было. Можно вспомнить, как перед выборами 1944 года Ф.Д. Рузвельт попросил Сталина дать указание компартии США, чтобы она не только не поддерживала его кандидатуру, а наоборот, резко критиковала его политику.

Дядюшка Джо учел пожелания союзника, и вскоре американские коммунисты обрушились с критикой на Рузвельта как «главного капиталиста и империалиста». Учитывая широкое распространение в Америке антикоммунистических настроений, поддержка со стороны компартии, никакого влияния в США не имевшей и существовавшей только на советские деньги, что не было секретом ни для ФБР, ни для президента, наверняка стоила бы Рузвельту немало голосов. Избиратели могли всерьез заподозрить, что он действует в соответствии с интересами советских коммунистов и Сталина, вот его американские коммунисты и поддерживают.

Хрущев понимал, что прямое высказывание его или подконтрольной ему советской печати в пользу Никсона или Кеннеди могли только уменьшить шансы данного кандидата на победу, хотя вряд ли советская позиция играла тут решающую роль. Тем не менее победитель в любом случае мог на советские высказывания обидеться, даже если бы им оказался тот, кому Москва официально пожелала победы. Он-то прекрасно знал истинное значение советской «поддержки». Поэтому Никита Сергеевич благоразумно решил прямо не высказываться по поводу американской предвыборной кампании. Зато косвенную, скрытую поддержку он Кеннеди оказал, поскольку именно в нем видел предпочтительного партнера для будущих переговоров.

Никита Сергеевич уверял: «А мы так и собирались поступать. Это вообще разумная линия. Но все-таки внутренне мы больше ориентировались на кандидатуру Джона Кеннеди».

Хрущев, несмотря на просьбу Эйзенхауэра, не стал до выборов устраивать обмен Пауэрса и других американских летчиков, сбитых над Баренцевым морем, на Рудольфа Абеля (Уильяма Фишера), поскольку это могло добавить очки Никсону в глазах избирателей. Если история Пауэрса широкой публике известна очень хорошо, то этого нельзя сказать об истории американского военного самолета РБ-47, сбитого 1 июля 1960 года над Баренцевым морем советским истребителем МиГ-19. Москва утверждала, что самолет находился над советскими территориальными водами, американская – что над нейтральными. Из шести членов экипажа уцелели только двое – лейтенанты ВМФ (соответствует армейскому капитану) США Джон Маккоун и Фирмен Олмстед. Поскольку самолет действительно был сбит над нейтральными водами, что могло всплыть на суде, Хрущев не стал устраивать шума, и об уничтожении РБ-47 в советской печати не сообщалось. Сразу после вступления Кеннеди в должность, 24 января 1961 года, Президиум Верховного Совета СССР принял постановление об

освобождении Маккоуна и Олмстеда от уголовной ответственности, и уже 25 января их передали американскому посольству в Москве, и в тот же день они вылетели в Америку. Но об этом по условиям сделки в печати не сообщалось. Пауэрса же обменяли на Абеля только 10 февраля 1962 года. Потом в Америке было распространено мнение, что, отдав резидента КГБ Абеля за Пауэрса, американское правительство продешевило. Широкая общественность ни в США, ни в СССР не знала, что в действительности Абеля обменяли не на одного, а на трех американских летчиков, не считая американского студента Свободного университета Западного Берлина Фредерика Прайора, арестованного полицией ГДР в Восточном Берлине в период кризиса из-за возведения Берлинской стены и 10 февраля 1962 года освобожденного в обмен на Абеля без предъявления обвинения.

Советский лидер считал, что для него выгоднее иметь президентом США Кеннеди, так как при нем ждали улучшения отношений с Америкой. Никита Сергеевич в глубине душе надеялся, что более молодой и, как он думал, менее опытный, чем Никсон, Кеннеди будет более податливым партнером по переговорам, и его легче будет обвести вокруг пальца. В действительности же разрядка напряженности в отношениях между СССР и США и их союзниками в Западной Европе произошла как раз в президентство Никсона в конце 60-х – начале 70-х годов, и Хрущев еще застал это время. Но предсказать все это в 1960 году было еще невозможно.

Хрущев вспоминал: «Позднее, встречаясь с Кеннеди в Женеве (здесь несомненная оговорка, поскольку имеется в виду встреча в Вене. – *Авт.*), мы с ним беседовали, порой шутили. В общении он был приятным и разумным человеком. Тут я ему и рассказал: «Мистер Кеннеди, вы знаете, что мы голосовали за вас?» Он посмотрел на меня вопросительно: «Каким образом? Как это понимать?» И я поведал ему об обращении Вашингтона к Москве перед окончанием избирательной кампании, назвал точное число и сказал, что если бы мы вернули Пауэрса и полярных летчиков, то это было бы засчитано в актив Никсона. Он посмеялся и ответил, успокоившись: «Ваш вывод правилен. Я согласен, что в тот момент даже малый перевес мог стать решающим. Поэтому я признаю, что вы тоже участвовали в выборах и голосовали в мою пользу». Эта шутка отражала действительность».

Советский лидер был уверен, что Кеннеди не готов был превращать холодную войну в горячую: «Кеннеди не говорил мне, что боится новой мировой войны, но понимал, что она не окажется прогулкой, а будет кровопролитной и обязательно

коснется территории США».

Встречу же в Вене, по словам советского лидера, готовили так: «Монополисты зарабатывали на тех войнах, но в будущей войне они могут многое потерять, потому что война эта будет ракетно-ядерной. Все это Кеннеди отлично понимал. Он умел анализировать события и не боялся называть вещи своими именами. Поэтому он и начал свою международную деятельность с установления более тесных контактов с СССР. Он тоже хотел договориться о разоружении, с тем чтобы прекратить дальнейший рост напряженности и получить уверенность в том, что никакая случайность не сможет вызвать военные столкновения.

Кеннеди сообщил нам, что хотел бы встретиться с главой правительства Советского Союза. Мы тоже стояли на близкой позиции. Когда он пришел в Белый дом, мы хотели установить с ним контакт и попытаться договориться о том же на разумной основе. Мы тоже боялись войны, потому что не боится войны только дурак…

Кеннеди был эластичным человеком. Он сам определял внешнюю политику США. Он взял к себе много молодых умных и образованных советников. В вопросах международной политики они тоже были гибки, поэтому и советы давали ему в этом же направлении. Определяя политическую линию, Кеннеди подбирал себе таких помощников на все посты, которые импонировали бы ему и понимали его цели. Американская печать, соответственно, высказывалась за личную встречу Кеннеди с Хрущевым. Наконец, мы получили официальное предложение встретиться на нейтральной почве, то есть не в СССР и не в США…»

Никита Сергеевич искренне верил, что Кеннеди является человеком, «отражающим интересы американского монополистического капитала» (другого в Америке президентом, как он был уверен, не выберут) и сам к тому же является крупным капиталистом. О том, что собственно от бизнеса американский президент был всегда далек, Хрущев, по всей видимости, не знал. Но в то же время он полагал, что Кеннеди достаточно самостоятелен в проведении своей внешней политики. Советский лидер верил, что термоядерной войны боятся все люди, и в том числе американские монополистические капиталисты (они же не дураки!). Поэтому, рассчитывал Хрущев, пугая Кеннеди и американскую общественность перспективой глобальной термоядерной войны, можно вырвать у них уступки по конкретным вопросам и, в частности, по проблеме Западного Берлина и признания ГДР. Вопреки тем слухам, которые впоследствии с удовольствием распускали те, кто его сверг,

Никита Сергеевич дураком не был. Иначе бы не удержался в сталинском Политбюро до самой смерти диктатора, не смог бы дважды, в 1953 и в 1957 годах, победить в борьбе за власть с другими наследниками Сталина. Но вместе с тем Хрущеву явно не хватало такта, дипломатичности, общего образования и культуры. Отсюда произошел ряд его неудач во внешней и особенно во внутренней политике, предопределивших его бесславное падение в 1964 году. Но летом 1961 года Никита Сергеевич обладал максимальной властью. Через несколько месяцев, в октябре, должен был состояться XXII съезд КПСС, на котором достигли апогея как разоблачение культа личности Сталина так и культ личности самого Хрущева. Ко времени встречи с Кеннеди Хрущев твердо верил в собственное величие и непогрешимость и рассчитывал, что ему удастся уговорить Кеннеди принять советские предложения по германскому вопросу, включающие, в частности, нейтрализацию Западного Берлина и вывод оттуда американских, британских и французских войск.

Некоторые споры, как отмечает Хрущев, вызвало место будущей встречи: «Она могла произойти в Вене, в Женеве или же в Хельсинки. Кеннеди предложил Вену. Мы считали, и я лично тоже, что лучше в Хельсинки, ибо полагали, что Финляндия с большим пониманием относится к нашей политике. Но Австрия нас тоже устраивала…

Так как президент брал с собой свою мать и жену, то я тоже решил взять Нину Петровну, чтобы на приемах женщины могли вести между собой беседы. Я лично не был сторонником этого. У меня, признаюсь, такой аскетизм, видимо, остался от времен Сталина… Микоян, который слыл у нас человеком, наиболее сведущим в контактах и толкователем этикета, сказал, что за рубежом наличие жены будет хорошо расценено и нам следует придерживаться международного этикета. Я согласился с ним».

По признанию Хрущева, на встрече в Вене главное внимание было уделено германской проблеме: «Мы официально обратились с предложением о подписании мирного договора с Германией и заявили: если Запад не согласится, мы будем вынуждены подписать отдельно мирный договор с ГДР. Тогда на ее территорию не будут распространяться положения Потсдамского соглашения, а будут действовать статьи мирного договора, который подпишут СССР и те страны, кто захочет.

Кеннеди реагировал очень болезненно. Он чувствовал, что мы можем это сделать. Я видел, что Кеннеди понимает наши рассуждения в буквальном смысле слова: он считал, что мы, подписав мирный договор, тем самым решим и вопрос

о Западном Берлине и оккупируем его. Естественно, мы таких намерений не имели, а хотели, чтобы он официально стал вольным городом, иначе произошло бы столкновение. Конечно, в случае столкновения сначала мы решили бы дело очень быстро в свою пользу, потому что в Западном Берлине находились небольшие вооруженные силы западных стран. Но большие или малые, а это уже стрельба, могла разразиться и война. Поэтому мы не преследовали подобной цели и не хотели военного конфликта. Конкретно же мы стремились передать ГДР все функции, которыми пользовались по обеспечению связей через ее территорию западные страны с Западным Берлином…

Кеннеди сопротивлялся и доказывал, что Запад на это пойти не может; что Потсдамское соглашение определяет существование одной Германии и мирный договор может быть подписан только при условии создания единой Германии.

Беседы по германскому вопросу протекали у нас очень обостренно. Мы решительно защищали свое право заключить мирный договор со всеми последствиями, вытекавшими из этого, и рассматривали Западный Берлин как территорию ГДР, а пребывание там западных войск считали незаконным. Кеннеди доказывал обратное…»

Никита Сергеевич вспоминал, что Кеннеди «признавал необходимость строить наши отношения с целью обеспечения мирного сосуществования, исключить войну и военные столкновения, но понимал это по-своему. Согласно его пониманию дела, мы должны будем договориться и документально оформить это каким-то договором о том, что стоим на позициях мирного сосуществования, которое он толковал как фиксацию сложившегося во всех странах социально-политического строя, не допуская его изменений. Эта позиция для нас совершенно неприемлема. Я ему так и заявил.

Встреча Дж. Ф. Кеннеди и Н.С. Хрущева в Вене

Мы согласны строго придерживаться условий мирного сосуществования, в спорных вопросах не должны ни прибегать к силе, ни вмешиваться во внутренние дела других государств. Однако и эти государства не должны вмешиваться во внутренние дела нашего государства. Вопросы политического устройства каждой страны должны решаться самими народами, и даже если будет изменяться общественный строй по решению самого народа, мы не должны вмешиваться в это. Вот как мы понимаем дело. «Нет, – отвечал Кеннеди, – должны вмешиваться, потому что могут быть засланы агенты другой державы». То есть он навязывал нам свое понимание мирного сосуществования как обеспечения безопасности не только границ, но и внутреннего устройства государств, вечного статус-кво. Первую половину дела, гарантию безопасности границ, мы принимали. Вмешательство же во внутреннее устройство других государств для нас немыслимо и невозможно».

Разумеется, подобную шулерскую политику Кеннеди принять не мог. Ведь Хрущев предлагал, чтобы США и их союзники ничем не помогали повстанческим движениям и революциям в СССР и союзных ему странах, и в то же время оставлял за Советским Союзом и его союзниками право поддерживать национальные движения и революции в других странах, примерно так, как это в тот момент происходило в Лаосе и Южном Вьетнаме. И неудивительно, что Никита Сергеевич категорически отказывался подписывать какой-либо договор на эту тему. Ведь тогда и США, и СССР пришлось бы брать на себя одинаковые обязательства по

невмешательству в дела других стран, а Хрущева это не устраивало. К тому же советский лидер учитывал, что вследствие гораздо большей закрытости коммунистических государств факт их вмешательства, в том числе и вооруженного, в государствах третьего мира будет значительно труднее установить, чем факт вмешательства США и их союзников.

На переговорах в Вене Хрущев и Кеннеди обсуждали также советский долг по ленд-лизу, но договориться не удалось. Хрущев настаивал, что поставки по ленд-лизу советские солдаты давно уже оплатили своей кровью, а Кеннеди настаивал, что оставшийся долг надо оплатить в твердой валюте, которой у Советского Союза в то время, когда еще не было высоких цен на нефть и газ, был хронический дефицит.

Хрущев также вспоминал, что вечерами они вместе с Кеннеди знакомились с достопримечательностями австрийской столицы, были в Венской опере, а также на очень интересном цирковом представлении с лошадьми, которое Никите Сергеевичу явно понравилось гораздо больше оперы.

Глава советского правительства в мемуарах так охарактеризовал семью американского президента: «На приеме Кеннеди познакомил меня со своей женой и матерью. Его мать произвела на меня хорошее впечатление: приятная женщина!

Супруга же его Жаклин – молодая женщина, о которой я много читал в газетах. Журналисты всегда выставляли ее красавицей, завораживающей своей красотою мужчин, но на меня она не произвела подобного впечатления. Да, молодая, энергичная, приятная, но без особого блеска… Видимо, она бойка на язык, как украинцы говорят – языкастая; и в разговоре находчива. С ней не связывайся – обрежет!

Встретился я с ней в театре, во время перерыва пошли в буфет. Какие там могли у нас быть разговоры? Перебрасывались обычными фразами. Однако и тут она показала остроту своего языка. Меня как главу делегации советского государства совершенно не трогало, какова она. Это дело мужа. Если она ему нравится, на здоровье и ему, и ей. То же самое и в отношении матери. Мы помнили, что она миллионерша, и, следовательно, должны были знать, с кем имеем дело, не забываться. Могли улыбаться, жать любезно друг другу руки, но мы люди разных полюсов».

Как кажется, Никита Сергеевич был единственным мужчиной в мире, которого не очаровала красота Джекки. Видно, его задело, что она «остра на язык». Не исключено, что какую-то из шуток жены Кеннеди Хрущев отнес на свой счет и обиделся. Да и говорить с весьма образованной супругой Кеннеди не

обремененному культурой советскому генсеку действительно было, в сущности, не о чем.

Кеннеди, к сожалению, мемуаров не оставил. В материалах же, которые готовили его советники и ЦРУ к встрече в Вене, отмечалось, что для Хрущева характерен «сильный интерес к сельскому хозяйству, охоте и творчеству его друга Шолохова». Также не рекомендовалось, памятуя о его крутом нраве и невоспитанности, «утомлять Хрущева (что будет не сложно из-за его кипучей энергии), за усталостью последует возрастающая агрессивность, которую можно определить по вздувшейся вене на левом виске, по его замедлившейся и заикающейся речи, если он очень устал… переводчик может сообщить… что он перешел на украинский язык». Указывалось также, что часто Хрущев бывает непредсказуем. Кеннеди предупреждали, что «Хрущев… это такой тип агрессора, которого будет раздражать и выводить из себя мягкая, уклончивая и спокойная манера общения на переговорах, поднятые вопросы которых не имеют однозначного ответа – «да» или «нет». При этом Хрущев «может быстро превратиться из искреннего и трогательного парня, проявляющего дружескую позицию, в резкого противника, все осуждающего. Он обладает способностью поставить собеседника в положение глухой обороны и быстро анализировать, обладает ли он, Хрущев, превосходством, и, если решает, что нет, то провоцирует событие, которое предоставит ему такое преимущество».

Наверно, подобный портрет немало позабавил Кеннеди. И зря. Похоже, он недооценил Хрущева, точно так же как Хрущев недооценил Кеннеди, полагая, что он человек слабохарктерный и в решающий момент может уступить давлению.

Вместе с тем Никита Сергеевич высоко оценил манеру Кеннеди вести переговоры, в которых, кроме переводчиков, также участвовали главы внешнеполитических ведомств А.А. Громыко и Д. Раск: «Наши беседы проходили в виде диспута. Не помню, чтобы Кеннеди обращался с каким-либо вопросом к Раску или чтобы Раск подавал реплики. Этого не было. Поэтому у меня создалось впечатление, что Кеннеди сам очень хорошо разбирался в международных вопросах и был подготовлен к переговорам. Все, о чем нужно было обменяться мнениями, он изучил заранее и совершенно свободно владел материалами. Это было абсолютно не похоже на то, что я наблюдал, встречаясь с Эйзенхауэром. Это, конечно, говорило в пользу Кеннеди, и он вырастал в моих глазах. Тут был партнер, к которому я относился с огромным уважением, хотя мы стояли на разных позициях и были как бы противниками. Я ценил его качества. Если президент сам разбирается в деталях политики, значит, он и определяет ее.

А так как президент заявил, что с пониманием относится к мирному сосуществованию, следовательно, зарождалась какая-то уверенность в том, что он не станет опрометчиво принимать решения, которые привели бы к военному конфликту. С каждой встречей он вырастал в моих глазах. Мы постоянно прощупывали возможность найти какие-то соглашения по острым вопросам для обеспечения взаимной безопасности. Беседы подходили к концу, но уже было видно, что конкретных соглашений мы достичь не сможем, потому что наши понимания дела слишком противоположны. Ни та, ни другая сторона не могли найти приемлемых условий для соглашений. То, что приемлемо для одной стороны, оказывалось неприемлемым для другой. Собственно говоря, на этом и основывались холодная война и состояние напряженности.

Каждая сторона хотела бы обеспечить мир, но обеспечение мира трактовала по-своему, так, что это противоречило интересам контрпартнера. Вот такую позицию занимал Запад. Да он и сегодня занимает эту же позицию, с тою лишь разницей, что сейчас не может отрицать возросшей военной мощи Советского Союза…

Наша встреча уже тогда была обусловлена тем же: США потеряли уверенность в том, что могут достичь своих целей при проведении политики с позиции силы, как было во времена Трумэна и Даллеса. Соотношение сил стало иным, поэтому Кеннеди вынужден был искать возможность договориться на новой основе, которая, однако, устраивала бы Соединенные Штаты. Мы-то хотели договориться на такой основе, которая устраивала бы и нас, и США, а они о нас не думали».

Хрущеву запомнилась последняя, неформальная встреча с Кеннеди на приеме или в театре в Вене: «Кеннеди был очень мрачен. Не только озабочен, но и мрачен. Когда я смотрел на его лицо, он у меня вызывал сочувствие, сожаление. Я хотел, чтобы мы расстались с другим настроением, но помочь ему ничем не мог. Политика неумолима, а наше классовое положение не дало возможности, несмотря на усилия с моей стороны, прийти к соглашению. Как политик я это понимал, а как человек сочувствовал Кеннеди. Он был разочарован, а его внутренние противники в США, особенно агрессивно настроенные деятели, получили удовлетворение: «Вот, ты надеялся, что сможешь при встрече с Хрущевым добиться каких-то соглашений, а теперь сам убедился, что мы были правы, проводя политику с позиции силы. У нас и выхода другого не было, потому что коммунисты признают только силу, а иного языка не понимают. Ты хотел с ними разговаривать языком соглашений и в ответ получил

щелчок по носу, возвращаешься опозоренным. Объявил всем, что едешь с уверенностью найти возможность договориться, а вернулся к разбитому корыту, приехал ни с чем. Следовательно, наша политика была правильной, а ты заблуждался».

Примерно так я представлял себе переживания президента и сочувствовал ему, но вида не подавал. А сочувствовал ему, потому что не создавалось предпосылок к лучшему, и мы опять отбрасывались назад, возможно, к еще большему обострению, к продолжению холодной войны. За это мы должны были платить, потому что опять начиналась гонка вооружений. Потребуются еще большие ассигнования средств на оружие. Сначала в США. Это заставит нас последовать за ними. Такие события нам известны, они обременяют бюджет и снижают экономический потенциал гражданской жизни. Это-то меня, главным образом, и заставляло сочувствовать президенту, я понимал причины его огорчения: неудача его внешней политики отразится на наших бюджетах, а, следовательно, на жизненном уровне народов. Но я нагнетал обстановку не ради этого, а чтобы поставить президента в безвыходное положение, заставив его признать необходимость пойти нам навстречу, иначе будет возможность конфликта. Кеннеди же не захотел под нажимом пойти на соглашение. Мои призывы осознать реалистичность наших доводов повисли в воздухе. Мы оба остались на старых позициях».

В мемуарах советский лидер простодушно раскрыл свою дипломатическую тактику. Он опирался на обман и шантаж, а потом удивлялся, почему с ним не хотят заключать серьезных соглашений. Фактически Хрущев подтвердил правоту тех критиков Кеннеди справа, позицию которых он довольно неплохо изложил.

Как кажется, в мемуарах Хрущев дал более высокую оценку Кеннеди как личности и политику по сравнению с той реальной оценкой, которая сложилась у него в результате венской встречи. Всегда предпочитавший компромиссы прямому столкновению позиций, Кеннеди пытался найти компромисс и в американо-советских отношениях. Поэтому он и предлагал Хрущеву заключить договор о мирном существовании. Никита Сергеевич воспринял это как слабость и вдоволь поиздевался над американским президентом. Кеннеди же лишь убедился, что советский лидер пока не готов серьезно договаривать с Америкой, и понял, что встреча в Вене ему, Кеннеди, никаких дивидендов не принесет. Он не стал резко парировать хрущевские выпады, проявляя свою извечную дипломатичность и хорошее воспитание. Никита Сергеевич же уверовал, что новый американский президент – слабак и лох, которого обмануть ничего не стоит. Во

всяком случае, о том, что заключение Хрущева насчет Кеннеди было примерно таким, косвенно свидетельствуют последовавшие после встречи в Вене действия советского вождя. Не прошло и двух с половиной месяцев, как Хрущев санкционировал возведение Берлинской стены, вызвав острый кризис в Берлине. А то, что американцы не ответили на нарушение Москвой Потсдамских соглашений решительными действиями, не попытались снести хотя бы часть стены и побоялись вступать в перестрелку с советскими танками, еще раз убедило Никиту Сергеевичу, что Кеннеди – гнилой либерал, на решительные, а тем более насильственные действия против Советского Союза не способный, поскольку боится мировой термоядерной войны и готов пойти на сохранение мира практически любой ценой. И за берлинским кризисом 1961 года последовала авантюра с отправкой на Кубу советских ракет, окончившаяся крупнейшим военно-дипломатическим поражением Советского Союза в холодной войне.

По всей вероятности, хрущевские мемуары отражают не только то впечатление от Кеннеди, которое сложилось в Вене, но и позднейшие впечатления от Карибского кризиса, когда Никита Сергеевич с опозданием понял, что Кеннеди – весьма серьезный человек и политик, которому палец в рот не клади. А признания в искренних симпатиях к покойному американскому президенту могли появиться под влиянием трагедии в Далласе, когда плохо говорить о Кеннеди в мире стало вообще как-то неприлично.

11
Политика Кеннеди в странах третьего мира

Администрация Кеннеди в большей мере, чем ее предшественники, стремилась наладить отношения с развивающимися странами, называемыми иначе также государствами третьего мира. К этой категории государств относятся страны Латинской Америки, а также страны Азии и Африки, освободившиеся от колониальной зависимости. Кеннеди хотел обеспечить экономический, социальный и политический прогресс в третьем мире и поднять американский престиж. США стремились избавиться от наиболее одиозных диктатур и попытаться создать там демократические правительства. Кеннеди надеялся сбить революционную волну в развивающихся странах.

Еще в 1951 году он посетил Лаос, Камбоджу и Вьетнам, находившиеся тогда под французским управлением. Уже во время этой поездки Кеннеди понял, что французам не удержать Индокитай и что колониальная политика вообще бесперспективна. Он пришел к выводу, что США придется вести дела с множеством новых независимых государств, которые многократно уступают Северной Америке и Западной Европе по уровню социально-экономического развития. Эти бедные страны, если им не помочь, могут стать легкой добычей коммунистов. И чтобы предотвратить это, необходимо действовать прежде всего не с помощью военной силы, а посредством экономической помощи и создания в третьем мире проамерикански и прозападно настроенных прослоек населения, разделяющих европейские и американские культурные и политические ценности. А для этого надо как обучать выходцев из развивающихся стран в американских университетах и колледжах, так и создавать в этих странах подобные образовательные учреждения. Необходимо также создавать там современную систему здравоохранения, модернизировать сельское хозяйство, создавать транспортную инфраструктуру, промышленность, а при необходимости – оказывать гуманитарную помощь, чтобы предотвратить массовый голод или ослабить его последствия. Благо, туда можно отправлять практически бесплатно излишки американской сельскохозяйственной продукции, чтобы не допускать кризиса в США и поддерживать благосостояние американских фермеров.

Особый интерес Кеннеди проявлял к Африке. Он считал, что Черный континент обделен вниманием американских политиков и бизнесменов, и пытался исправить положение. Еще в июле 1957 года в сенате он произнес речь о положении в Алжире, где призывал предоставить этой стране независимость, чем вызвал неудовольствие в Париже. В составлении этой речи Кеннеди помогал сотрудник Госдепартамента Уильям Портер. Кеннеди утверждал, что война Франции в Алжире ведет к ослаблению западного влияния по всей Африке, и особенно в арабской северной ее части. Тогда его критиковал госсекретарь Д. Ачесон. Теперь же Кеннеди сам мог определять африканскую политику США. Интересно, что в 1960 году в ходе предвыборной кампании он 479 раз упоминал тему Африки, что стало абсолютным рекордом для Соединенных Штатов. Кеннеди повторял и повторял, что надо бороться за Африку, поскольку Запад теряет там свое влияние. А в конце 1960 года, еще до вступления на пост президента, Кеннеди отправил в Западную и Центральную Африку видного деятеля Демократической партии и дипломата Аверелла Гарримана.

У. Дж. Портер

Кеннеди основательно обновил дипломатический корпус в странах Африки. Помощником государственного секретаря по африканским делам стал бывший губернатор Мичигана демократ Герхард Меннен Уильямс, а его заместителем – знаток Африки, сотрудник Фонда Форда Вайн Фредерикс. Послами в африканских странах Кеннеди назначал либо молодых сотрудников Госдепартамента, либо ученых и журналистов, специализировавшихся по Африканскому континенту. Так, в Гвинее американским послом стал известный журналист У. Эттвуд, в Эфиопии – его коллега Э. Корри, а в Египте – ученый-антрополог Д. Баде. В 1961 году США посетили лидеры 11 стран Африки, а в 1962 году – лидеры 10 стран. Во время встреч и бесед с африканскими политиками Кеннеди старался показать свое понимание африканских проблем, установить с ними личные контакты. Но на африканских лидеров очень плохо влияли факты расовой дискриминации черных, характерные для южных штатов. Во время президентства Кеннеди со специальными миссиями в Африке, кроме Гарримана, побывали заместитель госсекретаря Уильямс, брат президента Эдвард Кеннеди и целый ряд сенаторов и конгрессменов. Никогда прежде Африка не становилась столь важным объектом для американских политиков и бизнесменов. В августе 1961 года была создана Афро-американская ассоциация торговли и развития. Произошел и определенный рост американских инвестиций в африканских странах. Они росли быстрее остальных американских заграничных вложений. К концу 1961 года в Африке действовало уже более 220 американских компаний. Однако африканские инвестиции погоды на рынке не делали. К концу 1961 года на Африку приходилось около 1,1 млрд долларов, или менее 4 % всех прямых заграничных американских частных инвестиций. Мешала неразвитость инфраструктуры в большинстве африканских государств и конкуренция со стороны английских и французских компаний, представлявших прежних колонизаторов. В Африке при Кеннеди США перестали поддерживать своих союзников по НАТО Бельгию и Португалию, пытавшихся удержать свои колонии в Африке посредством боевых действий против национально-освободительных движениий. Особенно активен был американский капитал в Бельгийском Конго, Эфиопии, Ливии, Марокко, Нигерии и Тунисе. Американская экономическая помощь странам Тропической Африки в 1961 году возросла вчетверо по сравнению с последним годом администрации Эйзенхауэра. В 1963 году на помощь Африке США потратили

526 млн долларов, из которых на военную помощь приходилось только 75 млн долларов. Эта последняя шла преимущественно в бывшее бельгийское Конго (Киншаса), Эфиопию (тут, возможно, повлиял дорогой подарок, сделанный Жаклин императором Эфиопии), Либерию, Ливию, Марокко (тоже местный король, как мы помним, перед Джекки расстарался), Нигерию, Сенегал и Тунис.

Эдвард Кеннеди

В марте 1961 года по инициативе Кеннеди был создан «Корпус мира» – организация, которая оказывала помощь населению развивающихся стран в получении элементарных трудовых навыков и знаний. Волонтеры Корпуса мира работали в качестве врачей, учителей, специалистов по сельскому хозяйству. Представители левых сил и местные националисты обвиняли американское правительство в том, что под прикрытием Корпуса мира действуют сотрудники ЦРУ. В середине 1963 года только в странах Африки действовало около 1,5 тыс. добровольцев из

«Корпуса мира», а к середине 1966 года их численность утроилась. Главной целью США в Африке было не допустить попадания африканских государств под контроль СССР, Кубы и других советских союзников.

13 февраля 1961 года стало известно об убийстве Патриса Лумумбы, первого премьер-министра независимого Конго (Киншаса), убитого еще 17 января сепаратистами, сторонниками независимости конголезской провинции Катанга, получившими поддержку со стороны части бельгийских военных. А уже 15 февраля Кеннеди выступил на пресс-конференции с заявлением, в котором потребовал прекратить вмешательство иностранных государств в дела Конго. Для урегулирования внутриконголезского конфликта был предложен план Стивенсона, американского представителя ООН. Согласно этому плану, должен был быть пресечен сепаратизм провинции Катанга, лидер которой Моиз Чомбе провозгласил независимость. Именно Катанга была регионом Конго, наиболее богатым полезными ископаемыми.

В августе 1961 года в Конго появился новый американский посол Эдмунд Галлион. Он докладывал Кеннеди, что страна находится на грани распада, и если он произойдет, большинство отколовшихся территорий окажется под контролем сторонников коммунистов. Посол требовал решительной борьбы с сепаратистами со стороны находившихся в Конго войск ООН. Кеннеди, несмотря на оппозицию Госдепартамента, опасавшегося, что конфликт с поддерживавшей Чомбе Бельгией ослабит НАТО, в основном принял эту линию. В конечном счете, несмотря на разногласия США с Бельгией и Англией, Чомбе удалось нейтрализовать только в первой половине 1963 года.

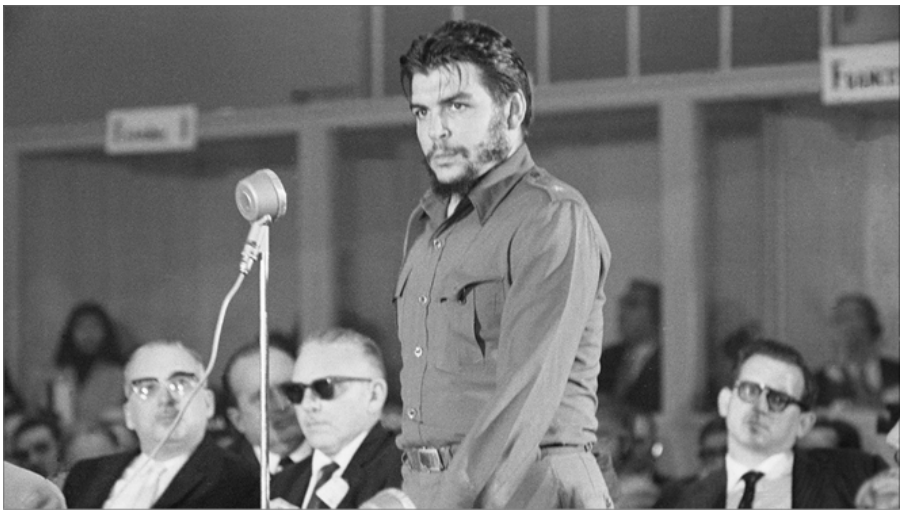
Президент Джон Ф. Кеннеди (в кресле-качалке) встречается с послом Соединенных Штатов в Республике Конго (Леопольдвиль) Эдмундом А. Галлионом в Овальном кабинете

13 марта 1961 года Кеннеди выдвинул идею «Союза ради прогресса», призванного содействовать экономическому развитию стран Латинской Америки. Частично это был ответ на вызов, брошенный кубинской революцией. Еще в инаугурационной речи Кеннеди по этому поводу заявил: «Братским республикам к югу от наших границ мы даем особое обещание – претворить добрые слова в добрые дела, объединиться в новый союз во имя прогресса, чтобы помочь свободным людям и свободной власти сбросить оковы бедности. Но эта обнадеживающая мирная революция не должна стать добычей враждебных сил. Пусть все наши соседи знают, что мы присоединимся к ним для отпора агрессии и подрывной деятельности в любом месте обеих Америк. И пусть любая другая держава знает, что наше полушарие намерено оставаться хозяином в собственном доме».

«Союз ради прогресса» американская дипломатия называла «планом Маршалла для Латинской Америки».

В августе 1961 года в уругвайском городке Пунта дель-Эсте состоялась специальная сессия Экономического и социального совета Организации американских государств. Она приняла заявление об общих принципах «Союза ради прогресса» и «Хартию

Пунта-дель-Эсте». Делегат Кубы Че Гевара, выразив солидарность с целями конференции, назвал ее обреченным на поражение инструментом американского империализма и отказался подписывать хартию. Он заявил, что прогресс в Латинской Америки может быть достигнут не благодаря финансовым влияниям, а благодаря революционным изменениям общественного строя латиноамериканских государств.



Эрнесто Че Гевара в 1960-е гг.

В рамках «Союза ради прогресса» соглашения об экономическом сотрудничестве были заключены США с 19 латиноамериканскими государствами. Кеннеди обещал предоставлять Латинской Америке в течение десяти лет около 2 млрд долларов ежегодно, из них 1,1 млрд долларов – по правительственной линии и 900 млн долларов – посредством американских и западноевропейских частных капиталовложений, а также займов международных финансовых организаций. При ОАГ был учрежден Комитет экспертов, которому правительства стран – членов ОАГ должны были предоставлять свои долгосрочные планы социально-экономического развития. Эксперты должны были оценить эти планы с точки зрения полезности для страны и реальности выполнения и либо принять, либо отклонить их. Под принятые планы выделялось финансирование. Ассигнования в рамках «Союза ради прогресса» должны были стимулировать проведение аграрных и налоговых реформ. Это должно было выбить почву как из-под революционных движений, так и из-под военных диктатур и стабилизировать политическую ситуацию на континенте.

В то же время США не отказывались и от проведения тайных

операций в странах Латинской Америки, чтобы не допустить появления там «второй Кубы». Так, 30 мая 1961 года не без участия ЦРУ был убит диктатор Доминиканской Республики Рафаэль Трухильо. Кеннеди опасался, что народное недовольство диктатором может привести к революции.

В декабре 1961 года Кеннеди совершил визит в Венесуэлу и Колумбию, широко освещавшийся в прессе. Он использовал его для рекламирования идеи «Союза ради прогресса», что не помешало активизации революционных движений в этих странах уже в 1964 году. В целом «Союз ради прогресса» не достиг поставленных целей. Кеннеди объявил о своей поддержке конституционно избранных правительств стран Латинской Америки, но в случае их свержения военными Кеннеди и его преемники спокойно продолжали иметь дело с новыми военными правительствами, в лучшем случае вводя против них лишь символические санкции, и то только на первом этапе.

Выделенных средств оказалось мало, чтобы победить бедность в развивающихся странах. Значительная часть средств осела в карманах чиновников коррумпированных диктаторских режимов в Латинской Америке. В долгосрочной перспективе «Союз ради прогресса» не предотвратил приход к власти неугодных Вашингтону правительств и не вызвал никакого «латиноамериканского экономического чуда». Все его программы перестали действовать уже в конце 70-х годов.

12
Политика внутри страны

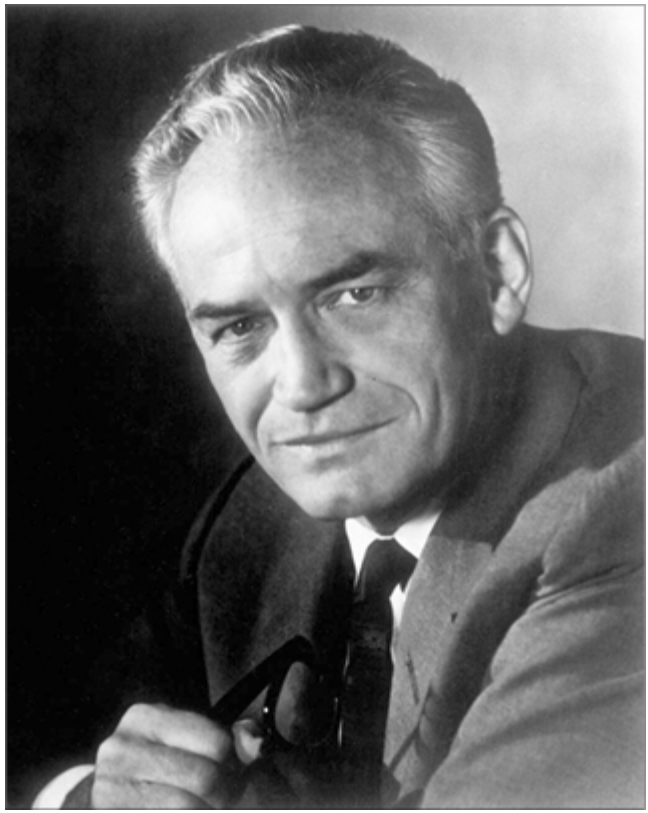
В президентство Кеннеди сохранялись высокие темпы развития экономики. Это произошло благодаря внедрению в промышленность и сельское хозяйство передовых технологий, разработанных в рамках научно-технической революции. Быстро росла электроника (в первую очередь производство компьютеров), электротехническая и химическая промышленность, авиакосмическая индустрия, строительство, а также сфера услуг, включая науку и разработку технологий. Это вело к сокращению безработицы и ослаблению социальной напряженности. По экспорту технологий США находились на первом месте в мире. Сказалась гигантская концентрация на их территории мирового научно-технического потенциала в годы Второй мировой войны.

Кеннеди ратовал за расширение государственного вмешательства в экономику и в социальную сферу, в том числе и в рамках ответа на «советский вызов». В значительной мере доверяя советской пропаганде, он был убежден, что без растущего вмешательства государства Соединенные Штаты в долгосрочной перспективе проиграют Советскому Союзу не только гонку вооружений, но и соревнование в экономической и социальных сферах. Считалось, что рост государственного вмешательства в экономику будет сопровождаться ростом числа рабочих мест и повышением уровня зарплаты, стимулировать новые капиталовложения и сохранять стабильный уровень цен.

Противники роста государственного вмешательства в экономику обращали внимание на то, что оно ведет к ограничению свободной конкуренции, что в перспективе может вызвать рост цен и снижение качества продукции. Кроме того, дальнейшее огосударствление экономики и социальной сферы ведет к росту расходов на бюрократию и других непроизводительных расходов.

Главный противник Кеннеди в рядах Республиканской партии, сенатор от Аризоны Барри Голдуотер, представитель крайне правых взглядов, выступал за снижение государственных расходов и ослабление роли государства в экономике. При этом он ратовал и за сокращение или, по крайней мере, за ограничение военных расходов, считая непозволительной роскошью развивать одновременно и ядерные, и обычные вооружения. Рост военных расходов, как указывал Голдуотер, увеличивал дефицит федерального бюджета. Поэтому, считал он,

надо развивать в первую очередь более дешевое термоядерное оружие, а не обычные вооружения, чтобы не перекладывать бремя государственного долга на следующие поколения.



Барри Голдуотер

Во внутренней политике Кеннеди выступал за снижение налогообложения, разработку законодательства о гражданских правах цветного населения, медицинское страхование престарелых, повышение минимума заработной платы.

Одной из острейших проблем президентства Кеннеди стал расовый вопрос. В южных штатах широко практиковалась расовая сегрегация. Она основывалась на законах штатов и постановлениях местных властей и противоречила федеральному законодательству. Сегрегация закрепляла приниженное социальное положение чернокожих, значительно уступавших белым по уровню образования и доходов. Негры выполняли в южных штатах самую тяжелую и низкооплачиваемую работу. Еще в 1950 году они составляли 9 % самодеятельного населения Америки. При этом на их долю приходилось более четверти всех неквалифицированных рабочих, 21 % сельскохозяйственных

рабочих и 47,5 % домашней прислуги. При этом доля негров среди специалистов и квалифицированных рабочих составляла 3,6 %, а среди клерков – всего 2,6 %. Во многом такой расклад был следствием низкого образовательного уровня чернокожего населения, а это, в свою очередь, было следствием расовой дискриминации. Неграм в ряде штатов приходилось ходить в специальные «школы для черных», где уровень преподавания был значительно ниже, чем в «школах для белых», и оставлял мало шансов на поступление в университет. Все это порождало повышенную социальную напряженность в негритянских кварталах, развивало у негритянской молодежи чувство враждебности ко всем белым. Уже во второй половине 1940-х годов федеральная власть вынуждена была обратить самое серьезное внимание на проблему расовой сегрегации. Важным актом стала полная отмена расовой сегрегации в американских вооруженных силах в 1948 году, хотя она еще сохранялась в национальной гвардии некоторых штатов. Негры интенсивно переселялись из сельской местности в города и с Юга на Север и Запад, где они не подвергались дискриминации или подвергались ей в значительно меньшей степени, чем в южных штатах. К началу 60-х годов на Юге проживала уже только половина всех негров.

Кеннеди активно добивался предоставления равных прав неграм. Он поддерживал негритянского проповедника Мартина Лютера Кинга в его ненасильственной борьбе за гражданские права и встретился с ним в Белом доме в 1963 году. Во время президентской кампании 1960 года Кеннеди встретился с его женой, Кореттой Кинг, и выразил солидарность ее мужу, который в тот момент находился под арестом. Эту встречу организовал специальный помощник Кеннеди по негритянскому вопросу Гаррис Уоффорд, имевший хорошие связи с движением за гражданские права черных.

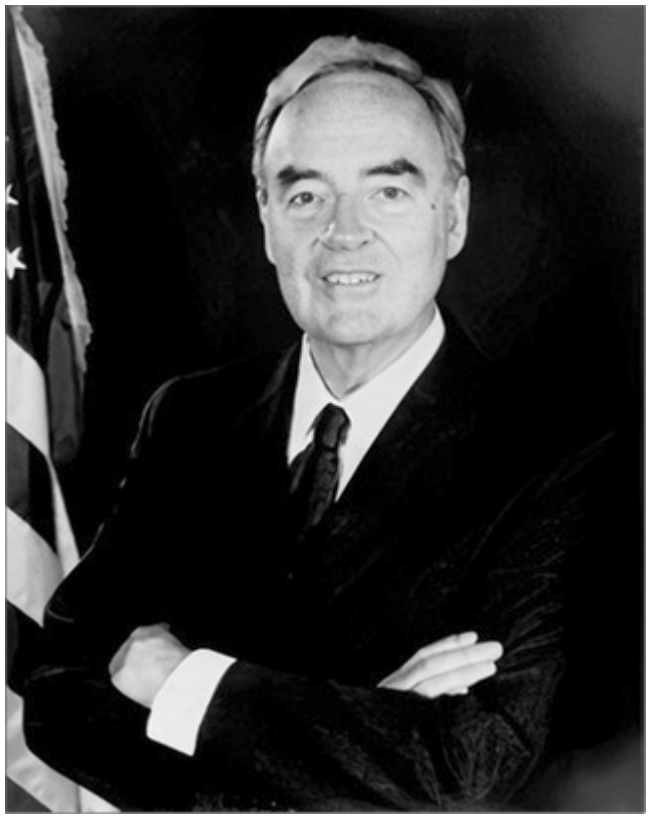
Коррета Кинг

Во время выборов 1960 года Кеннеди рассчитывал на голоса черных и побуждал их регистрироваться перед выборами, чтобы они могли проголосовать за его кандидатуру. Активисты предвыборной кампании Кеннеди провели массовую регистрацию негров в южных штатах, нередко вопреки мнению руководства местных партийных организаций.

Уоффорд в значительной мере готовил программу Кеннеди по расовому вопросу. Она предусматривала постепенное укрепление при содействии администрации умеренных сил в движении за гражданские права, что позволило бы изолировать экстремистов – поборников «черного расизма». Чтобы не вступать в открытую конфронтацию с белым населением южных штатов, Уоффорд советовал использовать не законодательные акты, а не подпадавшие под них менее заметные, но легче осуществимые акции исполнительной и судебной власти. Необходимо было обеспечить черным право голоса, а также постепенно отменить

расовую сегрегацию в школах и университетах.

На Севере Уоффорд предлагал сосредоточить усилия на ликвидации расовой дискриминации при найме на работу и найме квартир, а также задействовать государственные программы помощи малоимущим, большинство из которых составляли негры.



Гаррис Уоффорд

Уоффорд предупреждал: «Пояс негритянских трущоб все более охватывает центральные города… Он так же взрывоопасен, как и любой из кризисов в южных штатах по поводу школ. Растущая напряженность может привести к серьезным расовым бунтам». Одновременно он указывал на важность голосов негров для победы над Никсоном: неустойчивая демократическая коалиция может либо консолидироваться под воздействием прогресса в решении расового вопроса на Севере и Юге, либо развалиться на части, когда южные расисты возьмут верх в своих штатах, а негры подтолкнут ключевые округа и штаты Севера к республиканцам».

В первые два года своего президентства Кеннеди чаще, чем

его предшественники, назначал негров на государственные посты. Он усилил контроль Министерства юстиции за соблюдением процедуры голосования в южных штатах и провел масштабную кампанию по регистрации избирателей-негров в южных штатах, обеспечив соблюдение их избирательных прав. Кеннеди содействовал ликвидации избирательного налога и проверок грамотности при регистрации избирателей, что ограничивало права прежде всего избирателей-негров.

Сотрудники Кеннеди доказывали лидерами движений за гражданские права негров, что для того, чтобы не пустить сторонников расовой сегрегации в конгресс, надо организовать массовую регистрацию негров-избирателей, которые забаллотируют расистов. Уже на выборах 1962 года удалось добиться скоординированных действий в этом направлении борцов за гражданские права, а также профсоюзных и частных благотворительных организаций. Единая программа называлась «Проект просвещения избирателей». Но одновременно ряд белых конгрессменов и сенаторов из числа демократов предупредили Кеннеди, что готовящийся им указ о жилищном строительстве в пользу черных может иметь катастрофические последствия для их избирательной кампании, поскольку избиратели в «белых» пригородных районах южных штатов проголосуют тогда за их противников. Напротив, в январе 1963 года шесть либеральных сенаторов-демократов призвали президента приступить к решительным действиям в области законодательства о гражданских правах.

При Кеннеди было было реально претворено в жизнь решение Верховного суда о запрещении сегрегации на транспорте, принятое еще в 1956 году. Министерство юстиции объявило недействительными ряд относящихся к этой сфере местных правил.

Осенью 1962 года при поддержка федеральных властей впервые в истории США 29-летний чернокожий Джеймс Мередит стал студентом университета штата Миссисипи в Оксфорде, где прежде практиковалась расовая сегрегация. Он был зачислен в университет 20 сентября по прямому указанию президента Кеннеди. В ходе спровоцированных белыми расистами столкновений были убиты два человека и около 100 ранены. Мередита охраняли 400 судебных исполнителей. Но этого оказалось мало. Пришлось привлечь также подразделения федеральных войск. 166 судебных исполнителей были ранены у здания университета, в том числе 28 – пулями снайперов.

Джеймс Мередит в сопровождении федеральных маршалов

Весной 1963 года полиция в Бирмингеме (Алабама) жестоко разогнала демонстрацию за гражданские права негров. Мартин Лютер Кинг оказался в тюрьме. А через несколько недель губернатор Алабамы Джордж Уоллес попытался запретить двум чернокожим студентам посещать университет штата в Тускалузе. Пришлось и туда посылать федеральные войска, чтобы обеспечить право на расовую десегрегацию в сфере высшего образования. Проявления расизма в южных штатах очень компрометировали США за рубежом, когда картинки расовых беспорядков появлялись на экранах телевизоров. А дипломатам некоторых африканских стран, проезжавших по территории южных штатов, порой приходилось обедать в ресторанах «для черных». Чтобы сгладить неловкость, Кеннеди дал указание Раску посоветовать африканским дипломатам пользоваться самолетами, а не ездить на автомашинах. Все это подрывало образ Америки как страны свободы, борющейся с коммунизмом.

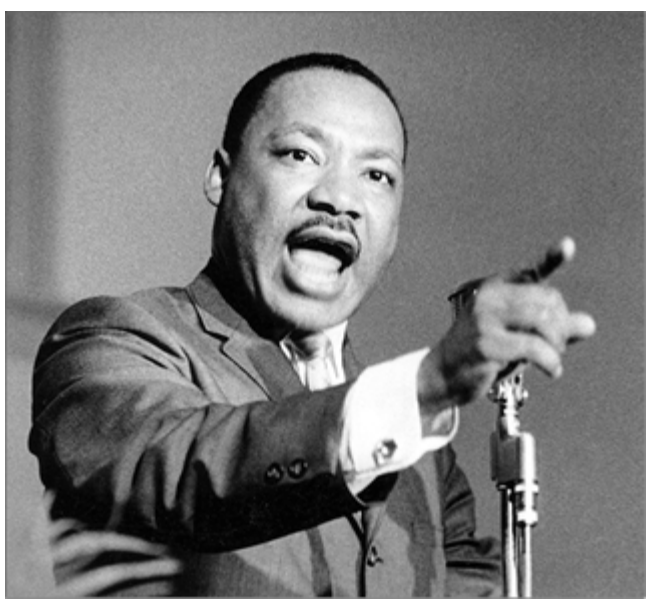
В феврале 1963 года Кеннеди внес ряд законопроектов по увеличению помощи школам, проводящим десегрегацию, и по расширению законодательной защиты избирательных прав негров. А летом 1963 года Кеннеди направил в конгресс законопроект о гражданских правах, полностью уравнивающих негритянское население в правах с белым населением. Он назвал проблему гражданских прав моральной проблемой, «столь же старой, как скрижали, и столь же ясной, как Американская конституция».

Акт о гражданских правах, уничтоживший расовую сегрегацию в южных штатах, был принят уже после гибели Кеннеди, в 1964 году. Он, в частности, предусматривал упразднение расовой дискриминации при приеме на работу и при сдаче жилья в аренду.

Тем временем более 800 городов стали ареной межрасовых столкновений. В августе 1963 года прошел 250-тысячный марш на Вашингтон в поддержку гражданских прав негров. В Вашингтоне Мартин Лютер Кинг произнес речь, где поведал о своей мечте. Настанут времена, когда на красных холмах Джорджии сыновья бывших рабов и бывших рабовладельцев усядутся рядом за столом братства.

В одной из своих речей Кеннеди сказал: «Прошло сто лет со дня освобождения рабов президентом Линкольном, но их потомки, их внуки все еще не полностью свободны. Они не освободились от оков несправедливости, они все еще подвергаются социальному и экономическому угнетению. И наша страна, несмотря на все наши надежды и обещания, не будет полностью свободной, пока не будут свободны все ее граждане».

Но после выступления Кинга Роберт Кеннеди 10 и 21 октября 1963 года дал указание ФБР об установке в доме Кинга и вокруг его подслушивающей аппаратуры. Власть хотела держать под своим контролем движение протеста черных, опасаясь, что он будет все больше и больше принимать насильственный характер, несмотря на проповедь Кингом тактики ненасильственных действий, по образцу Махатмы Ганди.



Мартин Лютер Кинг

В бытность президентом Кеннеди неоднократно посылал федеральную полицию и даже федеральные войска на Юг, а также мобилизовывал национальную гвардию, когда происходили расовые волнения или когда расисты препятствовали доступу черных американцев в школы и университеты. Когда в 1963 году он направил конгрессу проект закона о гражданских правах, то более 200 000 белых и черных поборников гражданских прав под руководством Мартина Лютера Кинга устроили демонстрацию в Вашингтоне за его скорейшее принятие. Президент заявил по телевидению, что нация «не будет действительно свободной, пока не будут свободны все ее граждане». Ряд реформ в южных штатах, направленных на предоставление равных прав афроамериканцам, были осуществлены уже после смерти Кеннеди, но в рамках намеченной и начатой им программы.

13
Берлинская стена

Берлинский кризис 1961 года стал первым крупным политическим кризисом, с которым пришлось столкнуться Кеннеди. Его острая фаза началась с того, что 17 апреля 1961 года Хрущев выдвинул новый ультиматум по берлинскому вопросу, объявив, что СССР еще до конца года заключит мирный договор с ГДР и передаст ей всю полноту власти над восточной частью Берлина.

Кеннеди пришлось реагировать на советский ультиматум, хотя он после встречи с Хрущевым в Вене не ожидал, что СССР в скором времени может предпринять какие-либо насильственные действия в берлинском вопросе.

25 июля 1961 года американский президент, как мы помним, в своем выступлении перечислил ряд мер по повышению боеспособности американских вооруженных сил, а 28 июля выступил с заявлением, подтверждавшим решимость США защищать Западный Берлин. 3 августа конгресс США одобрил выделение дополнительных средств на закупку вооружений и призыв 250 тыс. резервистов. Ответом на это стал призыв Политического консультативного комитета ОВД 5 августа 1961 года к ГДР принять меры против «подрывной деятельности», будто бы исходившей из Западного Берлина.

13 августа 1961 года правительство США было застигнуто врасплох возведением Берлинской стены, хотя секретные службы сообщали, что нечто подобное готовится Советским Союзом совместно с восточногерманскими властями. Кеннеди потребовалось более суток, чтобы высказаться по этому вопросу. Строительство стены было явным нарушением Потсдамского соглашения, предусматривавшего свободное передвижение по городу. Так как Советский Союз не действовал непосредственно против Западного Берлина и не посягал на свободный доступ в Берлин, оцениваемый американской администрацией как «существенно важный», то Кеннеди не видел причины для слишком резкой реакции.

14 августа командование ВМС США объявило, что задерживает на дополнительный срок до одного года увольнение в запас 26 тыс. офицеров и матросов. 16 августа 113 частей Национальной гвардии США и резерва были приведены в состояние повышенной боевой готовности. Президент Кеннеди приказал направить в Западный Берлин войсковой контингент

численностью в 1,5 тыс. человек. В случае необходимости предполагалось направить в Берлин дополнительную американскую дивизию, которая бы смогла при необходимости в течение достаточно долгого времени отражать натиск советских и восточногерманских войск, если вдруг начнутся боевые действия. Дивизию как раз и собирались направить для предотвращения возникновения войны, чтобы Москва увидела, что Западный Берлин стал слишком крепким орешком, который нельзя больше будет захватить за сутки в ходе легкой военной прогулки, поставив западные страны перед свершившимся фактом. Но до посылки в Берлин американской дивизии дело так и не дошло.

Строительство Берлинской стены

17 августа правительство США направило правительству СССР ноту, где осудило возведение стены и заявило о непризнании Восточного Берлина столицей ГДР. Хрущев, естественно, полностью поддержал действия Ульбрихта.

24 августа в ответ на возведение стены вдоль нее было развернуто около тысячи американских военнослужащих, поддерживаемых танками. 29 августа советское правительство объявило о временной задержке увольнения в запас из советских вооруженных сил. СССР также приостановил ранее объявленное сокращение армии.

В Западный Берлин были переброшены дополнительные контингенты американских и британских войск. Кеннеди командировал в Западный Берлин вице-президента Джонсона и генерала Люсиуса Клея, бывшего главу американской оккупационной администрации в Германии, теперь выступавшего в качестве личного посланника президента США.

Когда американские танки подошли к границе Восточного Берлина, по другую сторону границы против них встали советские танки. Командующим группой советских войск в Германии был назначен возвращенный из отставки, то есть из группы генеральных инспекторов, маршал И.С. Конев, в 1945 году бравший Берлин. Дочь Конева Наталья вспоминала: «…Папа уже находился в отставке, но, несмотря на это, его отправили в Берлин. Как рассказывал папа, его отъезд из Москвы был внезапным. На приеме, который проводился в Кремле по случаю прилета космонавта Германа Титова, Хрущев не сразу подошел к нему: «Иван Степанович, собирайтесь, нужно лететь в Берлин». – «Когда нужно ехать?» – спросил отец. «Как можно быстрее, либо сегодня вечером, либо с утра», – ответил Хрущев.

Тогда Хрущеву потребовался человек в Берлине, который имел авторитет у союзников. Американскую сторону в том вопросе представлял генерал Кларк, которого отец, будучи командующим Объединенной группировкой войск в Европе, знал еще по Вене (генерал Марк Уэйн Кларк был американским представителем в Союзной контрольной комиссии по Австрии, а в период Берлинского кризиса командовал американскими войсками в Европе и, как и Конев, прибывший в Берлин 9 августа, был призван на этот пост из отставки. – *Авт.*).

Хрущев называл это назначение папы в Берлин «сделать ход конем».

Впоследствии отец не раз говорил, что ситуация в Берлине была настолько накалена, что «если бы кто-нибудь случайно пальнул из пушки, могла бы начаться новая война».

Хрущев объяснял назначение Конева тем, что Кеннеди «назначил своим представителем в Западной Германии генерала Люциуса Клея, который занимал этот пост сразу же после войны. Этим США продемонстрировали, что готовят ответ на нашу угрозу подписания мирного договора с ГДР.

Назначая известного нам генерала на этот пост, они хотели показать, что США готовы и к военному конфликту. Командующим советскими войсками в ГДР был тогда Якубовский. И я предложил советскому правительству в ответ на действия американцев совершить ход конем, утвердив командующим нашими войсками в ГДР Конева. Таким назначением мы хотели

показать американцам, что поняли их поступок и принимаем вызов. Будущего же маршала Якубовского назначили заместителем маршала Конева. Решение было опубликовано, но между собой мы договорились, что реальным командующим как был, так и останется в Берлине Якубовский, хотя Конев тоже может принимать нужные решения. Мы были уверены, что вскоре все нормализуется и Конев вернется в Москву.

Наши совместные шахматные ходы, их – пешкой, а наш – конем, привели, однако, не к ослаблению, а к новой напряженности отношений. Президент Кеннеди опубликовал заявление о переводе какого-то количества войск в Западный Берлин для усиления гарнизона. Ответных действий с нашей стороны не было, потому что наших войск в ГДР и без того было достаточно. Гарнизон же в Западном Берлине был слаб, и мы могли бы быстро справиться с ним и подавить его сопротивление, если понадобится. Начать-то можно было быстро, да неизвестно, чем дальше кончится, а мы не хотели военного конфликта. Мы хотели лишь вскрыть нарыв, проведя хирургическую операцию, но не путем грубого вмешательства ножом, а сперва как-то обезболить это место и принять все меры, чтобы организм не ощущал особой боли и чтобы не было дурных последствий операции. Хотели все провести чисто дипломатическим путем, без применения оружия. Но Кеннеди не был к тому готов. Видимо, на него оказывали давление военные, которые имели в Вашингтоне большое влияние…

И.С. Конев

Конев убыл в Берлин. Приехав туда, объявил, что приступил к исполнению обязанностей. Мы порекомендовали Коневу нанести визит командующему американскими войсками. Тем более что он лично был знаком с Клеем (возможно, Хрущев здесь путает Кларка и Клея. С последним Конев не был ранее знаком. – *Авт.*). Одним словом, необходимо было установить контакты напрямую. К тому времени мы уже договорились с Ульбрихтом и лидерами других социалистических стран об официальном установлении границы, которая прошла бы через Берлин и разделила его строго на Западный и Восточный. Тем самым ГДР получила бы возможность контролировать свою границу. Свободный проход через Западный Берлин в ГДР был лазейкой для всех разведок капиталистических стран. Они могли проникать в расположение наших войск, разведывать их вооружение, собирать прочие разведданные. Кроме того, через свободный проход в Западный Берлин наносился большой урон экономике ГДР. Создавалось вообще неустойчивое положение: много интеллигенции и других

лиц ушло на запад из ГДР, а в ФРГ в это время начался большой промышленный подъем. Западная Германия нуждалась в рабочей силе и набирала рабочих из Италии, Испании, Югославии, Турции, других стран.

Студенты, получившие высшее образование, тоже уходили туда, потому что в то время (да, наверное, и сейчас) Западная Германия оплачивает труд интеллигенции и рабочих выше, чем ГДР и другие социалистические страны.

Вопрос прогрессивности того или другого строя – это вопрос политический, вопрос убеждений, но многие люди решают этот вопрос «от брюха». Они не смотрят, что получат завтра, сегодня же западногерманское общество дает больше, чем может получить человек в ГДР. Иначе и массового бегства не было бы, из ГДР уходили бы только политические недруги.

Сложилось тяжелое положение, и Ульбрихт просил нас помочь им рабочей силой. Мы, конечно, могли помочь, но подсобной рабочей силой, а квалифицированных рабочих нам самим не хватало. И я говорил товарищу Ульбрихту: «Германия нам навязала войну. Советский народ проливал кровь. Мы победители. Наши рабочие не станут у вас нужники чистить. Это не просто унижение. Такое предложение взорвет наших людей. Поэтому делать это мы не можем. Вам придется выходить из положения своими силами».

Вальтер Ульбрихт

Что же Ульбрихту делать? У него были настежь открыты ворота. Если он призывал своих людей к дисциплине или применял административные меры, немцы бежали, особенно квалифицированные рабочие, потому что находили высокооплачиваемую работу в Западной Германии. Народ там один и язык один, никаких трудностей. У меня давно возникла мысль установить какой-то контроль, закрыв все ходы и лазейки».

И тогда Хрущев предложил построить Берлинскую стену. Вальтер Ульбрихт эту идею горячо поддержал. Никита Сергеевич вспоминал, что «по согласованию с Ульбрихтом собрали закрытое совещание представителей всех стран, входящих в Варшавский пакт. Присутствовали только секретари ЦК партий и председатели Советов министров. Был сделан короткий доклад и предложена такая тактика действий: в определенный час будут установлены шлагбаумы и другие пограничные атрибуты, войска подойдут к этой границе, спереди немецкие солдаты, которые начнут устанавливать контроль, а сзади, на каком-то удалении, – цепь наших войск. Цель такова: Запад должен видеть наших солдат за спиной немцев. Выбрали 13 августа. Такое число считается несчастливым, но я сказал сомневающимся, что для нас это число станет счастливым. Все держалось в полном секрете. И

вот войска установили границу. Гвалт возник необычайный: именно в тот момент США усилили свой гарнизон в Западном Берлине.

Появление такой границы сразу навело порядок, повысилась трудовая дисциплина в ГДР, заводы и сельские коллективы стали работать лучше. Между прочим, резко сократилось потребление продуктов «чужими». Ульбрихт нам сообщал, что экономия выражалась миллионными суммами».

В хрущевских мемуарах содержится косвенное признание того, что экономическое соревнование между социалистической ГДР и капиталистической ФРГ безоговорочно выиграла последняя, и что в Западную Германию из Восточной Германии люди бежали прежде всего за сытой и относительно благополучной жизнью.

Для того, чтобы удержать немцев в «социалистическом раю», приходилось обносить их бетонной стеной и колючей проволокой.

В то же время характер тех назначений, которые были сделаны и Соединенными Штатами, и Советским Союзом, свидетельствовал: стороны, попугав друг друга, хотели бы решить дело миром. С одной стороны, генерал Кларк был боевым генералом, во время Второй мировой войны командовавшим американскими войсками в Италии, а во время Корейской войны – войсками ООН в Корее, а генерал Клей в 1948 году, в бытность военным губернатором американской зоны оккупации в Германии, был главным организатором воздушного моста в Западный Берлин, спасшего город во время советской блокады в 1948 году. Но, с другой стороны, оба американских генерала были известны и как дипломаты. Клею в бытность военным губернатором в Германии приходилось улаживать многие вопросы и с немецкими властями, и со своими коллегами из Англии, Франции и СССР. И то же самое приходилось делать Кларку в бытность его членом СКК по Австрии и командующим в Корее. Советский же маршал Конев вместе с маршалом Жуковым брал Берлин в 45-м, что прежде всего и подчеркивалось его новым назначением. Но, с другой стороны, Хрущев, несомненно, надеялся на дипломатические таланты Ивана Степановича, которые он когда-то проявил, общаясь в 1945–1946 годах в СКК в Вене с тем же Кларком. Недаром главной задачей Конева стало не командование Группой советских войск в Германии, которой фактически продолжал руководить И.И. Якубовский, а контакты с представителями западных держав.

Возведение Берлинской стены привело к нескольким вооруженным инцидентам. Так, 18 сентября два советских

истребителя произвели предупредительные выстрелы по двум американским транспортным самолетам, летевшим в Западный Берлин. Самый же серьезный инцидент случился тогда, когда 26–27 октября у КПП «Чарли» американцы попытались снести пограничные заграждения на Фридрихштрассе. Советская сторона своевременно приняла контрмеры. Когда к КПП «Чарли» прибыли три американских джипа с военными и гражданскими лицами, сопровождаемые мощными бульдозерами и 10 танками, на Фридрихштрассе появилась 7-я танковая рота капитана Войтченко 3-го батальона 68-го советского гвардейского танкового полка. Всю ночь с 27 на 28 октября советские и американские танки простояли друг против друга. Утром 28-го советские танки были отведены. После этого ушли и американские танки.

Вот как этот эпизод запечатлен в мемуарах Хрущева: «В октябре того же года мы получили сведения, что американцы готовятся разрушить стену, чтобы вернуть положение, которое было до 13 августа, и восстановить свободный проход в ту и другую сторону города.

Дж. Ф. Кеннеди у КПП «Чарли»

Мы узнали их план: впереди пойдут джипы с пехотой, вооруженные стрелковым оружием; за джипами мощные бульдозеры, которые разрушат стену; за бульдозерами – танки для прикрытия. Мы с Коневым разработали свою тактику и решили джипы с солдатами пропустить, пусть проедут. Мы-то контроль установили для гражданских лиц, а для военных

сохранились условия, определявшиеся Потсдамским соглашением: как военные Запада могли посещать сектор Восточного Берлина, так и наши военные могли посещать Западный Берлин…

У нас шли заседания XXII съезда партии. Конев присутствовал на съезде как делегат и доложил мне, что в такой-то час американцы двинутся. Мы решили в переулках Берлина замаскировать наши танки. Когда пехота перейдет границу, а бульдозеры будут на подходе, то, чтобы не допустить разрушения стены, танки должны будут вывернуться из переулков и двинуться навстречу бульдозерам. Так и было сделано. Потом Конев сообщил: как только джипы с пехотой прошли, наши танки развернулись и выехали навстречу бульдозерам и американским танкам. Те приостановили движение. Пехота же, которой нечего было делать, развернулась на джипах и вернулась в Западный Берлин. Наши танки приостановили свое движение, американские – свое. Уж не помню теперь, в каком положении остались бульдозеры, видимо, тоже были заморожены на месте. В таком положении все и остались на ночь. Утром, когда заседания партийного съезда возобновились, Конев опять доложил: положение не изменилось, наши танкисты сидят в танках. Иногда выскакивают, гоняются друг за другом, чтобы согреться, потому что ночь была прохладной. Уже наступила осень. Американские танкисты, видимо, еще больше мерзнут в своих танках.

Я понял, что надо искать какой-то выход, и сказал Коневу: «Пусть наши танки развернутся и уйдут в те переулки, из которых они вышли, но станут так, чтобы не были видны американцам. Я уверен, что не больше чем через 20 минут (потребуется время доложить наверх и получить соответствующее распоряжение) американцы уберут свои танки, потому что им неудобно убирать танки под дулами наших орудий. Они влезли в эту историю, а теперь не знают, как выпутаться. Раз они не действуют, значит, тоже ищут выход. Вот мы им его и предоставим, первыми уберем свои танки, а они последуют нашему примеру». Конев так и сделал. Потом он сообщил: «Действительно, как только наши танки ушли, через 20 минут американские танки тоже развернулись и скрылись из глаз». Это явилось признанием де-факто закрытия границы и разделения Берлина на две части: западную, капиталистическую, и восточную, социалистическую».

Так Кеннеди получил лишь возможность забить ничего не значащий «гол престижа»: советские танки отошли первыми.

Слава богу, что ни одна из сторон не произвела выстрела, который мог иметь непредсказуемые последствия. Хрущев боялся потерять ГДР просто потому, что скоро через Западный Берлин из

Восточной Германии могло убежать все трудоспособное население. И в случае, если бы американцы попытались снести стену, он мог бы открыть боевые действия, не очень задумываясь о последствиях. Во всяком случае, из его мемуаров не видно, что с советской стороны существовал какой-то четкий план действий на тот случай, если США и их союзники попытаются снести стену. Весь расчет Хрущева строился на том, что американцы не рискнут ввязываться в войну из-за постройки Берлинской стены и отступят, признав тем самым де-факто границу между ГДР и Западным Берлином. И расчет оправдался.

Вероятно, Кеннеди не стал обострять ситуацию вокруг Берлина потому, что она непосредственно не угрожала безопасности США и не создавала опасности советской оккупации Западного Берлина.

Президент Франции де Голль поддержал американские и британские действия во время берлинского кризиса 1961 года. Он пригласил к себе советского посла в Париже и сообщил ему, что в случае установления блокады Западного Берлина, не говоря уже о военном нападении на него, США и Англия могут применить ядерное оружие. «Тогда мы умрем все вместе», – невозмутимо ответил посол. Интересно, что советским послом в Париже тогда был Сергей Александрович Виноградов, профессиональный дипломат, а не бывший секретарь обкома партии или отраслевой министр, брошенный на дипломатическую работу на закате карьеры.

В заключение этой главы отмечу, что 26 июня 1963 года Кеннеди выступил с речью перед Шенебергской ратушей в Западном Берлине, в которой дважды повторил: «Я – один из берлинцев (Ich bin ein Berliner)». Кеннеди, в частности, заявил: «Я горжусь тем, что посетил Федеративную республику с вашим выдающимся канцлером Аденауэром, который в течение очень многих лет проводил в Германии политику демократии и свободы, и прибыл сюда в компании генерала Клея, который находился в этом городе в моменты острых кризисов и приедет сюда снова, если это когда-либо будет необходимо.

Выступление Кеннеди перед жителями Берлина. 26 июня 1963 г.

Две тысячи лет крылатой фразой было «Я – гражданин Рима». Сегодня, в свободном мире, это должно звучать так: «Я – берлинец». Он также подчеркнул: «В свободе таится немало трудностей и демократия не идеальна, но мы никогда не построили бы стену для того, чтобы удерживать наших людей и препятствовать им уйти нас. От имени своих соотечественников, которые живут за тысячи миль отсюда на другой стороне Атлантики, я хочу сказать, что они очень гордятся вами. Я не знаю больше никакого другого города, который находился бы в осаде в течение 18 лет и который продолжал бы жить с такой живучестью и силой».

Кеннеди предрек и грядущее объединение Германии: «Свобода неделима, и когда один человек порабощен, все люди не свободны. Когда все станут свободными, тогда мы увидим, что к этому городу будут присоединяться и эта страна, и этот большой континент Европа в мирном и полном надежд земном шаре. Когда этот день наконец наступит, как это случится, люди Западного Берлина будут иметь все основания для гордости: вы жили на самой линии фронта в течение почти двух десятилетий». Эта его мечта сбылась 3 октября 1990 года, после падения коммунизма в Восточной Германии и ликвидации ГДР.

Визит Кеннеди в Германию в июне 1963 года в первую очередь служил цели отговорить население ФРГ от «ложного пути» немецко-французского альянса, направленного против США. Триумфальные приемы, которые ожидали президента

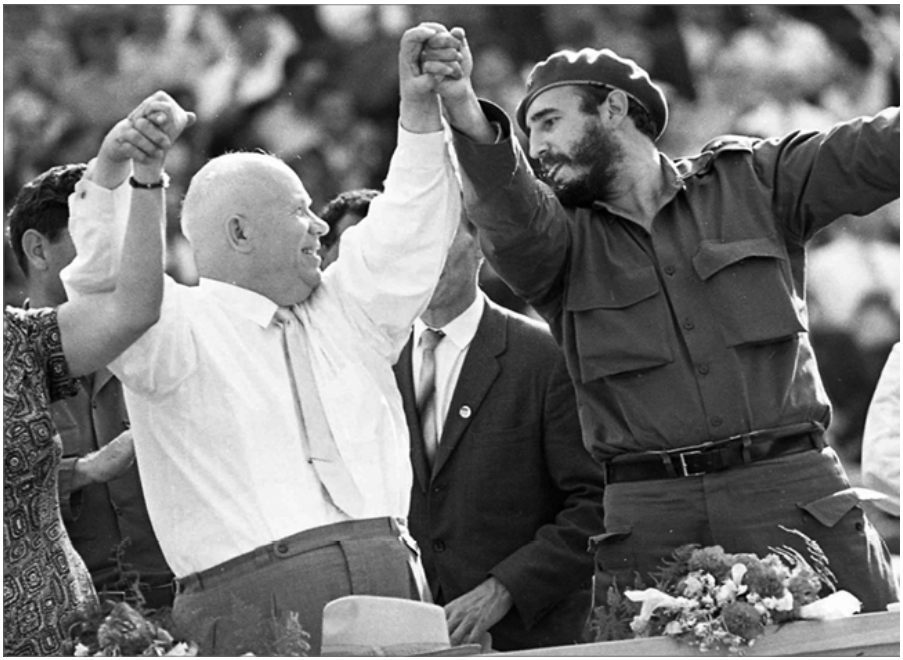
в Кельне, Франкфурте и Берлине, показали, что его расчет был верен. Жители Германии были благодарны американскому президенту за поддержку, оказанную в период берлинского кризиса 1961 года.

14
Карибский кризис

После того, как возведение Берлинской стены сошло ему с рук, и западные державы признали новые реалии в Германии, Хрущев решил точно так же укрепить советские позиции на Кубе и с помощью шантажа и балансирования на грани термоядерной войны не только гарантировать остров Свободы от американского нападения, но и разместить на Кубе советские ракеты средней дальности с термоядерными боеголовками, чтобы создать новую угрозу для Соединенных Штатов в их мягком карибском подбрюшье.

Угроза американского вторжения на Кубу по-прежнему сохранялась. 30 ноября 1961 года Кеннеди отдал секретную директиву ЦРУ и другим ведомствам о действиях против Кубы. В ней говорилось: «Необходимо использовать все наши тайные возможности… чтобы помочь народу Кубы свергнуть коммунистический режим». Конкретные действия свелись к весьма скромной помощи еще действовавшим на Кубе антикастровским партизанам и так и не реализованным планам покушения на самого Кастро.

Летом 1962 года ЦРУ надеялось поднять на Кубе крупное антикастровское восстание, но ничего не получилось. И тогда же, летом, Хрущев и Кастро договорились о размещении на Кубе советских ракет средней дальности с термоядерными боеголовками на Кубе.



Н.С. Хрущев и Ф. Кастро

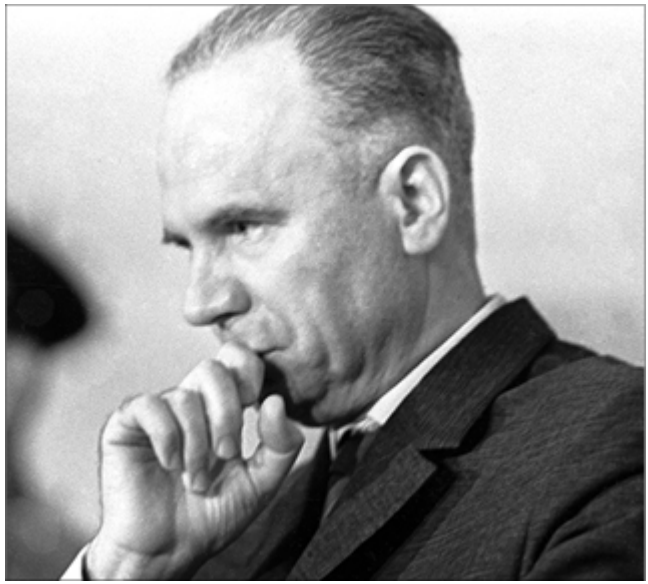
Осенью 1962 года в Карибском море планировались крупные маневры военно-морских сил США под кодовым наименованием «Филбриглекс-62». В них должна была участвовать специальная ударная амфибийная группа в составе 7500 морских пехотинцев на 15 десантных кораблях при поддержке четырех авианосцев и двенадцати эсминцев. В ходе маневров предполагалось имитировать штурм береговой обороны на острове Векос, неподалеку от Пуэрто-Рико. Фактически имитировалась возможная высадка на Кубу.

Между тем еще в октябре 1961 года заместитель министра обороны Р. Гилпатрик официально объявил, что никакого американского отставания США от СССР в ракетной области нет. Теперь Хрущев должен был понять, что его блефу о советском превосходстве в ракетной сфере в Вашингтоне уже не верят. Заявление Гилпатрика, по мысли Кеннеди, должно было охладить пыл советского вождя и удержать его от агрессивных действий против Западного Берлина.

Но даже знание того, что американцам уже известно истинное соотношение сил в ракетной области, не остановило Хрущева в его намерении послать ракеты на Кубу. Он знал, что происходит утечка данных о советском ракетном потенциале, но к моменту отправки ракет на Кубу предполагаемый иностранный агент еще не был арестован. Его взяли 22 октября 1962 года, в самый разгар Карибского ракетного кризиса, а расстреляли

16 мая 1963 года. Агентом американской и британской разведки оказался Олег Владимирович Пеньковский, полковник Главного разведывательного управления советского Генштаба и ветеран Великой Отечественной войны, кавалер пяти боевых орденов. Он занимался научно-технической разведкой и имел доступ к информации о советских ракетах. Пеньковский водил дружбу с начальником ГРУ генералом армии И.А. Серовым и начальником Главного артиллерийского управления Главным маршалом артиллерии С.С. Варенцовым (после разоблачения Пеньковского оба они были разжалованы в генерал-майоры) и очень надеялся, что его произведут в генералы. Но карьере Олега Владимировича в разведке был положен предел, когда КГБ выяснило, что отец Пеньковского, поручик Владимир Флорианович Пеньковский, бывший деникинский офицер, вовсе не умер от тифа в 1919 году, как его сын писал во всех анкетах, а благополучно эмигрировал. После этого в длительные загранкомандировки Пеньковского уже не посылали, а направили работать под прикрытием в Государственный комитет по науке и технике. В начале 1961 года Пеньковский предложил свои услуги британской разведке, а некоторое время спустя стал работать также и на ЦРУ. Переданная Пеньковским информация помогла американцам, в частности, идентифицировать советские ракеты на Кубе в октябре 1962 года по аэрофотоснимкам, сделанным самолетом-разведчиком У-2.

Версии о том, что О.В. Пеньковский на самом деле был советским двойным агентом и передавал дезинформацию англичанам и американцам, вряд ли основательны. Ради двойной игры с потенциальным противником не стали бы все-таки разжаловать Серова и Варенцова, притом, что оба были людьми, довольно близкими к Хрущеву. Главное же, информация, передаваемая Пеньковским, разоблачала хрущевский блеф о советском ракетном превосходстве, а в таком разоблачении Никита Сергеевич уж точно не был заинтересован.



О.В. Пеньковский

Хрущев в мемуарах так объяснил, почему решил направить ракеты на Кубу: «…мой мозг неотвязно сверлила мысль: «Что будет с Кубой? Кубу мы потеряем!» Это был бы большой удар по марксистско-ленинскому учению, и это отбросит нас от латиноамериканских стран, понизит наш престиж.

И как на нас потом будут смотреть? Советский Союз – такая мощная держава, а ничего не смог сделать, кроме пустых заявлений, кроме протестов и вынесения вопроса на обсуждение ООН…

Естественно, сразу напрашивалось такое решение: США окружили Советский Союз своими базами, расположили вокруг нас ракеты. Мы знали, что ракетные войска США стоят в Турции и Италии, а про Западную Германию и говорить нечего! Мы допускали, что, возможно, есть они и в других странах. Они нас окружили военно-воздушными базами, и их самолеты находятся на расстоянии радиуса действия от наших жизненных промышленных и государственных центров. А самолеты эти вооружены атомными бомбами. Нельзя ли противопоставить им то же самое? Однако все это не так просто!..

И я подумал: а что, если мы, договорившись с правительством Кубы, тоже поставим там свои ракеты с атомными зарядами, но скрытно, чтобы от США это было сохранено в тайне?..

Если мы все сделаем тайно и если американцы узнают про это, когда ракеты уже будут стоять на месте, готовыми к бою, то перед тем, как принять решение ликвидировать их военными

средствами, они должны будут призадуматься. Эти средства могут быть уничтожены США, но не все. Достаточно четверти, даже одной десятой того, что было бы поставлено, чтобы бросить на Нью-Йорк одну-две ядерные ракеты, и там мало что останется…

Думалось, что это сможет удержать США от военных действий. Если бы сложилось так, то было бы неплохо: получилось бы в какой-то степени «равновесие страха»…»

Идея о размещении ракет средней дальности на Кубе пришла Хрущеву во время визита в Болгарию в середине мая 1962 года. В то же время он сознавал, что «США, которые имеют огромный воздушный и морской флот, ничего не стоит организовать высадку десанта в любой точке и таким образом заставить рассредоточить оборонительные силы Кубы, сделав их фактически неэффективными. И вообще для армии США разбить армию Кубы больших трудностей не составит».

Коллегам по Президиуму ЦК Хрущев, если верить его мемуарам, заявил, что отправка ракет на Кубу «стоит на грани авантюры. Авантюризм заключается в том, что мы, желая спасти Кубу, сами можем ввязаться в тяжелейшую, невиданнейшую ракетно-ядерную войну».

Н.С. Хрущев и Р.Я. Малиновский

Вполне возможно, что Никита Сергеевич был крепок задним

умом, и тогда думал, что пронесет, и ничего про авантюризм на заседании Президиума ЦК КПСС не говорил. А вот когда ракеты пришлось увозить с Кубы, затратив впустую много сил и средств и значительно уронив советский престиж во всем мире, Хрущев пришел к правильному заключению об авантюризме операции «Анадырь». В мемуарах он назвал Карибский кризис одной из своих крупнейших побед: «Карибский кризис является украшением нашей внешней политики, в том числе моей как члена того коллектива, который проводил эту политику и добился блестящего успеха для Кубы, не сделав ни единого выстрела».

Вот как развивались события после принятия Президиумом ЦК единогласного решения об отправке советских ракет на Кубу, согласно хрущевским мемуарам: «Разработка операции была поручена товарищу Малиновскому, к этому делу был допущен узкий круг людей. Подсчитали мы наши ресурсы и пришли к выводу, что можем послать туда ракеты с миллионным по мощности зарядом каждая. Дальность полета этих ракет была, по-моему, у большинства из них две тысячи километров, а 4 или 5 ракет могли лететь и четыре тысячи километров…

Но этого было мало. Мы считали, что если уж ракеты ставить, то их следует охранять, защищать. Для этого нужна пехота. Поэтому решили послать туда также пехоту, что-то около нескольких тысяч человек. Кроме того, были необходимы зенитные средства. Потом решили, что нужны еще и танки, и артиллерия для защиты ракет в случае высадки врагом десанта. Мы решили направить туда зенитные ракеты класса «земля – воздух», хорошие ракеты по тому времени. У нас имелись зенитные ракеты разных калибров и образцов. Первые из них уже устарели, и мы решили послать самые последние модели, которые были запущены в производство и поступали на вооружение Советской Армии.

Естественно, с этим оружием мы посылали туда и свой командный состав, и обслугу. Мы не могли привлекать кубинцев к этому делу потому, что они еще не были подготовлены к эксплуатации ракет. Потребовалось бы большое время, пока они подготовятся. Кроме того, на первых порах мы хотели сохранить абсолютную секретность и считали, что чем больше людей привлекается, тем больше возможность утечки информации. В результате набиралось несколько десятков тысяч человек наших войск. Для управления ими надо было создать штаб. Малиновский как министр обороны предложил утвердить руководителем генерала армии Плиева, осетина по национальности. Вызвали генерала Плиева, и я с ним

побеседовал. Он был человек уже в летах, больной, но знающий свое дело… Я его более или менее знал по второй мировой войне в качестве командира кавалерийского корпуса. Умный человек. Плиев сказал, что если будет утвержден, то посчитает для себя за честь поехать на Кубу и выполнить задание, которое на него возлагается».

Подозреваю, что маршал Родион Яковлевич Малиновский начал разрабатывать операцию по отправке советских войск и ракет на Кубу скрепя сердце. Он был опытный военный и хорошо знал об американском превосходстве как на море, так и в сфере ракетных вооружений. Маршал понимал, что в случае возникновения военного конфликта, даже с использованием только обычных вооружений, советский экспедиционный корпус на Кубе будет обречен на гибель или плен.

Выбор Малиновским и Хрущевым в качестве командующего экспедиционным корпусом на Кубе генерала армии Иссы Александровича Плиева был неслучаен. Только что, в начале июня 1962 года, Плиев как командующий войсками Северо-Кавказского военного округа руководил подавлением рабочих волнений в Новочеркасске, в ходе которых войсками было убито более 20 человек. Так что и Родион Яковлевич, и Никита Сергеевич знали, что генерал Плиев не из тех, у кого «дрожит челюсть», и в случае необходимости без колебаний отдаст приказ ударить по Америке ракетами со смертоносным термоядерным грузом.

Больше всего Хрущева волновали вопросы секретности предстоящей операции: «Американцы непрерывно летали над Кубой. А Кубу можно разведывать не только прямыми полетами, но и летать параллельно берегу над нейтральными водами, делая снимки почти всей территории острова…

Разработали план: что надо сделать, чтобы не допустить преждевременного выявления с воздуха наших замыслов…

Нужно было, чтобы США не смогли упредить нас и высадить прежде того свой десант под американским флагом или флагом кубинских контрреволюционеров…

Нужно было мобилизовать флот, и только собственный, советский флот… Следовало договориться и с иностранными судовладельцами, чтобы частично зафрахтовать их корабли для перевозки наших обычных грузов…

Наши грузы потекли на Кубу. Корабли шли без военно-морского сопровождения. Все размещалось на тех же кораблях. Когда грузили ракеты, то грузилась и команда в штатском, никто в военной форме туда нами не посылался. Еще раньше мы послали на Кубу войска, которые должны были охранять ракеты,

когда они будут поставлены. Эти войска встречали грузы и разгружали их в особых портах, в которые не допускали никаких посторонних глаз.

США не знали, что мы завозим на Кубу ракеты. Потом это стало трудно скрывать. Регулярно потянулись гуськом корабль за кораблем, и эти корабли не заходили в обычные порты, разгружались скрытно. Естественно, разведка должна была сразу же засечь ненормальные явления с транспортировкой и разгрузкой грузов. Если такая секретность соблюдается, следовательно, тут какие-то особо секретные, военные грузы. Американцы стали усиленно работать, чтобы выяснить, какие это грузы. Когда ракеты встали на место, уже не представляло особой трудности узнать, что там были за грузы. Когда мы получили снимки с воздуха, которые были опубликованы американской печатью, то явно было видно, что стоят ракеты класса «земля – земля», то есть для удара с Кубы по США. Американцы правильно расшифровали их. Пресловутые пальмы ничего не прикрыли, и наши «разведчики» постыдно оскандалились…

Очень сложно было переправить атомные заряды. Они шли не вместе с ракетами, потому что атомные заряды, как заявили нам атомщики, нуждаются в особых условиях транспортировки. Мы их отправили на последнем этапе операции. Наш замысел был уже раскрыт, и мы боялись, не проявит ли дерзости военно-морской флот США, не сможет ли он остановить наши корабли и разоблачить нас? Мы даже думали сопровождать корабли, перевозящие атомные заряды, подводными лодками, но все же в конце концов от этого отказались: посчитали, что корабли пойдут под нашим флагом, а этот флаг гарантирует их неприкосновенность. Действительно, такую неприкосновенность американцы соблюдали все время. Но в тот день, когда атмосфера накалилась донельзя, я каждый час ожидал, что они захватят корабли. Не захватили».

24 мая 1962 года на расширенном заседании Президиума ЦК КПСС по инициативе Хрущева было принято решение о размещении советских ракет средней дальности с ядерными боеголовками на Кубе.

С середины июня 1962 года была начата операция «Анадырь» по переброске советских войск и вооружений на Кубу. Всего были переброшены нескольких ракетных полков с БРСД Р-12 и Р-14, а также оперативно-тактические ракеты (ОТР) «Луна» дальностью 60 км, оснащенные ядерными боеголовками, и фронтовые крылатые ракеты с ядерными зарядами.

31 мая Кастро дал согласие на размещение ракет главе советской военной делегации маршалу С.С. Бирюзову.

В конце июня министр обороны Кубы Рауль Кастро и его коллега маршал Малиновский парафировали в Москве секретный договор о размещении на Кубе советских войск. 27 августа по просьбе Кастро в этот договор была внесена поправка о том, что в случае нападения на Кубу советские вооруженные силы, размещенные на ее территории, равно как и правительства Кубы и СССР, используя право на индивидуальную или коллективную оборону, предусмотренное статьей 51 Устава ООН, предпримут «все необходимые меры для отражения агрессии».

Командующий Советской группой войск на Кубе (ГСВК) генерал И.А. Плиев имел псевдоним «Павлов». Основной ударной силой была 51-я ракетная дивизия под командованием генерал-майора И.Д. Стаценко. Она состояла из 5 ракетных полков, частей и подразделений обеспечения. Три полка были вооружены 24 пусковыми установками и 36 ракетами Р-12. Их дальность составляла 2000 км. Ракеты оснащались головными частями с мощностью термоядерного заряда в 1 мегатонну. Два других полка имели 16 пусковых установок и 24 ракеты Р-14 с дальностью 4500 км. Их прикрывали 12 зенитных установок С-75 со 144 ракетами, а также 40 новейших фронтовых истребителей МиГ-21Ф-13 и 6 учебно-тренировочных самолетов МиГ-15УТИ.

И.А. Плиев

Войска на Кубе также имели 16 пусковых установок тактических ракет, в том числе 12 установок еще не принятых на вооружение тактических ракет «Луна», 33 вертолета Ми-4 и 11 самолетов транспортной авиации, а также тыловые части. Были переброшены 6 учебных или ложных пусковых установок Р-12, которые не предназначались для боевого применения. Для защиты ракет перебрасывались четыре стрелковых полка с двумя танковыми батальонами.

В составе советского ВМФ к берегам Кубы отправились 11 подводных лодок, 2 плавбазы, 2 крейсера, 2 ракетных и 2 артиллерийских эсминца, 12 ракетных катеров, 8 пусковых установок буксируемого берегового ракетного комплекса «Сопка», 33 устаревших бомбардировщиков Ил-28, которые можно было использовать и как торпедоносцы, а также 5 вспомогательных

судов. Кроме того, на острове уже находилось 10 Ил-28. Однако в дальнейшем поход надводных боевых кораблей на Кубу был отменен из-за невозможности обеспечить им прикрытие с воздуха.

На Кубу предстояло доставить 50 874 военнослужащих, до 3 тыс. человек гражданского персонала и свыше 230 тыс. тонн грузов. В июле – октябре в операции «Анадырь» были задействованы 85 грузовых и пассажирских судов, которые совершили 183 рейса на Кубу и обратно. Позже А. Микоян признавал, что «только на транспорт мы израсходовали 20 миллионов долларов» (не менее 1 млрд долларов по сегодняшней покупательной способности). С тех пор Куба на многие десятилетия стала главным получателем советской помощи в третьем мире, и затраты на ее содержание тяжким бременем ложились на плечи и так небогато живущих советских граждан.

Фактически привлечь к операции пришлось весь советский океанский торговый и пассажирский флот и даже фрахтовать суда у иностранных судовладельцев для выполнения ранее обговоренных гражданских перевозок.

Для маскировки на палубах судов размещались трактора и другая сельскохозяйственная техника, а все вооружение было укрыто в трюмах. Все военнослужащие были только в гражданском, и вплоть до погрузки на суда им говорили, что собираются перебросить их на Камчатку или на Чукотку, почему сама операция для маскировки называлась «Анадырь». Пакет с приказом следовать на Кубу надо было вскрыть уже только в открытом океане. Для отражения возможного нападения с воздуха на судах устанавливались ручные пулеметы, а на судах с ракетами и ядерными боеголовками находились даже замаскированные малокалиберные зенитные пушки.

Хотя советские суда и не шли в составе одного каравана, американская разведка и разведка других стран НАТО (судам приходилось проходить через Датские проливы либо через Кильский канал, либо через Босфор и Дарданеллы и Гибралтар) не могли не заметить странной активности практически советского гражданского морского флота, какой не было в таком объеме никогда ни до, ни после Карибского кризиса. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что для переброски на Кубу тракторов и комбайнов никто не стал бы мобилизовывать весь советский торговый и пассажирский флот, да еще вооружать их зенитными пушками и пулеметами. Догадаться, что на Кубу перебрасывается в большом количестве вооружение и боевая техника, не составляло труда. Разумеется, невозможно было

достоверно установить, что перебрасываемое вооружение включает стратегические ракеты и термоядерные боеголовки. Однако даже переброска на Кубу значительного числа вооружений обычного типа представляла собой серьезную угрозу для американских планов вторжения на остров. Нетрудно было догадаться, что на судах перевозится также значительный контингент советских войск, поскольку у кубинской армии не было возможности освоить столь значительный объем вооружений, который перевозился на советских судах.

10 июля 1962 года к Кубе вышел первый транспорт, а 25 июля суда подошли к Кубе. За их движением следили разведорганы США и их союзников. Уже 31 июля советское правительство заявило протест против облетов и фотографирования советских судов со сверхмалых высот самолетами-разведчиками НАТО. Однако все эти события почему-то не насторожили руководство ЦРУ, которое не сделало единственно возможного вывода о переброске на Кубу беспрецедентной по размеру партии вооружений и не довело такой вывод до сведений президента Кеннеди. Единственным возможным адекватным ответом на такую информацию могло быть немедленное массированное вторжение на Кубу до тех пор, пока основная часть судов достигнет острова. Если с января до июля в кубинские порты приходило в среднем 14 советских сухогрузов в месяц, то в августе их число удвоилось, а в сентябре утроилось.

Однако в ЦРУ не смогли должным образом проанализировать всю имеющуюся информацию о советских намерениях и сделать правильные выводы, создав тем самым предпосылки для развития Карибского ракетного кризиса.

Началась подготовка к развертыванию комплексов и строительство стартовых позиций. К концу октября примерно половина из 36 доставленных боевых ракет Р-12 была готова к заправке компонентами и стыковке с ядерными головными частями. Имелись и боеголовки для Р-12, а вот боеголовки для Р-14 доставить не успели из-за блокады Кубы со стороны США. Время хранения этих ракет в заправленном состоянии было весьма ограниченным. Хотя время заправки топливом было существенно снижено, общее время подготовки к пуску с учетом времени на заправку топлива и окислителя оставалось большим и составляло много часов, причем во время этой процедуры ракеты легко могли быть обнаружены с самолета или спутника. Такие ракеты могли наносить удар только первыми. В случае, если боевые действия начинал противник, он успевал уничтожить стартовые позиции ракет.

11 сентября 1962 года Хрущев предложил Кеннеди прекратить антикубинскую пропаганду. В заявлении ТАСС, опубликованном в этот день, американскую администрацию призывали «проявить благоразумие, не терять самообладания и трезво оценить, к чему могут привести его действия, если оно развяжет войну». Там же осуждалась мобилизация в США 150 тыс. резервистов и предлагалось, чтобы «правительство США, проявив мудрость, сделало бы добрый жест – установило бы дипломатические и торговые отношения с Кубой, о желательности чего недавно заявлялось со стороны кубинского правительства». Разумеется, никто не ожидал, что это предложение будет принято.

13 сентября Кеннеди ответил на это заявление. Он утверждал: «Если Соединенные Штаты когда-либо сочтут необходимым предпринять военные действия против коммунизма на Кубе, то все поставленное коммунистами оружие и технические советники не смогут изменить последствия или существенно оттянуть время для достижения такого результата».

Начиная с 18 сентября 1962 года американские военные корабли стали постоянно запрашивать советские транспорты о характере перевозимого груза, но было уже поздно, тем более, что советские капитаны не давали информации о характере имеющихся на борту грузов.

В течение всего сентября 1962 года с санкции Кеннеди американские разведывательные самолеты У-2 осуществляли многочисленные полеты над Кубой. 14 октября 1962 года была произведена очередная аэрофотосъемка кубинской территории. Расшифровка снимков показала, что на Кубе готовятся площадки для ракет средней дальности Р-12. Об этом 16 октября доложили руководителям ЦРУ и Пентагона, а также помощнику президента по национальной безопасности Макджорджу Банди. Последний сообщил тревожную новость Кеннеди утром 16 октября. К тому времени в свете приближающихся промежуточных выборов в конгресс Кеннеди подвергался критике со стороны республиканцев за то, что он ничего не предпринимает для решения кубинской проблемы. Президент же стремился доказать, что угроза со стороны Кубы безопасности США существенно преувеличена. Сообщение о советских ракетах на Кубе стало для Кеннеди крайне неприятным сюрпризом. Президент должен был действовать жестко. На совещании с братом Робертом, Соренсоном и Банди Кеннеди заявил, что главной задачей является удаление советских ракет с Кубы всеми доступными средствами, не исключая военных.

На одном из первых заседаний в Белом доме специальной

группы по Карибскому кризису министр финансов Дуглас Диллон передал Кеннеди записку: «Понимаете ли вы, насколько велика вероятность того, что, если вы позволите Кубе закончить размещение и приведение в боевую готовность ракетных баз, в следующем составе палаты представителей конгресса большинство, скорее всего, будет принадлежать республиканцам?» Но внутриполитические соображения в данном случае были не главными. Кеннеди прекрасно сознавал, какую угрозу для США представляют советские ракеты с ядерными боеголовками в 90 милях от Флориды. В осознании этой угрозы с ним были солидарны как лидеры демократов и республиканцев в конгрессе, так и все сколько-нибудь видные политики двух партий. Когда Кеннеди сообщил членам конгресса, что собирается установить вокруг Кубы «карантин» (под этим невинным термином подразумевалась военно-морская блокада острова), многие сенаторы, как республиканцы, так и демократы, потребовали еще более решительных действий. Так, сенатор Фулбрайт настаивал, что необходимо предпринять военные акции, не ограничиваясь блокадой. Под военными акциями имелись в виду либо воздушные налеты на строящиеся ракетные площадки, либо вторжение на Кубу силами морской пехоты, при необходимости поддержанное армией.

Для принятия решения по поводу ситуации на Кубе была создана специальная группа, которую позднее, уже после завершения кризиса, стали называть «Экском». В ее состав вошли: государственный секретарь Д. Раск, министр обороны Р. Макнамара, специальный помощник по национальной безопасности М. Банди, директор ЦРУ А. Маккоун, министр финансов Д. Диллона, помощник президента Т. Соренсен, председатель Комитета начальников штабов М. Тэйлор, первый заместитель государственного секретаря Дж. Болл, заместитель первого заместителя госсекретаря А. Джонсон, заместитель государственного секретаря по латиноамериканским делам Э. Мартлин, эксперт «по советским делам» Госдепартамента (бывший посол в Москве) Л. Томпсон, заместитель министра обороны Р. Гилпатрик, заместитель министра обороны по вопросам международной безопасности П. Нитце, бывший государственный секретарь Д. Ачесон, бывший министр обороны Р. Ловетт, а также министр юстиции Р. Кеннеди.

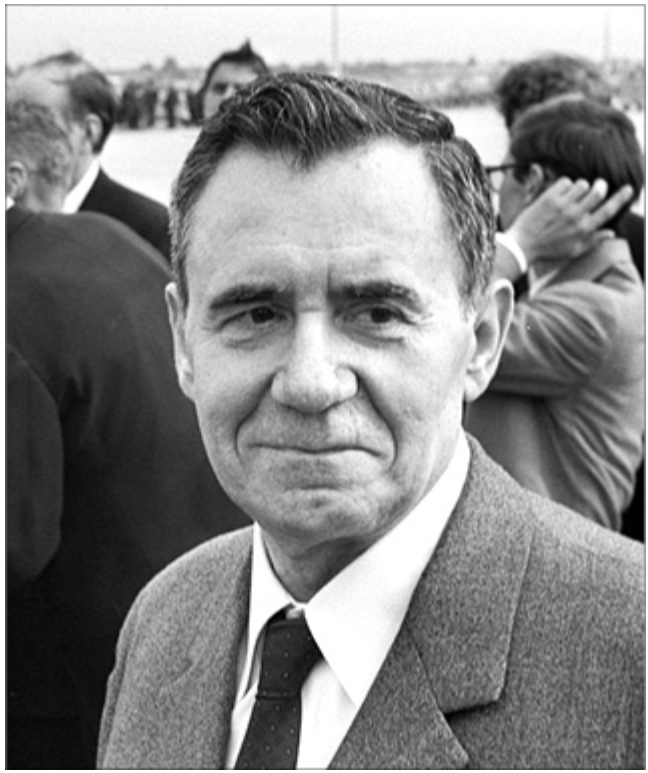
Макджордж Банди

Макнамара считал, что размещение ракет средней дальности на Кубе, хотя и увеличивало советский стратегический ядерный потенциал, но принципиально не меняло соотношения ракетно-ядерных вооружений, по которым у США сохранялся значительный перевес. В это время Макнамара уже знал, что «ракетное отставание США от СССР не существует, а, наоборот, Советский Союз вынужден догонять Соединенные Штаты, сделавшие, как это было не раз до и после этого, первыми рывок в этой сфере вооружений». США имели на вооружении примерно 6000 боеголовок против 300 (по другим данным 405) у СССР. В 1962 году американские вооруженные силы имели 1300 стратегических бомбардировщиков, способных доставить на территорию Советского Союза до 3000 ядерных зарядов. Кроме того, имелось 132 МБР «Атлас» и 54 МБР «Титан», 144 ракеты «Поларис» на девяти атомных подводных лодках типа «Джордж

Вашингтон» и «Этен Аллен». СССР мог противопоставить этому 100 межконтинентальных бомбардировщиков 3М и М-4, около 1000 стратегических бомбардировщиков Ту-16, способных доставить на территорию США до 300 ядерных зарядов, несколько десятков МБР Р-7 и Р-7А, имевших только четыре пусковые площадки в Плисецке, и 25 МБР Р-14 с жидкостно-реактивными двигателями, а также 66 ракет Р-13 на 22 атомных подводных лодках проекта 629. Все эти ракеты требовали значительного времени для приведения в боевую готовность, составлявшего несколько часов. Американские же ракеты, из-за более совершенных конструкций ЖРД и топлива, приводились в боевую готовность за 15–17 минут от начала заправки топливом. «Поларис» же был твердотопливной ракетой и приводился в боеспособное состояние в считаные минуты. Советские Р-13 с жидкостно-реактивным двигателями уступали им по всем параметрам американским «Атласам» и «Титанам» и, в отличие от «Поларисов», могли запускаться только из надводного положения. Кроме того, имелось 6 дизельных подводных лодок проектов В-611 и АВ-611, на которых размещалось в общей сложности 12 ракет Р-11ФМ с дальностью полета всего 150 км.

В Европе СССР мог использовать около 1000 стратегических бомбардировщиков Ту-16, 40 ракет Р-21 и 20 ракет Р-12 средней дальности. Этого арсенала хватило бы, чтобы стереть с лица земли главные города Западной Европы.

Поэтому министр обороны США не видел принципиальной разницы, будет ли Москва наращивать численность своих МБР или разместит на Кубе некоторое число ракет средней дальности на Кубе. Столь же умеренных взглядов первоначально придерживался и Банди. Он рекомендовал предпринять дипломатические акции, чтобы вынудить Советский Союз пойти на компромисс, связавшись либо с министром иностранных дел А.А. Громыко, либо с самим Хрущевым. При этом Банди считал, что такие контакты должны быть сугубо секретны, чтобы не допустить никаких утечек в прессу. Иначе советская сторона никогда не пойдет на уступки, дабы не уронить свой престиж. Другие акции, включая военные, по мнению Банди, можно было предпринять только в случае, если «тихая дипломатия» не даст результатов. Однако вскоре Банди пришел к выводу, что без военных средств проблему не решишь.



А.А. Громыко

Роберт Кеннеди рассматривал прежде всего внутриполитические аспекты Карибского кризиса. Он был озабочен тем, как кризис повлияет на настроения американской общественности в свете предстоящих выборов в конгресс, и в какой мере он может ухудшить шансы кандидатов от Демократической партии. Бобби также опасался, что жесткая позиция американской стороны может спровоцировать мировую термоядерную войну.

Генералы склонялись к тому, чтобы раз и навсегда покончить с режимом Кастро. Они считали, что надо осуществить один из планов вторжения на Кубу, разработанных после катастрофы в заливе Свиней. Военные предлагали начать либо с массированных воздушных бомбардировок Кубы, либо сразу же начать широкомасштабное вторжение с целью полной оккупации острова и свержения правительства Кастро. Они надеялись, что это не вызовет слишком сильной советской реакции. Но президент не был настроен столь оптимистически. Через день после завершения Карибского кризиса Джон Кеннеди так оценил поведение и планы военных: «Вторжение было бы ошибкой – неправильным использованием нашей мощи. Но военные словно

сошли с ума. Они жаждали осуществить вторжение. Какое счастье, что мы имеем там Макнамару». Ошибкой вторжение президент считал потому, что оно неминуемо спровоцировало бы советский ядерный удар.

Ачесон, Нитце, Диллон и Маккоун также склонялись к использованию военной силы против Кубы. Они скептически относились к морской блокаде Кубы, считая, что она не помешает привести в боевую готовность уже имеющиеся на Кубу ракеты. Американская разведка не знала, доставлены ли на Кубу термоядерные боеголовки. Ачесон говорил Кеннеди, что бомбардировка ракетных площадок не спровоцирует массированного ядерного удара по американской территории с советской стороны, поскольку Хрущев не признает наличие советских ракет на Кубе. Логика, замечу, весьма странная. Ведь действия США в этом случае все равно грубо нарушали международное право, а уничтожение советских ракетных площадок само по себе давало Хрущеву повод для самых решительных ответных действий. При этом совершенно не обязательно было ответный ядерный удар мотивировать наличием советских ракет на Кубе. Достаточно было факта массированного удара по территории советского союзника.

Раск же утверждал: «Если мы предпримем жесткие действия, союзники и Латинская Америка повернутся против нас, а если мы предпримем слишком мягкие меры, то они отшатнутся от нас».

Но Раск редко бывал на заседаниях «Эскома». Когда же пришло время для принятия окончательных решений, Раск занял в буквальном смысле слова двойственную позицию. Утром он осудил идею бомбардировки ракетных площадок на Кубе, а вечером зачитал участникам совещания меморандум, где, в частности, говорилось: «В следующую среду, после извещения Макмиллана, де Голля, Аденауэра и, возможно, Турции и некоторых латиноамериканцев, ограниченный бомбардировочный налет с целью уничтожения ракет должен сопровождаться одновременным обращением президента по всему миру и официальными представлениями в ООН и Организацию американских государств».

Большинство членов «Эскома» после двух дней совещаний стало склоняться к решительным действиям. Так, Ачесон заявил, что СССР бросил «прямой вызов» Америке, и чем скорее и жестче она ответит на него, тем лучше. Нитце, Диллон, Маккоун, Тэйлор также считали необходимым начать готовиться к бомбардировкам Кубы. Кеннеди также склонялся к «хирургически точному удару» по ракетам. В своем первом телефонном разговоре с американским представителем в ООН Э. Стивенсоном он сказал,

что вопрос стоит так: либо бомбардировочный удар, либо какие-то иные военные меры против того, чтобы ракеты успели привести в боевую готовность. Стивенсон в специальной записке предостерег Кеннеди, что подобные действия могут привести к ядерной войне.

Макнамара со своим заместителем Гилпатриком предложили осуществить военно-морскую блокаду Кубы. Роберт Кеннеди поддержал идею блокады и даже сравнил возможный бомбовый удар по Кубе с японским нападением на Перл-Харбор, что особенно возмутило Ачесона.

17 октября Кеннеди вылетел в штат Коннектикут, чтобы принять участие в запланированных предвыборных мероприятиях кандидатов-демократов. Эту поездку не стали отменять, чтобы у советской стороны не возникли подозрения, что американцы уже знают о ракетах на Кубе и что в Вашингтоне уже действует кризисный штаб. Президент вернулся вечером того же дня. К этому времени к поддержке идеи блокады склонился и Соренсен. Таким образом, блокаду поддержали ближайшие к Кеннеди члены «Эскома», пользовавшиеся его наибольшим доверием.

Макнамара доказывал Кеннеди, что «хирургически точный налет» не даст нужного результата, как из-за трудности точечного поражения целей, так и из-за мощи кубинской ПВО, усиленной советскими зенитными ракетами. Поэтому требовался массированный налет, направленный как на уничтожение площадок для ракет средней дальности, так и на подавление системы ПВО. А подобный налет никак не удалось бы выдать за ограниченную акцию. Для Кеннеди эти соображения Макнамары, ссылавшегося на мнение руководства ВВС, стали последним аргументом в пользу блокады.

18 октября Кеннеди принимает решение о необходимости осуществить военно-морскую блокаду Кубы. Одновременно он поручает Бобби и Соренсену добиться поддержки этого решения всеми членами «Эскома». Хотя большинства голосов для принятия решений не требовалось, поскольку их принимал сам президент единолично, Кеннеди хотел заручиться максимальной поддержкой со стороны всех советников и министров, чтобы в какой-то мере разделить на всех ответственность за решения, принимаемые в кризисной обстановке. Однако достичь консенсуса не удалось. Группа Ачесона продолжала настаивать на бомбардировке Кубы. Дискуссию пришлось прекратить, и Соренсен начал писать речь для Кеннеди, в которой говорилось об объявлении блокады Кубы. На следующем заседании «Эскома» в пятницу, 19 октября, Ачесон отсутствовал. Остальные участники совещания текст речи президента одобрили, о чем Роберт и

сообщил Джону, находившемуся в отеле «Блэкстоун» в Чикаго, где он был с предвыборной поездкой. После обеда в субботу, 20 октября, было назначено заседание Совета национальной безопасности, первое с момента начала кризиса.

Открывший заседание директор ЦРУ Дж. Маккоун продемонстрировал последние фотографии ракет на Кубе, сделанные американскими разведывательными самолетами. Затем Макнамара коротко обосновал необходимость введения блокады Кубы, чтобы предотвратить приведение советских ракет в боеспособное состояние. Он также предупредил, что блокада не исключает проведения в последующем и других акций, включая воздушные налеты на Кубу. Затем выступил Банди с аргументами в пользу бомбардировки ракетных позиций. Возникла длительная пауза. Ее прервал первый заместитель министра обороны Гилпатрик, заявивший, что выбор между блокадой и бомбардировкой – это выбор между ограниченной и неограниченной акциями, и что, выбрав блокаду, президент всегда сможет в дальнейшем перейти к бомбардировкам и другим силовым акциям. Кеннеди согласился с Гилпатриком. При этом возможные потери в случае массированного вторжения на Кубу американских сухопутных сил и морской пехоты оценивались в 40–50 тыс. убитых и раненых за все время военной кампании.

Стивенсон, приехавший на заседание СНБ из Нью-Йорка, предложил, чтобы США выступили с заявлением, где выразили готовность пойти «демилитаризацию, нейтрализацию и гарантированную территориальную целостность Кубы», а также на возвращение Гаване американской военной базы в Гуантанамо в обмен на удаление советских ракет с Кубы. Стивенсон также говорил, что он мог бы договориться с советской стороной о выводе американских ракет средней дальности из Турции и Италии в качестве своеобразной компенсации за вывод советских ракет с Кубы. Он рекомендовал официально просить ООН о посылке инспекционных групп на все советские и американские базы в зарубежных странах, чтобы предотвратить их использование в целях подготовки внезапного нападения. Кеннеди предложения Стивенсона отверг.

Утром 21 октября, в воскресенье, Кеннеди встретился с генералами и экспертами ВВС, специалистами по нанесению бомбовых ударов. Они заявили, что необходим только массированный налет, но и он не гарантирует уничтожения всех целей. После этой встречи Кеннеди окончательно решил, что пока следует ограничиться блокадой. Но в подготовленном Соренсеном проекте речи он слово «блокада» заменил более нейтральным словом «карантин». Суть дела от этого не менялась,

поскольку «карантин» предусматривал все те же действия американского флота и авиации, что и блокада.

18 октября состоялась встреча советского министра иностранных дел Громыко с президентом Кеннеди. Она была посвящена главным образом германской проблеме. Громыко также затронул и проблему Кубы. Он указал на антикубинскую пропагандистскую кампанию и на торговое эмбарго против Кубы как на действия, которые могут привести к опасным последствиям для всего человечества. Громыко заявил, что в условиях, когда США проводят враждебные акции против Кубы, Советский Союз не будет играть роль стороннего наблюдателя. Кеннеди на эту скрытую угрозу никак не отреагировал, опасаясь дать понять советской стороне, что ему известно о размещении советских ракет на Кубе. Президент заявил только, что кубинский вопрос «стал действительно серьезным», и высказал беспокойство по поводу наращиваний поставок советского оружия Кубе. Кеннеди утверждал, что у США нет планов нападения на Кубу, но предупредил: «Я как президент сдерживаю тех американцев, которые являются сторонниками вторжения на Кубу… Я не знаю, куда все это может нас привести». Он утверждал, что из-за действий Москвы положение в районе Карибского моря «неожиданно ухудшилось».

Громыко в ответ заявил, что советское правительство откликнулось на призыв Кубы о помощи только для того, чтобы устранить нависшую над Кубой угрозу. Советские специалисты помогают кубинцам научиться обращению с оружием, предназначенным для обороны, и это никак нельзя считать угрозой для США.

Кеннеди повторил, что у американского правительства нет планов вторжения на Кубу, а он сам стремится не допустить действий, которые привели бы к войне, но такие действия могут быть спровоцированы другой стороной.

18 октября Громыко беседовал также с Д. Раском. Государственный секретарь повторил тезис Кеннеди о том, что США не собираются нападать на Кубу, хотя Остров свободы превратился в военный плацдарм для «наступления против США и Латинской Америки». Режим Кастро Раск назвал угрозой государствам Западного полушария. Он указал на американскую обеспокоенность поставками советского оружия на Кубу, но о советских ракетах на острове прямо не сказал ничего.

Громыко ответил, что Куба вынуждена была сделать необходимые выводы из вторжения на остров контрреволюционеров, подготовленных и вооруженных США. А если у США есть какие-либо претензии к Кубе, в том числе по

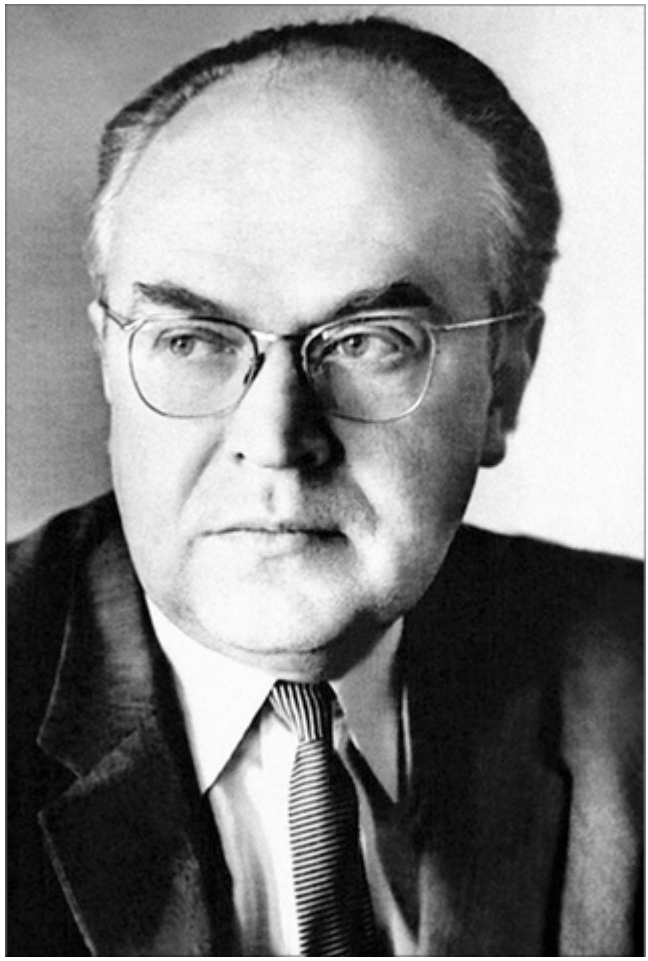
поводу национализации имущества американских граждан, то они должны вести об этом переговоры с кубинским правительством. Раск на это издевательское замечание не ответил.

Громыко указал Раску на наличие американских баз и военных советников в Турции, Японии, Англии, Италии, а также в ряде других стран Западной Европы, Азии и Африки. А раз у американцев есть эти базы, то ничто не мешает СССР иметь свои базы и советников на Кубе. Раску осталось лишь невнятно утверждать, что советский министр преувеличивает роль зарубежных американских военных баз. Он также признал, что американское ядерное оружие за пределами США размещено лишь в трех странах. На вопрос Громыко, входит ли в число этих трех стран Англия, Раск охотно ответил утвердительно, поскольку наличие американского ядерного оружия на территории Соединенного Королевства давно уже не было секретом.

Громыко передал предложение Хрущева Кеннеди встретиться, чтобы обсудить и урегулировать спорные вопросы, касающиеся двусторонних отношений и ряда международных проблем.

На это предложение Кеннеди отреагировал положительно, но заметил, что хотел бы на встрече с Хрущевым обсудить проблемы без формальной повестки дня и без предварительного выделения конкретных вопросов, подлежащих обсуждению.

Но в тот же день, 18 октября, бывший американский посол в Москве Л. Томпсон на обеде у Раска заявил послу СССР в США А.Ф. Добрынину, что американская сторона хотела бы отложить встречу в верхах, первоначально назначенную на ноябрь 1962 года, из-за ее неподготовленности. Кеннеди рассматривал такую встречу как попытку советской стороны осуществить дипломатическое прикрытие развертывания советских ракет на Кубе. Президент, заявил Томпсон, считает, что такие встречи имеют исключительно важное значение и требуют тщательной подготовки, поскольку здесь недопустима неудача. Кеннеди хочет, чтобы его вторая встреча с советским лидером непременно принесла конкретный результат. Громыко и Добрынин еще не знали, что американцы знают о размещении советских ракет на Кубе, поэтому отсрочка на неопределенное время планировавшейся встречи Хрущева и Кеннеди их не слишком насторожила.



А.Ф. Добрынин

22 октября Кеннеди информировал бывших президентов Гувера, Трумэна и Эйзенхауэра о планируемом установлении блокады Кубы. Он также спешно устроил встречу с 20 самыми влиятельными членами конгресса США. На этой встрече раздавались требования осуществить вторжение на Кубу.

Хрущев вспоминал: «Американцы предупредили нас в неофициальном порядке через каналы, которые у нас тогда имелись с президентом Кеннеди и его доверенными людьми, что они знают, что мы устанавливаем на Кубе ракеты. Естественно, мы все отрицали».

В то же время Никита Сергеевич признавал, что в районе Кубы силы сторон были несопоставимы, и здесь советским вооруженным силам ловить было нечего: «…Мы были очень уязвимы на Кубе в военном отношении, особенно в то время. Флот у нас был тогда еще не такой, как сейчас. Мы тогда почти не

имели подводных лодок с атомными двигателями, да и вообще 11 тысяч километров удаления – это такое расстояние, с которым надо считаться. Кроме того, подплыв наших подводных лодок к острову Куба, как нам докладывали, затруднен. Там множество островов, подводных мелей, рифов, где подводным лодкам трудно проходить. Им надо было плыть в довольно узком пространстве, так что американцы могли, имея сильный надводный и подводный флот, хорошо организовать контроль».

Безусловной ошибкой Хрущева было то, что он при неофициальных контактах отрицал наличие ракет тогда, когда у американцев уже были неопровержимые доказательства их наличия на острове. Даже если у Никиты Сергеевича не было полной уверенности в наличии у США таких доказательств, можно было бы по крайней мере догадаться, что просто так вопрос о ракетах задавать при столь деликатных контактах не будут. Тем более, что советский лидер был хорошо осведомлен об американских разведывательных возможностях. Если бы он тогда признал наличие советских ракет и проявил готовность к переговорам, то, скорее всего, вопрос удалось бы уладить без шума, как того и хотел Кеннеди, причем примерно на тех же условиях, на каких в итоге и был разрешен Карибский кризис. И советский лидер избежал бы унизительного дипломатического поражения. Однако Хрущев обманывал американцев и, надеясь на авось, тянул время. Он рассчитывал, что успеет привести ракеты на Кубе в боеспособное состояние. И тогда он предполагал выиграть не только неприкосновенность Острова свободы от американского вторжения, но и сохранить стратегическую ракетную базу на Кубе, у самого «мягкого подбрюшья» Соединенных Штатов. Советский вождь не сознавал, что для запуска ракеты потребуется длительная подготовка. Она не останется не замеченной американцами, которые при необходимости успеют нанести превентивный удар.

Хрущев вспоминал: «Громыко докладывал: «Беседа была любезной, но Раск спрашивал: «Наши военные приводят нам данные, доказывающие, что вы ставите на Кубе ракеты. Учтите, что мы не можем вынести это. Создается такое внутреннее положение, мимо которого наш президент не сможет пройти. Здесь складывается опасная ситуация, и поэтому мы хотели бы, чтобы вы ушли с Кубы».

То было не злобное предупреждение, а в какой-то мере просьба не создавать столь острой ситуации. Потом был обед. За обедом изрядно выпили. Дин Раск во время обеда продолжал крутиться вокруг этой темы. Он допускал такие выражения, что они, дескать, на все пойдут и ни перед чем не остановятся; что у

них просто нет другого выхода, и они просят нас все учесть, оценить соответственно ситуацию и принять меры со своей стороны, чтобы не допустить рокового столкновения, которое может состояться, если окажется, что на Кубе действительно установлены ракеты, в чем они убеждены… Громыко, конечно, все отрицал. На то он и дипломат. Обо всем этом Громыко доложил нам. Но мы продолжали завершать транспортировку и установку вооружения, продолжали делать свое дело».

Никита Сергеевич и тогда не внял этому последнему предупреждению.

Вечером 22 октября, за час до того, как президент Кеннеди должен был выступить с обращением к американскому народу, в котором объявлялась блокада Кубы, Раск пригласил к себе посла Добрынина и передал ему личное послание Кеннеди Хрущеву от 22 октября и текст обращения президента к американскому народу. Раск сразу же предупредил посла, что не будет отвечать ни на какие вопросы по поводу содержания обоих документов. Прочитав их, Добрынин заявил, что правительство США намеренно создает опасный кризис, отказываясь от переговоров по всем спорным вопросам.

В 19 часов по вашингтонскому времени президент Кеннеди зачитал по телевидению заявление о блокаде. Он также предупредил, что попытка Советского Союза и его союзников напасть на любое из государств Западного полушария вызовет американский ядерный удар по советской территории. К этому времени США располагали в районе Карибского моря 183 боевыми кораблями. В боевую готовность были также приведены американские войска в Западной Европе. В воздух была поднята половина всех американских стратегических бомбардировщиков. Подводные лодки с баллистическими ракетами «Поларис» заняли боевые позиции, будучи готовы при необходимости нанести удар по СССР. Возможность начала мировой термоядерной войны казалась вполне реальной.

В ходе осуществления блокады требовали от всех судов, направляющихся на Кубу, полной остановки и предъявления груза к досмотру. В случае отказа командира корабля допустить на борт осмотровой команды военным морякам предписывалось подвергнуть корабль аресту и препроводить его в американский порт. На момент 22 октября на подходе и в зоне блокады уже находилось 22 советских судна. Опасаясь их захвата, министр морского флота СССР В.Г. Бакаев предложил руководству страны находящиеся на подходе к Кубе 6 советских судов ввести в кубинские порты. Решение было принято, и шесть судов (включая «Александровск», перевозивший ядерные боеприпасы в числе

24 боеголовок для ракет Р-14 и 44 боеголовок для оперативно-тактических крылатых ракет) пришвартовались 22–23 октября в портах Кубы. Остальные 16 транспортов (включая транспорты, загруженные ракетами Р-14, оборудованием и личным составом войск РВСН) возвратились в советские порты. В отсутствие оборудования и обученного личного состава ракеты средней дальности, уже находившиеся на Кубе, невозможно было привести в боевую готовность, но американцы об этом не знали.

В 1992 году некоторые бывшие советские участники операции «Анадырь» заявили, что на Кубу успели доставить 162 ядерных заряда, из которых около 90 были боеголовки для тактических ракет и бомбы для самолетов, а 72 боеголовки были боеголовками для ракет средней дальности. По другим данным, было доставлено только 36 боеголовок для Р-12, но ни одной – для Р-14.

БРСД Р-14

Когда Роберту Кеннеди предложили отправиться в атомное бомбоубежище, если угроза войны станет реальной, он ответил: «Нет, не поеду. Если дойдет до этого, будет убито 60 миллионов американцев и столько же русских, если не больше. Я останусь в доме семьи Хикори Хилл».

23 октября советское посольство посетил Роберт Кеннеди, заявивший, что наносит этот визит по собственной инициативе. Он утверждал, что его брат был введен советской стороной в заблуждение, и поэтому вынужден был объявить блокаду Кубы. Роберт просил посла внести ясность в вопрос о советских ракетах и о дальнейших действиях советского правительства. Добрынин,

который о советских ракетах на Кубе ничего не знал, спросил Роберта Кеннеди, почему, прежде чем вводить блокаду, президент США не обратился к главе советского правительства, чтобы прояснить обстановку, но ясного ответа не получил. По поводу морской блокады Кубы Добрынин заявил, что меры, предпринимаемые США в открытом море, нарушают международные нормы свободы судоходства и являются незаконными. Первый визит Роберта Кеннеди в советское посольство окончился безрезультатно.

23 октября 1962 года советское правительство сделало заявление, в котором установление США морской блокады Кубы оценивалось как «беспрецедентные агрессивные действия». Там утверждалось, будто империалисты США готовы «толкнуть мир к пропасти военной катастрофы». В заявлении подчеркивалось: «Народы всех стран должны ясно представлять себе, что, идя на такую авантюру, Соединенные Штаты Америки делают шаг на пути к развязыванию мировой термоядерной войны». И здесь же содержалось недвусмысленное предупреждение о том, что «если агрессоры развяжут войну, то Советский Союз нанесет самый мощный ответный удар». США предлагалось принять советское предложение о ликвидации всех военных баз на чужих территориях, но в Вашингтоне никто не собирался его всерьез рассматривать. Москва потребовала срочного созыва Совета Безопасности для рассмотрения вопроса «О нарушении Устава ООН и угрозе миру со стороны Соединенных Штатов Америки».

В письме президенту Кеннеди от 23 октября Хрущев утверждал, будто оружие, находящееся на Кубе, независимо от того, к какому классу оно относится, предназначено только для целей обороны. Заявление Кеннеди об установлении блокады Хрущев охарактеризовал как неприкрытое вмешательство во внутренние дела Кубы, СССР и целого ряда других государств. Вместе с тем Хрущев выражал надежду, что американское правительство проявит благоразумие и откажется от проводимых им необдуманных действий, которые могут привести к самым катастрофическим последствиям для мира во всем мире.

23 октября под председательством представителя СССР В.А. Зорина состоялось заседание Совета Безопасности. В повестку дня заседания были включены внесенный Советским Союзом вопрос о нарушении Устава ООН и угрозе миру со стороны США, запрос кубинского правительства об агрессивных действиях США против Кубы, а также письмо представителя США в ООН о размещении советских ракет на Кубе. Первым выступил Э. Стивенсон. Он внес в Совет Безопасности американский проект резолюции, в котором выдвигались требования о вывозе с Кубы

советских ракет и направлении на Кубу наблюдателей ООН «для обеспечения выполнения настоящей резолюции». В этом случае США готовы были отказаться от установления блокады. В проекте резолюции также был специальный пункт о том, чтобы Вашингтон и Москва срочно обсудили вопрос о мерах по устранению существующей угрозы безопасности Западного полушария и миру во всем мире и представили об этом совместный доклад Совету Безопасности.

Кубинский представитель в ООН заявил, что агрессивные действия против Кубы являются частью политики, которая проводится США после победы кубинской революции и является вмешательством в кубинские внутренние дела. Эти действия являются грубым нарушением Устава ООН и норм международного права.

Зорин в своем выступлении критиковал США как за антикубинские действия, так и за то, что американское правительство вместо выяснения путем переговоров и личных контактов неясных для него действий СССР предприняло противоречащие общепризнанным международным нормам односторонние агрессивные акции в Карибском море, которые поставили мир перед угрозой термоядерной войны. Он предложил США отказаться от блокады Кубы и немедленно начать переговоры с целью нормализации обстановки и предотвращения угрозы возникновения войны.

24 октября посольство США в Москве сообщило ответ Кеннеди. Президент возлагал на СССР вину за возникновение Карибского кризиса. Он выражал надежду, что две державы проявят реализм и не предпримут шагов, провоцирующих неконтролируемое развитие событий. Кеннеди также сообщил, что «карантин» вступил в силу в 14 часов по гринвичскому времени 24 октября. В ответном письме, датированном 24 октября, Хрущев утверждал, что американское правительство фактически предъявило Москве ультиматум, но ему не удастся запугать Советский Союз. Он призвал Кеннеди не поддаваться эмоциям, а трезво оценить создавшуюся ситуацию.

В мемуарах Хрущев так характеризовал американские действия: «…Американцы начали демонстрировать силу. Они сконцентрировали войска у границ Кубы, открыто мобилизовали резервы, причем довольно солидные резервы. Стали концентрировать авиацию у берегов Кубы, стягивать туда военно-морской флот, наращивать различные военные силы, угрожая нам параллельно все время через печать. А мы продолжали свое дело. Продолжали, основываясь на следующем: во-первых, одно дело – угрожать, другое дело – воевать. Потом, с точки зрения

морального и юридического права, они обвинить нас не могли: мы ничего не сделали большего, чем сделали США. Здесь – равные права и равные возможности».

24 октября продолжилось заседание Совета Безопасности ООН по кубинскому вопросу. Представители Объединенной Арабской Республики (так тогда назывался Египет) и Ганы внесли проект резолюции, призывавший США, Кубу и СССР разрешить конфликт мирным путем посредством переговоров. Представители стран НАТО, напротив, поддержали американскую позицию и призвали к проведению переговоров, но без отмены блокады. В том же духе высказались и страны ОАГ. Принимавший участие в заседании Совета Безопасности исполнявший обязанности Генерального секретаря ООН бирманец У Тан (он будет избран на этот пост 30 ноября 1962 года, после завершения Карибского кризиса) зачитал текст своего послания правительствам СССР и США, где было пожелание, чтобы все втянутые в конфликт стороны встретились и обсудили ситуацию. Это предложение поддержали 45 стран Азии и Африки. Но Стивенсон сообщил У Тану, что президент Кеннеди еще не дал ответ на его обращение. Советский представитель выразил готовность принять призыв Генсека ООН «воздержаться от любых действий, которые могут обострить положение и принести с собой риск войны».

У Тан

25 октября У Тан направил руководителям СССР и США новые послания, предлагая выработать основы для соглашения, направленного на урегулирование проблемы мирным путем в соответствии с Уставом ООН. В телеграмме Хрущеву он просил дать инструкции советским судам, уже находящимся на пути к Кубе, «держаться в стороне от района перехвата», чтобы «избежать столкновения с кораблями Соединенных Штатов во время обсуждения различных вариантов возможного соглашения». У Тан также призвал Кеннеди дать инструкции органам, осуществляющим блокаду, избегать непосредственного столкновения с советскими кораблями, чтобы не спровоцировать военный конфликт. Кеннеди согласился принять меры для предотвращения столкновений советских и американских судов, хотя это противоречило требованиям командования ВМФ о расширении зоны «карантина». Американский президент писал главе ООН: «Я по-прежнему понимаю и приветствую Ваши усилия, направленные на достижение удовлетворительного решения. Я понимаю и разделяю Вашу озабоченность по поводу

необходимости проявлять большую осторожность впредь до начала обсуждения». Отмечая, что советское наступательное оружие на Кубе угрожает миру, Кеннеди обещал У Тану, что командиры американских военных кораблей в Карибском море сделают все возможное, чтобы избежать непосредственного столкновения с советскими судами. Однако на специальном инструктаже для представителей прессы Макнамара заявил, что США не остановятся перед потоплением советских судов, доставлявших на Кубу оружие «наступательных видов». Такие заявления делались прежде всего для того, чтобы продемонстрировать американской общественность твердость позиции администрации. Но здесь было и предупреждение Москве, чтобы она не пыталась привести ракеты на Кубе в боеспособное состояние. Иначе советские суда могут быть перехвачены американскими со всеми вытекающими последствиями.

25 октября Кеннеди ответил на послание Хрущева. Он настаивал, что размещение советских ракет на Кубе «требовало ответных действий, о которых я объявил». Он выразил сожаление по поводу ухудшения советско-американских отношений, но заявил, что теперь только от СССР зависит восстановление прежнего положения.

В тот же день на заседании Совета Безопасности ООН Стивенсон и Зорин зачитали ответы своих правительств на послания У Тана. Тогда же между ними произошел замечательный диалог. Стивенсон неоднократно просил Зорина прямо ответить, есть ли на Кубе советские ракеты:

«– Так да или нет? Не ждите, пока вам переведут! Ответьте просто, да или нет?

– Я не нахожусь в американском суде, и поэтому не хочу отвечать на вопрос, который задается в прокурорском плане. В свое время вы получите ответ.

– Сейчас вы находитесь перед судом мирового общественного мнения и можете ответить просто «да» или «нет». Вы отрицали существование ракет на Кубе. Я хочу убедиться, правильно ли я вас понял.

– Продолжайте вашу речь, господин Стивенсон. В свое время вы получите ответ!

– Если вы этого хотите, я готов ждать ответа, пока не замерзнет преисподняя. Я также готов представить наши доказательства непосредственно в этом зале!»

В этот момент помощники Стивенсона внесли в зал заседаний увеличенные аэрофотоснимки пусковых установок советских ракет на Кубе. Зорин был посрамлен.

После этого заседание Совета Безопасности было прервано по предложению ОАР и Ганы, предложивших дать время заинтересованным сторонам для проведения переговоров.

26 октября Хрущев ответил на послание Кеннеди от 25 октября. Советский лидер прибег к привычной риторике о том, что народы социалистических стран, все прогрессивное человечество хотят мира, рассматривают войну как бедствие, а не как игру и средство для достижения политических или других целей и тем более не как самоцель. Решение Кеннеди о введении «карантина» Хрущев приравнял к пиратству. Он также утверждал, что советские ракеты на Кубе являются лишь «оборонительным оружием». США предлагалось дать гарантии, что они не нападут на Кубу, что могло побудить советскую сторону убрать ракеты с Кубы.

26 октября У Тан направил Фиделю Кастро послание, в котором призвал его внести свой вклад в дело сохранения мира «в нынешних критических обстоятельствах». 27 октября кубинский лидер ответил, что Куба готова обсудить ее разногласия с США и сделать в сотрудничестве с ООН все от нее зависящее, чтобы разрешить кризис. В том же послании Фидель категорически осудил морскую блокаду Кубы как акт насилия и войны. Он готов был принять предложение У Тана о переговорах, «если только в то же самое время правительство Соединенных Штатов воздержится в период переговоров от угроз и агрессивных действий против Кубы, включая морскую блокаду…». Кастро рассчитывал, что снятие блокады позволит завершить доставку ракет и термоядерных боеголовок на Кубу, а после этого, как он надеялся, с Вашингтоном можно будет говорить совсем другим языком.

27 октября Кастро сообщил в письме Хрущеву, что американское вторжение на Кубу может произойти в ближайшие 72 часа. Одновременно Плиев информировал Малиновского о повышении активности американской авиации. Около 5 часов вечера по московскому времени в одно из подразделений ПВО пришло сообщение, что на подлете к Гуантанамо замечен американский самолет-разведчик У-2. По официальной российской версии, начальник штаба зенитного ракетного дивизиона С-75 капитан Антонец позвонил в штаб Плиеву за инструкциями, но того на месте не оказалось. Заместитель командующего ГСВК по боевой подготовке генерал-майор Леонид Гарбуз приказал капитану ждать появления Плиева. Через несколько минут Антонец вновь позвонил в штаб – никто не взял трубку. Когда U-2 был уже над Кубой, Гарбуз сам прибежал в штаб и, не дождавшись Плиева, отдал приказ уничтожить

самолет. По другим сведениям, приказ об уничтожении самолета-разведчика мог быть отдан заместителем Плиева по ПВО генерал-лейтенантом авиации Степаном Гречко или командиром 27-й дивизии ПВО полковником Георгием Воронковым. Пуск был осуществлен в 10.22 по местному времени. Пилот U-2 майор Рудольф Андерсон погиб. По утверждению Хрущева, содержащемуся в его мемуарах, в действительности приказ сбить У-2 Плиеву отдал Кастро. Узнав об этом, Хрущев приказал выполнять приказы только советского руководства, а приказы и призывы кубинской стороны игнорировать, но в случае вторжения координировать свои действия с кубинцами. Честно говоря, версия Хрущева вызывает значительно больше доверия, чем другие. Никите Сергеевичу в данном случае не надо было выгораживать себя. Никто не подозревал его в том, что он отдал приказ об уничтожении У-2. Для того, чтобы связаться с Москвой, требовалось время, за которое самолет успел бы уже покинуть воздушное пространство Кубы. Наверняка у Плиева были полномочия принимать в подобных случаях самостоятельные решения. Утверждения же, будто приказ отдал кто-то из офицеров, подчинявшихся Плиеву, очень смахивают на попытку выгородить большого начальника за счет начальников гораздо меньшего уровня. Почему вдруг Плиева не оказалось на месте? Куда он делся? И какой смысл было Хрущеву придумывать, что Плиев отдал приказ сбить У-2 по просьбе Кастро? По всей видимости, Исса Александрович решил, что просьбу Кастро надо выполнить, поскольку уничтожение самолета помешает американцам следить за советскими ракетами. И только после этого он получил ясный приказ никаких просьб Кастро до начала боевых действий не выполнять и американские самолеты сбивать только по команде из Москвы.

Л.С. Гарбуз

Еще через несколько часов два самолета фоторазведки ВМС США РФ-8А «Крусейдер» были обстреляны кубинскими зенитными орудиями во время облета Кубы на малой высоте. Кубинские зенитчики Плиеву не подчинялись. Один из самолетов был поврежден, однако пара благополучно вернулась на базу.

Военные советники Кеннеди пытались убедить президента не позднее вечера воскресенья, 28 октября, отдать приказ о вторжении на Кубу.

Поздно вечером 27 октября Добрынина пригласил к себе Роберт Кеннеди. Министр юстиции США выразил обеспокоенность быстрым обострением кубинского кризиса. Он указал, что из-за сбитого над Кубой американского самолета-разведчика У-2 на его брата военные оказывают сильнейший нажим. Роберт Кеннеди предупредил: если начнется война, погибнут многие миллионы американцев и советских граждан. Американское правительство этого не хочет, и он уверен, что таково и желание советского правительства. Промедление с

поиском выхода из кризиса грозит большой бедой. Среди американских генералов много горячих голов, и ситуация может выйти из-под контроля, что приведет к непоправимым последствиям. Роберт Кеннеди подчеркнул, что, по мнению президента, базой для урегулирования могли бы стать советские предложения от 26 октября и ответное письмо президента Кеннеди. Правительство США готово дать обещание, что никакого вторжения на Кубу не будет, и все страны Западного полушария, несомненно, готовы дать аналогичные заверения. Брат президента поделился с Добрыниным опасениями президента о том, что «ситуация вот-вот выйдет из под контроля и грозит породить цепную реакцию». Роберт Кеннеди заявил, что его брат готов дать гарантии ненападения и скорейшего снятия блокады с Кубы. Добрынин спросил Кеннеди о ракетах в Турции. «Если в этом единственное препятствие к достижению упомянутого выше урегулирования, то президент не видит непреодолимых трудностей в решении вопроса», – ответил Кеннеди.

Добрынин заговорил о необходимости ликвидировать американские ракетные базы в Турции. Р. Кеннеди сказал, что решение об этом может быть принято НАТО. Он заявил: «Президент Кеннеди уже давно стремится вывезти эти ракеты из Турции и Италии. Некоторое время назад он распорядился об удалении этих ракет, и мы полагаем, что вскоре после окончания нынешнего кризиса эти ракеты будут вывезены».

В ходе этого разговора Бобби с Добрыниным была намечена реальная основа для компромисса. Добрынин передал дословно слова брата президента США: «Мы должны получить ответ из Кремля сегодня же, в воскресенье. Осталось очень мало времени для разрешения проблемы».

По признанию тогдашнего министра обороны США Роберта Макнамары, с военной точки зрения ракеты «Юпитер» были устаревшими, однако в ходе неофициальных переговоров Турция и НАТО выступали резко против включения подобного пункта в официальное соглашение с Советским Союзом, так как это было бы сочтено проявлением слабости США и ставило бы под сомнение гарантии США по защите Турции и других союзников по Североатлантическому договору.

Хрущев вспоминал: «Кульминация наступила, когда нам сообщил советский посол в США Добрынин, что к нему пришел с неофициальным визитом брат президента – Роберт Кеннеди. Он так описывал его внешний вид: Роберт выглядел очень усталым, глаза у него – красные-красные, было видно, что он ночь не спал, да и сам он потом сказал об этом. Роберт сообщил Добрынину, что вообще шесть дней не был дома, не видел своих детей и жену,

что они с президентом сидят в Белом доме и бьются над вопросом о наших ракетах. И добавил: «У нас напряжение очень сильное, опасность войны велика, прошу передать вашему правительству и лично Хрущеву, чтобы он учел это. Президент готовит обращение через закрытые каналы и очень просит, чтобы Хрущев принял его предложения». Роберт прямо говорил, что положение угрожающее, поэтому президент лично писал это послание.

Роберт заявил также, что президент сам не знает, как выйти из этого положения, а военные оказывают на него сильное давление, настаивая прибегнуть к военной акции в отношении Кубы, и у президента складывается очень сложное положение. Он добавил: «Вы должны учесть особенности нашей государственной системы. Президенту трудно. Даже если он не захочет, не пожелает войны, то помимо его воли может свершиться непоправимое. Поэтому президент просит: помогите нам решить эту задачу». Роберт оставил нашему послу свой телефон и просил звонить в любое время суток. Он очень нервно настаивал и взывал к благоразумию, просил помочь президенту выйти из этой ситуации».

Слова Роберта Кеннеди о том, что война может возникнуть помимо воли президента, намекавшие, по всей видимости, на позицию американских военных, очевидно, были просто обычным шантажом и должны были заставить Хрущева как можно быстрее принять решение убрать ракеты с Кубы. В действительности в американской системе власти существовал и существует достаточно жесткий контроль политиков над военными, и начать полномасштабную войну или военную интервенцию может только президент.

Как утверждал Хрущев, американцы понимали, что в случае вторжения советский гарнизон на Кубе обречен, но опасались советского ответа в Германии.

Никита Сергеевич сразу же продиктовал официальный ответ, где согласился убрать ракеты с Кубы, а также продиктовал два конфиденциальных письма лично Кеннеди, где подтвердил получение обращения Роберта Кеннеди, равно как и то, что он расценивает это послание как согласие на то, чтобы убрать американские ракеты из Турции.

Хрущев запретил Плиеву использовать зенитное оружие против американских самолетов. Он также приказал вернуть на аэродромы все советские самолеты, патрулирующие Карибское море. Чтобы весть о согласии вывести ракеты быстрее дошла до Вашингтона, было решено транслировать хрущевское послание по радио. Трансляция началась в 16.00 по московскому времени. За час до ее начала Малиновский послал Плиеву приказ начать

демонтаж стартовых площадок Р-12, чтобы это могли сразу же засечь американские самолеты-разведчики.

Утром 28-го в Кремль пришло сообщение от Кеннеди, где было сказано: «1) Вы согласитесь вывести свои системы вооружения с Кубы под соответствующим наблюдением представителей ООН, а также предпринять, с соблюдением соответствующих мер безопасности, шаги по остановке поставок таких же систем вооружения на Кубу. 2) Мы же, со своей стороны, согласимся – при условии создания с помощью ООН системы адекватных мер, обеспечивающих выполнение данных обязательств, – а) быстро отменить введенные в настоящий момент блокадные мероприятия и б) дать гарантии ненападения на Кубу. Я уверен, что и остальные государства Западного полушария будут готовы поступить подобным образом».

Таким образом, Хрущев согласился убрать с Кубы ракеты средней дальности в обмен на гарантии американского ненападения на Остров свободы.

Никита Сергеевич вспоминал: «В самый разгар событий, после получения доклада Добрынина о визите к нему Роберта Кеннеди, я продиктовал вариант телеграммы президенту Кеннеди, в которой мы выражали готовность пойти на уступки (в смысле вывода наших ракет). Только я продиктовал эту телеграмму, ее отпечатали, и мы должны были обсудить ее в коллективе руководства, чтобы принять текст и отправить ее, как мы получили телеграмму от нашего посла, в которой он передавал послание нам Кастро. Фидель сообщал, что, по достоверным сведениям, полученным им, США вторгнутся на Кубу через несколько часов. Нужно сказать, что и мы имели аналогичные сведения: наша разведка сообщила, что подготовлена такая высадка и вторжение неизбежно, если мы не договоримся с президентом Кеннеди. Возможно, эти сведения были подброшены нам американской разведкой. Они ведь часто знают наших разведчиков. Поэтому нередко случается подбрасывание тех данных, которые той или другой стороне хотелось бы довести до сведения противной стороны. Самым главным в сообщении Фиделя было не то, о чем ему сообщили, а его вывод: он считал, что раз нападение неизбежно, то необходимо упредить его, и предложил, чтобы не дать вывести нашу ракетную технику из строя, немедленно нанести первыми ракетно-ядерный удар по США».

Хрущев, слава богу, на такую авантюру не пошел, понимая, что ответный удар американцев будет всесокрушающим. Да, похоже, и привести ракеты в боевую готовность в тот момент не представлялось возможным, о чем, впрочем, Хрущев мог и не

узнать.

В Вашингтоне военные возражали против того, чтобы увязывать отзыв советских ракет с Кубы с выводом американских ракет из Турции. Поэтому 27 октября Кеннеди официально заявил, что проблемы безопасности Западного полушария и проблемы безопасности Европы не взаимосвязаны, поэтому Карибский кризис должен быть урегулирован, прежде чем можно будет решать другие вопросы безопасности. Позднее была достигнута договоренность, что в официально обнародованную сделку «вывод ракет в обмен на ненападение на Кубу» ракеты в Турции включены не будут. Президент США лишь дал джентльменское обещание, что ракеты из Турции будут выведены позднее, после урегулирования Карибского кризиса. Для Кеннеди данное обещание не являлось сколько-нибудь существенной уступкой, поскольку он еще до кризиса собирался убрать из Турции устаревшие ракеты, крайне уязвимые в случае советского удара.

Вечером 27 октября было подготовлено ответное послание советскому правительству, где президент США обещал не предпринимать вторжение на Кубу и в ближайшее время отменить блокаду.

Роберт Кеннеди

Роберт Кеннеди вспоминал: «В то памятное воскресное утро, когда русские сообщили, что вывезут свои ракеты, один высокопоставленный военный советник рекомендовал, чтобы Соединенные Штаты в понедельник в любом случае перешли к наступательным действиям». По словам Бобби, они вместе со старшим братом пришли к выводу, что большинство военных не видит дальше чисто военной области, и их нельзя допускать к обсуждению политических проблем.

Хрущев вспоминал: «В результате всей переписки, которая велась по официальным и неофициальным каналам, мы пришли к следующему решению и довели его до сведения президента США. Сказали, что выступим публично и будем настаивать на следующем: чтобы избежать конфликта, ставим перед президентом Кеннеди условие, чтобы он принял обязательство не вторгаться на Кубу, если мы выведем оттуда ракеты и другое вооружение, за исключением обычного. Американцы и не

требовали от нас вывода обычного вооружения».

Небольшой спор вышел насчет устаревших бомбардировщиков Ил-28, но в конце концов Хрущев и их согласился вывести, понимая, что от них все равно никакого толку не будет. 28 октября Хрущев направил Кеннеди новое послание, подтвердив готовность выполнять взятые на себя обязательства в связи с Карибским кризисом, и вместе с тем заявил, что Советский Союз будет продолжать помогать Кубе. В тот же день президент Кеннеди сделал заявление, в котором обещал, что после полной ликвидации Карибского кризиса американское правительство будет уделять большое внимание «проблеме предотвращения гонки вооружений и ослабления международной напряженности». Он ратовал за достижение соглашения о нераспространении ядерного оружия, о запрещении ядерных испытаний и предложил немедленно начать переговоры по этим проблемам «в конструктивном духе».

Хрущев вспоминал: «Особенно острый этап кризиса длился шесть-семь дней. Чтобы как-то смягчить обстановку, я предложил членам советского руководства: «Сходим, товарищи, в Большой театр. Сейчас в мире напряженная обстановка, а мы появимся в театре. Наш народ и иностранцы будут это видеть, и это станет действовать успокаивающе. Если Хрущев и другие лидеры сидят в театре в такое время, то можно спокойно спать». Но сами-то мы очень тогда беспокоились. Не требуется большого ума, чтобы начать войну. Мы не хотели войны, не хотели сами иметь жертвы и не хотели наносить потери Америке. А если начнется война? Тогда, как говорится, попал в драку, не жалей волос.

Поэтому я тогда одну самую тревожную ночь провел даже в Кремле. Шел непрерывный обмен письмами с президентом Кеннеди, и я провел ночь в помещении Совета Министров СССР, ожидая, что могут быть срочно переданы тревожные известия, на которые необходимо немедленно реагировать. Были предупреждены и военные. Мы, насколько возможно, приготовили наши войска…

Практически же мы ничего серьезного не предприняли, ибо считали, что война не разразится и что мы имеем возможность повлиять на возникший накал, чтобы не допустить войны».

Здесь Никита Сергеевич фактически признал, что сильно блефовал во время Карибского кризиса, потому что к войне был не готов, сознавая советскую слабость.

В мемуарах Хрущев писал, что «что во время Карибского кризиса, когда настал критический момент и Кеннеди был готов применить военные средства против Кубы, с тем чтобы вынудить нас ликвидировать там ракетно-ядерные установки, он как будто

заручился поддержкой де Голля, который вроде бы сказал, что Франция будет вместе с США. Конечно, если бы началась война между СССР и США, полагаю, что Франция вынуждена была бы воевать на стороне США. Крупные американские воинские контингенты располагались на территории Франции и Западной Германии. Куда от этого деваться? Сей факт свидетельствует о двойственности души де Голля. Он тяготел к капитализму, а то, что нарушало его устои, генеральская душа не принимала».

Характерно, что Хрущев в мемуарах оценил Кеннеди очень высоко, пожалуй, выше, чем любого другого «капиталистического деятеля». Хрущев считал, что «из всех президентов США, которых я знавал, Кеннеди – человек с наиболее высоким интеллектом, умница, резко выделяющийся на фоне своих предшественников».

Советский лидер утверждал, что Кеннеди «из всех президентов США, с которыми я как-то сталкивался… был умнейшим. Пусть меня правильно поймут мои собратья-коммунисты. Пусть не укоряют, что Хрущев лестно отзывается о покойном президенте Кеннеди. Когда воздается должное, это не принижает того лица, кто это говорит, и не служит возвышению враждебной нам социально-политической системы. Да, Кеннеди – капиталист, он представлял интересы капиталистов и был верен своему классу до последних дней жизни. Но в вопросе определения международной политики занимал четко обозначенное поле, стремясь обеспечить мир на Земле. Надо учитывать, в какое время мы живем, какое складывается соотношение сил капиталистических, социалистических и неприсоединившихся стран. Трудно сказать, что имеет решающее значение: голосование или наличие оружия? Раньше побеждала та страна, которая имела больше оружия и умела лучше его использовать. Сейчас можно иметь больше оружия, но проиграть войну. Тут особенно важно не просчитаться. Джон Кеннеди правильно понимал расстановку сил в мире, умел правильно разбираться в этой арифметике, в небольших, но решающих числах. Сейчас прошло время, когда определение политического курса, быть войне или нет, зависело прежде всего от США и их союзников. Мы живем в дни, когда социалистические страны набрали экономическую мощь, обладают научными и техническими знаниями, современными средствами ведения войны. Поэтому классовые враги вынуждены признавать социалистические страны, а среди них первую скрипку играет СССР как наиболее мощная держава, обладающая новейшим оружием. Кеннеди, признав это, заявил, что США обладают средствами, позволяющими уничтожить нас дважды, а СССР может уничтожить Америку единожды, но тоже уничтожить. Так

что второго раза не потребуется. Разумным людям дико восторгаться тем, что они имеют возможность уничтожить кого-то дважды. Для тех, кто погибнет в схватке, утешения не будет ни той, ни другой стороне. Каков же вывод? Разумный вывод один: обеспечить мирное сосуществование и предоставить возможность всем народам устраивать свою жизнь по собственному усмотрению».

Несомненно, Хрущев хвалил Кеннеди для того, чтобы подчеркнуть, что ему удалось одержать победу над сильным и умным противником. Ведь он все еще пытался доказать окружающим и всему миру, что разрешение Карибского кризиса является его бесспорной победой. Хрущев упирал на то, что были даны американские гарантии ненападения на кастровскую Кубу и были впоследствии убраны американские ядерные ракеты. Однако в мире и в США победителем все же считали Джона Кеннеди. Во-первых, о предстоящем выводе ракет из Турции и Италии никто не знал, а те немногие, кто знал, вообще не считали этот шаг за уступку, потому что Кеннеди и без всякого Карибского кризиса собирался убрать эти ракеты как неэффективные и устаревшие, предпочитая вместо них иметь ракеты «поларис» на подводных лодках в Средиземном море. Во-вторых, обратное путешествие советских ракет и боеголовок через Атлантический океан на родину само по себе выглядело весьма унизительным для Москвы. Некоторые американские публицисты сравнивали победу Кеннеди в Карибском кризисе с победой северян в сражении под Геттисбергом 1–3 июля 1863 года, ставшим переломным в гражданской войне. Говорили, что победа Кеннеди создала перелом в холодной войне. Он впервые показал, что Советский Союз можно заставить отступить, не только не применяя ядерное оружие, но обойдясь даже без использования обычных вооружений.

1 ноября 1962 года в Гавану вылетел член Президиума ЦК, первый заместитель председателя Совета Министров СССР А.И. Микоян. Ему предстояло убедить Кастро согласиться на тот вариант урегулирования Карибского кризиса, о котором договорились Хрущев и Кеннеди. По дороге Микоян остановился в Нью-Йорке, где имел беседы со Стивенсоном и У Таном. Ему удалось убедить Кастро, что предложенный вариант урегулирования кризиса – единственно возможный. В течение первой половины ноября переговоры об окончательном урегулировании Карибского кризиса вели Д. Макклой и первый заместитель министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецов. Поскольку в соглашении говорилось не о ракетах средней дальности, а о «наступательном оружии», то американская

сторона пыталась подвести под него и зенитные ракеты, что вызвало возражения советской стороны.

16 ноября Кеннеди высказался в пользу того, чтобы американские обещания не нападать на Кубу и удерживать от этого другие страны Западного полушария, а также прекратить военно-морскую блокаду острова, были официально оформлены. 20 ноября президент на пресс-конференции объявил о прекращении «карантина». 21 ноября было отменено состояние повышенной боевой готовности в советских ракетных войсках стратегического назначения и в стратегической авиации.

По поводу подготовки текстов согласованных заявлений СССР и США в ООН, которые как бы подводили итог выполнению взаимных обязательств в связи с Карибским кризисом, возникли разногласия насчет пунктов о проверке. В конце концов была достигнута договоренность, что урегулирование кризиса будет оформлено в виде деклараций трех сторон – СССР, Кубы и США, представленных на одобрение Совету Безопасности. Американская сторона настаивала, чтобы декларации не требовали одобрения Советом Безопасности, а были лишь зарегистрированы в ООН, советская же настаивала на одобрении.

20 ноября, после вывода ракет, Кеннеди отменил морскую блокаду Кубы. Вывод советских войск и вооружений с Кубы был завершен 12 декабря 1962 года.

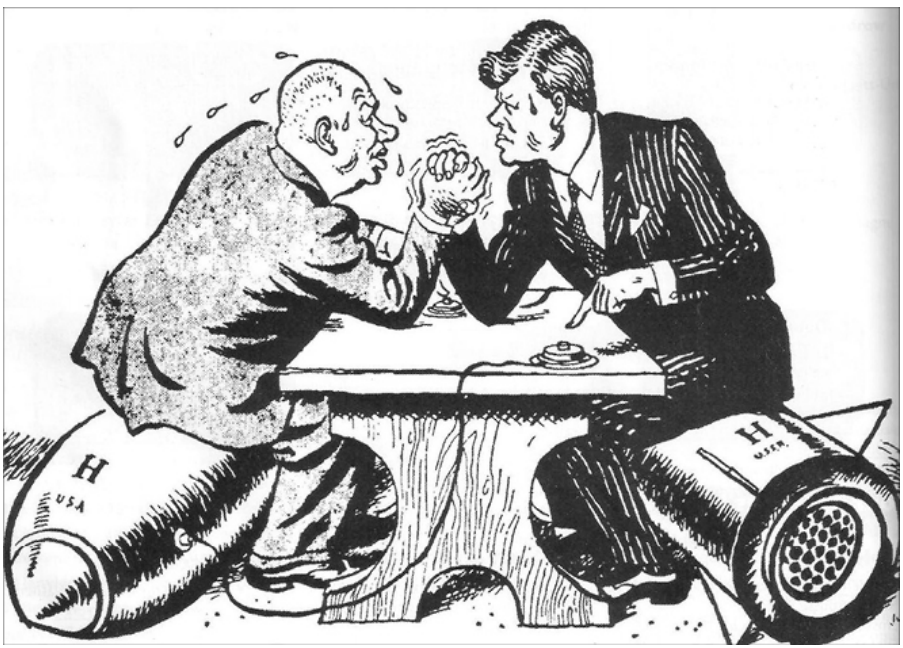
По признанию бывших сотрудников Кеннеди, в том числе Р. Макнамары, американское правительство в октябре 1962 года не имело достоверных данных, имеются ли на Кубе ядерные боеприпасы. Ф. Кастро в 1992 году утверждал, что он знал о наличии на острове таких боеприпасов, просил Хрущева нанести ядерный удар с Кубы по США и понимал, что в результате американского ответного удара от Кубы ничего не останется.

7 января 1963 года В.В. Кузнецов и Э. Стивенсон обратились с совместным письмом к Генеральному секретарю ООН У Тану. Они признали, что сторонам «не удалось разрешить все проблемы», связанные с Карибским кризисом, но «достигнутая степень согласия между ними по урегулированию кризиса» делает излишним оставление данной проблемы в повестке дня Совета Безопасности ООН. При этом «правительства Соединенных Штатов Америки и Советского Союза выражают надежду, что предпринятые в связи с кризисом действия по предотвращению угрозы войны приведут к разрешению других разногласий между ними и к общему ослаблению напряженности, которая могла бы быть причиной сохранения угрозы войны».

На пресс-конференции 7 февраля 1963 года Кеннеди, обосновывая необходимость мер контроля по выполнению

советских и американских обязательств, признал, что его администрация ежемесячно получает сотни сообщений о положении в районе Кубы, которые не соответствуют действительности. Он заявил: «Мы не можем основывать решение вопросов войны и мира, исходя из слухов или сообщений, не относящихся к существу дела». При этом Кеннеди особо подчеркнул, что он не верит, что СССР хочет «большой войны».

После Карибского кризиса Хрущев и Кеннеди договорились об установлении прямой (т. н. «красной линии») телефонной связи между лидерами СССР и США на случай возникновения чрезвычайных обстоятельств. Для контроля исправности этой линии по ней круглосуточно зачитываются произведения литературных классиков.



Английская карикатура времен Карибского кризиса

В апреле 1963 года Кеннеди убрал из Турции и Италии ракеты «Юпитер», нацеленные на Советский Союз. По словам Хрущева, американский президент дал честное слово, что эти ракеты выведет, но категорически отказался подписывать какие-либо обязательства на этот счет. Правда, Никита Сергеевич признал, что Кеннеди сделал это «главным образом потому, что ракеты, которые стояли в Турции и Италии, устарели. Если бы не произошло Карибского кризиса, США все равно бы увезли оттуда ракеты, потому что к тому времени отпала необходимость иметь такие ракеты в данных точках земного шара. США уже имели

тогда достаточное количество межконтинентальных ракет, которые стояли на собственной территории. Там они лучше охраняются, имеют лучше оборудованные позиции и лучше замаскированы. Их команды тоже находятся дома. Все это дает большие гарантии. Во-вторых, появились атомные подлодки, вооруженные ракетно-ядерным оружием, то есть подвижные установки. В Средиземном море находится 6-й флот США, там курсируют их подлодки, как и в других морях и океанах. Зачем же держать ракеты на чужой территории, когда есть своя команда и свой подвижной старт?».

Тем самым Хрущев бросил камень в собственный огород. Для чего, спрашивается, надо было затевать из-за ракет в Турции весь сыр-бор с Карибским кризисом, если эти ракеты устарели и для США большой ценности не представляли.

После Карибского кризиса авторитет Кеннеди в Америке и в мире значительно вырос. Теперь президент исходил из принципиальной недопустимости термоядерной войны как средства решения международных споров. Кеннеди стремился к улучшению отношений с Советским Союзом, не поступаясь американскими интересами и принципами, но в то же время стараясь избегать действий, которые могут спровоцировать кризис, подобный Карибскому. По свидетельству Соренсена, «теперь Кеннеди был готов к переговорам, чтобы, по выражению Дина Раска, применить уроки третьей мировой войны до ее начала, ибо было бы слишком поздно применять их после». В предисловии к книге Соренсена «Процесс принятия решений в Белом доме», изданной в 1963 году, президент Кеннеди отметил: «Каждый президент должен примириться с тем, что существует разрыв между желаемым и возможным». Он считал, что в ходе Карибского кризиса достиг возможного, хотя и вынужден был отказаться от желаемого свержения правительства Кастро.

Несомненно, размещение советских ракет средней дальности с атомными боеголовками на Кубе представляло собой непосредственный вызов США и смертельную угрозу для их национальной безопасности. Поэтому американский президент в данном случае действовал гораздо более жестко, чем в период берлинского кризиса. Но Кеннеди отклонил как бомбардировку ракетных позиций, так и вторжение на остров. Вместо этого он решился на «мягкий» вариант «карантина» Кубы посредством американских морских соединений. Несмотря на чрезвычайную напряженность, между Кеннеди и Хрущевым никогда не обрывалась нить переговоров. Президент облегчил своему визави переход на примирительную позицию, обещав, что в случае

отвода ракет США не будут больше нападать на Кубу в военном плане. (Позже, однако, Кеннеди уполномочил секретные службы продолжать дестабилизировать режим Кастро, хотя и прекратил помощь антикастровским партизанам.)

Во время Карибского кризиса Кеннеди был вполне осведомлен об американском превосходстве в ракетно-ядерных вооружениях. Он понимал, что даже в случае широкомасштабной высадки американских войск на Кубе и атаки ракетами и с воздуха советских ракетных позиций на острове Хрущев совсем не обязательно начнет мировую термоядерную войну. Ведь Кеннеди знал, что во многом советский лидер блефовал, рассчитывая с помощью угрозы такой войны получить уступки с американской стороны. Если бы Никите Сергеевичу все же пришлось на практике принимать решение о начале термоядерной войны, он бы мог и не решиться этого сделать, поскольку понимал, что американский ответный удар грозит гибелью десяткам миллионов людей, и в том числе ему самому. Хрущев, один из самых кровавых членов сталинского Политбюро, хладнокровно отправивший на смерть многие десятки, если не сотни тысяч невинных людей, к гибели миллионов был бы, возможно, достаточно равнодушен. Но угроза потерять его собственную драгоценную жизнь советского вождя, несомненно, волновала. Здесь было его коренное отличие от Джона Кеннеди, который за всю свою жизнь, в том числе и на войне, не убил ни одного человека, зато с риском для жизни спасал членов экипажа своего торпедного катера. Поэтому американский президент со всей серьезностью относился и к возможности катастрофического развития событий, если в ответ на нападение на Кубу советский лидер ответит глобальной термоядерной войной. И Хрущев, по крайней мере в мемуарах, утверждал, что собирался ответить именно так. А при таком сценарии, как полагал Кеннеди, Советский Союз, несомненно, потерпит поражение, настоящих победителей в такой войне не будет. Конечно, американские МБР и стратегические бомбардировщики, достигнув советской территории, произведут на ней катастрофические разрушения, которые приведут к гибели десятков миллионов человек. Однако все советские стратегические носители не могут быть уничтожены. Даже если ракеты с Кубы и не смогут поразить американскую территорию, хотя бы часть советских МБР и стратегических бомбардировщиков ее наверняка достигнет и нанесет громадные разрушения городов, что приведет к гибели миллионов американцев. Кроме того, Хрущев наверняка использует ядерное оружие в Европе, что приведет к разрушению крупнейших городов Западной Европы, а в результате ответных

ударов будут разрушены и восточноевропейские города. И тогда перед США даже в случае победы откроются весьма мрачные перспективы. Те потери, которые могла понести Америка в случае советского термоядерного удара, были бы явно неприемлемы для американского общественного мнения. Кеннеди вошел бы в историю как президент, не сумевший предотвратить ядерные удары по территории Соединенных Штатов. В то же время ему пришлось бы заниматься восстановлением как Западной, так и Восточной Европы. Старый Свет оказался бы еще в худшем положении, чем он был в конце Второй мировой войны, и все прежние американские усилия по его возрождению пошли бы прахом. Потребовались бы новые затраты, многократно превышавшие затраты по реализации плана Маршалла. Советский Союз был бы повержен, но у Америки все равно не было сил и средств для его оккупации и последующего возрождения. Поэтому в СССР вполне могло сохраниться враждебное США правительство, которое в союзе с не затронутым войной коммунистическим Китаем по-прежнему представляло бы угрозу американским интересам. Платить столь большую цену за столь сомнительную в геополитическом плане победу Кеннеди не хотел и поэтому согласился на компромиссное урегулирование Карибского ракетного кризиса.

Западная общественность праздновала исход конфликта как личный триумф президента. Сам же Кеннеди смотрел на вещи намного трезвее, после того как заглянул в «ядерную бездну». Он пришел к убеждению, что советское правительство разделяет его интерес в ограничении гонки вооружения и что он с Хрущевым, с которым теперь можно было прямо связаться по «красному телефону», должен сообща работать над этой целью. Это были первые ростки «политики разрядки», мотивы и цели которой он подробнее изложил в программной речи в Американском университете 10 июня 1963 года.

Над этой речью, посвященной миру во всем мире, Кеннеди начал работать еще весной. Над текстом, кроме президента, трудились Соренсен, Шлессинджер и М. Банди. Кеннеди заявил: «Я говорю о мире потому, что у войны появилось новое лицо. Тотальная война не имеет никакого смысла в век, когда великие державы могут содержать крупные и относительно неуязвимые ядерные силы и отказываться от капитуляции без применения этих сил. Она не имеет никакого смысла в век, когда одна единица ядерного оружия содержит в себе взрывную мощь, чуть ли не в десять раз превосходящую ту мощь, которая была применена всеми военно-воздушными силами союзников во Второй мировой войне. Она не имеет никакого смысла в век,

когда смертоносные яды, которые образуются во время обмена ядерными ударами, могут быть доставлены ветром, водой, через почву и семена в самые дальние уголки планеты и поразить еще не родившиеся поколения.

Сегодня ежегодные затраты миллиардов долларов на оружие, приобретаемое для того, чтобы обеспечить уверенность, что мы никогда не будем им пользоваться, крайне необходимы для сохранения мира. Но приобретение таких лежащих втуне запасов оружия, которое пригодно лишь для разрушения, но не для созидания, не является единственным и тем более наиболее эффективным средством обеспечения мира. Поэтому я говорю о мире как о необходимой рациональной цели рационально мыслящего человека. Я отдаю себе отчет в том, что достижение мира потрясает воображение в меньшей степени, чем стремление к войне, и часто к словам человека, добивающегося мира, люди абсолютно не прислушиваются. Но перед нами не стоит более важной задачи.

Некоторые утверждают, что бесполезно говорить о мире во всем мире, о мировом праве или о мировом разоружении и что это не принесет пользы, пока лидеры Советского Союза не займут более разумную позицию. Я надеюсь, что они это сделают. Я считаю, что мы можем им помочь сделать это. Но я также считаю, что мы – и как индивиды, и как нация – должны пересмотреть нашу собственную позицию, так как наша позиция столь же важна, как и их позиция. И каждый выпускник этого университета, каждый мыслящий гражданин, обеспокоенный опасностью войны и желающий добиться мира, должен заглянуть себе в душу и проверить свое собственное отношение к возможностям достижения мира, к Советскому Союзу, к ходу холодной войны и к свободе и миру в нашей собственной стране…

Давайте пересмотрим наше отношение к Советскому Союзу. Бессмысленно считать, что его лидеры могут действительно верить в то, что пишут их пропагандисты. Если прочитать недавно опубликованный авторитетный советский текст, касающийся военной стратегии, то на его страницах можно найти невероятные и абсолютно беспочвенные заявления, подобные утверждению, что «американские империалистические круги готовятся развязать различные виды войны… что существует реальная опасность превентивной войны, которая развязывается американскими империалистами против Советского Союза… и что политические цели американских империалистов заключаются в том, чтобы экономически и политически

поработить европейские и другие капиталистические страны… и добиться мирового господства… с помощью агрессивных войн».

Поистине, как писали уже давно: «Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним!» И тем не менее печально читать эти советские заявления и осознавать масштабы пропасти, лежащей между нами. Но это предупреждение – предупреждение американскому народу, чтобы он не попал в ту же западню, что и советский, чтобы он не видел лишь искаженный образ другой стороны, не считал конфликты неизбежными, договоренности – невозможными, а переговоры – всего лишь обменом угрозами.

Ни одно правительство, ни одна общественная система не являются столь зловещими, чтобы считать народ лишенным достоинств. Мы, американцы, считаем коммунизм глубоко отвратительным как систему, отрицающую личную свободу и самоуважение. Но мы можем по-прежнему уважать русский народ за его многочисленные достижения в науке и космосе, в экономическом и индустриальном развитии, в культуре, а также за его отважные подвиги.

Среди многих сходных черт, которыми обладают народы наших двух стран, нет более ярко выраженной, чем наше обоюдное отвращение к войне. Практически исключением в отношениях между крупными мировыми державами является тот факт, что мы никогда не воевали друг с другом. И никакое другое государство в истории войн не несло таких потерь, какие понес Советский Союз в ходе Второй мировой войны. Было потеряно по меньшей мере 20 миллионов жизней. Были сожжены или разграблены бесчисленные миллионы домов и ферм. В пустыню была превращена треть национальной территории, включая почти две трети промышленной базы – ущерб, соизмеримый с разрушением территории нашей страны к востоку от Чикаго.

Сегодня, в случае начала по той или иной причине новой тотальной войны, обе наши страны станут главными целями. Звучит иронией, но это абсолютно точный факт, что двум самым могущественным державам грозит самая серьезная опасность разрушения. Все, что мы построили, все, ради чего мы работали, будет уничтожено в первые 24 часа. И даже в условиях холодной войны, приносящей тяготы и угрозы столь большому числу стран, включая самых близких союзников нашего государства, на долю наших двух стран выпадают самые серьезные тяготы. Это происходит потому, что обе наши страны расходуют на вооружения огромные суммы денег, которые с большей пользой могли бы быть потрачены на борьбу с невежеством, бедностью и болезнями. Наши страны оказались в порочном и опасном круге, где подозрительность одной стороны вызывает подозрительность

другой, а новое оружие вызывает необходимость создания контроружия…

Мы можем стремиться к ослаблению напряженности, не ослабляя нашей бдительности. И нам не надо прибегать к угрозам для доказательства нашей решительности. Нам не надо глушить иностранные радиопередачи из боязни, что наша вера окажется подорванной. Мы не хотим навязать нашу систему людям, которые этого не хотят, но мы готовы и можем вступить в мирное соревнование с любым народом на Земле».

Кеннеди также призвал избегать «двойных стандартов», когда борьба за свободу за рубежом будет уживаться с несвободой внутри Соединенных Штатов: «Жизнь нашего собственного общества должна оправдывать и поддерживать наши усилия за пределами страны. Мы должны показывать всем, чему мы посвящаем нашу собственную жизнь, поскольку многие из вас, сегодняшних выпускников, получат уникальную возможность поступать должным образом, служа без вознаграждения в Корпусе мира за рубежом или в планируемом Национальном корпусе мира здесь, дома.

Но где бы мы ни были, мы все должны в нашей повседневной жизни оправдывать своими делами вековечную веру в то, что мир и свобода идут рука об руку. Сегодня в слишком большом числе наших городов мир ненадежен потому, что свобода несовершенна».

Дж. Ф. Кеннеди во время одного из своих выступлений перед американцами

Американский президент также говорил о взаимосвязи американских национальных интересов и интересов всего человечества: «По мере того как мы продолжаем охранять наши национальные интересы, давайте также охранять интересы человечества. Ликвидация войн и вооружений вполне определенно соответствует и тому и другому. Ни один договор, каким бы полезным он ни был для всех, как бы тщательно он ни был сформулирован, не может гарантировать абсолютной безопасности от обмана и уклонения от выполнения обязательств. Но он может, при условии достаточно эффективного контроля за его выполнением и приемлемого для подписавших его государств соответствия их интересам, обеспечить гораздо большую безопасность и намного меньший риск гибели, чем ничем не сдерживаемая, неконтролируемая, непредсказуемая гонка вооружений.

Весь мир знает, что Соединенные Штаты никогда не начнут войны».

Кеннеди провозгласил: «Самым главным является то, что мы все живем на этой маленькой планете. Мы все дышим одним и тем же воздухом. Мы все заботимся о будущем наших детей. И мы все смертны». Словно предчувствовал близкую гибель.

В дальнейшем, как мы знаем, Советский Союз достиг формального паритета с США по числу стратегических носителей и термоядерных боеголовок. Это было связано с тем, что преемники Кеннеди, как и он сам, полагавшие, что нет смысла в количественном наращивании ракетно-ядерного потенциала, если его достигнутого уровня уже хватает для многократного уничтожения потенциального противника, значительно замедлили во второй половине 60-х годов количественный рост числа ракет и боеголовок, занимаясь главным образом их качественным совершенствованием.

Некоторые американские эксперты полагали, что в случае, если бы в результате Карибского кризиса возникла советско-американская термоядерная война, то она привела бы к гибели 100 миллионов американцев, 150 миллионов жителей СССР, а также десятков миллионов европейцев. Возможно, число жертв в этих оценках было преувеличено в алармистских целях, но несомненно, что такая война вызвала бы многие миллионы жертв и стала бы невиданной в истории Земли катастрофой с непредсказуемыми последствиями.

Летом 1963 года по инициативе Кеннеди правительство США соглашается с предложением Хрущева договориться о прекращении ядерных испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой. После того, как США смогли

урегулировать «с позиции силы» Карибский кризис, президент больше не опасался, что заключение соглашение с СССР по ограничению гонки ядерных вооружений может быть истолковано в мире как проявление американской слабости. В то же время Хрущеву после падения советского престижа в результате Карибского кризиса нужен был хоть какой-нибудь успех в деле разоружения.

С 15 по 25 июля 1963 года между представителями СССР, США и Англии были проведены переговоры и согласован текст бессрочного Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах, подписанный в Москве 5 августа 1963 года. Франция к договору так и не присоединилась. Сенат США 80 голосами против 19 ратифицировал Московский договор, несмотря на оппозицию его ратификации со стороны «отца американской водородной бомбы» Эдварда Теллера, видевшего в Московском договоре угрозу безопасности США. Он вступил в силу 10 октября 1963 года. Сейчас в Московском договоре участвует 131 государство.

Вскоре СССР и США договорились «не размещать в космическом пространстве любые объекты с ядерным оружием или другими видами оружия массового уничтожения». 17 октября 1963 года это соглашение было одобрено Генеральной Ассамблеей ООН.

А через два дня, 19 октября, Кеннеди выступил с речью перед американскими студентами. Он заявил: «Американский орел, изображенный на президентской печати, зажал в своих когтях как оливковую ветвь мира, так и стрелы, символизирующие военное могущество. На потолке моего кабинета, построенного много лет назад, этот орел обратил свой взор на стрелы войны слева от него. Однако на более новом ковре, отражающем перемену, начало которой положил Рузвельт… этот орел уже смотрит в сторону оливковой ветви мира…»

В октябре 1963 года Кеннеди одобрил продажу Советскому Союзу зерна на сумму в 250 миллионов долларов, что помогло Хрущеву справиться с последствиями серьезного неурожая и избежать голода.

Правда, 27 октября Д. Раск, выступая во Франкфурте-на-Майне, предупредил, что договоры в сфере ядерных вооружений, достигнутые с Советским Союзом, еще не ведут к разрядке напряженности, тогда как подлинная разрядка недостижима без успехов в деле урегулирования таких сложных конфликтов и политических проблем, как Западный Берлин, раскол Германии, Вьетнам, Лаос, Куба и др.

Ричард Никсон, еще не зная, что ему самому предстоит стать автором советско-американского детанта, обрушился на Московский договор, назвав его началом «самого опасного периода холодной войны за все восемнадцать лет ее существования». Он призвал американцев не переизбирать Кеннеди, так как он «дает возможность коммунистам удержать то, что они имеют». А 7 ноября 1963 года Нельсон Рокфеллер в очередной раз призвал к освобождению порабощенных восточноевропейских стран.

Крайне правые в США резко критиковали Московский договор как проявление слабости. В ноябре 1963 года журнал антикоммунистического Общества Джона Берча «Американ опинион» призвал «избавить страну от Кеннеди и его соратников».

Вместе с тем Кеннеди внимательно следил за растущей напряженностью между Советским Союзом и Китаем. Он не исключал, что сможет склонить Москву к совместным действиям

против китайской программы атомного вооружения.

Наметившиеся в 1953 году признаки разрядки напряженности в советско-американских отношениях еще не являлись необратимыми. Развитие этого процесса зависело от возможностей урегулирования ряда локальных конфликтов и достижения компромиссов в некоторых важных регионах мира. При преемнике Кеннеди Линдоне Джонсоне эскалация вьетнамского, а затем и ближневосточного конфликта на несколько лет затормозила развитие процесса разрядки напряженности.

15
Вьетнамский капкан

Просматривая после вступления в должность президента досье по Индокитаю, Кеннеди увидел, что дела американцев и их союзников идут все хуже и хуже. Коммунистические партизаны, поддерживаемые Северным Вьетнамом и Китаем, брали под свой контроль все новые территории. Когда 19 января 1961 года, накануне инаугурации, Кеннеди встретился с Эйзенхауэром, уходящий президент сказал: «У коммунистических солдат мораль, наверное, всегда выше, чем у солдат, представляющих демократические силы. Вероятно, в коммунистической философии есть нечто такое, что внушает ее сторонникам вдохновение и преданность своему делу». Разгадка заключалась в том, что солдатам коммунистических армий, и не только в Индокитае, было нечего терять, и своих командиров, партийных функционеров и офицеров госбезопасности они боялись больше, чем неприятеля. Солдаты же противостоявших им армий были пронизаны «буржуазной» моралью. Им действительно было что терять. Что касается американских солдат, то они не так уж боялись своих командиров, твердо зная, например, что даже в боевой обстановке их не смогут расстрелять без суда и следствия.

США оказывали правительству президента Нго Динь Зьема значительную военную и экономическую помощь. В 1955–1960 годах ее объем составил 571,3 млн долларов. Однако социальная база авторитарного и коррумпированного режима Зьема все более сужалась. Практически единственной опорой президента Зьема оставалась община вьетнамских католиков, к которой он принадлежал. Но они составляли не более 15 % населения Южного Вьетнама.

Нго Динь Зьем

В конце 1960 года, перед самым приходом Кеннеди на пост президента, в Южном Вьетнаме при поддержке с Севера был создан Национальный фронт освобождения, который его противники называли Вьетконгом. Это привело к усилению партизанской войны.

При Кеннеди американское вмешательство во Вьетнаме перешло в новое качество. К концу 1960 года в Южном Вьетнаме было только 733 американских военных советника. В июне 1961 года в беседе с близким к нему журналистом Джеймсом Рестоном президент сказал, что намерен продемонстрировать американскую мощь во Вьетнаме. А вскоре сотрудник аппарата Совета национальной безопасности Роберт Комер составил меморандум с рекомендациями по усилению американской роли во Вьетнаме. Он писал: «Я полагаю, что для нынешней администрации чрезвычайно важным было бы достижение крупной победы в борьбе с коммунистическими силами, чтобы повысить ее авторитет примерно за полгода до того, как

берлинский кризис достигнет своей наибольшей остроты… Во Вьетнаме соотношение позитивных и негативных моментов в нашу пользу, поэтому здесь скорее, чем в Лаосе, можно достичь желаемых результатов».

20 апреля 1961 года, выступая перед Американским обществом книгоиздателей, Кеннеди сказал: «Суть того, что исходит от Кубы, от Лаоса, от все более слышимых коммунистических голосов в Азии и Латинской Америке, одинакова… Ни один другой вызов не стоит столь же значительных наших усилий и энергии». Тут же он сформулировал использовавшуюся еще Эйзенхауэром «теорию домино», согласно которой победа коммунизма в одной стране может вызвать падение антикоммунистических и проамериканских режимов и в ряде соседних стран, подобно тому, как падение одной костяшки домино вызывает падение всего ряд костяшек: «Наша безопасность может утрачиваться часть за частью, страна за страной… Мы намерены произвести переоценку и переориентацию всех наших ресурсов для борьбы, которая во многих отношениях является гораздо более сложной, чем война… И я уверен, что мы в свободном мире обладаем необходимыми ресурсами и умением».

В 1961 году, чтобы предотвратить захват Южного Вьетнама коммунистами, Кеннеди отправил туда первые регулярные подразделения вооруженных сил США (при Эйзенхауэре там были только военные советники). Еще в середине апреля 1961 года Кеннеди дал указание заместителю министра обороны Р. Гилпатрику разработать чрезвычайную программу «спасения Южного Вьетнама». 1 мая такая программа была подготовлена. Она предусматривала широкий набор военных, экономических, пропагандистских акций и разведывательно-диверсионных операций против коммунистов. Этот меморандум был одобрен Кеннеди. Он еще не предусматривал прямого американского военного вмешательства. Но отказ от вмешательства на столь ранней стадии не был бы принят американской общественностью и неизбежно был бы расценен как капитуляция перед коммунизмом.

Заместитель заместителя госсекретаря Боулса Алексис Джонсон представил план ограниченного участия США в войне во Вьетнаме. Он предлагал направить в Южный Вьетнам 20–25 тыс. человек военного персонала из стран СЕАТО (Организации договора Юго-Восточной Азии).

В середине июня 1961 года в Южный Вьетнам был направлен директор калифорнийского Стэнфордского исследовательского института Юджин Стэнли, который должен был оценить объем

необходимой военно-экономической помощи правительству Нго Динь Зьема. По возвращении Стэнли предложил два варианта численности армии Южного Вьетнама – 200 тыс. или 270 тыс. человек. Кеннеди для начала остановился на 200 тысячах. Против расширения американского военного присутствия во Вьетнаме и за распространение на Южный Вьетнам тех же принципов, что были использованы в Лаосе (создание коалиционного правительства и нейтралитет) выступал заместитель госсекретаря Честер Боулс. Но Кеннеди не прислушался к его советам, и уже в ноябре 1961 года Боулс лишился своего поста. Замечу, что предложения Боулса на практике бы привели к достаточно быстрому переходу Южного Вьетнама, равно как и Лаоса и Камбоджи, под коммунистический контроль. Антикоммунистические силы в регионе были сравнительно слабы и разрозненны и в отсутствие американской поддержки не могли противостоять коммунистам, которые бы рассматривали коалиционные правительства лишь как переходный этап к установлению своего полного господства. Коммунистические партизаны Южного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи получали неограниченную помощь из Северного Вьетнама, а тот, в свою очередь, получал весьма значительную помощь из Китая и Советского Союза. В то же время столь ранний уход Америки из Индокитая значительно уменьшил бы жертвы войны как среди народов Индокитая, так и среди американцев.

Честер Боулс

В октябре 1961 года Кеннеди направляет в Южный Вьетнам в качестве своего специального представителя генерала Максуэлла Тэйлора с группой военных и гражданских советников, чтобы оценить эффективность использования там американских средств. По дороге во Вьетнам делегация Тэйлора встретилась с главнокомандующим американскими силами на Тихом океане адмиралом Гарри Фелтом, который подчеркнул, что положение в Южном Вьетнаме весьма серьезное, и рекомендовал предпринять самые энергичные меры для его исправления. Для строительства военных объектов на южновьетнамской территории адмирал советовал использовать американские саперные части, а для борьбы с партизанами шире применять вертолеты. Однако Фелт был против использования боевых частей армии США в борьбе с партизанами. Напротив, исполняющий обязанности заместителя министра обороны по вопросам международной безопасности Уильям Банди считал, что настал благоприятный момент, чтобы с помощью американских войск раздавить Вьетконг.

Тэйлор со своими людьми провел во Вьетнаме две недели. На обратном пути еще с Филиппин он послал телеграмму с предварительными выводами. Тэйлор рекомендовал послать американские войска специального назначения для помощи южновьетнамской правительственной армии и проведения разведывательно-диверсионных операций против вьетконговцев. Для начала генерал рекомендовал направить 8 тыс. солдат и офицеров для охраны баз. В составленной по возвращении в Соединенные Штаты докладной записке Тэйлор пришел к выводу, что в недалеком будущем американской авиации придется бомбить территорию Северного Вьетнама (Демократической Республики Вьетнам). Но в то же время он считал, что «США должны быть ограниченным партнером в этой войне».

В специальном приложении к докладу Тэйлора сопровождавшие его сотрудники Госдепартамента У. Джорден и С. Коттрел, отмечая коррумпированность и непопулярность режима Нго Динь Зьема, делали вывод о необходимости начать широкомасштабные бомбардировки Северного Вьетнама, чтобы лишить Вьетконг поставок вооружений.

В мае 1961 года Кеннеди послал вице-президента Джонсона с визитом в страны Юго-Восточной Азии, а также на Тайвань, в Индию и Пакистан. В Южном Вьетнаме Джонсон обещал, помимо военной, оказать финансовую и техническую помощь в стабилизации южновьетнамского пиастра, а также в развитии образования, здравоохранения, сельского хозяйства, транспортной инфраструктуры и промышленности. Однако в условиях не прекращавшихся по всей стране боевых действий большинство этих планов осталось на бумаге.

Макнамара и его советники считали, что 8 тыс. американских солдат для Южного Вьетнама будет совершенно недостаточно. Они будут заниматься практически только тем, что защищать себя от партизан Вьетконга и северовьетнамских войск. Макнамара предложил послать во Вьетнам сразу шесть американских дивизий численностью около 100 тыс. человек. Но к столь широкомасштабной интервенции не был еще морально готов Кеннеди, поддержанный в данном вопросе Раском. В итоге Макнамара и Раск написали совместный меморандум, где предлагали увеличить помощь Нго Динь Зьему, но воздержаться от посылки американских войск. В меморандуме осторожно говорилось, что боевые части могут быть направлены, «если они потребуются для достижения успеха» в борьбе с партизанами. Макнамара и Раск настаивали, что «Соединенные Штаты должны взять четкое обязательство воспрепятствовать переходу Южного

Вьетнама в руки коммунистов», поскольку такое развитие событий позволит коммунистам завоевать весь Индокитай и приведет к катастрофическому падению престижа США в мире.

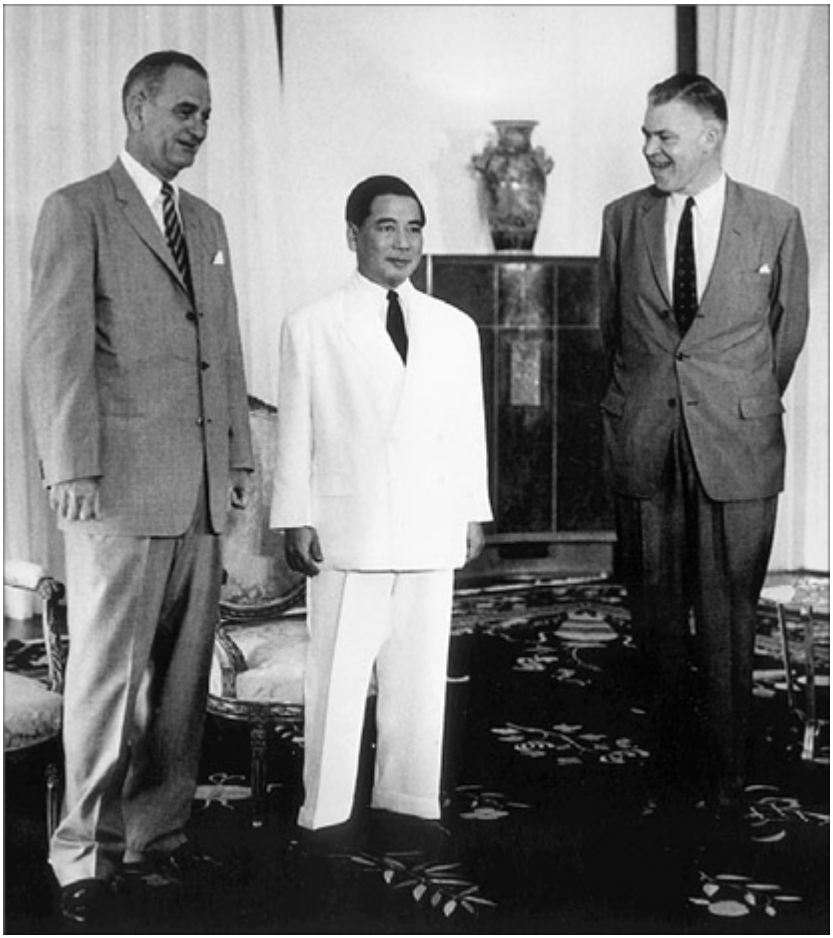
Однако Кеннеди выступил против расширения американских обязательств по отношению к Южному Вьетнаму, хотя конкретные предложения о расширении помощи он одобрил. Соответствующие указания правительственным органам были даны в конце ноября 1961 года.

К концу 1961 года в Южном Вьетнаме было уже 3,2 тыс. американских военнослужащих, а год спустя – уже 11,3 тыс. Теперь американских советников сводили в «батальонные группы», что не исключало их боевого применения при определенных условиях. В конце 1962 года в Сайгоне было создано «Командование по оказанию военной помощи во Вьетнаме». Его возглавил четырехзвездный генерал Пол Харкинс. В Вашингтоне появилась «Специальная группа по контрпартизанской борьбе», основным объектом деятельности которой стал Южный Вьетнам.

Пол Д. Харкинс

В январе 1963 года южновьетнамская дивизия, подготовленная американскими советниками, потерпела тяжелое поражение от отрядов партизан, значительно уступавших ей по численности. Посол в Южном Вьетнаме Ф. Нолтинг и военные советники на местах оценивали ситуацию весьма пессимистически. Кеннеди считал, что необходимо усилить участие во Вьетнаме американских «зеленых беретов» параллельно с политической кампанией «завоевания умов и сердец» жителей Южного Вьетнама. При этом и сам президент, и его советники все больше склонялись к мысли, что необходима замена слишком непопулярного правительства Нго Динь Зьема. В Пентагоне, в отличие от Госдепартамента, имелась значительная оппозиция использованию «зеленых беретов». Генералы считали, что одних специальных сил будет явно недостаточно, и что против Вьетконга надо массированно применить значительные силы армии, авиации и морской пехоты.

В середине 1963 года американские представители в Сайгоне сообщали о том, что положение приближается к критическому. Посол Нолтинг, добиваясь смены режима Зьема, подал в отставку. 21 августа 1963 года Кеннеди созвал чрезвычайное совещание по вьетнамской проблеме. На нем было принято решение больше не поддерживать существующее правительство Южного Вьетнама. 23 августа государственный департамент опубликовал заявление о том, что «правительство Южного Вьетнама нарушило свои заверения о том, что оно проводит политику примирения с буддистами, и что США порицают репрессивные меры подобного типа». Кеннеди направил Зьему личное послание, в котором предупредил, что диктатор быстро теряет поддержку населения. Американский президент потребовал от Зьема «гибкой внутренней политики» и прекращения репрессий против буддистов, пригрозив в противном случае прекратить оказание помощи. Вскоре в Сайгон прибыл новый американский посол Генри Кэбот Лодж-младший. Он в своих телеграммах настаивал на замене режима Зьема. Об этом же писал новый резидент ЦРУ, в отличие от прежнего, не имевший тесных связей с диктатором, а также военные и гражданские советники.



Вице-президент Линдон Б. Джонсон во Дворце независимости, Сайгон, с президентом Южного Вьетнама Нго Динь Зьемом и послом США Фредериком Нолтингом. 12 мая 1961 г.

Южный Вьетнам, где действовали в 1961 году 15 000 поддерживаемых Северным Вьетнамом и Китаем вьетконговских партизан, был стратегическим ключом ко всей Юго-Восточной Азии. Прямое военное вторжение, которого, среди прочих, требовали генерал Тейлор и Ростоу, он, однако, отклонил. Более того, борьба должна была вестись, согласно разработанной доктрине «скрытой войны», сочетанием военных, экономических и психологических мероприятий. Цель состояла в том, чтобы завоевать «сердца» и чувства южновьетнамского населения и тем самым ослабить симпатии к партизанам в этой стране. После первоначальных успехов в июле 1962 года по предложению Макнамары было решено постепенно с 1965 года вернуть домой около 6 тыс. американских военных советников.

С 1963 года, однако, положение ухудшилось, и к концу года число военных советников США в Южном Вьетнаме возросло уже до 16 тыс. Но еще 2 сентября 1963 года Кеннеди заявил, что это война вьетнамского народа и в последней инстанции вьетнамцы сами должны ее выиграть или проиграть: «Мы можем помогать им, мы можем предоставлять им снаряжение, мы можем посылать туда своих людей в качестве военных советников, но выиграть войну они должны сами». Тут содержалась в зародыше политика «вьетнамизации» войны, которую позднее пыталась проводить администрация президента Ричарда Никсона.

В августе 1963 года американскому послу в Южном Вьетнаме Г. Лоджу была послана телеграмма за подписью заместителя госсекретаря Дж. Бола. Она предписывала всячески содействовать будущему военному перевороту. При этом тогдашний командующий американскими войсками в Южном Вьетнаме П. Харкинс не был извещен о том, что Зьем доживает последние месяцы, и вполне искренне уверял диктатора, что США его по-прежнему поддерживают.

Группировка южновьетнамских военных во главе с генералом Зыонг Ван Минем с одобрения Вашингтона осуществила переворот. События начались 1 ноября 1963 года. Зьем немедленно связался с Лоджем. Посол сообщил, что ничего не знает о происходящем, и выразил беспокойство по поводу личной безопасности диктатора. Возможно, Кеннеди бы предпочел, чтобы Нго Динь Зьему и его семье дали возможность эмигрировать в США. Но лидеры военного переворота, опасаясь, что настроения в Вашингтоне могут перемениться и верх возьмут силы, поддерживающие Зьема, решили иначе. Нго Динь Зьем и его брат Нго Ну Зьем, возглавлявший ненавидимую населением Вьетнама службу безопасности, были убиты. В это время в Вашингтоне находилась жена Нго Динь Зьема. Узнав об убийстве мужа, она в сердцах воскликнула: «Если у вас такие союзники, как правительство Кеннеди, вам не нужно врагов».

Зыонг Ван Минь

В Южном Вьетнаме было создано смешанное военно-гражданское правительство. Генерал Минь оставался диктатором вплоть до января 1964 года. Из тюрем были выпущены многие буддисты, студенты и политические активисты, непосредственно не связанные с Вьетконгом. Новое правительство, как показали последующие события, тоже оказалось не слишком эффективным, но через 20 дней президент Кеннеди был убит в Далласе, и иметь дело с новыми южновьетнамскими властями пришлось уже администрации Линдона Джонсона. К концу 1963 года в Южном Вьетнаме насчитывалось 16,5 тыс. американских военных советников и бойцов спецподразделений.

Вскоре после свержения Зьема де Голль выступил с предложением о создании нейтрального и независимого Вьетнама во главе с коалиционным правительством. Это предложение сразу же отверг Раск, справедливо заявивший, что это будет равносильно тому, чтобы отдать Южный Вьетнам в руки коммунистов.

Президент Джонсон пошел по пути эскалации американского вмешательства во Вьетнаме. В августе 1964 года, после

Тонкинского инцидента, когда в Тонкинском заливе произошло вооруженное столкновение северовьетнамских торпедных катеров и американских эсминцев, начались американские бомбардировки Северного Вьетнама, а в Южный Вьетнам были введены американские войска. К концу 1965 года в Южном Вьетнаме насчитывалось 175 тыс. американских военнослужащих и еще 40 тыс. моряков на американских военных кораблях вблизи вьетнамского побережья.

Как бы Кеннеди реагировал на дальнейшее развитие событий во Вьетнаме, является наиболее спорным вопросом в исследованиях и публицистике. Если учесть его общую осторожность и установку на «скрытую войну», то предположение, что под руководством Кеннеди США не ввязались бы в обычную войну, нельзя отбросить, но однозначный ответ на этот вопрос мы не получим уже никогда. Некоторые критики уже после гибели президента упрекали Кеннеди в том, что он не пошел на применение во Вьетнаме тактического ядерного оружия. Вряд ли эта критика справедлива. Применять тактическое ядерное оружие против мобильных отрядов Вьетконга не имело смысла. Но и использование тактических ядерных зарядов против Северного Вьетнама не могло дать большого эффекта, так как стратегические объекты там были рассредоточены и в значительной мере укрыты под землей. Единственное, что можно было бы сделать с помощью тактического ядерного оружия, так это вывести из строя северовьетнамские порты, но это было достижимо и с помощью обычных бомб и ракет. В то же время СССР и Китай могли весьма жестко отреагировать на использование американцами тактического ядерного оружия и предпринять серьезные ответные меры, вплоть до нанесения удара по южновьетнамским портам и американским боевым кораблям у вьетнамского побережья с использованием тактического ядерного оружия. Кеннеди и его советники данный сценарий вполне просчитывали, и поэтому вопрос о применении во Вьетнвме ядерного оружия, как стратегического, так и тактического, всерьез никогда не обсуждался.

Существовали, однако, и доводы в пользу того, что Кеннеди, останься он в живых, пошел бы на дальнейшую эскалацию американского военного участия во Вьетнамской войне. В случае, если бы в предвыборную кампанию 1964 года успехи партизан грозили бы падением южновьетнамскому правительству, Кеннеди вряд ли бы действовал иначе, чем Джонсон, поскольку не мог переизбираться в качестве президента, потерявшего Южный Вьетнам.

Как известно, в 1975 году Вьетнамская война закончилась

полной победой коммунистов. В этой войне США потеряли убитыми, умершими и пропавшими без вести 58 220 человек. В плен попало около 800 американцев, в основном – пилотов самолетов, сбитых над территорией Северного Вьетнама. Из них в плену умерло более 100 человек. Также американские союзники (Южная Корея, Таиланд, Австралия, Новая Зеландия и Филиппины) потеряли около 4 тыс. убитыми и умершими. Союзная американцам армия Южного Вьетнама потеряла около 250 тыс. убитыми и умершими.

Доставка в США тел американских военных, погибших во Вьетнаме

Северный Вьетнам и Вьетконг понесли гораздо более серьезные потери. Согласно официальным вьетнамским данным, озвученным в 1995 году, потери вооруженных сил ДРВ и НФОЮВ составили 1,1 млн погибшими и умершими, а также около 600 тыс. ранеными. Такое соотношение убитых и раненых свидетельствует о том, что большинство вьетнамских раненых умирало на поле боя, что, кстати сказать, соответствует картине, которая наблюдалась в Красной Армии в Великой Отечественной войне. Кроме того, во вьетнамской войне погибло и умерло около 1 тыс. военнослужащих коммунистического Китая и, по официальным и, вероятно, заниженным российским данным, 16 советских военнослужащих. Число погибших мирных жителей Вьетнама точно неизвестно. В период 1954–1975 годов оно оценивается в 2 млн человек.

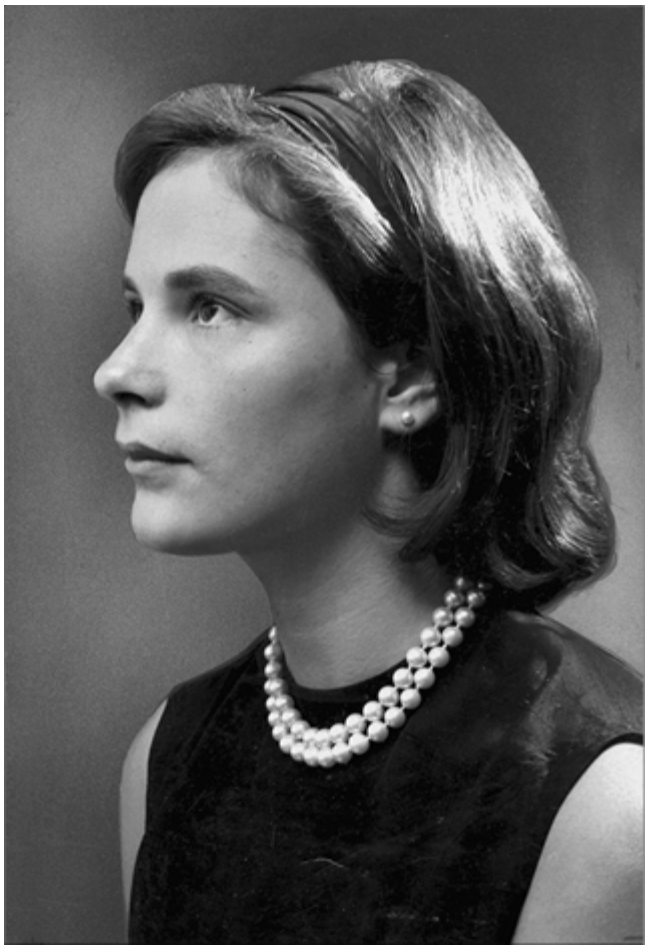
Победу во Вьетнаме коммунисты и их союзники одержали во многом благодаря тому, что готовы были бессчетно жертвовать жизнями своих солдат, тогда как американские президенты не могли столь безоглядно жертвовать жизнями американских граждан.

16
Личная жизнь

Интимная жизнь Джона Кеннеди была столь бурной, как ни у какого другого американского президента. Однако деньги и связи семейства Кеннеди, а также щедрое субсидирование авторов биографий президента Кеннеди, сопровождавшееся соответствующей цензурой текстов, равно как и фильмов, привели к тому, что ни при жизни Джона Кеннеди, ни в течение нескольких десятилетий после его гибели правда об амурных делах Джека так и не стала достоянием общественности. Только сравнительно недавно стали публиковаться признания многочисленных любовниц Кеннеди и материалы журналистских расследований на эту щекотливую тему.

Например, Мэрион «Мими» Файнсток (ранее носившая фамилию Элфорд, а в девичестве – Бердсли) сделала в мае 2003 года письменное заявление, где сообщила, что в период с июня 1962 года по ноябрь 1963 года она находилась в интимной связи с Кеннеди. Согласно воспоминаниям пресс-секретаря Кеннеди Барбары Гамарекян, президент имел связь с 19-летней стажеркой Белого дома и даже брал ее с собой в поездки по стране. По словам Гамарекян, эта стажерка по прозвищу «Мими» «не умела печатать. Она могла лишь отвечать на телефон и записывать, что ей говорили. Толку от нее было мало». В 2012 году она написала более подробные мемуары. Их с Кеннеди любовь началась летом 1962 года и продлилась 18 месяцев. Джек не только лишил Мими девственности, но и дал ей попробовать наркотики и заставлял заниматься сексом с другими политиками. Так, по крайней мере, утверждает Мэрион Файнсток в мемуарах. С Кеннеди они познакомились в бассейне, а первый секс имели в спальне жены американского президента. Тогда Мими было всего 19 лет, и по американским законам она считалась несовершеннолетней до достижения возраста 21 года. Файнсток утверждала, что не могла противостоять «самому известному и влиятельному человеку в Америке», когда он втащил ее в спальню и начал молча раздевать. Секс с Кеннеди Мими описывает как «забавный» и «разнообразный», в то же время отмечая, что Джек никогда не целовал ее в губы, а она все время называла его не иначе, как «господин президент», даже тогда, когда они были в постели. На одной вечеринке Кеннеди силой заставил свою юную любовницу попробовать наркотики. Он дал ей горсть желтых капсул, скорее всего тех, которые

называются «попперс» (наркотический препарат амилнитрит). Кеннеди утверждал, что «попперс» стимулирует работу сердца и повышает сексуальную активность. Когда Мими отказалась, президент сунул капсулу ей под нос. Сам Кеннеди тогда эти капсулы пить не стал. Девушка расплакалась и убежала, но эта ссора никак не повлияла на их отношения.



Мэрион «Мими» Файнсток

Замечу, что препарат амилнитрит представляет собой сложный эфир изоамилового спирта и азотистой кислоты. Он имеет массу противопоказаний, применяется для купирования приступов стенокардии, но только в исключительных случаях, если нет под рукой более подходящих и безвредных средств. При вдыхании паров амилнитрита происходит быстрое, но непродолжительное расширение кровеносных сосудов, особенно венечных сосудов сердца и сосудов мозга. Кроме того, амилнитрит используется как противоядие при отравлении

сероводородом, синильной кислотой и ее солями (цианидами). Амилнитрит также служит целям повышения сексуальной активности и в виде капсул со сленговым названием «попперсы» используется не только как афродизиак, но и как легкий наркотик. Поэтому с 1988 года он запрещен к употреблению в США. Однако во времена Джона Кеннеди никаких ограничений на этот препарат не было, и до 1969 года он отпускался в Америке без рецепта. Так что в этом отношении никакого криминала президент не свершал.

Но испытания только начинались. Однажды Кеннеди показал Мими на своего помощника Дейва Пауэрса и сказал: «Господин Пауэрс выглядит несколько напряженным. Вы бы не помогли ему расслабиться?» Любовнице президента пришлось заняться с Пауэрсом оральным сексом, а Кеннеди молча наблюдал за этим.

В другой раз Кеннеди попросил оказать такую же услугу его брату Тэдди, но Элфорд отказалась. Мими также вспоминала, как Кеннеди переживал, когда потерял своего сына, она же в то время подозревала, что беременна от Кеннеди, и собиралась делать аборт, который тогда в Америке был запрещен.

Во время Карибского кризиса, по утверждению Элфорд, Кеннеди был готов уступить первым. Будто бы в те дни он признавался ей: «Я предпочел бы, чтобы мои дети были «красными», а не мертвыми». Этот пацифистский лозунг является переиначенным антикоммунистическим лозунгом: «Лучше быть мертвым, чем красным».

Что ж, Джон Кеннеди был заядлым донжуаном, и многие из его помощников от него не отставали. Недаром один из сотрудников администрации Кеннеди как-то пошутил: «Эта администрация, похоже, сделает для секса столько же, сколько предыдущая администрация Эйзенхауэра сделала для гольфа» (Айк увлекался гольфом).

Свидетельство Мими Элфорд показывает, что у них с Джеком особой духовной близости не было, и их свидания по большей части ограничивались сексом, а не беседами на какие-либо возвышенные или даже бытовые темы. Таких, как Мими, у Кеннеди было великое множество.

Кеннеди гордился тем, что был настоящим сексуальным гигантом, пользовавшимся небывалой популярностью у женщин. Секс для него был естественной ежедневной потребностью. Однажды Кеннеди заметил британскому премьеру Гарольду Макмиллану, что он испытывает страшные головные боли, если у него долго нет секса с женщиной. Сенатор от Флориды Джордж Смазерс, близкий друг Кеннеди, свидетельствовал, что у Джека было «самое сильное и постоянное сексуальное влечение» по

сравнению со всеми известными ему мужчинами. Так что Кеннеди был настоящим сексуальным чемпионом. И все это несмотря на хорошо известный американский пуританизм и строгости католической церкви. Впрочем, с его деньгами все проблемы были легко преодолимы.

Впервые Кеннеди познал секс в публичном доме в Гарлеме, куда он пришел со своим школьным другом Лемом Биллингсом в 17-летнем возрасте. Белая девушка взяла с каждого по три доллара. Потом оба друга испугались, что подцепили венерическую болезнь, они стали натираться разными мазями. Джек даже среди ночи разбудил врача и потребовал осмотреть его. Вскоре страх перед венерическими болезнями был преодолен, и Джек стал завсегдатаем подобных заведений.

В студенческие годы Кеннеди уже имел славу настоящего донжуана. Несколько раз в университете случались скандалы, когда в его комнате находили девушек. А первая серьезная любовная проблема, которая чуть было не разрушила его карьеру, возникла, когда Кеннеди служил военно-морским офицером в Вашингтоне. У него была сексуальная связь с журналисткой из Дании Ингой Арвад, которой он дал ласковое прозвище Инга-Бинга. Американская разведка подозревала, что Инга была агентом нацистской Германии. Когда командование настоятельно порекомендовало Джеку прекратить эту связь, он не особенно огорчился и тут же наверстал упущенное за счет новых побед на любовном фронте.

Дж. Ф. Кеннеди со своим другом Л. Биллингсом в 1930-е гг.

Будучи членом палаты представителей, а затем и сенатором американского конгресса, Кеннеди всюду появлялся в компании молодой и красивой спутницы, едва ли не каждый раз разной. В связи с этим ходили слухи, что Кеннеди не любит длить сексуальное удовольствие, поскольку очень занят и вечно куда-то спешит. Некоторые знакомые шутили, что Кеннеди даже во время полового акта одним глазом смотрит на стрелки часов. Сенатор Смазерс в связи с этим заметил: «Если мерить успех временем, какое он обычно уделял женщине, Кеннеди, вероятно, должен считаться плохим любовником. Его скорее интересовало количество, а не качество». Один из друзей Кеннеди вспоминал, что «для Джека сам процесс соблазнения был интересен не менее, чем сам половой акт». А сам Кеннеди как-то признался журналистам: «Мне нравится девушка лишь тогда, когда мы были близки не менее трех раз, но каждый раз по-новому». Гипертрофированные сексуальные потребности и столь же гипертрофированные сексуальные возможности Кеннеди, наряду с непревзойденным умением соблазнять дам всех возрастов и сословий, тревожили даже его друзей. Смазерс как-то признался:

«С Джоном было опасно оставлять любую женщину, даже сестру, мать или жену». Кеннеди и Смазерс в бытность сенаторами вместе снимали одну квартиру на двоих для сексуальных утех с девушками.

После гибели Кеннеди стали появляться мемуары множества женщин об их романах с президентом. Вспоминали все: кинозвезды и начинающие актрисы, стюардессы и секретарши, домохозяйки и манекенщицы. Знаменитая танцовщица стриптиза Блейз Старр уверяла, например, что в течение 20 минут занималась сексом с Кеннеди в стенном шкафу гостиничного номера в Новом Орлеане в 1960 году (поди проверь!). В соседнем номере ее жених, губернатор Луизианы Эрл Лонг, давал вечеринку, гостями на которой были и Блейз, и Кеннеди. Там же, в шкафу, по утверждению Старр, Кеннеди рассказал ей, как президент Уоррен Гардинг в свое время занимался сексом с Нан Бриттон в одном из стенных шкафов Белого дома. «Одежда полетела в сторону, политика была забыта напрочь», – признавалась танцовщица в 1976 году в одном телеинтервью.

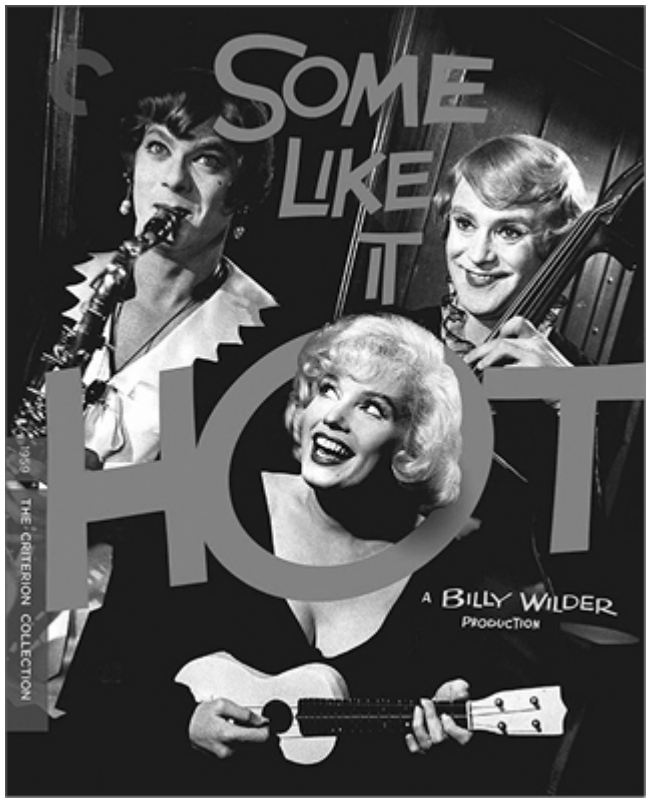
У самого Кеннеди и в Белом доме был любовный альков. Спустившись по ступенькам, он попадал в уютную комнатку в подвальном помещении, полную всякого хлама. Там был старенький диван, на котором президент мог спокойно заниматься сексом. А рядом висел предвыборный плакат 1960 года с портретом Кеннеди. Говорят, в этом подвале побывала даже сама великая Мэрилин Монро. Они познакомились еще в 1951 году. Оказавшись в больнице, где ему предстояла операция на позвоночнике, Джек повесил у себя в палате прямо над кроватью огромную цветную афишу с изображением любимой актрисы в голубых шортах. Пришедший навестить тогдашнего сенатора его помощник Лэнгдон Морвин был поражен тем, что афиша висела вверх ногами, отчего казалось, будто Мэрилин приняла весьма фривольную, вызывающую позу. «Несмотря на сильную боль, которую ему причиняла спина, Джек улыбался всякий раз, когда бросал на нее взгляд», – вспоминал Морвин.

Но настоящий роман с великой актрисой у Джека начался только в 1959 году. Тогда Мэрилин только закончила сниматься в фильме «Некоторые любят погорячее (В джазе только девушки)», сыграв свою самую знаменитую роль, а Джек только что принял решение добиваться президентства.

Советники и помощники Кеннеди забеспокоились, когда узнали, что тот пригласил Монро присутствовать на съезде демократов в Лос-Анджелесе, тогда как Жаклин там появляться не собиралась. Конечно, поддержка «суперзвезд» была всегда

важна в предвыборной кампании. Но появление Мэрилин грозило скандалом. Если бы Кеннеди публично уличили в супружеской неверности, его политическая карьера была бы кончена.

Джек проводил с Мэрилин все свободное время. Став президентом, он не переставал искать встреч с Мэрилин. Они встречались в нью-йоркской гостинице «Карлайл», куда она приходила в темных очках и парике.



Афиша фильма «Некоторые любят погорячее (В джазе только девушки)»

«Тот факт, что Кеннеди стал главой государства, в глазах Мэрилин придавал их роману особую символичность. Она теперь была в него уже по-настоящему влюблена, – вспоминал знакомый Джека и Мэрилин Питер Лоуфорд. – Вместе с тем она переживала глубокую депрессию: принимала сильнодействующие снотворные, пила. Ей ведь приходилось даже ложиться в психиатрическую клинику…»

Кроме постоянных телефонных звонков в Белый дом, актриса писала Джеку письма, порой превращавшиеся в любовные послания в стихах. В начале 1962 года она позвонила Жаклин и заявила, что хочет выйти замуж за президента. Как впоследствии

признавалась сама Мэрилин, этот звонок отнюдь не застал Джеки врасплох. Та невозмутимо ответила, что готова уступить свое место. Но предупредила, что Монро тогда придется переселиться в Белый дом и взять на себя все хлопоты, которые ложатся на плечи первой леди стран. Мэрилин в ответ бросила трубку и разрыдалась.

45-летие Кеннеди отмечалось большим благотворительным концертом в нью-йоркском «Мэдисон-сквер-гардене» в присутствии 15 тысяч зрителей. Жаклин была тогда в поездке по Индии. Всех «звезд» на концерте затмила Монро. Она с чувством спела традиционное «Хэппи бездей ту ю».

Мэрилин Монро на праздновании 45-летия Дж. Ф. Кеннеди

Мэрилин вспоминала: «Стоило мне выйти на сцену, как в огромном зале воцарилось какое-то необычное молчание – словно я вышла в одной комбинации. Господи, подумалось мне, что будет, если у меня пропадет голос? Но настороженность публики лишь подогревает мой азарт, действует на меня так же возбуждающе, как поцелуй. И я сказала себе: «Черт возьми, я все равно спою свое приветствие».

После концерта они провели вместе несколько часов. Это была их последняя встреча… Роберт Кеннеди и Эдгар Гувер предупредили президента, что на вилле Питера Лоуфорда в Санта-Монике «люди мафии» могли установить подслушивающие устройства и, по меньшей мере, одно из их

свиданий с Мэрилин записано на пленку. Джек тотчас решил прекратить связь с Монро. Та писала ему отчаянные письма и угрожала обо всем рассказать журналистам. «Чтобы ее успокоить, Джон в конце концов отправил к ней… своего брата, – рассказывал Питер Лоуфорд, на чьей вилле она тогда жила. – Бобби пытался объяснить ситуацию, повторял, что хозяин Белого дома – человек публичный, и ей пора прекратить причинять ему неприятности… Она оставалась безутешной. Бобби стало ее очень жалко, он вернулся на другой день. Это явно не входило в его планы, и так или иначе ту ночь они провели на вилле вместе…»

Так младший брат нейтрализовал эту угрозу. Но вскоре и Бобби начал от нее удаляться. Мэрилин злоупотребляла алкоголем и наркотиками и повторяла: «Все они одинаковые. Сначала пользуются тобой, а потом выбрасывают, как старые носки».

3 августа 1962 года, разыскав по телефону Роберта в Сан-Франциско, где он гостил у родственника с женой и детьми, Мэрилин потребовала, чтобы он срочно приехал к ней в Лос-Анджелес. Он нехотя подчинился. Между ними произошла бурная сцена, свидетелем которой вновь оказался Лоуфорд. У Мэрилин была истерика. Она грозила, что утром устроит пресс-конференцию и расскажет про свою связь с братьями Кеннеди. Бобби побледнел и предложил вызвать психиатра, который постоянно наблюдал актрису. На следующий день Мэрилин покончила с собой.

Разведенная художница Мэри Пинчот Мейер рассказала, что у нее была любовная связь с Кеннеди в 1962 году. Они даже курили в Белом доме сигареты с марихуаной, и Кеннеди писал ей любовные письма. Мэри вела дневник, в котором подробно описала события их любовной связи. В октябре 1964 года Мейер была найдена убитой, а ее дневник исчез.

Самая скандальная связь была у Кеннеди с красавицей Джудит Кэмпбелл-Экснер, 25-летней уроженкой Калифорнии, на которую позднее было заведено дело из-за ее тесной связи с мафией. Джудит была любовницей не только президента Кеннеди, но и чикагского супергангстера Сэма Джанканы по кличке Муни.

Джудит Кэмпбелл-Экснер

Джек и Джудит познакомились еще до того, как Кеннеди стал президентом США, но их связь продолжалась и после избрания Джека президентом. Она прервалась лишь тогда, когда Эдгар Гувер представил Кеннеди 27 февраля 1962 года докладную записку, в которой сообщил, что ФБР выяснило, что еще с 1960 года Кэмпбелл была по совместительству любовницей одного из главарей чикагской мафии Сэма Джанканы. После этого Джек разорвал дружбу не только с Джудит, но и с певцом Фрэнком Синатрой. Во время визита в Калифорнию в июне 1962 года президент демонстративно останавился не у него, а у конкурента Синатры певца Бинга Кросби, несмотря на то, что он поддерживал республиканцев. Еще одна любовница Кеннеди, Эллен Ромач, подозревалась ФБР в том, что она заслана коммунистами для шпионажа в пользу СССР. Вообще, многочисленные сексуальные связи Кеннеди ставили перед спецслужбами практически неразрешимые проблемы как в

области обеспечения безопасности самого президента, так и в сфере сохранения государственных секретов, поскольку они не могли достаточно быстро проверить множество президентских любовниц, бывавших в Белом доме.

Тут надо сказать пару слов о Сэме Джанкане. В исследованиях, посвященных операции по высадке кубинских инсургентов в заливе Свиней, утверждается, что ЦРУ договорилось с Джанканой и его подручным Россели за 50 тыс. долларов устранить Фиделя Кастро с помощью яда. Гангстерам передали специальную жидкость, которая при добавлении в пищу Кастро должна была вызвать смерть кубинского диктатора через два-три дня, причем вскрытие не показало бы никаких признаков отравления. Но отравить Кастро не удалось. Не исключено, что, получив аванс в 10 тыс. долларов, Джанкана и Россели никаких реальных действий по отравлению Кастро не предпринимали из-за очевидных трудностей этой акции. В июне 1975 года Джанкану и Росселли вызвали в сенатскую комиссию Фрэнка Черча (Отдельную комиссию сената Соединенных Штатов по изучению правительственных операций в области разведывательной деятельности). За несколько дней до назначенного срока явки в комиссию Джанкану расстреляли в упор семью пулями в собственном доме. Россели кое-что успел рассказать о загадочной жидкости, но вскоре исчез. В августе 1976 года рыбаки выловили у побережья Флориды бочку из-под нефти с расчлененным трупом Росселли. Убийц обоих гангстеров не нашли.

Джудит Кэмпбелл-Экснер и Джона Кеннеди познакомил в феврале 1960 года певец Фрэнк Синатра, поставлявший Кеннеди девочек из заведений Лас-Вегаса и сыгравший большую роль в его победе на президентских выборах. Тогда Синатра, чьи тесные связи с мафией не были секретом, по крайней мере для ФБР, отдал демократом свою песню «Большие надежды», ставшую своеобразным девизом кампании Кеннеди. С Джудит у Фрэнка был краткосрочный роман. На ужине в одном из ресторанов Лас-Вегаса она была очарована Кеннеди. 7 марта 1960 года Джудит ожидала Кеннеди в номере нью-йоркского отеля «Плаза». Джудит только что расторгла неудачный брак с малоизвестным актером и впервые собиралась стать любовницей женатого человека, к тому же известного политика. Это, по ее уверению, ее очень напрягало, поскольку она была ревностной католичкой. Когда он вошел, она от смущения хотела убежать. Кеннеди понял ее состояние и вел себя очень деликатно. Он даже сделал вид, что тоже собирается уходить. Но она в бессознательном порыве удержала его, коснулась его плеча и тихо сказала: «Джек!» Джудит вспоминала: «Я не смогла его оттолкнуть. Когда он использовал свое обаяние,

то был абсолютно неотразим». Их пылкий роман продлился два с половиной года. Прекратил его шеф ФБР Эдгар Гувер. Джудит утверждала, будто не подозревала, что была отнюдь не единственной любовницей 45-летнего Кеннеди. В последнее верится с трудом. Слишком уж много было любовниц у президента, который менял их почти ежедневно, и слишком распространены были слухи о его любвеобильности. Джек пригласил Джудит в Капитолий на церемонию принесения присяги, но она отказалась. Вероятно, Джанкана посоветовал ей не светиться на столь представительном мероприятии. Джудит утверждала, что Кеннеди не только постоянно уверял ее в своей пламенной любви, но и давал вполне конкретные поручения. Так, будто бы он просил передать лично Джанкане записку по поводу ликвидации Фиделя Кастро, а затем она должна была организовать личную встречу Кеннеди и Джанканы, которая якобы состоялась в номере одного из чикагских отелей. Джудит терпеливо ждала в ванной комнате, когда мужчины закончат беседу. В достоверность подобных признаний поверить просто невозможно. То, что Джудит любовница Джанканы, Кеннеди узнал только от ФБР, что и вызвало крах их романа. Вероятно, ЦРУ поставило президента в известность о планах расправиться с Кастро, ведь без его санкции оно не могло организовывать покушение на лидера иностранного государства. Однако знать о планах убийства Кастро – это одно, а лично обсуждать эти планы с известным мафиози – совсем другое. Ни один американский президент в здравом уме и твердой памяти на столь компрометирующий шаг никогда бы не пошел. Скорее всего, факты о встрече Кеннеди и Джанканы Джудит придумала задним числом, чтобы обелить как самого Джанкану, так и свою связь с ним. Столь же сказочными выглядят утверждения Джудит о том, будто Кеннеди ревновал ее к гангстеру и просил «не проводить слишком много времени с Джанканой или Синатрой». Судя по всему, до получения записки Гувера Кеннеди понятия не имел, что его пассия также делит ложе и с главарем мафии. Это доказывает и последовавшая реакция президента – разрыв дружбы и всяких отношений не только с Джудит, но и с Синатрой по принципу: «Кого ты мне подсунул!»

Фрэнк Синатра

По воспоминания Экснер, Кеннеди всегда был щедр и однажды чуть не насильно заставил принять от него в подарок роскошную шубу. А вот в сексе такой щедрости не было. По воспоминаниям Экснер, Кеннеди всегда предпочитал только одну, миссионерскую позу во время полового акта. Это во многом объяснялось мучавшими его частыми болями в спине. Экснер думала, что в этой позе удовлетворение получает только мужчина. Однажды Кеннеди предложил Экснер заняться групповым сексом с ним и с еще одной молодой женщиной, но она отказалась.

Джудит категорически не желала переходить в разряд «официальной любовницы» и потому упорно отвергала любые предложения домов, квартир и денег. Джек настаивал, чтобы она перебралась в Вашингтон. «Здесь я смог бы о тебе заботиться», – уверял он. В ответ Джудит рассказывала ему, что ее и без того начало преследовать ФБР, что люди Гувера в любое время дня и ночи звонят ей в дверь и роются в ее вещах без всякого ордера на обыск. Однажды фэбээровцы едва не арестовали ее на автомобильной стоянке. А Сэм Джанкана, которому очень

хотелось выглядеть в глазах красивой женщины настоящим героем, уверял, что Джон Кеннеди победил на выборах исключительно благодаря его поддержке: «Без меня твой дружок ни за что на свете не добился бы избрания». Он будто бы говорил ей: «Оставь ты этих Кеннеди, они не для тебя. Вот увидишь, они загубят твою жизнь».

В январе 1963 года Джудит, как она утверждала, решилась положить конец своей связи с президентом. Поссорились они будто бы из-за ее отказа переезжать в Вашингтон. Он хотел видеть ее чаще и настаивал, чтобы она присутствовала на некоторых официальных обедах в Белом доме. Но Джудит ревновала Джека к законной супруге. Роль «теневой жены» казалась ей унизительной. «Я так больше не могла, – рассказывала Джудит в журнале «Вэнити фэйр». – Внимание ФБР приводило меня в ярость. С каждым днем связь с Кеннеди причиняла мне все больше боли. С этим пора было кончать. Джек упросил меня встретиться с ним и поговорить о том, как спасти наши отношения. «Мы можем встречаться и дальше», – сказал он. В последний раз я виделась с ним в Белом доме в конце декабря 1962 года. Я сказала ему, что между нами все кончено, что мы больше не будем видеться. В тот день мы в последний раз были вместе. Я все еще любила его без памяти. Не знаю, за что Господь решил меня наказать, но когда я вернулась из Вашингтона в Нью-Йорк, а затем приехала в Чикаго, то обнаружила, что я беременна. За все время нашей связи я не встречалась с другими мужчинами. Я была просто раздавлена, позвонила ему по телефону: «Джек, у меня новость, хуже которой быть не может: я беременна». Он молчал, и молчание его затягивалось. Потом наконец сказал: «Что ты собираешься делать?» Понял, что нельзя было этого говорить, и сейчас же поправился: «Прости, что мы будем делать? Ты хочешь оставить ребенка?» Я плакала в телефонную трубку: «Джек, ты прекрасно знаешь, что я не могу оставить ребенка. ФБР не спускает с нас глаз. С тех пор как они в первый раз постучались ко мне в дверь в 1960 году, они постоянно следят за мной». Он старался говорить очень мягко: «Я могу гарантировать тебе, что, если ты захочешь оставить ребенка, это вполне осуществимо. Мы сможем это устроить». Тогда я ответила: «Об этом не может быть и речи. Ты не забыл, кто ты? Нам никогда не выпутаться из этого». Джек сказал: «Я тебе перезвоню». Он действительно сейчас же перезвонил, и мы снова говорили о том же. Действовать приходилось быстро. Я была на втором месяце, а аборты в Соединенных Штатах запрещались. Тогда Джек сказал: «А ты не думаешь, что нам мог бы помочь Сэм? Может быть, поговоришь с ним? Тебе будет удобно спросить его об этом?»

Меня удивило его предложение, но я сказала, что так и сделаю. Я позвонила Сэму, и мы договорились пообедать вместе. Я рассказала ему, какая помощь мне нужна. Он едва не подпрыгнул от негодования. «Будь он проклят! Будь проклят этот чертов Кеннеди!» – воскликнул он».

Сэм Джанкана действительно предпринял все, что было в его власти, чтобы Джудит поместили в больницу у него в городе и там прооперировали. Счета с именами врачей до сих пор хранятся у Джудит. 28 января 1963 года она вышла из больницы. Встречал ее Джанкана. Кеннеди сейчас же позвонил ей и снова умолял приехать в Вашингтон. Джудит чувствовала себя одинокой и несчастной. Она боялась всего и всех: ФБР, ЦРУ, Сэма Джанканы, мафии… Она поделилась с Джоном своими печальными мыслями и согласилась увидеться с ним еще раз, но вот только не помнит, где же прошла эта последняя встреча с президентом.

Эти признания содержат очевидную ложь. Кеннеди, как мы помним, порвал с Джудит из-за того, что ФБР проинформировало его о том, что она параллельно с ним спит с Джанканой, и, скорее всего, ребенок, который так и не родился, был от него. Разрыв же был явно по инициативе Кеннеди, узнавшего о связи с Джанканой. Но, как и любая женщина, Джудит не хотела в этом признаваться и предпочитала утверждать, что по собственной инициативе прекратила связь с Кеннеди.

Сэм Джанкана

Спустя годы Джудит с удовольствием вспоминала обоих своих любовников: «Джек (как называли Кеннеди его друзья), знал о нас с Сэмом, мы часто о нем говорили. Джек был в бешенстве от того, что я встречалась с Сэмом. Да, он ревновал».

Джудит Экснер была не единственной любовницей президента, которая ставила его в двусмысленное положение.

Скончавшийся в 1984 году писатель Трумэн Капоте в одном из интервью назвал Кеннеди «скверным примером донжуанства». Он рассказал такую историю: «Дело происходило в очень маленькой квартире на Парк-авеню в Нью-Йорке. Дамы после ужина вышли из-за стола, а мужчины остались, ожидая бренди и сигары. Один из них стал описывать самых дорогих проституток Лас-Вегаса, которых он перепробовал и которые понравились бы всем. У него имелись их телефонные номера, и один парень тут же записал их на салфетке».

Этим «плейбоем» был не кто иной, как Джон Кеннеди.

Помимо политики, у него было только одно хобби – женщины. Связи с ними были для Джека своеобразным спортом. Он любил жить на широкую ногу.

Президент, имея рост 183 см и вес 85 кг, часто хвастался, что

он – «сексуальный гигант». Джек верил, что может овладеть любой женщиной, какая ему понравится. Жаклин, наученная горьким опытом, считала что вряд ли вообще есть мужчины, которые верны своим женам.

Став президентом, Кеннеди тут же приобрел просторный загородный дом в Вирджинии, куда почти каждую неделю отправлял Джеки отдохнуть. И в то время, пока она каталась верхом на породистых лошадях, президент развлекался то с супругой иностранного бизнесмена, то с девушкой по вызову, то с итальянской актрисой, то с женой известного дирижера, а иной раз практиковал групповой секс. Как вспоминает о Кеннеди его случайная 19-летняя знакомая, «секс был для него чем-то вроде обязанности, которую надо было побыстрее выполнить», и «ласки ему не требовалось».

Как и его отец Джо, Джек тоже использовал женщин для удовлетворения своей сексуальной потребности, но его сердце оставалось холодным, и любовниц он часто менял, уступая братьям или друзьям и на прощание одаривая шубой или драгоценностями.

Как писали биографы Кеннеди Питер Кольер и Дэвид Горовиц, «Джеку было неинтересно запоминать имена женщин. На следующее утро он называл их только «красавица» или «малышка».

Одна из бывших любовниц Кеннеди рассказала, что у него было хорошее чувство юмора, которое он никогда не терял. Она призналась: «С ним было хорошо не потому, что он был гениален в постели, хотя и здесь выступал не так уж плохо, а потому, что он здорово шутил и любил повеселиться».

Чувство юмора не оставляло Кеннеди и тогда, когда он получал от женщин отказ, что случалось крайне редко. После того, как он безуспешно попытался соблазнить лауреата Пулитцеровской премии Маргарет Луиз Койт, она спросила у него: «Вы пытаетесь проделать это со всеми женщинами, которых встречаете?» «Боже мой, нет, конечно. У меня на всех сил не хватит», – поскромничал Кеннеди.

Несмотря на огромное количество любовных связей с женщинами, Кеннеди всегда старался избегать близкого эмоционального контакта с ними и держал их на определенном расстоянии от себя. Он и сам признал, что никогда не терял голову в порыве страсти. Кеннеди объяснил это так: «Я отнюдь не трагический любовник».

В общем, Джон Кеннеди был неутомимым любовником, что не мешало ему оставаться выдающимся политическим деятелем. Таких примеров в истории мы встречаем немало. Если вспомнить

отечественную историю, то можно вспомнить хотя бы Петра I и Екатерину II, к именам которых потомки добавили эпитет «Великий». И Петр, и Екатерина дня не могли провести без новой любовницы или любовника. Петра также подозревали в бисексуальности, и гвардейцев ссылали в Сибирь за разговоры о том, что царь с Александром Даниловичем Меньшиковым «живут блудно». Против Кеннеди, славу Богу, подобных обвинений никогда не выдвигалось. И, в отличие от многих монархов прошлого, чьи фаворитки или фавориты нередко играли заметную роль в управлении государством, Джек своих любовниц к политике никогда не подпускал.

9 августа 1963 года супруги Кеннеди понесли страшную потерю. Сын Патрик родился 7 августа, на полтора месяца раньше срока. К Джеки срочно прилетели муж и сестра, прервавшая ради этого отдых на яхте Онассиса. Через сорок часов после рождения ребенок умер. Впервые Джона Кеннеди видели плачущим. Когда он сообщил о смерти Патрика Жаклин, она сказала: «Единственное, что я не переживу – это твоей смерти». Это несчастье на время сблизило Джека и Джеки. Они не знали, что в последний раз.

17
Накануне трагедии

За два последних года пребывания Кеннеди в Белом доме Секретная служба, охраняющая президента, произвела только в одном штате Техас расследование 34 угроз убить Кеннеди. Правда, почти все они были сделаны психически неуравновешенными людьми, и реальных планов покушения за ними не стояло.

4 ноября 1963 года член Национального комитета Демократической партии от Техаса адвокат Байрон Скелтон написал письмо министру юстиции Роберту Кеннеди. Он предупреждал: «Я испытываю тревогу в связи с предстоящей поездкой президента Кеннеди в Даллас». Скелтон сослался на одного довольно известного далласца, который заявил: «Кеннеди является нежелательным человеком для свободного мира». Скелтон считал, что такие люди способны на все, вплоть до физической расправы над президентом. Поэтому он признавался, что «чувствовал бы себя гораздо лучше, если бы маршрут президента не пролегал через Даллас». Скелтон настоятельно рекомендовал отменить остановку в Далласе.

Через два дня Скелтон написал о том же помощнику вице-президента Джонсона Уолтеру Дженкинсу. И столь же безрезультатно. Через неделю Скелтон прилетел в Вашингтон и лично пытался убедить членов Национального комитета демократов настоять на отмене визита в Даллас. Он говорил, что «там небезопасно» и что «Даллас следует миновать».

Вид на Даллас с высоты птичьего полета

8 ноября Бобби переслал письмо Скелтона О'Доннелу, который, однако, счел предостережение несущественным. Он, как и другие адресаты скелтоновских обращений, решил, что Байрон просто обижен, что его не включили в число сопровождающих президента во время поездки президента в Техас. После покушения о письмах Скелтона вспомнили. Но, строго говоря, они предупреждали совсем не о той опасности, которая оказалась реальной. Скелтон имел в виду расистов и антикоммунистов. Однако в действительности Кеннеди убил Ли Харви Освальд, человек, придерживавшийся скорее левых взглядов.

Кеннеди о письмах Скелтона не знал. Но даже если бы они до него дошли, президент, как и люди из его окружения, наверняка не отменил бы поездку в Даллас. Волков бояться – в лес не ходить. Если реагировать на каждую угрозу, то надо вообще не ездить по стране, а сидеть безвылазно в Белом доме.

14 ноября в далласской газете «Морнинг ньюс» на четырнадцатой странице было помещено объявление в траурной рамке «Добро пожаловать в Даллас, г-н Кеннеди!», подписанное членами организации «Американский следственный комитет». Среди них, как выяснили позднеее, были местный координатор Общества Джона Бэрча и Нельсон Банкер Хант, сын миллиардера Гарольда Л. Ханта. В этом объявлении президенту задали двенадцать риторических вопросов, в том числе, почему многие

тысячи кубинцев были брошены в тюрьмы, голодали и подвергались политическим преследованиям со стороны режима Кастро, а некоторые из них были казнены. Президент обвинялся в продаже продовольствия Советскому Союзу, что, по мнению авторов объявления, было равносильно продаже продуктов солдатам Северного Вьетнама и Вьетконга, убивающим американцев во Вьетнаме. Был там и намек на некое тайное соглашение, будто бы заключенное Кеннеди с Коммунистической партией США. В связи с этим был задан такой вопрос: «Почему вы приказали или позволили своему, брату Бобби, министру юстиции, мягко обходиться с коммунистами, их сообщниками и ультралевыми, разрешая в то же время преследовать лояльных американцев, критикующих вас, ваше правительство и ваш стиль руководства?».

На все эти риторические вопросы от президента требовали немедленного ответа.

В целом содержание объявления повторяло более раннюю листовку, в которой Кеннеди разыскивался как государственный преступник.

Джо Дили, сын издателя «Морнинг ньюс» Тэда Дили, прочтя объявление о Кеннеди, тотчас позвонил отцу и выразил свое возмущение: «Дело выглядит так, как если бы человека пригласили на обед, а потом швырнули ему в лицо тапиоку».

Но Тэд Дили заявил, что ничего страшного не произошло, и объявление лишь повторяет, пусть и в несколько другой форме, все то, о чем уже не раз было написано в передовицах «Морнинг ньюс». Джо возразил, что дело не в содержании, а в том, что момент для публикации выбран слишком уж неподходящий.

19 ноября 1963 года пресс-секретарь Кеннеди Пьер Сэлинджер получил письмо от одной жительницы Далласа. Она писала: «Не разрешайте президенту приехать сюда. Я беспокоюсь за него. Я боюсь, что с ним случится что-то ужасное». Сэлинджер не придал этому письму никакого значения – мало ли в Америке сумасшедших – и даже не показал письмо президенту.

Вечером накануне отлета в Даллас Сэлинджер зашел к Кеннеди попрощаться, поскольку в полночь улетал на Гавайи, а потом в Японию, чтобы подготовить предстоящий в феврале 1964 года визит президента в эту страну. Кеннеди сидел за столом в очках и разбирал бумаги. На публике Кеннеди очки никогда не надевал, чтобы не выглядеть старше. Но дальнозоркость у Кеннеди прогрессировала, и в последние месяцы жизни он вынужден был все чаще пользоваться очками. Сэлинджер заметил, что президент очень устал (тогда он не знал про болезнь Кеннеди). И Кеннеди признался: «Я бы не хотел ехать

в Техас».

Сэлинджер его успокоил: «Не беспокойтесь, это будет блестящая поездка. Будет такой наплыв людей, как никогда прежде».

Сначала не хотела ехать в Техас и Джеки, еще не оправившаяся от смерти сына. Но Кеннеди надеялся, что в Техасе, на новом месте, супруга сможет отвлечься от грустных мыслей. Кроме того, губернатор Конналли рекомендовал использовать Жаклин в предвыборной кампании. Тем более, что в октябре она уже ездила в средиземноморский круиз на яхте греческого судовладельца миллиардера Аристотеля Онассиса и вернулась в гораздо лучшем настроении, чем уезжала. Джекки не могла в тот момент предполагать, что всего через пять лет Онассис станет ее вторым мужем.

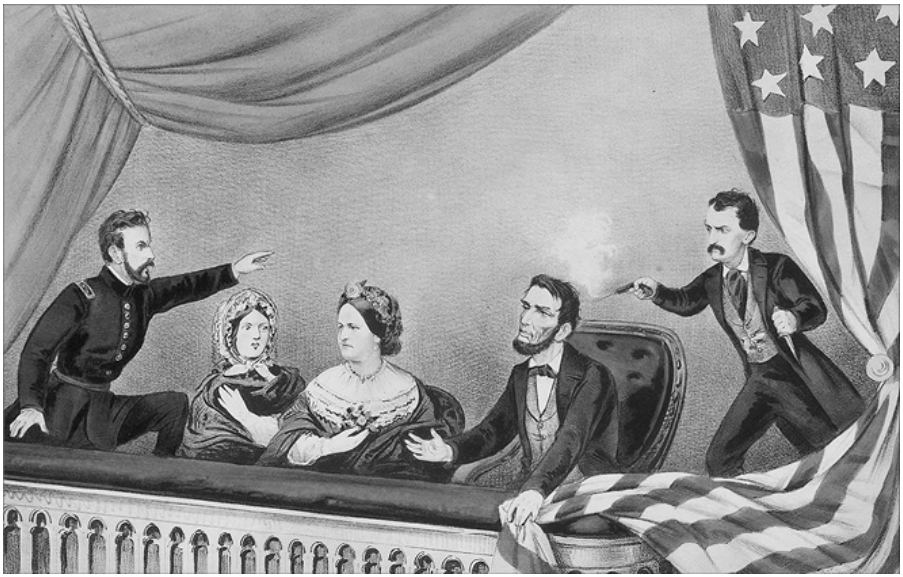
Сейчас же она заявила Кеннеди: «Мы будем вместе проводить предвыборную кампанию, я буду с тобой везде, где ты захочешь».

Когда Сэлинджер сообщил 7 ноября журналистам, что супруга президента отправится с ним в Техас, это произвело сенсацию и еще больше укрепило симпатии общественности к жене президента. Ведь прежде, даже во время президентской кампании 1960 года, Жаклин никогда не выбиралась из Вашингтона дальше загородного дома в Атоке близ Мидлбурга в Вирджинии.

Позднее Жаклин Кеннеди вспоминала, как в беседе с американским ученым, историком из Принстонского университета, Кеннеди упомянул Линкольна и поинтересовался, остался ли бы тот в истории, если бы не был убит. Историк ответил отрицательно, объяснив, что, по его мнению, репутация Линкольна неизбежно пострадала бы в процессе восстановления страны после Гражданской войны. Жаклин вспоминает, как «после Карибского кризиса, когда все так хорошо закончилось, Джек сказал мне: «Ну что же, если кто-то хочет меня застрелить, то для этого пришел самый подходящий момент».

В своей последней речи, которую Кеннеди не успел произнести в Далласе, он собирался сказать, что американцы его поколения являются «скорее волею судьбы, чем благодаря собственному выбору, стражами на крепостных стенах свободы всего мира». Кеннеди не знал, что судьба прокладывает ему путь в бессмертие.

Жаклин также показалось странным, что перед поездкой в Техас муж явно нервничал. Кеннеди боялся, что поездка в Техас не принесет ей радости. А он очень хотел, чтобы она сопровождала его в таких поездках и в дальнейшем.



Убийство президента Линкольна. Гравюра XIX в.

Отправляясь в Техас, Кеннеди надеялся обеспечить там убедительную победу Демократической партии и свою собственную на выборах 1964 года. Он не сомневался, что и по всей стране победит с подавляющим большинством голосов. Тем более, что по многим признакам республиканцы собирались выдвинуть своим кандидатом в президенты ультраконсерватора Барри Голдуотера, который не мог рассчитывать на серьезную поддержку избирателей по всей стране. И Кеннеди уже строил планы на второй президентский срок. К концу своего президентства Джек собирался стать самым влиятельным государственным деятелем Запада и всего мира. Он подумывал о реорганизации своей администрации. Брату Роберту уже надоело быть министром юстиции. Он хотел чего-то большего и просил назначить его заместителем госсекретаря по делам Латинской Америки. А Диллон собирался из Министерства финансов вернуться в свой банк. Не исключено, что Макнамара мог бы сменить Раска на посту государственного секретаря. А Бобби тогда можно было бы сделать министром обороны.

Все дурные предзнаменования, которые сопровождали поездку в Даллас или предшествовали ей, вспомнили только тогда, когда трагедия уже произошла. Если бы поездка прошла благополучно, об угрозах бы тотчас забыли. Мало ли их, что ли, получал их Кеннеди на протяжении своего президентства. Как мы помним, только в первый год их накопилась почти тысяча. Такие угрозы были неизбежной оборотной стороной популярности президента. К нему было привлечено всеобщее внимание не

только друзей, но и врагов. А последних Кеннеди нажил за время своего президентства немало, главным образом благодаря своей борьбе против расовой дискриминации. Таких врагов было особенно много в Далласе. Среди них имелись и люди с неуравновешенной психикой, и просто люди, которые настолько ненавидели президента, что были готовы открыто угрожать ему. Но, как известно, бойся не той собаки, что лает, а той, что кусает. Возможного покушения ждали от какого-нибудь расиста и сторонника ультраправых взглядов, осуждавшего Кеннеди за предоставление прав неграм, за попытки договориться с Советским Союзом, за отказ от вторжения на Кубу. А потом выяснилось, что убил президента сторонник левых взглядов и марксист, называвший себя поклонником революционной Кубы.

18
Убийство века в Далласе

Фактически поездкой в Техас Кеннеди начинал свою предвыборную кампанию. Хотя этот южный штат был родиной вице-президента Джонсона, в 1960 году Кеннеди победил здесь Никсона лишь с минимальным отрывом. Значительная часть техасцев была враждебно настроена по отношению к демократической администрации, и Кеннеди надеялся с помощью своего ораторского дара переломить эту тенденцию.

Непосредственным поводом к поездке послужил скандал в Далласе, связанный с визитом туда Э. Стивенсона. Когда ветеран Демократической партии на собрании избирателей стал агитировать за Кеннеди и политический курс демократов, то подвергся освистыванию и даже физическому насилию. Один из присутствующих ударил его предвыборным плакатом по голове. А еще в 1960 году во время предвыборной кампании толпа домохозяек Далласа оплевала Линдона Джонсона, и теперь он с супругой Леди Берд без восторга отправлялся в Даллас.

Кеннеди предстояло уладить и более серьезный конфликт в Техасе. Более консервативный губернатор Техаса Джон Конналли и более либеральный сенатор от этого штата Ральф Ярборо находились в остром противостоянии друг с другом, и раскол в местной партийной организации грозил Кеннеди проигрышем в Техасе на выборах 1964 года. А Техас был одним из ключевых штатов для победы по всей стране.

Маршрут поездки президентского кортежа готовили губернатор Техаса Джон Конналли, личный друг Линдона Джонсона, и помощник Кеннеди О'Доннел. Маршрут заранее был опубликован в местных газетах, чтобы привлечь к встрече президента как можно больше избирателей. Подчеркивалось, что кортеж будет двигаться медленно, чтобы люди могли получше рассмотреть президента.

На автомобильную поездку от аэродрома до места, где в честь Кеннеди городские власти и бизнесмены планировали дать обед, отводилось 45 минут. Еще 19 ноября в далласских газетах был опубликован маршрут следования президентского кортежа. Открытая машина президента должна была проехать по Эльм-стрит, постепенно спускавшейся под железнодорожный виадук. В самой публикации маршрута ничего необычного не было. Ведь поездка была частью предвыборной кампании, и Кеннеди был заинтересован, чтобы поглазеть на кортеж собралось как можно

больше народа. Поэтому предпочтительней был открытый автомобиль, в котором публика могла видеть живьем президента и его супругу. Маршрут был одобрен секретной службой, охраняющей президента и вице-президента США и членов их семей.

Джон Коннали

18 ноября агент секретной службы Лоусон вместе с начальником полиции Далласа Джессом Карри и главным агентом секретной службы в Далласе В. Форестом Соррелзом проехали по маршруту президентского кортежа. Когда Карри, который был за рулем, повернул с Седар Спринг-роуд на Харвуд-стрит, Соррелз посмотрел на верхние этажи домов Далласа, увидел кабинет своего зубного врача и громко произнес:

– Черт возьми, мы будем просто живыми мишенями!

Остальные согласились с ним. На дорогу, по которой должен был следовать кортеж Кеннеди, выходило более двадцати тысяч окон. Невозможно было уследить за всеми ними или в каждом окне поставить по человеку. Для этого не хватило бы всей далласской полиции. Наверное, если бы была мобилизована национальная гвардия Техаса, требуемое число людей можно бы

было получить, но можно представить себе настроения десятков тысяч далассцев, в квартирах и офисах которых появились бы совершенно незнакомые люди. Если были бы предприняты столь тотальные меры предосторожности, визит президента в Даллас дал бы прямо противоположный эффект, чем тот, на который рассчитывал Кеннеди. Горожане, испытавшие бы в этом случае массу неудобств, могли только озлобиться против труса-президента. Кеннеди был прав, когда говорил, что если какой-нибудь человек захочет осуществить покушение на него, пользуясь снайперской винтовкой, предотвратить такое покушение будет практически невозможно. Точно так же нельзя было предотвратить покушения во время тесного общения президента с избирателями. Там, правда, покушение мог совершить только такой человек, который не боялся отдать собственную жизнь за возможность убить президента.

Хотя если бы далласские полицейские, оказавшиеся в момент проезда кортежа рядом со складом учебников, по примеру своих нью-йоркских коллег наблюдали бы за окнами, то, возможно, они бы увидели в одном из окон человека с винтовкой, и трагедии могло бы не произойти. Вообще, при любых поездках президента за пределы Вашингтона сотрудники секретной службы неизбежно вынуждены прибегать к широкомасштабной помощи местной полиции, от конкретных навыков и опыта которой зависело очень многое.

Во времена Рузвельта агенты секретной службы стояли на подножках автомобиля, буквально окружая президента живым щитом. Но ко времени Кеннеди аэродинамика автомобилей шагнула далеко вперед. У более современных машин с их низкой посадкой неподвижных подножек не было. Последний президентский автомобиль с неподвижными подножками «линкольн космополитэн» производства 1949 года был заменен в 1953 году более новой машиной, уже без подножек. На сделанном по заказу «линкольне» Кеннеди, прибывшему в Белый дом 14 июня 1961 года, были только гидравлические боковые ступеньки, которые могли выдвигаться лишь по сигналу с места управления. Их и предполагали использовать как подножки для охраны. Но это оказалось невозможно. Конструкция подножек была такова, что мгновенно выбрасываясь вперед, они могли ранить окружающих, поэтому их никогда не выдвигали.

Теоретически водитель президентской машины в Далласе мог резко затормозить после первого выстрела. Тогда был бы шанс, что остальные пули Освальда пройдут мимо. Хотя это вряд ли бы что-нибудь изменило, поскольку, скорее всего, Кеннеди был смертельно ранен уже первой пулей. К тому же выстрелы были

произведены так быстро, что водитель вряд ли успел бы среагировать уже на первый из них.

Автомобиль охраны Дж. Ф. Кеннеди в день покушения

После покушения в Далласе выяснилось, что ни шоферы, ни другие агенты секретной службы не проходили специальной подготовки для действий в критической ситуации, которую проходят, например, полеты реактивных самолетов. Некоторые критики секретной службы высказывали мнение, что, если бы такая подготовка у агентов была или если бы рядом с Кеннеди в момент покушения оказались бы более молодые сотрудники с лучшей реакцией, то они могли бы успеть прикрыть Кеннеди своими телами. Но это, опять-таки, чистая теория, которая мало согласуется с реальными обстоятельствами. Три выстрела убийца Кеннеди сделал всего на протяжении не более чем 5–6 секунд. Из-за шума моторов и криков встречавших выстрелы практически нельзя было услышать, и большинство очевидцев принимало их за выхлопы моторов, петарды, хлопушки или какие-то иные шумы. И, наоборот, за выстрел свободно могли принять выхлоп или взрыв петарды. Окружавшие президента поняли, что в президента стреляли, только тогда, когда увидели кровь. Поэтому никакие тренированные профессионалы со сверхчеловеческой реакцией спасти президента Кеннеди на этот раз не могли. Не говоря уже о том, что его с тем же успехом могли застрелить без всякой оптической винтовки, а из револьвера в упор на встречах с избирателями во время традиционного пожатия рук. Здесь бы

секретная служба была бессильна.

В последнее утро своей жизни 22 ноября 1963 года президент Кеннеди был разбужен камердинером в 8.30. Он остановился в номере 850 отеля «Техас» в Форт-Уорте. Войдя в комнату жены и взглянув в окно, президент воскликнул: «Боже мой, как много народа!»

В это утро, просматривая утренние газеты, Кеннеди взялся и за далласскую «Морнинг ньюс», где как раз была статья об обострении конфликта Конналли и Ярборо. Но до четырнадцатой страницы с провокационным объявлением так тогда и не добрался.

Позавтракав, Кеннеди, несмотря на моросящий дождь, вышел к собравшейся поприветствовать его перед отелем толпе и сказал несколько слов, стоя в кузове открытого грузовика, превратившегося в импровизированную трибуну. Президент сорвал аплодисменты фразой: «В Форт-Уорте нет слабых духом людей!»

У него спросили: «А где Джекки?»

Кеннеди тут же нашелся, что ответить, и сделал это со своей неподражаемой улыбкой: «Миссис Кеннеди «организует» себя. Ей, правда, требуется для этого чуть больше времени, чем нам, мужчинам, но зато она и выглядит значительно лучше нас».

Затем президент с похвалой отозвался об усилиях тружеников Форт-Уорта по производству новейших истребителей. Он закончил речь оптимистическим: «Мы идем вперед!» А пожимая после выступления руки избирателям, шепнул британскому корреспонденту Генри Брэндону: «Дела идут лучше, чем мы думали».

Жаклин, уставшая от мероприятий в Сан-Антонио и Хьюстоне, в сердцах произнесла: «О боже мой, за один день участия в политической кампании можно состариться на тридцать лет!»

Затем был официальный завтрак в бальном зале отеля «Техас». Жаклин опоздала на него на двадцать минут. Выступление на завтраке Кеннеди начал словами: «Два года назад в Париже я сказал, что играю роль человека, сопровождающего миссис Кеннеди. Примерно то же чувство я испытываю сейчас в ходе поездки по Техасу. Никому не интересно, как одеты Линдон и я».

После завтрака Кеннеди сказал жене, что они уедут из отеля в 10.40. Когда в гостиную вошел О'Доннел, Кеннеди предложил:

– А что, если поехать в Калифорнию на следующие две недели?

– Я согласна, – сказала Жаклин.

К тому времени Кен уже нашел объявление о «розыске преступника» в «Морнинг ньюс» и показал его президенту. Тот, в свою очередь, показал газету Жаклин и возмутился: «Трудно вообразить, что газета может печатать подобное!» И обратился к жене: «Мы с тобой едем сегодня в страну ненормальных».

Полагая, что погода улучшится, президент рискнул надеть легкий костюм. И действительно, небо уже прояснилось. Жаклин, беспокоившаяся о прическе, просила поднять у машины верх, но теперь в этом не было нужды. О'Брайен по этому поводу заметил: «Погода как на заказ, специально для Кеннеди». Но такая погода была хороша и для его убийцы.

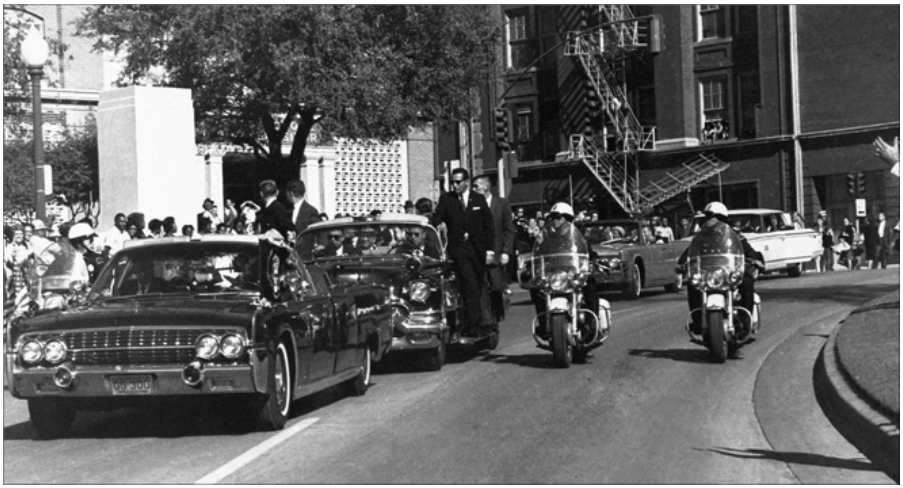
Супруги Кеннеди поднялись на трап президентского самолета в 11.23. Во время полета их угостили кофе и свежим ананасом. В 11.38 самолет приземлился в Далласе. На аэродроме Лав Филд толпа приветствовала Кеннеди. Но здесь были и люди с флагами Конфедерации, которых приезд президента совсем не радовал. Они поднимали плакаты «Долой клан Кеннеди!», «Помогите Кеннеди уничтожить демократию!», «Ты предатель!».

Утро 22 ноября 1963 года в Далласе было пасмурным и дождливым. Но к 11 часам давно уже распогодилось, и над городом засияло по-южному яркое солнце. В 11 часов 35 минут в далласском аэропорту произвел посадку самолет военно-воздушных сил США под № 2 с вице-президентом Линдоном Джонсоном. А через пять минут прибыл и борт № 1 с президентом Джоном Кеннеди. Правило о том, что президент и вице-президент не должны лететь одним самолетом, свято соблюдалось. Это делалось для того, чтобы в случае катастрофы не погибли бы сразу два первых лица государства. У здания аэропорта Кеннеди уже поджидала толпа поклонников. Как раз перед вылетом в Техас президент, Жаклин и друг и политический советник президента Кеннет О'Доннел, завтракая в отеле, обсуждали, какому риску подвергается президент во время публичных выступлений. Неразрешимой проблемой было то, что не в американских традициях было отгораживаться от публики пуленепробиваемыми стеклами. Наоборот, после выступления кандидат в президенты или на какую-либо другую выборную должность обычно выходит к избирателям, чтобы пожать им руки и расспросить об их нуждах и чаяниях. По свидетельству О'Доннела, Кеннеди сказал тогда: «Если бы кто-нибудь действительно захотел застрелить президента США, то это была бы не очень трудная работа. Все, что ему надо было бы сделать, так это забраться в высокое здание, имея телескопическую винтовку, и никто ничего не мог бы сделать, чтобы предотвратить подобную попытку…» Получается, что Кеннеди предугадал

обстоятельства своей смерти, которая последовала отнюдь не во время похода в толпу избирателей. Правда, нельзя исключить, что О'Доннел придумал эти слова Кеннеди. Ведь он был профессиональным политтехнологом, а позднее – голливудским сценаристом.

В 11.55 два полицейских мотоцикла во главе кортежа Кеннеди двинулись в город через проход в ограде Лав Филда. В президентской машине на заднем сиденье находились Кеннеди с супругой, а на откидных сидениях – губернатор Техаса Конналли с супругой Нелли. На переднем сиденье, кроме шофера, находились два агента секретной службы. За президентским лимузином шла машина с восемью агентами секретной службы. В третьем лимузине ехал вице-президент Джонсон с супругой, за ним ехала еще одна машина с охраной. Далее ехали автомобили встречавших Кеннеди представителей местных властей и прессы.

Президент Кеннеди и толпа техасцев в день убийства



Президентский кортеж на улицах Далласа

Кортеж проехал Мэйн-стрит, пересекающую торговый район Далласа с востока на запад, затем повернул на Хьюстон-стрит. Дважды Кеннеди приказывал кортежу остановиться. Первый раз это произошло, когда на углу Леммон-авеню и проезда Ломо Альто он увидел плакат «Г-н президент, пожалуйста, остановитесь и пожмите нам руки», а за ним – группу ребятишек. Ликующие дети чуть не сбили президента с ног. Второй раз Кеннеди вышел из лимузина, чтобы поздороваться с группой монахинь. Толпа все прибывала, и пришлось снизить скорость с 20 миль в час до 7 миль в час. Люди хотели увидеть не только президента, но и Жаклин. Каждый взмах ее руки в белой перчатке вызывал рев воз гласов: «Джек-ки-и-и!» В это время агенты секретной службы прикрывали чету Кеннеди своими телами.

Вдоль зигзагообразного маршрута кортежа между Мейн-стрит, Хьюстон-стрит и Элм-стрит не предполагалось большого числа зрителей. Поэтому здесь было всего несколько полицейских патрулей. Но на этот раз в этом месте собралось много народа.

Перед техасским складом школьных учебников собрались директор Рой Трулли и его подчиненные. Если бы кто-то из полицейских в этот момент бросил взгляд на окна склада учебников, он бы, возможно, заметил в окне шестого этажа человека, занявшего боевую позицию. Впрочем, далеко не факт, что и тогда его бы заметили. Ведь стрелка маскировало нагромождение ящиков.

По утверждению некоего Арнольда Роуленда, стоявшего вместе с женой у склада учебников, он увидел в окне силуэт мужчины, державшего в руках нечто, напоминавшее винтовку со стереоскопическим прицелом. Это был в 12.14 (точное время показывала хорошо видимая световая реклама фирмы «Герц» по

прокату автомобилей). Будто бы одна рука мужчины была на прикладе, а другая на стволе. Он держал оружие по диагонали в положении «к осмотру», как это и положено делать на стрельбище перед началом стрельбы. Впрочем, все это Роуленд показал уже после покушения, зная, что выстрелы были произведены из здания техасского склада школьных учебников, и его изобилующий деталями рассказ больше напоминает мудрость задним умом. Думаю, что в лучшем случае Роуленд заметил в окне какую-то неясную тень, а про снайпера с винтовкой придумал уже потом для красного словца. Иначе остается необъяснимым, почему он не сказал о своем открытии полицейским. Ведь тогда покушение еще можно бы было предотвратить.

Роуленд утверждал, что он принял мужчину в окне за человека из президентской охраны. Арнольд будто бы сказал жене:

– Хочешь посмотреть на сотрудника секретной службы?

– Где? – спросила она.

– Вон там, в том здании, – показал Роуленд.

Но этот рассказ тоже выглядит придуманным задним числом с целью объяснить, почему зоркий Роуленд, как бывший военный, хорошо знавший, что такое снайперская винтовка, не обратился в полицию. Почему вдруг агент секретной службы должен быть со снайперской винтовкой? Какого возможного террориста он караулит, если здание склада школьных учебников как раз и есть самое удобное место для такого террориста?

Человека в окне видели и стоявшие на западной стороне Хьюстон-стрит служащие из конторы ревизора графства Роберт Эдвардс и Рональд Фишер. Сотрудников конторы освободили от работы до тех пор, пока не проедет кортеж президента. Эдвардс и Фишер заметили человека без оружия, стоявшего в несколько странной позе. Он как заколдованный смотрел не на Мейн-стрит, а куда-то вправо от себя. Фишеру показалось, что «он не шелохнулся, не моргнул глазом и смотрел как статуя, неподвижными глазами».

Также водопроводчик Говард Л. Бренан утверждал, что в 12.18 он видел в открытом окне человека без оружия. Бренан стоял на пересечении Хьюстон-стрит и Элм-стрит и, взглянув вверх, увидел заострившийся профиль мужчины, причем тот был совершенно неподвижен. Тут с Мейн-стрит послышались отдаленные крики и Эдвардс, которого больше не интересовал странный человек в окне, тоже закричал: «Вот они едут!»

Вот эти показания о неподвижном и невооруженном мужчине, уставившемся в одну точку, заставляют усомниться в

правдивости показаний. За двенадцать минут до стрельбы и без винтовки Освальду не было никакой нужды принимать позу для прицеливания. Действовать ему следовало начать только в самый момент приближения кортежа, а этот момент он вполне мог зафиксировать по крикам толпы: «Они едут!»

В 12.30 президентская машина выехала с Хьюстон-стрит на Элм-стрит, миновала кирпичное здание Дал-Текса и фасад склада школьных учебников, семиэтажного оранжевого кирпичного здания. Во время левого поворота на Элм-стрит президентская машина притормозила. Тогда стрелок выстрелил. В это время «линкольн» двигался со скоростью 11,2 мили в час и как раз миновал развесистый дуб, перекрывавший траекторию стрельбы из окна, где находился убийца. В момент выстрела президент махал рукой пятилетнему сыну Чарльза Брэнда, которого отец поднял над головой, чтобы малыш мог поприветствовать президента.

Позднее некоторые свидетели утверждали, что им показалось, что стреляли как из книжного склада, так и со стороны железнодорожного виадука. Но, замечу, учитывая неизбежное эхо от выстрелов, по звукам выстрелов определить место, откуда они были произведены, практически невозможно. Самого же стрелка (или стрелков?) в момент роковых выстрелов не видел никто.

Жаклин показалось, что раздался резкий выхлоп мотоцикла. Другие решили, что кто-то взорвал петарду или хлопушку. Фишер и Эдвардс приняли выстрел за выхлоп автомобильного мотора и даже рассмеялись. Но те, кому доводилось охотиться, в том числе Соррелз и Конналли, решили, что это – винтовочный выстрел. Однако большинство сотрудников секретной службы, не слишком опытные в стрельбе, не сразу поняли, что в президента стреляли. Они растерялись. Только телохранитель Джонсона Янгблад не растерялся, сразу повалив подопечного на пол с криком: «Ложись!» закрыв его своим телом. Но, похоже, вице-президент не был мишенью стрелка, сосредоточившего все свои усилия на Кеннеди. Начальник охраны президента Рой Келлерман и шофер президентского «линкольна» Билл Грир на несколько секунд оцепенели вместо того, чтобы немедленно повернуть президентскую машину в сторону. Впрочем, и быстрая реакция вряд ли бы спасла Кеннеди. Во-первых, смертельной, возможно, была уже первая рана, во-вторых, поворот четырехтонного «линкольна» все равно бы занял несколько секунд, а этого времени хватило бы убийце еще для двух-трех выстрелов. Охранник Клинт Хилл, еще не понявший, что в президента стреляли, увидел, как Кеннеди наклонился вперед и схватился за

шею. Клинт тотчас выпрыгнул из машины на Элм-стрит и побежал вперед.

Охранник Пауэрс, находившийся на правом откидном сиденье, крикнул О'Доннелу: «Кажется, президента ранили!»

Раздались крики: «Боже мой! Они застрелили президента!»

Супруга Джонсона Леди Бэрд воскликнула: «Нет, не может быть!»

Кое-кто из представителей прессы уже увидел винтовку в окне и стал лихорадочно искать укрытия.

Сотрудник секретной службы перебирается в президентскую машину после выстрела

Уильям Манчестер, сам служивший во время Второй мировой войны в американской морской пехоте и освоивший там профессию снайпера, свидетельствует: «Акустика на этой площади (Дили-плаза. – *Авт.*) обманчива. Автор, как и комиссия Уоррена, не мог определить, сколько выстрелов сделал Освальд. Два из них достигли цели. Большинство свидетелей утверждают, что они слышали три детонации, и три пустых гильзы были найдены в засаде снайпера. Однако несколько наиболее близких к месту происшествия свидетелей – а именно Жаклин Кеннеди, Клинт Хилл, Запрудер – слышали лишь два выстрела. К тому же для Освальда с его неряшливостью было бы типично явиться на книжный склад с пустой гильзой в казенной части винтовки, которую нужно было сначала вынуть, прежде чем начать стрелять

(предположение, кажущееся невероятным. С момента покушения на Уолкера, о котором мы скажем дальше, Освальд должен был неоднократно тренироваться в стрельбе, и трудно предположить, что он оставил в казенной части пустую гильзу. Логичнее все таки предположить, что он действительно успел сделать три выстрела. – *Авт.*). Возможно, однако, что было сделано и три выстрела. В самом дело, в течение критического промежутка времени могло быть сделано и три выстрела. Позднее доказывали, что это было невозможно, поскольку между первым и третьим выстрелами должно было пройти менее шести секунд, а испытания показали, что для выстрела из винтовки Освальда требуется 2,3 секунды. Арифметика сводилась к тому, что к 2,3 секунды прибавляли 2,3 секунды и еще 2,3 секунды, что равняется 6,9 секундам. На самом деле это обман. Правильный подсчет будет таков: после первого выстрела проходит 2,3 секунды, после второго – 2,3 секунды, за этим следует третий выстрел. В итоге проходит всего 4,6 секунды». Интересно, что с помощью таких элементарных передержек и рождалась версия о заговоре. На самом деле Освальд легко мог уложиться в 5 секунд, выстрелив трижды.

Президент был ранен двумя пулями – в шею и в голову. 8,5-миллиметровая пуля попала ему сзади в верхнюю часть спины, задела правое легкое, и, повредив дыхательное горло, вышла через горло, пробив узел галстука. Затем та же самая пуля прошла сквозь спину губернатора Конналли, его грудь, правую кисть и левое бедро, «хотя губернатор вследствие замедленности реакции еще не почувствовал ранения». Так пишет У. Манчестер, считающий, что первой пулей была та, которая попала в спину и вышла через горло и которой был ранен губернатор Техаса. Если бы это было действительно так, то можно было дополнительно обвинить сотрудников секретной службы в том, что они не надлежащим образом выполняли свои обязанности и ничего не предприняли в те две с небольшим секунды, что прошли между первым и вторым выстрелами. Если бы они хотя бы толкнули Кеннеди, повернули машину или попробовали бы закрыть Кеннеди своими телами, то были бы шансы, что второй выстрел не оказался бы смертельным. Но с тем же успехом можно предположить, что первым был как раз смертельный выстрел в голову, а вторым – несмертельный выстрел в спину и горло, ранивший также губернатора Конналли. Кстати, сам Конналли показывал перед комиссией Уоррена, что был уверен, что он был ранен вторым выстрелом, которого он не слышал. В этом случае губернатора Техаса нельзя заподозрить в замедленной реакции. А промазал Освальд, скорее всего, когда делал третий выстрел,

когда президент уже упал, и стрелок потерял его в перекрестье оптического прицела. У. Манчестер полагал, что смертельным был как раз третий выстрел, но эта версия явно понадобилась ему для нагнетания драматизма и дополнительной критики в адрес охраны президента, у которой в этом случае с момента первого выстрела было бы около пяти секунд для его спасения.

Эйб Запрудер, снимавший проезд кортежа Кеннеди на любительскую камеру, увидел искаженное лицо президента и был потрясен. А вот Нелли Коннелли, супруга губернатора, утверждала, что гримасы на лице Кеннеди не было, он только поднес руку к горлу и медленно сполз вниз. Рою Келлерману показалось, что президент воскликнул: «Боже мой, я ранен!» Но это могло только показаться. Независимо от того, какое ранение было первым, ни после одного из них ни говорить, ни тем более кричать президент не мог. Если первая пуля поразила гортань, то Кеннеди сразу же лишился голоса. А если первая пуля попала в голову, произведя обширные разрушения головного мозга, Кеннеди тем более не успел бы вскрикнуть. Замечу, что когда точно такое же ранение в голову получил С.М. Киров, очевидцы никаких криков или произнесенных им слов не зафиксировали. Поскольку только после мнимого вскрика Келлерман оглянулся и увидел, что президент действительно ранен, можно предположить, что историческую предсмертную фразу Кеннеди он придумал задним числом.

Только тогда, когда президентский лимузин, вихляя из стороны в сторону, уже медленно выбирался из общей колонны, Конналли почувствовал, что ранен. Словно кто-то ударил его пудовым кулаком по спине. Губернатор наклонился вперед, увидел кровь на коленях и рухнул влево.

Из головы Кеннеди хлынула кровь. Сначала крови не было. Но уже через мгновение она залила платье Жаклин. Она, склонившись к Кеннеди, воскликнула: «Боже мой, что они сделали? Боже, они убили Джека, моего мужа! Джек! Джек!» Она находилась в состоянии глубокого шока и потом не могла вспомнить происходящего. «Они» в ее восклицаниях доказывало, что она считала президента жертвой заговора.

Мемориальный Парклендский госпиталь располагался в четырех милях от места покушения на бульваре Гарри Хайнса. В 12.33 сотрудников госпиталя предупредили, что им предстоит оказать помощь раненому президенту и что он в критическом состоянии. В 12.36 президентский «линкольн» уже тормозил у здания госпиталя. Как утверждает У. Манчестер, госпиталь не был готов, поскольку из-за помех радиосообщение туда было передано с трехминутным опозданием. Впрочем, это уже роли не

играло, поскольку одно из ранений президента было безусловно смертельным. Даже сегодня, полвека спустя, когда медицина шагнула далеко вперед, в том числе и в деле использования новейших технологий и не существовавших в 60-е годы препаратов, она ничем не смогла бы помочь Джону Кеннеди. Президент фактически умер за шесть минут до прибытия в госпиталь. У него не было ни дыхания, ни пульса. Вероятно, после выстрелов своего убийцы он жил считаные секунды. Но Жаклин поддерживала его голову, как у живого. Зато Конналли, которого многие считали мертвым, очнулся. Его привел в чувство толчок при резком торможении «линкольна» перед госпиталем. Губернатора вынесли из машины первым.

Когда Кеннеди пытались вытащить из машины, Жаклин воскликнула: «Вы знаете, что он умер. Оставьте меня с ним». Когда Кеннеди клали на носилки, у него не было признаков жизни. Ноги болтались, как у мертвеца.

Но сердце, хотя и редко, еще билось, несмотря на то, что давление упало до нуля. Президенту ввели через рот трубку для очистки дыхательных путей. Затем с помощью катетера стали вливать раствор Рингера с лактатом – особый тип физиологического раствора. Но врачи не знали группы крови Кеннеди. Медсестра мгновенно выскочила в коридор узнать группу крови у охранников. Они сообщили, что у президента нулевая группа крови, резус положительный. Кеннеди ввели трубку через рану, нанесенную пулей в трахее, чтобы защитить трахею и обеспечить механическую вентиляцию легких. Но к этому времени сердце президента уже остановилось, не было и дыхания, а из раны на голове вытекла вся кровь. В результате попадания пули в череп оказался полностью разрушен головной мозг, и спасти Кеннеди в принципе было невозможно. Смерть, согласно протоколу вскрытия, формально была зафиксирована уже в 13.00. При этом предположительный интервал между ранением и смертью медики оценили в полчаса.

Между тем в 12.36 по радио «Американ бродкастинг компани» было передано сообщение-молния о покушении на Кеннеди и что он тяжело ранен. А в 12.40 популярный телекомментатор «Коламбиа бродкастинг компани» Уолтер Кронкайт объявил: «В Далласе, штат Техас, по кортежу президента Кеннеди было произведено три выстрела».

Жители Вашингтона читают в газетах об убийстве Кеннеди

Министр обороны Макнамара, получив сообщение о покушении с телетайпов информационных агентств, после краткого совещания с комитетом начальников штабов направил командующим всех военных баз в США и по всему миру секретную телеграмму:

«1. По сообщениям прессы, на президента Кеннеди и губернатора Конналли в Техасе совершено покушение. Оба тяжело ранены и находятся в госпитале в Далласе, штат Техас. Официальных сообщений пока не поступало. О дальнейшем поставим вас в известность.

2. Вам следует проявить особую бдительность и быть в состоянии полной готовности».

Эдгар Гувер сам сообщил Роберту Кеннеди, что его брат тяжело ранен, позвонив домой, чего никогда прежде не делал, поскольку между ними были натянутые отношения. Бобби сразу же хотел лететь в Даллас. Он позвонил туда и распорядился, чтобы в госпиталь привезли католического священника. Еще спросил, хорошие ли в госпитале доктора и каково состояние Жаклин.

В первые полчаса после покушения вышли из строя телефонные линии связи в Вашингтоне, а затем и в большинстве других городов. Люди спешили поделиться страшной новостью и перегрузили линии.

В особняке бывшего посла США в Англии Джозефа П. Кеннеди-старшего в Хайяннис-Порт, узнав о покушении, решили не сообщать страшную новость парализованному хозяину. Роуз Кеннеди успела расслышать сообщение о том, что

Джек ранен выстрелом из ружья, и, потрясенная, упала в кресло. Из комнаты посла убрали телевизор под предлогом, что его надо починить.

В 13.02 представитель техасской организации Демократической партии сказал, что состояние президента «очень тяжелое». В 13.11 было сообщено, что к Кеннеди вызваны два католических священника. Конналли в это время был уже в операционной. Преподобные отцы Оскар Хьюбер и Джеймс Н. Томпсон из близлежащих к госпиталю церквей уже ничего не могли сделать. Жаклин сказала: «Благодарю вас, что вы пришли. Помолитесь за него!»

Когда священники выходили из палаты в коридор, агент охраны предупредил Хьюбера: «Святой отец, вы ничего не видели и не знаете!» Священники кивнули, но слова не сдержали. Когда они сели в машину, корреспонденты взяли их в кольцо и стали допытываться, умер ли президент. И престарелый Хьюбер с тяжелым вздохом подтвердил это. И с его слов в 13.15 было передано радиосообщение: «Президент Соединенных Штатов Америки скончался. Повторяю, только что объявлено, что президент Соединенных Штатов Америки скончался».

Это было еще неофициальное сообщение, но тянуть с официальным подтверждением смерти Джона Кеннеди больше было нельзя. Запросили согласия на официальное подтверждение смерти от Линдона Джонсона, впервые назвав его «господин президент». Но тот возразил: «Нет, погодите! Мы еще не знаем, что это было. Вдруг это коммунистический заговор?» Договорились, что объявление будет сделано, как только новый президент покинет госпиталь, направляясь в Вашингтон. Джонсон не хотел отвечать на вопросы столпившихся у госпиталя журналистов.

В 13.33 о смерти президента было объявлено официально, и две минуты спустя сообщение об этом передало Юнайтед Пресс Интернейшнл. Врачи госпиталя, дававшие пресс-конференцию, еще не успели осмотреть тело президента и не знали точного расположения входных и выходных отверстий. Поэтому на вопрос одного из журналистов, мог ли хотя бы один из выстрелов быть сделан с места против движения машины президента, доктор Пери ответил, что такой вариант вполне возможен. В результате этой ошибки родилась версия, будто в Кеннеди стреляли не только сзади, но и спереди. Ее до сих пор активно используют сторонники теории заговора, утверждая, что помимо Ли Харви Освальда (о нем мы поговорим дальше) был еще, как минимум, один стрелок. Однако она несостоятельна, хотя до пятидесяти свидетелей утверждают, что слышали четвертый выстрел, будто

бы раздавшийся либо из района зеленого холма на Элм-стрит перед президентской машиной, либо из района железнодорожного виадука. Ведь все теории второго стрелка исходят из того предположения, что он вел свой огонь одновременно с Освальдом. Но тогда этот загадочный второй стрелок должен был находиться буквально где-то рядом с Освальдом в здании склада школьных учебников и даже на одном с ним этаже. Если же второй снайпер располагался где-то далеко от Освальда и стрелял, например, из района тоннеля под виадуком (а все теории второго стрелка исходят из предположения, что этот загадочный стрелок находился в ином месте, чем Освальд), то абсолютно непонятно, каким чудодейственным образом этим двоим удалось синхронизировать свою стрельбу с такой точностью, что все выстрелы попали в интервал не более 5 секунд, и как так могло чудесно совпасть, что президент в один и тот же момент превратился в идеальную мишень для стрельбы сразу с двух различных позиций. Освальду-то, прежде чем начать стрелять, надо было дождаться, чтобы президентский автомобиль выехал из-за дуба, который закрывал обзор.

При организации покушений на хорошо охраняемых ВИП-персон в принципе может практиковаться использование не одного, а нескольких снайперов, хотя такая схема сильно усложняет операцию и скорее повышает шансы не на успех, а на провал. Стрелять-то все равно придется только одному снайперу. Ведь после первых выстрелов кортеж наверняка остановится, а телохранители прикроют охраняемого. Если в операции задействованы два или три снайпера, то их постараются разместить на двух или трех предполагаемых маршрутов потенциальной жертвы. Если же снайперов размещают на одном маршруте, то их прячут в разных местах. В этом случае действует принцип подстраховки. Если первый снайпер сдрейфит или по какой-либо причине не сможет стрелять (например, винтовка откажет или объект окажется закрыт каким-то внезапно возникшим препятствием), в дело вступает второй снайпер. Если и у него не получится начать стрельбу, тогда можно задействовать третьего. Однако чем больше стрелков, тем выше риск, что кто-то из них будет обнаружен охраной или случайными прохожими, и операция провалится.

Но если версия о втором стрелке представляется несостоятельной, тогда практически рушатся и все версии о заговоре, поскольку они основываются на представлении, что Освальд был подставной фигурой, а одновременно с ним, но гораздо более точно по президенту стрелял кто-то другой.

В 13.38 полиция начала искать человека в возрасте около 30 лет, который, возможно, совершил покушение на президента и губернатора Конналли. В 14.38 Линдон Джонсон принес присягу в качестве президента США.

В 15.41. гроб с телом президента был помещен в самолет, направлявшийся в Вашингтон, куда прибыл в 17.53.

Линдон Джонсон приносит присягу в качестве президента США

В протоколе вскрытия, произведенного в Национальном военно-морском медицинском центре в Бетесда (Мэриленд), обстоятельства дела излагались так: «Президент Джон Ф. Кеннеди ехал в открытом автомобиле в составе кортежа во время своего официального визита в город Даллас (Техас) 22 ноября 1963. Президент находился на заднем пассажирском сиденье справа, с Госпожой Кеннеди слева от него. Спереди от президента находился Джон Б. Конналли, губернатор Штата Техас и непосредственно перед госпожой Кеннеди сидела госпожа Конналли. Автомобиль ехал на медленной скорости, постепенно спускаясь к тоннелю, ведущему к автостраде по направлению к Далласскому Торговому центру, где у президента должно было проходить официальное мероприятие.

Очевидцы слышали три выстрела, после чего президент резко упал вперед, а из его головы текла кровь (тогда же был серьезно

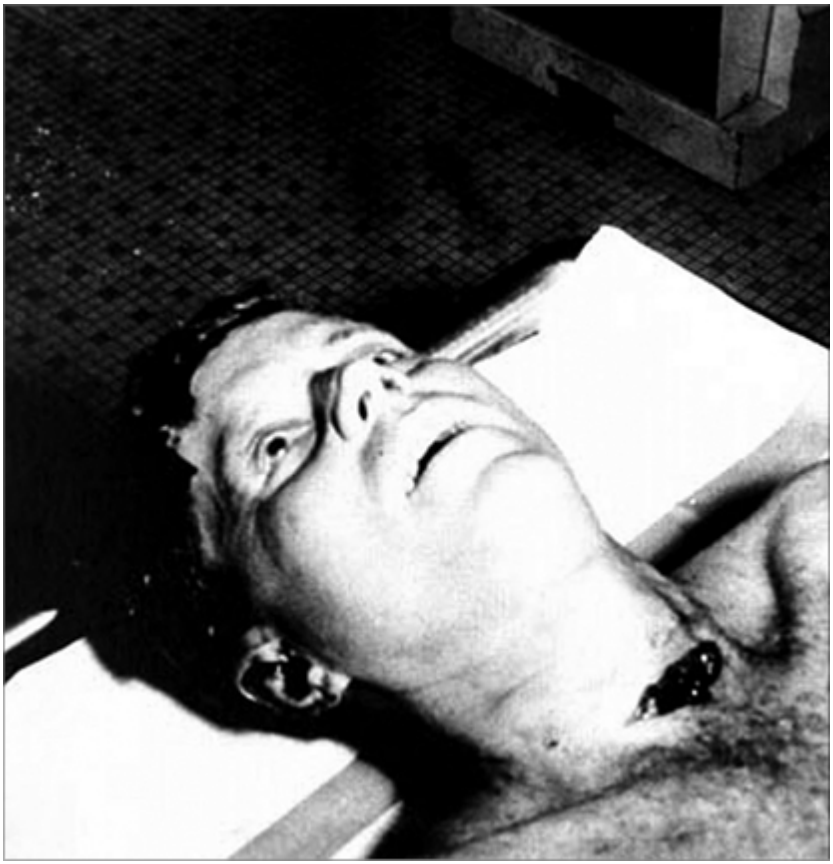
ранен губернатор Конналли).

Фотограф Боб Джексон сообщил, что сразу после того, как услышал выстрелы, он стал оглядываться вокруг и увидел ствол винтовки, исчезающий в окне на верхнем этаже находящегося рядом здания техасского книгохранилища.

Сразу после выстрелов обоих раненых на том же автомобиле повезли в Парклендскую больницу г. Даллас. В приемном отделении этой больницы президент был осмотрен доктором Малкольмом Перри. Из телефонного разговора с доктором Перри стала известна информация о том, какие наблюдения и процедуры успел сделать доктор Перри до смерти пострадавшего.

Доктор Перри отметил наличие двух ран: обширной раны головы и второй раны (значительно меньшей по размерам) – на передней поверхности шеи в нижней трети почти по срединной линии.

Была выполнена трахеотомия путем расширения последней раны. Отмечалось обильное выделение пенистой крови из просвета раны, в которой определялась поврежденная правая боковая стенка трахеи. Были произведены разрезы в проекции верхней трети грудины с двух сторон, с целью предотвращения возможного развития подкожной эмфиземы. Были начаты внутривенные вливания препаратов крови и физраствора и управляемая подача кислорода. Несмотря на все эти мероприятия, произошла остановка сердца. Непрямой массаж сердца эффекта не дал. Сердечная деятельность не восстановилась. Была констатирована смерть. Это произошло приблизительно через 30–40 минут после получения повреждений».



Тело президента Кеннеди перед вскрытием

В протоколе вскрытия труп Кеннеди описывался следующим образом: «На экспертизу доставлен труп взрослого мужчины удовлетворительного питания, правильного телосложения. Длина тела 72,5 дюйма (185,6 см); масса около 170 фунтов (около 77,2 кг). Трупное окоченение в стадии начала формирования. Трупные пятна необильные, скудные, расположены преимущественно на спине. Волосы густые, рыжевато-коричневые, глаза голубые. Правый зрачок 8 мм в диаметре; левый зрачок – 4 мм. Имеется подкожное кровоизлияние с отеком на медиальной части верхнего века левого глаза, около 1,5 см в диаметре. Подобное кровоизлияние с отеком мягких тканей обнаружено по верхнему краю правой глазницы, неправильной формы. Кости черепа подвижны (мягкие ткани головы описаны ниже). В наружных слуховых ходах сгустки крови. Хрящи ушных раковин, носа, а также отверстие рта без повреждений и без особенностей.

Зубы естественные, целы, в отличном состоянии (у Кеннеди к 46 годам не было ни одной пломбы. – *Авт.*). Отмечается

бледность слизистой оболочки преддверия рта.

На задней поверхности грудной клетки справа, у верхнего края правой лопатки обнаружена рана овальной формы, размерами 0,7 × 0,4 см. Рана располагается на расстоянии 14 см влево от верхушки правого акромиального отростка и на расстоянии 14 см вниз от правого сосцевидного отростка.

На передней поверхности шеи в нижней трети, на уровне третьего и четвертого хрящевых колец трахеи – горизонтальная рана длиной 6,5 см с широким расхождением неровных краев. (Глубина и характер раны будут описаны ниже.)

По краям грудины на уровне сосков – двусторонние свежие горизонтальные хирургические разрезы в пределах подкожной клетчатки, длиной по 2 см. Левый разрез расположен на 11 см медиальнее левого соска, а правый на 8 см медиальнее правого соска. В стенках, краях и вокруг разрезов кровоизлияний не обнаружено. Подобные раны, без кровоизлияний, длиной 2 см каждая, расположены на переднебоковой поверхности левого предплечья, а также на переднебоковых поверхностях каждой голени. Все – в пределах подкожной клетчатки.

На передней брюшной стенке имеется старый хорошо сформированный рубец длиной 8 см от абдоминальной операции по Мак-Бурнею (проще говоря, Кеннеди в свое время вырезали аппендицит. – *Авт.*). В поясничной области вдоль остистых отростков 3–5 поясничных позвонков рубец длиной 15 см (след от операции на позвоночнике. – *Авт.*). Кроме того, имеется рубец на переднебоковой поверхности правого бедра (возможно, след от травмы при игре в американский футбол. – *Авт.*)».

Исследование ран дало следующие результаты: «1. Имеется большой неровный дефект мягких тканей и костей черепа справа. В основном в дефект вовлечена теменная кость, но с распространением и на височную и затылочную области. В этой части головы фактически имеется участок отсутствия мягких тканей и кости, за счет чего и образуется дефект, который имеет диаметр около 13 см. От неровных краев вышеуказанного дефекта на окружающие ткани простираются разрывы. Они направлены следующим образом:

а. От правого нижнего височно-теменного края направо к ушной раковине, до точки, расположенной чуть выше козелка правой ушной раковины.

б. От переднего теменного края в сторону лба, заканчиваясь в 4 см выше верхнего края правой глазницы.

в. От левого края основного дефекта, пересекая срединную линию головы в переднебоковом направлении, длиной около 8 см.

г. От той же самой отправной точки, что предыдущий разрыв, но в заднебоковом направлении, длиной около 10 см.

В затылочной области, на расстоянии около 2,5 см вправо от наружного затылочного бугра и немного выше него – зияющая рана 1,5 × 0,6 см. В подлежащей кости – дырчатый перелом, края которого выглядят скошенными, если их рассматривать с внутренней поверхности черепа.

В просвете вышеописанного большого дефекта черепа видна разрушенная мозговая ткань. При более близком рассмотрении становится ясно, что это подавляющая часть правого большого полушария. Кроме того, в данной области видны обширные разрывы твердой мозговой оболочки, разрушенный серповидный синус.

После отсепаровки кожного лоскута обнаружено множество линий переломов, радиально расходящихся от большого дефекта, сливающихся с большим затылочным отверстием и с дырчатым переломом затылочной кости. Они очень различны по длине и направлению. Самая длинная линия – около 19 см. За счет этих линий образовано множество костных фрагментов различной формы и размеров, от нескольких миллиметров до 10 см в максимальном диаметре.

Обнаруженные переломы чрезвычайно сложны для удовлетворительного устного описания, позволяющего дать наилучшую и всестороннюю оценку характеру повреждения, в связи с чем, для наглядности, подготовлены фотографии и рентгенограммы.

Головной мозг выделен и сохранен для дальнейшего изучения после фиксации формалином.

Отдельно получены три фрагмента кости черепа, которые в совокупности приближаются к форме и размерам большого дефекта, описанного выше.

У одного из углов самого большого из этих фрагментов – часть периметра неровно округлой костной раны, вероятно – выходной, на что указывает скашивание краев по внешней поверхности кости. Рана имеет размеры приблизительно от 2,5 до 3,0 см в диаметре. Рентгенограммы этого фрагмента показывают частицы металла в кости в этом крае. Рентгенограммы черепа показывают многочисленные металлические фрагменты по линии, соединяющей вышеупомянутый описанный маленький дырчатый перелом и верхний край правой глазницы. Из разрушенного вещества головного мозга извлечены два маленьких металлических фрагмента сложной неправильной формы, размерами 7 × 2 мм и 3 × 1 мм. Они переданы на хранение и возможное дальнейшее исследование агентам

Фрэнсису К. О'Нилу-младшему и Джеймсу В. Сиберту из Федерального бюро расследований, которые расписались в получении (акт передачи прилагается).

2. Второе ранение: вероятно, входная рана – в верхней части задней поверхности грудной клетки справа. В окружающих мягких тканях имеются кровоизлияния. Ревизия раневого канала сложна – он проходит через различные фасции и мышцы, его ход непросто определить.

Предположительно выходная рана ранее была описана доктором Малкольмом Перри – в нижней части передней поверхности шеи.

На момент осмотра доктором Пери, рана была измерена как «несколько миллиметров в диаметре», однако, она была расширена за счет трахеотомического разреза и таким образом ее характер ко времени вскрытия трупа является искаженным.

Однако видно выраженное кровоизлияние в мышцы шеи справа и в фасциях, вокруг трахеи, сливаясь с трахеотомической раной.

Точка соединения этих двух ран находится в вершине (надключичная часть) правой плевральной полости. В этой области – контузия париетальной плевры и верхушки верхней доли правого легкого. Диаметр очага контузии и кровоизлияния около 5 см. И висцеральная, и париетальная плевра разрывов в области травмы не имеют.

Разрезы:

Раны волосистой части головы расширены (продлены) коронообразно, чтобы исследовать содержимое полости черепа.

Произведен стандартный общепринятый Y-образный разрез на туловище с целью исследования грудной и брюшной полостей.

Грудная полость.

Костный каркас грудной клетки без особенностей. Органы грудной полости расположены правильно, в нормальном соотношении; повышенного объема свободной жидкости в плевральных полостях не обнаружено. Видна вышеупомянутая область контузии в верхушке правого легкого.

Легкие.

Легкие имеют обычный внешний вид. Правое весит 320 г, левое 290 г. Легкие на ощупь воздушные, их поверхность гладкая блестящая, серо-розового цвета. В апикальной части верхней доли правого легкого – участок диаметром 5 см, имеющий темно-красный цвет с пурпурным оттенком, плотноватый на ощупь. Этот участок соответствует проекции подобного участка на париетальной плевре, описанного выше. При дополнительных разрезах в данной области обнаружено свежее кровоизлияние в

легочную паренхиму.

Сердце.

Перикард гладкий, полость перикарда содержит около 10 мл прозрачной жидкости соломенного цвета. Сердце правильной формы, весит 350 г. Легочная артерия в своем устье проходима, никакой патологии стенки не обнаружено. Камеры сердца содержат умеренное количество посмертных свертков крови. Никаких изменений строения клапанов сердца не обнаружено.

Длина окружности сердечных клапанов: аортальный 7,5 см, пульмональный 7 см, трехстворчатый 12 см, митральный 11 см. Миокард волокнистый, красновато-коричневый. Средняя толщина стенки левого желудочка 1,2 см; правого – 0,4 см.

Венечные артерии рассечены. Их ход, расположение нормальные; стенки упруго-эластичные на всем протяжении.

Органы брюшной полости расположены правильно, в нормальном соотношении. Повышенного количества свободной жидкости не обнаружено. Червеобразный отросток отсутствует, был удален хирургическим путем, в его проекции имеется несколько спаек, соединяющих слепую кишку с висцеральной брюшиной соответственно проекции вышеописанного послеоперационного рубца передней брюшной стенки.

Кости скелета.

Каких-либо повреждений или патологических особенностей костей скелета, кроме вышеупомянутых описанных повреждений черепа, не имеется.

Фотография.

Черно-белые и цветные фотографии с негативами переданы на хранение агенту Американской секретной службы Рою Келлерману, о чем составлен акт (прилагается).

Рентгенограммы.

Сделаны рентгенограммы черепа и трех отдельно представленных его фрагментов. Они также переданы на хранение агенту Американской секретной службы Рою Келлерману, о чем составлен акт (прилагается).

Выводы.

На основании вышеописанных наблюдений, мы приходим к мнению, что пострадавший умер в результате двух сквозных огнестрельных ранений, причиненных снарядами, обладавшими высокой скоростью, от выстрелов, произведенных посторонним человеком. Снаряды воздействовали со стороны сзади и несколько выше погибшего.

По имеющимся данным не представляется возможным определить последовательность причинения двух указанных ранений.

Смертельное ранение начинается входной раной волосистой части головы выше и справа от наружного затылочного бугра. Часть повреждающего снаряда обнаружена в полости черепа (см. также рентгенограмму черепа в боковой проекции, где видно распределение частиц металла в виде дорожки). Часть снаряда вышла через правую теменную кость, при этом вынося с собой фрагменты вещества головного мозга, костей черепа и мягких тканей головы. Две раны черепа объединены большим раневым каналом, по ходу которого установлена фрагментация костей черепа, разрывы мозговых оболочек, разрушение вещества головного мозга.

Другой снаряд попал в заднюю поверхность грудной клетки справа, выше лопатки, прошел сквозь мягкие ткани надплечья и надключичной области правой стороны шеи.

Этот снаряд причинил контузии париетального листка плевры и верхушки верхней доли правого легкого, кровоизлияние в мягкие ткани шеи и открытое повреждение стенки трахеи.

Установлено, что этот снаряд не ударил ни о какую костную структуру по ходу своего движения в теле.

Кроме того, отметим, что по нашему мнению, ранение головы сопровождалось настолько обширным повреждением вещества головного мозга, что исключало возможность выживания пострадавшего.

Дополнительное сообщение будет представлено после более детального исследования головного мозга, микроскопических исследований. Однако не ожидается, что выводы данной экспертизы после этого существенно изменятся».

Таким образом, медицинское заключение однозначно доказывает, что Кеннеди был убит двумя выстрелами, что оба они были произведены сверху и сзади, как раз со стороны здания склада школьных учебников. Смертельным оказался выстрел в голову, при этом установить последовательность выстрелов не представляется возможным.

Дополнительное патоморфологическое заключение гласило:

«После фиксации в формалине головной мозг весит 1500 г. Правое большое полушарие значительно разрушено. Имеется продольный разрыв вещества правого полушария, проходящий в 2,5 см вправо от срединной линии, простирается от полюса затылочной доли до полюса лобной доли. Основные разрушения расположены на 4,5 см вглубь от коры, в белом веществе. Имеются значительные дефекты коркового вещества (участки его отсутствия) над участками разрушения, особенно в правой теменной доле. Края дефектов зубчатые и неровные, с дополнительными разрывами, простирающимися в различных

направлениях и на неодинаковые расстояния от основного участка разрушения. Кроме того, имеется «раздирание» мозолистого тела от колена до хвоста; а также разрушение стенок правого бокового и третьего желудочков.

Левое мозговое полушарие не разрушено. На височной и лобной долях – обширные сливающиеся между собой субарахноидальные кровоизлияния. Борозды и извилины левого полушария хорошо выражены, контурируют. А борозды и извилины правого полушария местами фрагментированы, искажены за счет разрушения, что затрудняет их описание.

При исследовании базальной поверхности снова отмечается разрушение коры. Имеется продольный разрыв средней части полушария, идущий через дно третьего желудочка позади оптической хиазмы. Разрыв имеет продолжение косо вниз на 1,5 см, проходя через ножку мозга. Имеются неровные поверхностные «раздирания» по базыльной поверхности левой височной и левой лобной доли.

Для дальнейшего микроскопического исследования взяты следующие участки:

1. края разрыва правой теменной доли;
2. края разрыва мозолистого тела;
3. фрагмент из передней части разрыва – правой лобной доли.
4. фрагмент коры левой лобной доли с очагом контузии.
5. фрагмент стволового отдела.
6. фрагмент правого полушария мозжечка.
7. фрагмент коры левой височной доли (базальная поверхность) с поверхностными разрывами.

В процессе исследования мозга сделано 7 черно-белых снимков и 6 цветных. Кассеты с негативами отданы адмиралу Джорджу В. Бурклею, врачу Белого Дома.

Микроскопическое исследование.

Мозг.

Многократные срезы исследованы. Все они по существу подобны и показывают наличие обширных очагов разрушения мозговой ткани с кровоизлияниями. Ни в одном из препаратов не было обнаружено какой-либо патологии, кроме тех изменений, что непосредственно связаны с недавней травмой.

Сердце.

В препаратах умеренное количество субэпикардиальной жировой ткани. Коронарные артерии, волокна сердечной мышцы и эндокард без патологии.

Легкие.

В препаратах из области контузии верхней доли правого

легкого – разрывы альвеолярных стенок и свежие кровоизлияния в альвеолы. В остальном, ткань легких без особенностей.

Печень.

В препаратах ткань печени с нормальной структурой, с хорошо сохраненным рисунком строения паренхимы. Гепатоциты с заметно зернистой гранулированной цитоплазмой, что указывает на высокое содержание гликогена и является свидетельством быстро наступившей смерти (поэтому не исключено, что в госпиталь поступил уже мертвый Кеннеди).

Селезенка.

В препаратах никаких существенных отклонений от нормы.

Почки.

В препаратах не выявлены никаких существенных изменений. Отмечается расширение и выраженное полнокровие кровеносных сосудов всех калибров.

Раны кожи.

Представленные препараты – края ран затылочной области и задней поверхности грудной клетки подобны. В каждом имеется нарушение непрерывности эпидермиса с очагами коагуляционного некроза.

В краях раны затылочной области и в подкожной клетчатке обнаружены мелкие частицы костной ткани.

Заключительные выводы:

Данное заключение (дополнительное сообщение) более подробно и обширно описывает имевшую место травму. Однако полученные в ходе микроскопического исследования сведения не меняют ни одно из утверждений, изложенных в ранее составленных выводах; не меняет мнения о причине смерти.

Подпись – Хьюмс. Дата окончания экспертизы: 6 декабря 1963 года».

Любопытно, что вскрытие не зафиксировало у Кеннеди никаких патологий, кроме тех, что были причинены пулями Освальда. Мучившая президента болезнь Аддисона посредством вскрытия не могла быть выявлена. Ее диагностика требовала специального исследования, которым патологоанатомы не занимались. Но, что еще интереснее, вскрытие не зафиксировало никаких патологий спины и позвоночника. Если они и были, корсет, возможно, способствовал их исправлению. Поэтому можно предположить, что своими ссылками на больную спину Кеннеди нередко маскировал обострения болезни Аддисона. Но эта болезнь не смертельна. А в остальном Кеннеди был практически здоров. Спортсмен, не злоупотреблявший алкоголем и не куривший, правильно и регулярно питавшийся и не позволявший себе располнеть, он бы мог еще жить и жить, если бы не пуля

Освальда.

Когда двоюродная сестра Кеннеди Энн Гарган и сиделка старшего Кеннеди Рита Даллас сообщили Роз Кеннеди о смерти президента, она только стоически произнесла: «Мы и это выдержим». А старый посол все это время в неведении спал. Роберт же Кеннеди, узнав о смерти брата, сказал: «Он прожил прекрасную жизнь».

19
Как убивали американских президентов

Для того, чтобы понять, было ли убийство президента Джона Кеннеди результатом действий психически неуравновешенного убийцы-одиночки Ли Харви Освальда или следствием тщательно спланированного заговора, посмотрим, как были осуществлены убийства или покушения на убийство других президентов США.

Всего производились покушения на жизнь 11 из 44 президентов США. Кроме Джона Кеннеди, были убиты еще три президента – Авраам Линкольн, Джеймс Гарфилд и Уильям Маккинли. Получается, что американский президент – довольно опасная профессия. Вероятность погибнуть от пули убийцы – 6,8 %, а вероятность, что в тебя будут стрелять – 25 %.

Первым американским президентом, на которого было совершено покушение, стал Эндрю Джексон. 30 января 1835 года в здании Капитолия к нему подошел 35-летний маляр Ричард Лоуренс и, выхватив пистолет, попытался выстрелить, но пистолет дважды дал осечку. Лоуренс заявил, что мстил Джексону за то, что остался без работы. Джексон думал, что убийцу подослал кто-то из его политических противников, но наличие заговора так и не было доказано. Замечу, что несчастный маляр, который шел на верную смерть, поскольку даже в случае успешного покушения шансов скрыться у него практически не было, больше напоминает отчаявшегося убийцу-одиночку, чем наемного убийцу. Конечно, противники Джексона могли обещать несостоявшемуся убийце, что обеспечат всем необходимым его семью, но никаких доказательств этого также не было найдено.

Покушение на Эндрю Джексона. Гравюра XIX в.

14 апреля 1865 года в ложе театра Форда в Вашингтоне был смертельно ранен и на следующий день скончался президент Абрахам Линкольн. Убийцей был 26-летний актер Джон Уилкс Бут, по официальной версии, – агент только что поверженной Конфедерации.

Утром 14 апреля Бут зашел в театр Форда за почтой и узнал, что вечером на спектакле будет президент Линкольн с супругой. С ними должен был быть еще генерал Улисс Грант, которого Бут тоже хотел убить, но по настоянию супруги генерал в театр не пошел, а вместе с супругой направился поездом навестить родственников в Нью-Джерси и тем самым избежал покушения.

Во время самой смешной сцены комедии «Мой американский кузен» он вошел в ложу президента и выстрелил в него после одной из реплик, рассчитывая, чтобы звук выстрела был заглушен взрывом хохота. По некоторым данным, Бут при этом воскликнул: «Sic semper tyrannis!» («Так всегда будет с тиранами!» – девиз штата Вирджиния, повторяющий слова Брута после убийства Цезаря), и, по некоторым свидетельствам, добавил: «Я сделал это – Юг отмщен!»

Выстрел в Линкольна из пистолета 44-го калибра был сделан с расстояния меньше, чем 1,5 м, то есть почти в упор. Почти сразу после выстрела Линкольн перестал дышать. Несколько студентов-медиков, находящихся в здании театра, попробовали провести его кардиопульмонологическую реанимацию: они сначала

сдавливали его диафрагму, а потом тянули его за руки в разные стороны, в результате он задышал.

Один из врачей достал пулю из черепа, которая застряла в районе глаза, для того, чтобы рана могла свободно кровоточить. Линкольна на кресле-каталке перенесли в соседний дом, где он не пришел в сознание, но стонал и инстинктивно несколько раз дергал руками. Приблизительно через 10 часов он умер. Кроме кровотечения и ранения ткани, часть крови, скорее всего, образовала опухоль в таком неудачном месте (основание черепа), что перекрыла доступ кислорода к мозгу пострадавшего, в результате через 10 часов он скончался. При сегодняшних возможностях медицины были бы некоторые шансы его спасти, если бы была проведена трепанация черепа и удалены сгусток крови, мешавший доступу кислорода. Кроме того, раненому могли бы дать кислород и специальные препараты, стимулирующие доступ кислорода к мозгу. Впрочем, все это имело смысл, только если не было значительных повреждений головного мозга. В последнем случае пациент, даже если бы выжил, был бы обречен в дальнейшем на растительное существование.

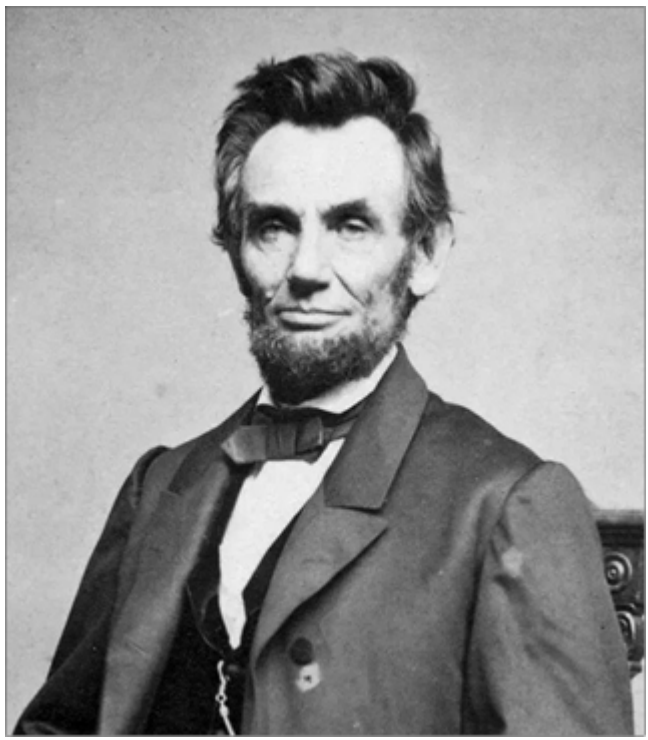
При прыжке из ложи Бут повредил ногу, но в возникшей суматохе ему удалось вскочить на лошадь и скрыться (по другой версии, ногу Бут повредил уже во время путешествия, когда его лошадь споткнулась). Арестовав нескольких агентов южан, власти выяснили, где скрывается Бут. 26 апреля он был обнаружен в амбаре на ферме в северной части штата Вирджиния. Амбар был окружен войсками и подожжен. Бут вышел из него с револьвером в руке и был смертельно ранен в шею сержантом Бостоном Корбеттом, который нарушил приказ взять Бута живым. Сержант утверждал, что Бут собирался выстрелить в него, но это опровергалось другими свидетелями. Позднее его хотели судить за то, что он убил Бута без причины, хотя тот ему не угрожал. Корбетт был арестован, но затем освобожден своим министром обороны Эдвином М. Стэнтоном, заявившим: «Мятежник мертв, патриот живет». Корбетт получил причитающуюся ему долю награды за поимку Бута в 1653 доллара и 84 цента. Позднее он говорил, что его руку в момент убийства Бута направляло провидение. Несомненно, Корбетт мстил Буту за убийство Линкольна, хотя того и так ожидала виселица. Позднее Корбетт неоднократно беспричинно пускал в ход оружие и даже помещался за это в психиатрическую лечебницу.

Умирая, Бут сказал: «Передайте моей матери, что я умер, сражаясь за свою страну». В дневнике Бута, который попал в руки следствия, Бут писал после убийства Линкольна: «Наша страна

испытывает все свои тревоги из-за него, и Бог просто сделал меня своим инструментом для его наказания». Труп Бута был опознан, в частности, по татуировке J.W.B. на кисти левой руки.

Были арестованы и осуждены восемь сообщников Бута, из которых четверых повесили, однако ни один из восьмерых не принимал участия в подготовке покушения на Линкольна.

Как утверждает американский журналист Уильям Манчестер, автор книги об убийстве президента Кеннеди, «Джон Уилкс Бут не был агентом конфедератов. Вопреки тому, что считали прежде, он действовал сам по себе. Но президент США Линкольн, его жертва, был убит в критический момент нашей истории, в городе, кишевшем людьми, симпатизировавшими южанам, и ожесточенными призывами к мятежу. Пытаться установить точную взаимосвязь между действием, историческим периодом, когда оно происходило, и его местом – безнадежная затея. Но будет абсурдом утверждать, что этой связи не существует и что преступление в театре Форда могло быть совершено в спокойном обществе, не подвергающемся потрясениям.



Авраам Линкольн

Подобно Буту, Освальд был убит наблюдавшим за ним со стороны человеком, что сделало дальнейшее расследование

невозможным. Тем не менее арена действия, которую он избрал, его пережила».

Насчет Бута как убийцы-одиночки тут, в сущности, все верно. Хотя Бут оказывал содействие войскам Конфедерации и, возможно, имел связи с другими агентами южан и даже вынашивал во время войны план похищения Линкольна, чтобы обменять его на пленных конфедератов, но убийство Линкольна он подготовил и осуществил в одиночку как месть за поражение Юга в гражданской войне. А вот утверждение насчет связи того, что Освальд убил Кеннеди именно в Далласе, городе, где было чрезвычайно много противников Кеннеди, звучит явной натяжкой. В Далласе очевидно преобладали противники Кеннеди справа, а не слева, тогда как Освальд был противником слева. С тем же самых успехом он мог убить Кеннеди не только в Далласе, но и в любом другом городе Соединенных Штатов. Конечно, Техас занимал тогда первое место в США до числу убийств, а Даллас стоял на первом месте по этому мрачному показателю в Техасе. Но Освальд ведь был уроженцем не Далласа и вообще не Техаса, а Нового Орлеана в Луизиане, и в Даллесе прожил лишь около полутора лет из своих двадцати четырех.

2 июля 1881 года на вокзале Вашингтона страдающий нервным расстройством ультраправый политик-неудачник Чарльз Гуатье (Гито), безуспешно добивавшийся поста посла во Франции, в упор расстрелял в спину президента Джеймса Гарфилда. 19 сентября 1881 года президент скончался от общего заражения крови, так как пулю не смогли извлечь.

6 сентября 1901 года во время церемонии открытия Панамериканской торгово-промышленной выставки в Буффало, штат Нью-Йорк, в павильоне «Темпл ов Мьюзик» был тяжело ранен президент-республиканец Уильям Маккинли, скончавшийся 14 сентября. Его убил 28-летний анархист Леон Чолгош, потомок польских иммигрантов, во время традиционных рукопожатий. На допросе он заявил, что узнал о планируемом посещении президентом выставки за 8 дней из газет. Узнав о посещении, он тотчас же сел на поезд до Буффало и поселился в местном пансионе в ожидании события. Чолгош присутствовал на выступлении президента 5 сентября и хотел выстрелить тогда, но не смог подойти достаточно близко. На следующий день Чолгош встал в очередь людей, приветствующих президента, спрятав пистолет в намотанном на руку платке. Охрану президента осуществляли агенты секретной службы (тогда еще неофициально), а также детективы Буффало и одиннадцать солдат Один из сотрудников секретной службы, Джордж Фостер, позже объяснял, что не заметил платок Чолгоша, так как тот был

слишком плотно сжат толпой. Однако позднее тот же Фостер утверждал, что не обратил внимания на Чолгоша, так как пристально следил за черным официантом двухметрового роста, стоявшим за Чолгошем. В четыре часа семь минут, примерно через десять минут после начала приветствий, убийца оказался лицом к лицу с президентом. Он успел выстрелить только дважды – стоявший за ним черный официант ударил убийцу кулаком. Затем подключились сотрудники секретной службы, бросившиеся разоружать Чолгоша, Джордж Фостер и Альберт Галлахер. Перехватить пистолет сумел один из солдат. Одна пуля прошла вскользь и не причинила серьезных увечий, зато другая попала в живот и прошла через внутренние органы, включая желудок, поджелудочную железу и почку, застряв в мышцах спины. Пулю так и не смогли извлечь, и Маккинли умер от заражения крови. На допросе Чолгош, которого до этого изрядно помяла публика, заявил, что убил президента из убеждения, что ни один человек не может обладать огромными привилегиями, когда другие не имеют ничего. Он заявил, что действовал в одиночку. По подозрению в подстрекательстве к убийству ненадолго задержали известную анархистку Эмму Гольдман, после речи которой на одном из митингов Чолгош решился на преступление. Ее вскоре выпустили из-за отсутствия улик. 26 сентября Чолгош был приговорен к смертной казни, а 29 октября казнен на электрическом стуле. Перед смертью он заявил: «Я убил президента ради блага трудящихся, хороших людей. Я не жалею о преступлении, но мне жаль, что я не увижу отца».

Убийство Уильяма Маккинли. Гравюра начала XX в.

После убийства Маккинли, с начала 1902 года, обеспечение безопасности президента, вице-президента и их семей было поручено конгрессом специальному подразделению – Секретной службе Министерства финансов, ранее занимавшейся главным образом борьбой с фальшивомонетчиками. Правда, соответствующий закон был принят только в 1906 году. В дальнейшем Секретная служба стала также охранять бывших президентов и кандидатов в президенты. Ныне Секретная служба подчиняется Министерству внутренней безопасности. Сегодня в составе Секретной службы примерно 5 тыс. человек, в том числе 2,1 тыс. специальных агентов, 1,2 тыс. полицейских и 1,7 тыс. технических и административных работников. Кроме охраны действующих и бывших первых лиц государства, секретная служба также расследует финансовые преступления и преступления в сфере высоких технологий, включая кибер-преступления.

14 октября 1912 года во время предвыборного митинга

в Милуоки, штат Висконсин, было совершено покушение на бывшего президента Теодора Рузвельта, который попытался еще раз быть избранным на президентский пост после четырехлетнего перерыва. Раненный в грудь президент не покинул трибуну, а, превозмогая боль, мужественно завершил свою речь перед избирателями и только потом обратился за помощью к врачам. Покушавшийся Джон Шрэнк был признан невменяемым и по приговору суда помещен в психиатрическую клинику, где скончался 30 лет спустя.

15 февраля 1933 года, вскоре после победы на выборах, но еще до инаугурации, было совершено покушение на Франклина Делано Рузвельта. В Майами (штат Флорида) в него стрелял анархист Джузеппе Зангарра. Стоявшая неподалеку женщина в момент выстрела успела ударить преступника по руке. Зангарра не попал в Рузвельта, зато смертельно ранил мэра Чикаго Энтони Чермака.

1 ноября 1950 года была совершена попытка покушения на президента Гарри Трумэна в его резиденции на Пенсильвания-авеню в Вашингтоне. Тогда в Белом доме шел ремонт, и Гарри Трумэн на время переехал в Блэр-хаус, находящийся через дорогу от Белого дома. Видимо, посчитав, что Блэр-Хаус атаковать проще, два пуэрториканских националиста – Оскар Кольясо и Гризелио Торресола – открыли огонь по сотрудникам полиции Белого дома (так тогда называлась нынешняя секретная служба). Смертельно раненный из 9-мм «люгера» в грудную клетку и живот, охранник Лесли Коффелт открыл ответный огонь и убил одиночным выстрелом в голову Гризелио Торресола. Кольясо был ранен и схвачен. Он был признан судом виновным в заговоре с целью убийства президента США и приговорен к смертной казни. Трумэн, учтя, что охранника убил Торресола, заменил Кольясо электрический стул пожизненным заключением. Отсидев 29 лет, Кольясо был освобожден в 1979 году и вернулся в Пуэрто-Рико.

22 ноября 1963 года в Далласе был убит президент США Джон Кеннеди. Его убийца Ли Харви Освальд двумя днями позже был застрелен в полицейском участке Далласа Джеком Руби в тот момент, когда его вывели для отправки в федеральную тюрьму.

22 февраля 1974 года в Балтиморе была предпринята попытка покушения на Ричарда Никсона. Вооруженный пистолетом преступник ворвался в самолет авиакомпании «Дельта», вылетающий в Атланту, и, угрожая взорвать самолет со всеми пассажирами, приказал летчикам лететь к Белому дому. Он сообщил, что собирается убить президента Никсона. После перестрелки со спецподразделением ФБР преступник

застрелился. В его портфеле нашли самодельную бомбу.

В сентябре 1975 года были совершены две попытки покушения на Джеральда Форда. 5 сентября в Сакраменто, штат Калифорния, в президента стреляла из пистолета Линетт Фромм, член террористической банды Чарльза Мэнсона. Произошла осечка. 21 сентября, когда Форд вышел из отеля в Лос-Анджелесе, в него стреляла активистка левого движения Сара Джейн Мур. На этот раз пуля, выпущенная из пистолета 38-го калибра, пролетела в метре от президента.

Во время покушения на Джеральда Форда

30 марта 1981 года в Вашингтоне двадцатипятилетний диск-жокей Джон Хинкли стрелял в Рональда Рейгана, вышедшего после выступления на съезде профсоюза строителей из вашингтонского отеля «Хилтон». Пуля, пробив грудную клетку, прошла в полутора сантиметрах от сердца президента и застряла в легком. Ее удалось извлечь только после четырехчасовой операции. Кроме Рейгана, тяжелые ранения получили пресс-секретарь Белого дома, агент секретной службы и полицейский. Судебно-медицинская экспертиза признала Хинкли невменяемым и отправила на принудительное лечение.

Чаще всего покушались на Билла Клинтона. Четыре покушения произошли только в течение 8 месяцев, в период с 12 сентября 1993 года по 23 мая 1994 года. По некоторым оценкам, на жизнь Клинтона покушались около 30 раз; по подозрению в покушении были задержаны более 80 человек, большинство из них оказались психически больными.

Неоднократно покушались и на президента Джорджа Буша-младшего.

10 мая 2005 года во время выступления Буша на площади Свободы в Тбилиси гражданин Грузии Владимир Арутюнян бросил в сторону сцены гранату. Она не взорвалась по чистой случайности.

В марте 2007 года военная прокуратура Иордании объявила о раскрытии заговора против Джорджа Буша-младшего в ходе его визита в эту страну в ноябре 2006 года. Трое иорданцев намеревались подорвать посольства США и Дании в Аммане в тот момент, когда в одном из них будет находиться американский президент.

В марте 2007 года спецслужбы Колумбии заявляли о том, что располагают информацией о готовящемся покушении на Джорджа Буша в ходе его визита в эту страну.

В июне 2007 года болгарские спецслужбы сообщали о планировавшемся покушении на американского президента в ходе его визита в Софию.

26 августа 2008 года в Денвере, где проходил предвыборный съезд Демократической партии США, удалось предотвратить покушение на кандидата в президенты Барака Обаму.

После убийства Кеннеди ни один американский президент не погиб в результате покушения, что свидетельствует о том, что уровень работы спецслужбы повысился. Ведь число покушений на первых лиц США за полвека, прошедшие после убийства Кеннеди, только увеличилось. В 1968 году, после убийства кандидата в президенты Роберта Кеннеди, конгресс санкционировал защиту кандидатам в президенты и вице-президенты от Республиканской и Демократической партий. С тех пор также не один из этой категории лиц не был убит. Только 15 мая 1972 года кандидат в президенты от Демократической партии губернатор Алабамы Джордж Уоллес был ранен пятью выстрелами из пистолета, произведенными 21-летним Артуром Бремером в Лауреле, штат Мэриленд. В результате Уоллес до конца жизни оказался прикован к инвалидному креслу. Бремер был приговорен к 63 годам тюрьмы. После апелляции срок был сокращен до 53 лет, а в 2007 году, после отбытия двух третей срока, он был условно-досрочно освобожден. Дневник Бремера, опубликованный после покушения, доказывает, что он лишь хотел прославиться и не преследовал каких-то политических целей. Первоначально он собирался убить президента Ричарда Никсона.

Ознакомившись с краткой историей всех удавшихся и неудавшихся покушений на американских президентов, несложно

сделать вывод о том, что практически все покушения, в том числе все удавшиеся, были осуществлены убийцами-одиночками, и это не удивительно, если знать реалии американской жизни.

Заговор против известного политика составляется обычно тогда, когда организующая заговор группа лиц или партия рассчитывает с помощью этого убийства достичь определенных политических целей. При этом промежуточными задачами заговорщиков является приобретение оружия, необходимого для покушения, а также установление точного времени пребывания объекта покушения в конкретном месте, где можно осуществить покушение.

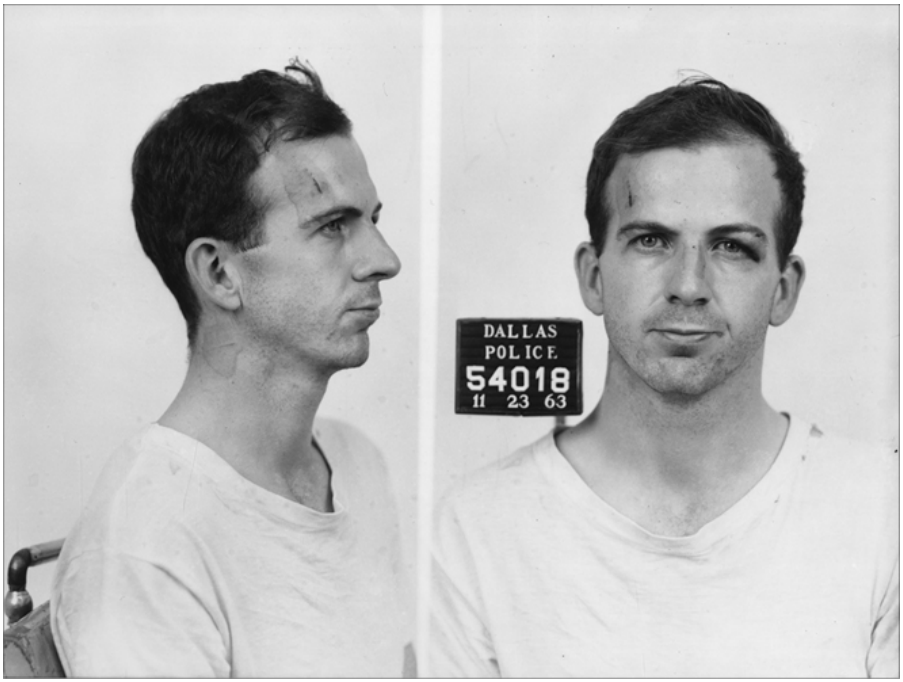
В случае же с Соединенными Штатами все то, что в других странах нередко делают группы заговорщиков, вполне может сделать один человек.

Чаще всего политические партии и группы устраивают заговор тогда, когда они лишены возможности действовать легально и пытаться законными средствами добиться своих целей, а вынуждены оставаться в подполье. Яркий пример здесь – российская «Народная воля», перешедшая к террористическим методам борьбы в условиях, когда ее легальная деятельность была невозможна. В США же, с весьма развитой системой гражданских прав и свобод, обеспеченных также судебной защитой, даже весьма радикальные политические организации анархического или радикального толка имеют довольно широкие возможности вести легальную или полулегальную деятельность, хотя бы на уровне реализации свободы слова и свободы собраний, не говоря уже о возможности реализации своих избирательных прав. Поэтому в Америке политические группы и партии редко составляют заговор с целью убийства политиков. Зачем убивать политика, если может оказаться во всех отношениях полезнее просто добиться его неизбрания на ту или иную должность?

В то же время во многих странах, причем не только авторитарных, но и демократических, проблемой является достать оружие для покушения – пистолет, винтовку, бомбу или взрывчатку. Приобретение оружия тогда становится одной из важных промежуточных целей заговора, поскольку одному человеку достать оружие часто становится не под силу. В Америке же, где разрешена более или менее свободная продажа стрелкового оружия, проблемы достать револьвер или винтовку никогда не существовало. Неслучайно все покушения на президентов были совершены с помощью стрелкового оружия. Взрывчатка же не применялась, поскольку ее оказывалось гораздо сложнее достать и хранить.

В ряде стран, главным образом авторитарных или

тоталитарных, проблемой также является установить время и место пребывания лица, на которого планируется покушение, поскольку информация о деятельности представителей высшей власти является секретной и не имеет широкого распространения. Тогда заговорщикам приходится организовывать разведку и наблюдение, чтобы определить маршруты передвижения будущей жертвы, а для этого приходится привлекать целый ряд помощников. В Америке, где политика чрезвычайно публична и политики вынуждены постоянно искать встречи с избирателями, установление времени и места пребывания потенциальной жертвы не составляет трудной задачи и для убийцы-одиночки. А тот факт, что политики в Америке находятся постоянно на виду, делает их легкой жертвой психически неуравновешенных людей, которые в них разряжают не только винтовки и револьверы, но и собственные психологические комплексы. Если же человек хочет совершить политически мотивированное убийство, как тот же Бут или Освальд, он легко может сделать это в одиночку. Более того, у любого убийцы-одиночки в Америке всегда есть то огромное преимущество перед заговорщиками, что он становится преступником, которого может арестовать полиция, только в тот момент, когда он производит роковые выстрелы. Заговорщики же всегда рискуют тем, что на их след может напасть полиция или кто-нибудь из участников заговора предаст остальных. Да и в других странах будущего убийцу-одиночку до покушения полиция может задержать только разве что за незаконное хранение оружия. Неслучайно поэтому такие громкие преступления, как убийства П.А. Столыпина и С.М. Кирова, как и убийства американских президентов, были совершены типичными убийцами-одиночками.



Ли Харви Освальд. Тюремное фото

Если взять остальных покушавшихся на президента США, то, как мы увидим дальше, Ли Харви Освальд ничем не выбивается из их общего ряда. Он был человеком явно психически неуравновешенным, ничего заметного в жизни не добившимся, и исповедовавшим левые и анархические взгляды. Замечу, что из этого ряда выбивается убийца Линкольна Бут, который был успешным актером, не обделенным вниманием женщин, так что его преступление было идеологически мотивировано, а не проистекало из его положения неудачника и изгоя общества, каким он никогда не был. Но с Бутом Освальда роднит только одно. Оба они были едва ли не единственными из числа покушавшихся на американских президентов, кому удалось благополучно скрыться с места преступления. Но на этом сходство и заканчивается. Буту с помощью друзей и сообщников удавалось оставаться на свободе почти две недели после покушения. Освальд же, человек одинокий и друзей не имевший и даже не умевший водить машину, был схвачен уже через два часа после убийства Кеннеди. И еще была у судьбы Освальда одна общая черта с судьбой Бута. Оба они были убиты до суда мстителями или, в случае Освальда, возможно, человеком, выдававшим себя за мстителя.

20
Кем же был Ли Харви Освальд?

Знакомые запомнили Ли Харви Освальда как человека нервного, замкнутого, трудно сходившегося с людьми, скованного на публике, скрытного, высокомерного, не без ума, но постоянно сконцентрированного на одной, неясной для окружающих цели.

Когда капитан Халлет встретил Освальда в Москве, ему показалось, что тот «бежал в Россию от каких-то неурядиц в семье». Его мать, медсестра Маргарита Клеври Освальд, обладала тяжелым и властным характером. Отец Освальда, Роберт Эдвард Ли Освальд, умер в августе 1939 года, за два месяца до рождения сына, появившегося на свет 18 октября 1939 года. В возрасте двух лет мать отправила Освальда и его старшего брата на тринадцать месяцев в детский дом, так как не имела возможности присматривать за детьми. Маргарита все детство командовала младшим сыном, навязывая ему свою волю. Она сутками пропадала на дежурствах в больнице, Ли оставался дома, но она запрещала ему с кем-либо дружить, опасаясь дурного влияния, и в то же время не позволяла ему навещать себя на работе. Маргарита всегда ограждала Ли от нападок взрослых, когда у него происходили какие-то конфликты. Страдая от одиночества, Ли тем не менее рано стал пропускать школьные занятия, предпочитая бездельничать дома, смотреть телевизор и зачитываться комиксами. В 13 лет из-за частых прогулов в школе его вместе с матерью вызвали к школьному психиатру. Последний сделал вывод, что мать не понимает, что уединение сына – это форма протеста против ее недостаточного внимания к нему, которая является реакцией Ли на полное отсутствие нормальной жизни в семье. Своему школьному наставнику Ли признался: «Что ж, раз мне приходится жить с ней под одной крышей, я ее, наверное, люблю».

Характер у Освальда с самого детства был жестокий и вспыльчивый. Однажды он гонялся с ножом за своим родным братом Робертом Эдвардом Ли Освальдом. В другой раз он угрожал ножом жене своего сводного брата Джона Эдварда Пика. Когда мать пыталась разнять их, он ударил ее кулаком. Подростком Освальд не мог сдерживать раздражения в обращении с мужчинами, а не умея разговаривать с женщинами, быстро приходил в ярость.

Хотя тесты ай-кью показывали высокий уровень его интеллектуального развития, это почти не сказывалось на учебе,

которую он часто пропускал. До семнадцати лет Ли Харви пришлось жить в 22 разных местах, и он поменял 12 школ, так и не получив диплома о завершении среднего образования. Он плохо писал, но много читал. Закончив девятый класс, Освальд бросил школу и, по примеру брата Роберта, поступил добровольцем в корпус морской пехоты. Служба у него особенно не заладилась. Офицеров Ли выводил из себя нежеланием подчиняться дисциплине, а товарищи прозвали его «мокрой курицей», «кроликом Оззи» (в честь героя одноименного мультфильма) и «Освальдсковичем» – за то, что он называл себя марксистом и был настроен просоветски. За три года службы Освальд трижды попадал под суд: за то, что прострелил себе локоть из пистолета, затем за драку с сержантом он был понижен в звании из рядового первого класса до рядового и заключен в тюрьму, а в третий раз его судили за то, что во время ночного караула на Филиппинах он по неизвестной причине выстрелил из винтовки в джунгли.

Хотя готовили Освальда прежде всего как оператора РЛС, он оказался хорошим снайпером. В декабре 1956 года на зачетных стрельбах на стрельбище в Сан-Диего он выбил 212 очков, что было даже больше, чем необходимо для получения квалификации «снайпер». Такая квалификация по стрельбе из винтовки М-1 была Освальду присвоена. Правда, в мае 1959 года он набрал лишь 191 очко, чего не хватало даже для получения квалификации «стрелок». Но, скорее всего, к тому времени Освальд уже принял решение уволиться из рядов вооруженных сил и, что называется, забил на службу. К тому же могло сказаться и отсутствие стрелковой практики. В морской пехоте он изучал русский язык и в феврале 1959 года сдал экзамен на знание письменного и разговорного русского языка, причем уровень его знаний был оценен как относительно слабый.

В октябре 1959 года, незадолго до своего двадцатилетия, Освальд приезжает в Советский Союз. Эта поездка планировалась заранее. Он представил несколько фиктивных заявлений в зарубежные университеты с целью получения студенческой визы. Освальд провел два дня вместе со своей матерью в Форт-Уэрте, а затем 20 сентября отправился на корабле из Нового Орлеана в Гавр (Франция), откуда сразу же переправился в Англию. Приехав в Саутгемптон 9 октября, он сказал таможенным чиновникам, что планирует остаться в Соединенном Королевстве на неделю, прежде чем приступить к учебе в Швейцарии. Но в тот же день он отправился на самолете в Хельсинки, где 14 октября получил советскую визу. На следующий день Освальд отправился из Хельсинки на поезде и прибыл в Москву через Ленинград

16 октября.

Сразу после прибытия Освальд заявил о своем желании получить советское гражданство, но 21 октября его ходатайство было отклонено. Компетентные советские органы определенно подозревали в Освальде агента ЦРУ. Тогда перебежчик-неудачник вскрыл вены на левой руке в ванне гостиничного номера, после чего его поместили в психиатрическую больницу.

Уже 31 октября он явился в посольство США в Москве, заявив, что желает отказаться от американского гражданства. Но Освальд так и не довел процесс выхода из гражданства США до конца, хотя и сдал американский паспорт. О бегстве морского пехотинца США в Советский Союз было сообщено на первой полосе Ассошиэйтед пресс и в ряде газет в 1959 году.

Освальд хотел учиться в МГУ, но его направили в Минск работать токарем на завод «Горизонт», занимающийся производством бытовой и военно-космической электроники. Он также получил пособие, меблированную однокомнатную квартиру в престижном доме, но при этом находился под постоянным наблюдением.

КГБ подозревал, что он может быть американским шпионом, и надеялся, что, оказавшись на оборонном заводе, он как-нибудь проявит себя и, если повезет, выведет на резидентуру ЦРУ. Да и в Минске Освальд будет подальше от иностранных корреспондентов в Москве, а то с его непредсказуемым характером как бы чего не вышло.

Через некоторое время Освальду стало скучно в Минске. В январе 1961 года он записал в своем дневнике: «Я начинаю пересматривать свое желание остаться. Работа серая, деньги негде тратить, нет ночных клубов и боулинга, нет мест отдыха, кроме профсоюзных танцев. С меня хватит». Вскоре после этого Освальд (который официально не отказался от гражданства США) написал в посольство США в Москве запрос на возвращение его американского паспорта и предложение вернуться в США, если обвинения против него в незаконном выезде в Советский Союз будут сняты.

Советский Минск

В марте 1961 года Освальд познакомился с 19-летней студенткой Мариной Николаевной Прусаковой, уроженкой Северодвинска, которой пришлось расти без отца. Менее чем через шесть недель после знакомства они поженились. 15 февраля 1962 года у Освальда и Марины родилась дочка Джун. 24 мая 1962 года супруги Освальд получили в посольстве США в Москве документы, позволяющие ей иммигрировать в США, после чего вместе с маленькой дочкой покинули Советский Союз. Ли наивно думал, что нашел не только красивую женщину, но и убежденную коммунистку. Марина же, похоже, использовала его просто как средство передвижения, чтобы вырваться в благословенную Америку. Ей вполне понравился американский образ жизни. Марина хотела новых вещей и денег на кино и подтрунивала над мужем, который не умел их зарабатывать. Иногда Ли со злости ее поколачивал. Как-то Маргарита заметила у невестки фингал под глазом. Последний год своей жизни Ли, как и его жена, с матерью вообще не виделся и не общался. Однако Освальд любил свою жену и детей. После приступов гнева он просил прощения и в виде наказания разрешал запирать себя в ванной, где стоял на коленях в темноте и громко рыдал, говоря потом, что его мучили кошмары. Спорили и ругались они постоянно, но не расходились. Провоцируя мужа, Марина иногда говорила, что ее подруга Рут Пейн знает русский лучше, чем он. На самом деле такое утверждение вряд ли было справедливо, как хорошо понимала Рут, считавшая, что русский Ли, проживший два с половиной года

в России, знает гораздо лучше ее.

Все теории заговора исходят, как правило, из предположения, что Освальд непосредственно в президента не стрелял и в заговоре не участвовал, являясь некой подставной фигурой, призванной направить следствие по ложному пути. Прада, непонятно, как все-таки заговорщики смогли так классно подставить Освальда, в то же время оставив его в неведении, что заговор существует. А вот почему родилась теория об Освальде – подставной фигуре, догадаться можно.

Дело в том, что поверить в участие Освальда в заговоре не смог бы ни один здравомыслящий человек. К нему, в силу особенностей его биографии, как известно, проявляли интерес и советские, и американские спецслужбы, но из-за крайне неуравновешенного, взбалмашного и непредсказуемого характера от его вербовки быстро отказались. Бывший полковник КГБ Олег Максимович Нечипоренко, изучавший материалы, посвященные Освальду, в российских архивах, приходит к следующим выводам: «Освальд – бывший американский морской пехотинец – купил индивидуальный тур в Финляндии, получил советскую визу, а по приезде в Москву сразу же повел разговор с гидом о том, что хочет остаться жить в СССР строить коммунизм. Гид проинформировала об этом органы госбезопасности. Тогда желание Освальда было необычным. Оказалось, что, когда еще служил в морской пехоте, он увлекся марксизмом. И рвался в СССР строить другую жизнь. Решать его вопрос можно было только в высоких инстанциях. Сразу пошли запросы в разведку, в контрразведку…

Сначала пообщались с ним под крышей «Интуриста», ОВИРа… решение принималось в ЦК КПСС на основании справок МИДа и КГБ, который сказал, что гость не представляет интереса для спецслужб. В процессе его изучения выяснилось, что Освальд – человек, которого трудно запрограммировать и просчитать его реакцию на те или иные обстоятельства. Он относился к категории людей с неустойчивой психикой, невротического склада характера с проявлением истеричности в некоторых ситуациях. Но при этом он, когда себе ставил цель, мог мобилизоваться и все подчинить ее достижению. Он настойчиво добивался разрешения остаться в Союзе. Наши поначалу в советском гражданстве ему отказали. Тот вскрыл вены, попал в больницу. И тогда в высоких сферах задумались о возможной скандальной огласке – приехал человек строить социализм, ему отказали, он вскрывает вены. И решили дать ему пожить в Минске «под колпаком». Отправили его на радиозавод, дали квартиру, зарплату. По тем временам он был неплохо обеспечен.

Там он трудился спустя рукава. КГБ Белоруссии активно работал по нему, потому что дело на него велось по окраске «американский шпионаж».

Через год он женился на советской гражданке, родилась дочь. Отношения с женой были плохие. И поколачивал ее – наклонность к насилию проявлялась. Но все было под контролем».

По поводу Марины Освальд Нечипоренко отрицает версию, что ее для перебежчика подобрал КГБ: «Нет, у нее дядя работал в МВД. Она с большим рвением общалась с Освальдом, познакомившись с ним на вечеринке, рассчитывая выехать за рубеж. Для агентурной работы она по личным качествам не годилась».

А вот что бывший советский разведчик Нечипоренко установил по поводу личных качеств будущего убийцы Кеннеди: «…он совсем не пил. Его как-то взял на охоту человек с завода, а потом зазвал его в пивную. Освальд выпил и обалдел. Сломался, в общем. Человеку – втык по комсомольской линии устроили за это.

Ли Харви Освальд с женой в СССР

Его просто изучали, смотрели, держали под наблюдением (очевидно, поэтому и на оборонный завод в Минске устроили работать. Во-первых, здесь КГБ его легче контролировать, чем на гражданском предприятии. Во-вторых, если Освальд действительно шпион, у него появится соблазн украсть какой-то

военный секрет, и можно будет попытаться выйти на его связи. – *Авт.*). Шушкевич, который стал первым президентом Белоруссии после 1991 года, вспоминал, что обучал его русскому языку. Но Ли Харви плохо говорил на русском…

После двух с половиной лет жизни в Минске, насмотревшись на наше житье-бытье, Освальд потерял стремление строить социализм и запросился обратно в Штаты. Упорно добивался этого. Когда возникли затруднения с выдачей визы жене, начал писать сенаторам на родину: помогайте, я хочу уехать. Проявил такой напор, что ему не стали чинить препятствий. По возвращении его обратно в Штаты и ФБР, и ЦРУ смотрели на него как на шпиона, считали: как это мог миновать систему нашей госбезопасности, чтобы она его не привлекла к работе? То есть сначала наши смотрели на него как на их шпиона, а потом американцы – как на нашего шпиона».

Замечу, что по той же причине, по какой не стал вербовать советский КГБ, от его вербовки должны были отказаться и американские ФБР и ЦРУ. А они к тому же подозревали в нем советского шпиона. Если бы в недрах ЦРУ или ФБР вдруг возник заговор с целью убийства президента Кеннеди или какой-нибудь другой ВИП-персоны, Освальд был бы самым последним человеком, которого бы привлекли к участию в таком заговоре. Но точно так же, если бы Хрущеву или Кастро пришла в голову фантазия, что надо непременно убрать Кеннеди, и КГБ или кубинской разведке поручили бы разработать соответствующую операцию, Ли Харви Освальд был бы последним кандидатом на участие в такой операции.

Однако если вообразить себе, что заговорщиками, задумавшими убить Кеннеди, были не спецслужбы, американские, советские или кубинские, а некие мафиозные группировки, итальянские, кубинские, пуэрто-риканские или какие-то иные, логика их действий была бы такая же, как и у спецслужб. Да и принципиально мафиозные группировки от спецслужб по своей структуре и методам работы не так уж сильно отличаются. И любой мафиози средней руки, пообщавшись с Освальдом хоть в баре, хоть в пивной, быстро пришел бы к выводу, что ни в качестве киллера для Кеннеди, ни в качестве фигуры для отвлечения внимания от фигуры основного исполнителя убийства он не годится, потому что может выкинуть нечто непредсказуемое: или пристрелить вместо Кеннеди совсем другого человека, или пойти и сдать всех в полицию, или просто не явиться туда, куда требуется, в нужное время.

После возвращения в Америку Освальд с семьей поселился в мегаполисе Даллас-Форт-Уэрт, недалеко от матери и брата

Роберта. Он начал писать мемуары о жизни в Советском Союзе, но, как было почти во всем, за что он брался, вскоре отказался от этого проекта. Однако в поисках материалов для мемуарной книги Ли и Марина успели познакомился с русскими эмигрантами, жившими в районе Далласа. В своих показаниях комиссии Уоррена один из них, Александр Клейнлерер, рассказал, что русские эмигранты сочувствовали Марине, тогда как Освальда просто терпели, поскольку считали его грубым и высокомерным.

Хотя русские эмигранты довольно быстро прекратили общаться с супругами Освальд, те успели подружиться с 51-летним русским эмигрантом Джорджем де Мореншильдом, преуспевающим геологом-нефтяником, уроженцем России. И позднее де Мореншильд сообщил Комиссии Уоррена, что Освальд «замечательно владел русским языком». Это опровергает свидетельство Рут Пейн насчет слов Марины, что Ли знает русский хуже Рут. Впрочем, как мы уже говорили, Марина могла просто подшутить над мужем, чтобы позлить его. По свидетельству Рут, Ли, постоянно испытывавший комплекс неполноценности, терпеть не мог, чтобы поправляли ошибки в его русском, и запретил Марине это делать. Он вообще не выносил, когда его в чем-либо поправляли. Между прочим, он не имел не только собственной машины, но даже водительских прав, что в Америке – редкость, особенно для мужчины.

Освальд считал себя марксистом. Он был противником демократии, но и коммунизм советского образца ему не нравился. В автобиографии, написанной вскоре после возвращения в Америку, Освальд отмечал, что «неприятной чертой моего характера является стремление к независимости, вызванное детской безнадзорностью». В той же автобиографии Освальд зафиксировал, как во время своего обратного путешествия из России в Америку он задавал сам себе вопрос, что произойдет, если кто-то «встанет и заявит, что он не только против правительства, но и против народа, против всей страны и всех основ ее бытия. Я слышал и читал о возрождении в США американизма, не ультраправого типа, а скорее вежливого, внешне не значащего ничего американизма, такого, как у группы «Америка прежде всего» (комитет изоляционистов, действовавший в 194—1941 годах. – *Авт.*) и у «Фонда свободы» (антикоммунистическая организация в Далласе. – *Авт.*), но даже под этими скрытыми и лишенными формы патриотическими жестами есть топор, спрятанный в подполье капиталистами, которые и вдохновляют эти дорогостоящие организации. Где и к кому я могу обратиться? К беззастенчивым узколобым

оппортунистам, представителям обеих мировых систем, к гегельянцам-идеалистам, оторванным от действительности, к религиозным группам, к марксистам-ревизионистам или к абсурдному анархизму. Нет!»

Судя по всему, политические взгляды Освальда были ближе к анархизму, чем к марксизму, хотя анархизм он тоже как будто отвергал. Вероятнее всего, для Освальда весь мир сосредотачивался в нем самом, а все существующие идеологии, равно как и политические и социальные объединения, оказывались ему глубоко враждебны. Подобные взгляды весьма типичны для убийц-одиночек. Так, убийца С.М. Кирова ленинградский рабочий-коммунист Леонид Васильевич Николаев писал в своем дневнике: «Коммунизма и за 1000 лет не построить… Я на все теперь буду готов, и предупредить этого никто не в силах. Я веду приготовление подобно Желябову…» А в прощальном письме матери накануне покушения признается: «Я сижу пятый месяц без работы и без хлеба. Однако я силен, чтобы начатое мною дело довести до конца. Это исторический факт. Нет, я ни за что не примирюсь с теми, с кем боролся всю жизнь». А чекист Г.С. Люшков, расследовавший убийство Кирова, а позднее сбежавший в Японию, свидетельствовал: «Николаев… был ненормальный человек, страдавший манией величия. Он решил погибнуть, чтобы стать историческим героем. Это явствует из его дневника». В таком душевном состоянии можно было отправиться стрелять кого угодно, независимо от политических убеждений и общественного положения жертвы. Освальду нужно было только, чтобы человек был заметный. Тогда имя его убийцы прогремит по всему миру и непременно войдет в историю. Но Освальд не знал, что своими выстрелами он обеспечил бессмертие не только себе, но и Джону Фицджеральду Кеннеди.

Ли Харви Освальд был типичный неудачник. Недоучка, он ничего толком не умел делать, разве что стрелял неплохо. Но в войсках служить тоже не хотел. Там требовалась дисциплина, а она Освальду претила. Поэтому ни на какой работе он долго не задерживался. Ощущая свою ненужность и оставленность в Америке всеми, в том числе матерью, он бежал в СССР, но и там не нашел себе места. А по возвращении в США не смог удержаться даже на должности смазчика аппаратов по розливу кофе. Кеннеди же, баловень судьбы, сын богача и сам богач и, главное, президент Соединенных Штатов, по всей вероятности, вызывал у Ли Харви зависть и ненависть. Освальд полагал, что Кеннеди стал президентом только потому, что за ним стояли очень большие деньги. Кеннеди был красавец, любимец женщин, а невзрачный с виду Освальд не пользовался успехом у

прекрасного пола, что могло создавать у него значительный комплекс неполноценности по отношению к президенту.

Из-за своего пребывания в СССР и несколько странного поведения после возвращения Освальд привлек внимание ФБР. ЦРУ также подумывало о том, чтобы использовать в своих целях человека, сравнительно долго жившего в Советском Союзе и имевшего русскую жену. Свои виды на Освальда в бытность его в СССР имело и КГБ. Однако при ближайшем изучении личности этого человека американские спецслужбы, как и советские, отказались от разработки и возможной последующей вербовки Освальда. Он был явно психически неуравновешен, что само по себе исключало какое-либо его использование. Ведь поведение таких людей непредсказуемо, и они могут сорвать выполнение любой сколь угодно тщательно подготовленной операции. Анархические взгляды тоже не делали Освальда особо перспективным агентом, но главное, повторяю, было в его психической неуравновешенности.

После убийства Кеннеди некоторые авторы критиковали ФБР за то, что, вопреки инструкции, предписывающей сообщать секретной службе всю информацию, указывающую на возможность подготовки покушения на президента, не сообщило о проживании в Далласе Освальда. Но эти обвинения выглядят весьма странно и походят на мудрость задним числом. Неужели Федеральному бюро расследований надо было сообщать президентской охране обо всех психопатах, находящихся в Далласе и его окрестностях? Что же касается подозрений, что Освальд может использоваться КГБ в террористических целях, то они у ФБР тогда даже не возникали. Русские с этим ненормальным точно не захотят иметь дело. Тем более, что агенты ФБР следили не столько за самим Освальдом, сколько за его женой Мариной, в которой подозревали советскую шпионку. В ноябре 1963 года в отсутствие Освальда агенты ФБР дважды посещали знакомую Марины Рут Пейн, для получения информации о Марине. Примерно за неделю до визита Кеннеди Освальд посетил отделение ФБР в Далласе, чтобы встретиться со специальным агентом Джеймсом Хости, но поскольку Хости не было на месте, Освальд оставил ему записку. Сама записка не сохранилась. По словам Хости, через два дня после убийства Кеннеди руководитель секретариата отделения ФБР в Далласе Дж. Гордон Шанклин приказал уничтожить записку Освальда. Но выступая перед комиссией Уоррена, Шанклин утверждал, что не давал такого распоряжения, и утверждал, что ничего не слышал о такой записке. Хотя показания Хости и Шанклина противоречили друг другу, это противоречие так и не было устранено в ходе

расследования убийства Кеннеди.

Некоторые из свидетелей утверждали, что в ней говорилось: «Пусть это будет предупреждением: я взорву ФБР и Департамент полиции Далласа, если вы не прекратите беспокоить мою жену. Ли Харви Освальд». Некоторые из чиновников решили, что Освальд пригрозил «взорвать ФБР и департамент полиции» фигурально, пожаловавшись на действия агентов в вышестоящие инстанции. Другие же считали, что в словах Освальда есть прямая угроза взрыва. Хости склонялся к первой версии и на допросе сообщил, что в записке говорилось: «Если вы что-нибудь хотите узнать обо мне, приходите поговорить со мной напрямую. Если вы не перестанете беспокоить мою жену, я приму меры и сообщу об этом в соответствующие органы».

В данном случае показания Хости и других сотрудников ФБР вызывают больше доверия, чем показания Шанклина. Последний прекрасно понимал, что его могут обвинить в уничтожении важной улики, поэтому и утверждал, что никакой записки не было, или, по крайней мере, что он ее в глаза не видел. Очевидно, руководство ФБР предпочло замять это дело, чем привлекать к ответственности своего сотрудника за лжесвидетельство и сокрытие улик. Почему Шанклин приказал уничтожить записку Освальда, тоже понятно. Получалось, что Освальд незадолго до начала поездки президента в Даллас выступал с открытыми угрозами против государственных органов, а местное ФБР не взяло его под плотное наблюдение на время визита Кеннеди, что обязано было сделать. А ведь можно было бы его даже на время визита президента задержать, хотя бы по обвинению в угрозах органам государственной власти. Но, очевидно, Шанклин, Хости и другие сотрудники решили, что Освальд собирается не террористический акт совершить, а накатать на них телегу в вышестоящие инстанции. И поэтому, наоборот, решили от него отстать, чтобы не раздражать еще больше.

Не исключено, что Освальд был совсем не так глуп, каким его считали многие из тех, кто расследовал убийство Кеннеди и писал посвященные этому громкому делу книги и статьи. Своим скандалом в местном отделении ФБР он фактически добился того, что в последние, решающие дни перед покушением на Кеннеди Федеральное бюро расследований ослабило свое пристальное внимание к его персоне. Вполне возможно, что таким и был расчет Освальда, хотя так могло произойти случайно. Ведь Освальд действительно мог разозлиться, что агенты ФБР собираются взять в разработку его жену, и, не контролируя себя, высказать им все, что о них думает, не думая о последствиях. Но в любом случае этот инцидент только помог Ли

в осуществлении его зловещего замысла.

Досье Освальда вел агент ФБР Джеймс П. Хости-младший. Он, в частности, уже 4 ноября, в день, когда тем, кому положено, стало известно о предстоящем приезде президента в Даллас, знал, что Освальд работает на техасском складе школьных учебников на углу Хьюстон-стрит и Элм-стрит. Однако само по себе это не могло настораживать. Освальд поступил на эту работу не 4 ноября, а значительно раньше. В октябре 1963 года подруга Марины Освальд Рут Пэйн сообщила, что на книжном складе, где работает ее сын Уэсли Фрейзер, имеется вакансия, и 15 октября, после собеседования, Освальд начал работать на складе учебников. Роя С. Трулли, директора техасского склада учебников и человека консервативных взглядов, прельстило в Освальде то, что по привычке, выработанной во время службы в морской пехоте, он ко всем мужчинам более старшего возраста обращался со словом «сэр». Зарплату ему положили 1 доллар 25 центов в час. Освальд занимался упаковкой книг – работа не слишком сложная и утомительная, но не очень щедро оплачиваемая. Впрочем, ввиду отсутствия сколько-нибудь приличного образования Ли, как думали окружающие, должен был радоваться и такой работе. Никто же не подозревал, что это рабочее место нужно Освальду совсем для других целей. В момент поступления Освальда на работу на склад учебников о предстоящем визите в Даллас не знал еще и сам Кеннеди. А маршрут следования его кортежа не был определен еще и 4 ноября. В газетах же его опубликовали только 19 ноября. Скорее всего, Освальд, как опытный снайпер, решил закрепить за собой выгодную позицию, безотносительно от возможностей покушения на конкретную персону. Автомашины должны были делать крутой зигзагообразный поворот прямо под окнами склада, сбрасывая при этом скорость. В этом момент они становились прекрасной мишенью для стрелка, устроившегося на верхних этажах или на крыше склада. Освальд мог надеяться, что рано или поздно под окнами склада проедет какое-нибудь высокопоставленное лицо. По свидетельству Марины Освальд, Ли Харви планировал покушение не только против президента Кеннеди, но и против Ричарда Никсона, казавшегося наиболее вероятным кандидатом на президентский пост от республиканцев.

Здание склада учебников, вид с Элм-стрит. Стрелками показано положение президентской машины в момент смертельного ранения и окно, в котором свидетели видели человека с винтовкой

Хости на допросе признался: «Я заметил, что машина президента пойдет по Мейн-стрит, но единственное, что меня интересовало, так это где я смогу увидеть ее, если мне повезет». До покушения он никак не мог предположить, что Освальд будет стрелять в президента Кеннеди, чьим горячим поклонником был Хости.

Секретную службу постфактум упрекали, что она не установила наблюдения за зданием склада учебников. Но, во-первых, это была далеко не единственная точка, с которой можно было стрелять по президентскому кортежу. Во-вторых, если бы агенты ФБР даже установили наблюдение за зданием склада, у них все равно было мало шансов заметить Освальда до покушения.

За месяц до того, как устроиться на работу на склад техасских школьных учебников, Освальд пытался съездить на Кубу, но в кубинском консульстве в Мехико не смог получить въездную визу. Он уверял, что хочет посетить Кубу на обратном пути в Советский Союз. Но тогда кубинские чиновники потребовали, чтобы его возвращение в СССР было бы прежде

одобрено советской стороной. В конце концов кубинский консул отклонил запрос, сказав, что такой человек, как Освальд, не помогает кубинской революции, а только вредит ей.

Уже знакомый нам офицер КГБ О.М. Нечипоренко, который тогда работал под прикрытием в должности вице-консула консульского отдела советского посольства в Мехико, 27 сентября 1963 года встретился с Освальдом. Тот сказал, что хотел бы побыстрее оформить визу в СССР. Нечипоренко вспоминал: «Освальд пояснил, что прожил в Советском Союзе два с половиной года. За это время женился, у них родился ребенок. А потом вновь вернулся в Соединенные Штаты. Жаловался на то, что его преследуют в США, особенно ФБР, агенты которого допрашивали его жену, соседей и мешают ему устроиться на хорошую работу. Поэтому он решил вернуться в СССР. Мы объяснили, что для этого понадобится не менее 3–4 месяцев. Освальд был очень разочарован. На следующий день, 28 сентября, опять пришел, напряженный, взвинченный, производил впечатление человека истерического склада. Когда понял, что срочно получить визу у нас не удастся, впал в депрессию, даже прослезился».

Ли Харви Освальд с женой и дочерью

Познакомившись с Освальдом лично, а потом узнав, что он стрелял в Кеннеди, Нечипоренко засомневался, что такой человек мог быть участником какого-либо заговора. Изучив доклад комиссии Уоррена, оперативное дело Освальда в КГБ Белоруссии

и ряд независимых расследований убийства Кеннеди, Олег Максимович пришел к однозначному выводу о том, что «Освальд не был участником заговора и именно он, убийца-одиночка, совершил смертельные выстрелы по президенту Кеннеди».

По мнению Нечипоренко, «возможный четвертый выстрел, второй стрелок, а следовательно, и заговор, опровергаются экспертами, баллистами и судебными медиками как на Западе, так и в Советском Союзе. Я отдавал документальные кадры покушения в экспертно-криминологический центр МВД СССР, где была проведена их очень тщательная экспертиза. Вывод однозначен: роковой выстрел в голову президента США произведен сзади сверху. Фронтального выстрела не было! Достоверно установлено, что было произведено только три выстрела. Первый – промах. Второй – попадание в спину и выходное отверстие в шее. Третий – сзади в голову. Все разговоры о четвертом – абсурдны!». Насчет абсурдности четвертого выстрела можно вполне согласиться. А вот промазал ли Освальд первым или третьим выстрелом, мы, наверное, никогда уже не узнаем.

Соответственно в январе и марте 1963 года Освальд заказал по почте винтовку «манлихер-каркано» калибра 6,5 мм и револьвер «Смит-и-Вессон» Model 10, калибра 0,38. Оружие он приобрел, воспользовавшись псевдонимом «Алек Хиделл». Винтовка стоила ему 21 доллар 45 центов, посланных почтовым переводом в магазин спортивных товаров «Клейна» в Чикаго. 20 марта на адрес его почтового ящика в Далласе № 2915 была прислана винтовка за № 02677 с оптическим прицелом четырехкратного увеличения. Маскировка Освальда в данном случае была достаточно примитивной. Оба бланка заказа он заполнил своей рукой, а почтовый ящик № 2915 арендовала его семья. У Освальда также имелось довольно примитивно подделанное служебное удостоверение сержанта морской пехоты Алека Дж. Хиддела, но оно бы никого не ввело в заблуждение. Если бы револьвер или винтовка попали в руки полиции, «пробить» Освальда можно было бы за считаные часы. Но для более хитрой конспирации, когда можно было бы, например, снять еще один почтовый ящик на вымышленное имя и текст на бланках заказов отпечатать на машинке, у Освальда не было ни денег, ни опыта. Можно также допустить, что Освальд не очень рассчитывал скрыться в случае покушения на президента Кеннеди или какого-нибудь другого высокопоставленного политика, а потому и не слишком заботился о собственной безопасности. Но, во всяком случае, вымышленное имя в бланке заказа оружия давало Освальду несколько часов на то, чтобы скрыться после

того, как снайперскую винтовку неизбежно обнаружат на месте покушения.

Винтовка «манлихер-каркано», предположительно использовавшаяся Освальдом для убийства Кеннеди

В любом случае шансов быстро скрыться с места преступления у Освальда было очень мало. Хотя Рут Пейн по воскресеньям и учила Ли учить водить машину, он эту науку так и не освоил и даже водительских прав не получил и собственной машины, естественно, не имел. Поэтому он не мог, благополучно покинув здание техасского склада школьных учебников, сразу же сесть в автомобиль и уехать подальше от места преступления и вообще от Далласа. Если бы Освальд был участником заговора, другие заговорщики, скорее всего, позаботились бы о скорейшей эвакуации исполнителя, если полиция не захватила его на месте стрельбы.

Вероятно, Освальд изначально рассматривал два варианта возможного покушения на Кеннеди или какого-то иного высокопоставленного политика: либо с помощью снайперской винтовки на большой дистанции, либо с помощью револьвера на каком-нибудь собрании. В последнем случае, как должен был понимать Освальд, у него практически не было бы шансов скрыться с места преступления.

Револьвер Освальд хранил в своей меблированной комнате в Далласе. Винтовка была завернута в коричневато-зеленое шерстяное одеяло. Вместе с несколькими вещевыми мешками с его вещами она хранилась в гараже инженера-конструктора завода вертолетов «Белл» в Форт-Уорте Майкла Р. Пейна, бывшего мужа Рут Пейн, на Западной Пятой улице, дом № 2515, в Ирвинге, недалеко от дома друга Освальда Фрэзиера. На Западной Пятой улице, 2515 жила и Марина Освальд. Рут Пейн, урожденная Хайд, была ее подругой. С Пейном они разошлись в сентябре 1962 года после пяти лет брака. Но чек от Майкла на 80 долларов, который Рут получала еженедельно, равно как и

другие источники дохода, давали ей достаточно средств к существованию. И Майкл, и Рут были квакерами и много занимались благотворительностью. Свой дом Майкл оставил Рут, а она приютила там Марину. С ней Рут познакомилась в гостях 22 февраля 1963 года. Позднее Рут утверждала, что она впервые встретилась с Освальдами на вечеринке, устроенной русским эмигрантом Джорджем де Мореншильдом. Поскольку г-жа Пейн работала в Комитете по поддержанию контактов между Востоком и Западом, она была заинтересована в изучении русского языка. А Марина могла давать ей уроки русского, что способствовало их сближению.

Роясь в гараже, Майкл Пейн дважды перекладывал с места на место винтовку, завернутую в одеяло. Он подумал, что в этом свертке – оборудование для кэмпинга, в частности, металлические колья для палаток. Как Майкл вспоминал позднее, он чувствовал себя неловко, что приходится перекладывать чужие вещи. Развернуть одеяло ему и в голову не пришло. Если бы открыл сверток, то наверняка поразился бы. Хотя я не уверен, что побежал бы доносить в полицию. В конце концов, каждый американец имеет право на владение огнестрельным оружием. Наверное, только попросил бы Освальда убрать оружие из его гаража. Потом, уже после покушения, Майкл говорил, что подозревал, что Освальд может пойти на насильственные действия, но это похоже на мудрость задним умом.

Поскольку единственное, что Освальд умел хорошо делать, так это метко стрелять, он, по словам Марины, решил продемонстрировать ей свое искусство, когда попытался вечером в среду, 10 апреля 1963 года, убить генерал-майора Эдвина А. Уолкера. Это не было простой демонстрацией, а заранее обдуманной попыткой политического убийства. Следить за домом генерала в Далласе Освальд начал месяцем раньше. Марина сообщила комиссии Уоррена, что ее муж неслучайно выбрал для покушения вечер среды. В это время из-за службы в церкви, находившейся рядом с домом Уолкера, на улице будет много народа. На фоне этой толпы Освальд ничем не выделялся, а при побеге с места преступления быстро мог затеряться в толпе.

Генерал Уолкер был личностью известной. Он был убежденным антикоммунистом, расистом и членом Общества Джона Берча. В 1961 году Уолкер был отстранен от командования 24-й дивизией американской армии в Западной Германии за распространение в войсках ультраправой литературы и уволен в отставку без пенсии. Право на пенсию ему восстановили только в 1982 году, в президентство Рейгана. На родине генерал резко критиковал расовую десегрегацию в университете штата

Миссисисипи, за что даже был арестован. По приказу министра юстиции и генерального прокурора Роберта Кеннеди Уолкера поместили в психиатрическую больницу, но большое жюри отказалось предъявить ему обвинение. В 1962 году Уолкер неудачно баллотировался в губернаторы Техаса, проиграв праймериз среди демократов.

По словам Марины, Освальд считал Уолкера лидером «фашистской партии». На первой странице выписывавшейся Освальдом коммунистической газеты «Уоркер» от 7 октября 1962 года утверждалось, что «администрация Кеннеди и американский народ нуждаются в том, чтобы предпринять акцию против Уолкера и его союзников». Он стрелял в Уолкера в окно, с расстояния менее 30 метров, в то время как генерал сидел за столом в своем доме. Однако пуля попала в деревянную оконную раму, и ее фрагменты ранили Уолкера в предплечье. Полиция пришла к выводу, что неизвестный снайпер стрелял с намерением убить генерала, а не просто попугать его. Марина свидетельствовала комиссии Уоррена, что Освальд сообщил ей, что это он стрелял в Уолкера, хотя результаты стрельбы и доказывали, что гордиться ему было нечем.

По другой версии, когда Освальд нажимал курок, генерал подвинулся, и стрелок, пытаясь перевести прицел, сделал промах. По утверждению Марины Освальд, после неудачного покушения на Уолкера ее муж сжег все бумаги с планами покушения в газовой колонке. Она смогла спрятать в поваренной книге только одну из его записок, намереваясь отнести ее в полицию, если муж опять попытается убить Уолкера или кого-нибудь еще. Эту записку удалось найти только в начале декабря 1963 года. Освальд сказал ей тогда: «Хорошо, что бы ты сказала, если бы кто-нибудь расправился с Гитлером в нужное время? Так что если ты ничего не знаешь о генерале Уолкере, как ты можешь высказываться от его имени?»

В любом случае результаты стрельбы Освальда по Уолкеру, да еще с такой короткой дистанции, никак не отнесешь к снайперским достижениям. До ареста Освальда у полиции не было подозреваемого в покушении на Уолкера. Но уже через несколько часов после ареста Освальда на него пало подозрение в этом покушении. Дело в том, что пуля, которой был ранен Уолкер, была слишком деформирована для проведения полноценной баллистической экспертизы, но нейтронно-активационный анализ (облучение пуль потоком нейтронов для определения химического состава вещества), проведенный после ареста Освальда, показал, что она, весьма вероятно, сделана тем же производителем и выпущена из той же винтовки, что и две пули, которыми был убит Кеннеди.

Мысль убить Уолкера, похоже, не оставляла Ли Харви Освальда почти до самого конца его жизни. 23 октября 1963 года Освальд писал коммунисту Арнольду Джонсону, что посетил митинг «ульраправых», возглавляемых генералом Уолкером. Однако вскоре он нашел для себя более значительную мишень.

Генерал Эдвин Андерсон Уолкер прожил еще долгую жизнь и скончался 31 октября 1993 года, так и не сделав политической карьеры и не дожив всего 10 дней до своего 84-летия.

Тот факт, что Освальд промазал по генералу Уолкеру с близкого расстояния, сторонники теории заговора использовали для того, чтобы доказать, что Ли был никудышним стрелком и никак не мог попасть в президента Кеннеди, стреляя с шестого этажа здания склада учебников. Но тут следует заступиться за Освальда. Хорошо известно, что искусство снайпера требует постоянной тренировки, иначе даже очень хороший снайпер, долгое время не имевший стрелковой практики, первое время будет стрелять плохо. Можно не сомневаться, что в бытность

в Советском Союзе Освальд был полностью лишен возможности тренироваться в снайперском искусстве, стрелял только из охотничьего ружья по уткам, да и то неудачно. Да и после возвращения в Америку, до того момента, как он приобрел снайперскую винтовку, у Освальда не было возможности поупражняться в стрельбе. А винтовку он приобрел, напомню, только 20 марта 1963 года, за 21 день до покушения на Уолкера. Даже если он ухитрялся тренироваться каждый день (а это непросто в Далласе, надо было уезжать куда-то в пригороды), то вряд ли успел восстановить навыки четырехлетней давности. Так что фиаско с покушением на генерала Уолкера было не таким уж удивительным. Но с момента покушения на Уолкера до покушения на Кеннеди прошло больше семи месяцев. За это время Освальд наверняка нашел время для стрелковой практики, тем более, что большую часть этого периода он был безработным. По показаниям Марины, Освальд, по крайней мере в сентябре 1963 года, тренировался, отрабатывая упражнение «дом – улица». Он перезаряжал вхолостую винтовку и производил выстрел на улицу.

И прогресс оказался налицо: по Кеннеди бывший снайпер морской пехоты не промахнулся.

Серьезнейшей уликой против Освальда стали так называемые «фотографии на заднем дворе», сделанные Мариной Освальд предположительно в конце марта или начале апреля 1963 года фотоаппаратом Освальда. На одной из них Освальд держал две марксистские газеты «Милитант» и «Уоркер» и винтовку, пистолет же находился в кобуре на поясе. После ареста Освальд утверждал, что эта фотография – подделка, но в 1964 году Марина под присягой сообщила, что она сделала эту и другие фотографии по просьбе Освальда, и позднее неоднократно подтверждала эти показания. На другой фотографии Освальд держит винтовку в левой руке, а газеты в правой. Еще на одном фото Освальд держит винтовку в правой руке. Мать Освальда сообщила, что на следующий день после убийства Кеннеди она и Марина уничтожили фотографию с Освальдом, где он держит винтовку двумя руками над головой. На этой фотографии была сделана надпись рукой Освальда: «Моей дочери Джун».

1 апреля 1977 года Специальный комитет конгресса по терроризму получил еще один снимок от вдовы Джорджа де Мореншильда. На обратной стороне фотографии была надпись на русском языке: «Охотник на фашистов – ха-ха-ха!» Также на лицевой стороне фотографии было написано на английском: «Для моего друга Джорджа, Ли Освальд, 5/IV/63». Экспертиза почерка установила, что надпись на английском языке и подпись сделаны

рукой Освальда. Кроме того, Комитет Сената по разведке нашел в 1976 году третью фотографию на заднем дворе, где Освальд стоит с газетами в правой руке.

Ли Харви Освальд. Фотография на заднем дворе

Эти фотографии, ставшие важными косвенными уликами против Освальда, были подвергнуты тщательной экспертизе. Эксперты, с привлеченные Специальным комитетом по терроризму в 1979 году, пришли к выводу, что они были подлинными. Однако Марина Освальд всегда утверждала, что она сама делала эти снимки, и фотография от де Мореншильда с автографом Освальда однозначно доказывает, что они существовали задолго до убийства Кеннеди. Тем не менее, некоторые продолжают оспаривать их подлинность. Ученый Хани Фарид провел цифровой анализ фотографий, и пришел к выводу, что фотографии почти наверняка не были изменены, а, следовательно, являются подлинными.

Строго говоря, Марина Освальд определенно знала о том, что ее муж совершил покушение на генерала Уолкера и что у него

имеются планы других насильственных действий и снайперская винтовка и револьвер для приведения своих намерений в жизнь. Полиция вполне могла предъявить ей обвинение в недонесении об опасном преступлении. Ведь если бы Марина сообщила в полицию о том, что Освальд стрелял в генерала Уолкера, его бы наверняка арестовали, и президент Кеннеди остался бы жив. Но она любила своего мужа, надеялась, что он одумается. Марина думала, что Уолкера Ли хотел только попугать, и что винтовка и револьвер нужны ему только для самоутверждения перед семьей и немногими друзьями. Она убеждала себя, что в дело он их больше пускать не будет. Очевидно, судебные власти заключили сделку с женой Освальда, по которой в обмен на откровенные и полные показания о своем муже она освобождалась от ответственности за недонесение.

24 апреля 1963 года, через две недели после покушения на жизнь генерала Уолкера, Освальд уехал из Техаса, чтобы поискать работу в Новом Орлеане. Тогда же Марина переехала к Рут. Освальд устроился работать смазчиком кофейных автоматов в «Рейли Кофе Кампани», владелец которой состоял в антикастровской организации «Комитет Крестового похода за освобождение Кубы». Но уже в июле его уволили, поскольку «он работал неудовлетворительно и проводил слишком много времени, слоняясь в гараже по соседству, где читал журналы об оружии и охоте».

Рассорившись с представителем антикастровской оппозиции, Освальд 26 мая послал письмо в нью-йоркскую штаб-квартиру прокастровского комитета «Честная игра для Кубы» (ФРСС). Он предложил взять в аренду за свой счет небольшой офис, с целью формирования филиала организации в Новом Орлеане. В ответе, который Освальд получил через три дня, ему не рекомендовали открывать офис или, по крайней мере, не начинать с этого свою деятельность. Но в следующем письме Освальд ответил: «Несмотря на ваш совет, я решил открыть офис сразу».

В мае Рут повезла Марину и ее маленькую дочь Джун в Новый Орлеан. Там между супругами опять начались ссоры, и Рут вскоре уехала из города. В конце сентября, получив письмо Марины, Рут снова приехала в Луизиану, чтобы привезти Марину с Джун и полную машину вещей обратно в Даллас.

Будучи единственным членом новоорлеанской ячейки, Освальд начал действовать с размахом. В местной типографии он напечатал 500 анкет, 300 членских билетов и 1000 листовок с заголовком «Руки прочь от Кубы». По словам Марины, Ли сказал ей подписать его членский билет именем «A.J. Hidell».

5 и 6 августа Освальд посетил магазин кубинского эмигранта

Карлоса Бронье, делегата антикастровского Революционного студенческого директората (ДРЕ). Позднее Бронье говорил комиссии Уоррена, что он считал, что Освальд хотел внедриться в его группу как агент прокастровских сил.

9 августа Освальд в центре Нового Орлеана раздавал листовки в поддержку Кастро и наткнулся на Бронье. Завязалась драка. Освальд, Бронье и два друга Бронье были арестованы за нарушение общественного порядка. Перед тем как покинуть полицейский участок, Освальд захотел поговорить с агентом ФБР. Приехавший агент Джон Куигли более часа беседовал с Освальдом.

Одна из листовок Освальда с его собственноручной пометкой была отправлена с адреса «544 Камп-стрит». Этот адрес находился в здании «Ньюмен Билдинг», в котором с октября 1961 по февраль 1962 года размещался антикастровский Кубинский революционный совет. В том же здании находилось частное детективное агентство Гая Банистера, бывшего агента ФБР. Агентство Банистера занималось расследованием деятельности антикастровских организаций в районе Нового Орлеана.

В конце 1970-х годов Специальный комитет по терроризму исследовал возможную связь Освальда и агентства Банистера. Хотя Гай Банистер умер еще в 1964 году, комитет допросил его брата Росса, который предположил, что Освальд использовал адрес «544 Камп-стрит» для отправки листовок, чтобы спровоцировать Гая.

Секретарь Гая Банистера, Дельфина Робертс, рассказывала писателю Энтони Саммерсу, что она видела Освальда в офисе Банистера, когда он заполнял одну из анкет агентов. Она утверждала, что Освальд неоднократно приходил в офис и, возможно, был знаком с Банистером. Специальный комитет по терроризму изучил показания Робертс и решил, что из-за противоречий в ее показаниях и отсутствия независимых подтверждений их нельзя считать достоверными.

Таким образом, перед тем, как пойти на убийство Кеннеди, Освальд занимался тем, что устраивал провокации против антикастровских организаций в США, вероятно, рассчитывая дискредитировать их среди кубинских эмигрантов и в американском общественном мнении.

В 16.40 в четверг 21 ноября, когда супруги Кеннеди еще только покидали самолет в Хьюстоне после 45-минутного перелета с аэродрома Келли Филд, Освальд на складе учебников завершил рабочий день и попросил своего товарища по работе Уэсли Фрэзиера подвезти его домой в пригород Ирвинг на своем

подержанном «шевроле». Как вспоминал впоследствии Фрэзиер, Освальд подошел к нему через несколько минут после того, как оба они, взглянув на карту президентского маршрута, помещенную на первой странице вечерней «Таймс геральд», выяснили, что завтра кортеж Кеннеди проследует мимо здания, где помещался склад учебников.

– Ты бы не подвез меня домой этим вечером? – спросил Освальд.

– Конечно, – ответил Фрэзиер. – Я же предлагал подвозить тебя домой всегда, когда тебе надо. Я готов это сделать в любое время, как только тебя потянет повидать жену.

Потом, задним числом, эта просьба показалась Уэсли несколько странной. Как правило, Освальд уезжал к жене в пятницу вечером, чтобы провести с нею уикенд. В остальные дни он обычно ночевал в меблированной комнате в Далласе на Норс Бэкли-авеню, 1026. Но 21 ноября был четверг.

– Почему ты едешь домой сегодня? – поинтересовался Фрэзиер.

– Мне надо привезти карнизы для занавесок, – пояснил Освальд.

Фрэзиер ничего не заподозрил, так как не знал, что в комнате Освальда на Норс Бэкли-авеню занавески уже висели.

В тот же день после обеда Освальд зашел в отдел посылок и сделал из коричневой бумаги мешок, чтобы спрятать 6,5-миллиметровую винтовку системы «манлихер-каркано».

Около 17.25 вечера Фрэзиер высадил Ли около дома, где проживали Марина и Рут. В момент появления Освальда Рут дома не было, она вышла в магазин. Марина рассердилась, что муж не предупредил ее о своем приезде. Ведь они договаривались, что на неделе он ее с дочерьми беспокоить не будет. К тому же в понедельник, 18 ноября, Марина впервые решила позвонить Освальду, ей ответили, что человек по фамилии Освальд не проживает до адресу Норс Бэкли-авеню, 1026. Дело в том, что в меблированных комнатах он жил под вымышленным именем, о чем не поставил в известность жену. На следующий день, во вторник, Ли позвонил жене и сообщил, что хозяйка пансиона и соседи знают его как мистера Ли О. Х., то есть там свое имя он использовал как фамилию.

Ли очень рассердился на Марину за то, что она к нему позвонила, а она, в свою очередь, разозлилась, что он живет в Далласе не под своим именем. Во вторник они кончили телефонный разговор в ссоре, и хотя в этот день Ли звонил ей еще несколько раз, Марина отказалась с ним разговаривать.

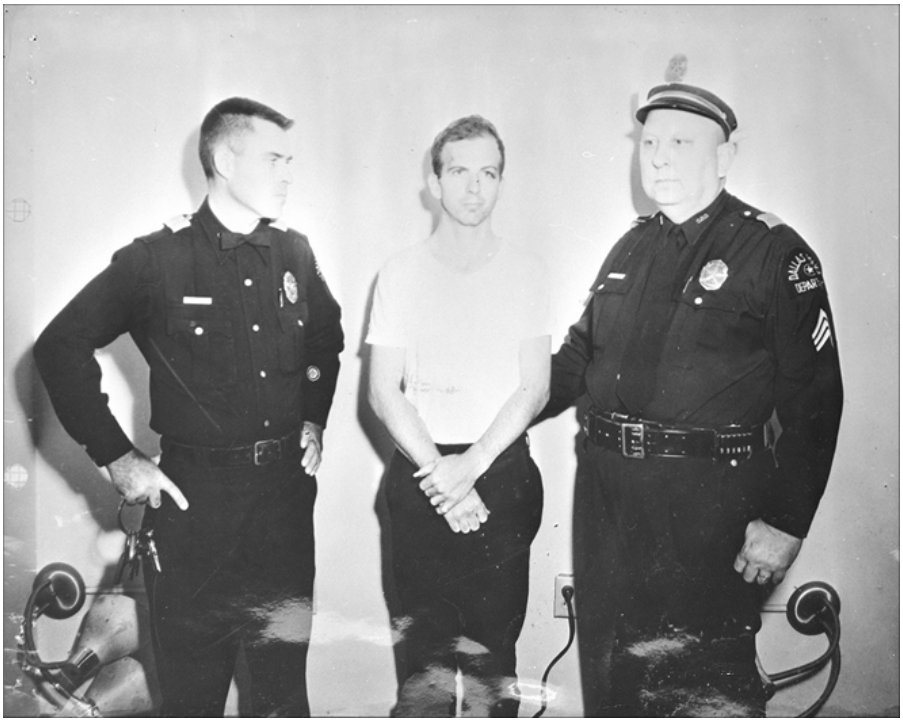
Теперь, в четверг, Освальд заявил, что приехал мириться, но

Марина все еще сердилась на него. Бледный и расстроенный Ли всячески демонстрировал раскаяние. Он несколько раз пытался начать разговор. Он говорил об одиночестве и что ему не хватает общения с детьми. При этом он ругал Рут, эту «долговязую, длинную, глупую женщину», которая, как он полагал, и ссорит Марину с ним. Как знать, не ревновал ли Освальд Марину к миссис Пейн. Марина не слушала его, и Ли еще больше нервничал и злился, но все не уходил. Как свидетельствовала позднее Марина, «он очень старался понравиться мне». Ли даже стал стирать пеленки малышке и всячески демонстрировал свой интерес к обеим дочерям. Но Марина оставалась неумолимой. Она же не знала, что муж приехал проститься в последний раз. Очевидно, Освальд не думал, что после покушения останется на свободе сколько-нибудь долгое время. Ли стал умолять жену сменить гнев на милость, так как ее злость его очень расстраивает. Он предложил Марине уйти от Рут, поскольку, дескать, устал жить один. Ли считал, что их последние ссоры проистекают от того, что, хотя они муж и жена, но живут врозь. Ли хотел, чтобы Марина и дети были с ним, и, если она согласится, он завтра же снимет в Далласе квартиру.

В это время вернулась Рут. Она увидела Ли, игравшего на траве с Джун, и Марину, сидевшую с недовольным видом. Рут удивилась, что Ли приехал в неурочное время. Она поняла, что супруги опять в ссоре, и решила отвлечь Ли, сообщив о предстоящем прибытии Джона Кеннеди в Даллас. Она очень много думала об этом событии.

Рут предполагала, что они с Мариной и с детьми 22-го утром возьмут с собой детей в Даллас и подыщут по пути следования кортежа подходящее место, откуда можно будет хорошо рассмотреть президента. И она вспомнила, что Освальд работает на складе школьных учебников. Вот если бы он завтра был на работе! Тогда они могли бы подняться к нему и хорошенько рассмотреть президентский кортеж. Но школьные учебники в Далласе хранились в двух зданиях, находившихся в разных местах в нескольких кварталах друг от друга. И Рут почему-то решила, что Ли работает не на Элм-стрит, а в другом здании. Поэтому она не стала просить его пустить их с Мариной к нему на рабочее место, чтобы взглянуть на Кеннеди. Если бы такая просьба последовала, Освальд, возможно, не смог бы отказать в удовольствии маленькой Джун, и тогда бы покушение вряд ли состоялось. Так исчез еще один шанс для Кеннеди уцелеть.

Рут же сказала только: «Наш президент приедет в город».



Арестованный Ли Харви Освальд

Освальд на это сообщение никак не отреагировал и молча помог Рут выгрузить покупки из машины. В половине седьмого вечера они пообедали. Освальд ел молча. Потом опять пытался уговорить Марину переехать в Даллас, но она сказала, что останется с Рут. К тому же ей дешевле жить в пригороде, чем в самом Далласе, а эта экономия важна для бюджета семейства, где только что появилось пополнение. Чтобы соблазнить ее на переезд, Освальд пообещал купить ей стиральную машину. Ранее из-за своей скупости он в этой просьбе неоднократно отказывал. Но Марина заявила, что он может потратить деньги, предназначенные для покупки машины, на себя. Муж, по ее словам, «замолчал, уселся перед телевизором, а потом пошел спать».

Как знать, если бы примирение между Мариной и Ли состоялось, Освальд отказался бы от намерения на следующий день убить Кеннеди, а вместо этого спокойно пошел бы спать.

В девять часов Марина, которая была на половине Рут, заметила, что муж вошел в ее спальню и закрыл за собой дверь. Рут, которая только что уложила своих детей спать и прошла через кухню в гараж, чтобы покрасить лаком детские кубики, заметила, что в гараже горит свет, и решила, что там побывал Ли. Марина всегда гасила свет, а вот Ли по всегдашнему

разгильдяйству частенько забывал это сделать. Он наверняка входил в гараж за винтовкой. Неизвестно, упаковал ли он ее в бумажный пакет, который должен был имитировать мнимые карнизы для занавесок, чтобы утром забрать оружие прямо из гаража, или уже вечером перенес пакет с винтовкой в спальню жены, где ночевал. Менее рискованным было оставить оружие в гараже, поскольку в спальне ее могла обнаружить Марина. Замечу, что в принципе нельзя исключить, что Марина в действительности знала о намерении Освальда убить президента, и вся ссора между ними могла быть устроена для отвода глаз Рут и для создания позднейшего алиби Марине, которая, естественно, заявляла, что понятия не имела о намерении Ли убить президента. Даже если все было действительно так, после гибели Освальда уличить Марину в соучастии у следствия не было никакой возможности. Это – один из многих вопросов в деле Кеннеди, на который, вероятно, никогда не удастся дать однозначного ответа. Но его нерешенность принципиально никак не подрывает версию об Освальде как об убийце-одиночке.

На следующее утро в пятницу Освадьд вернулся в Даллас с Фрэзиером. Дома он оставил 170 долларов и обручальное кольцо. Себе он оставил только 15 долларов 10 центов. Это еще одно доказательство того, что он не рассчитывал, что удастся слишком долгое время скрываться от полиции, и потому счел, что семье деньги будут нужнее. Освальд также взял с собой длинный бумажный мешок, в который была спрятана винтовка. Из дома в Ирвинге он ушел в рабочей рубашке и серых брюках. Он прошел полквартала пешком на Западную Пятую улицу, где в угловом доме у своей сестры жил Уэсли Фрэзиер, и просунул голову в открытое окно кухни, где тот завтракал.

Мать Фрэзиера, никогда прежде не видевшая Освальда, спросила, кто это такой. «Это Ли, – ответил Уэсли. – Мне пора идти».

Садясь в машину, Фрэзиер заметил пакет на заднем сиденье.

– Что это там у тебя в пакете, Ли? – спросил он.

– Карнизы для занавесок, – невозмутимо ответил Освальд.

– Да, ты же говорил мне, что собираешься их везти. А где же твой завтрак?

– Я куплю себе что-нибудь по дороге.

К 8.00 они приехали на работу. Всю дорогу моросил мелкий дождь. Освальду важно было, чтобы он не превратился в ливень. Тогда президент наверняка поедет в закрытой машине, и покушение сорвется.

Директор склада учебников Трулли вспоминал, что встретил Освальда утром у склада и они обменялись стандартными

приветствиями:

– Доброе утро, Ли.

– Доброе утро, сэр.

Но пакет в руках у Освальда его начальник не запомнил. Впрочем, он и не утверждал, что пакета не было.

Спрятать винтовку Ли помог случай. Старый пол склада на шестом этаже был покрыт маслянистыми пятнами. Трулли, огорченный, что пачки книг, хранившиеся в этом месте, часто пачкались, приказал покрыть пол фанерой стального цвета. Чтобы сделать это, картонные ящики с книгами перенесли из задней и северной части помещения в переднюю часть, сложив их там в два ряда. А южная сторона, мимо которой должен был проезжать кортеж президента, оказалась беспорядочно загромождена картонными ящиками и тележками для перевозки книг. Спрятаться там было легче легкого. Здесь, в юго-восточном углу склада, Освальд успел оборудовать утром снайперскую позицию из ящиков. Отсюда должно было быть хорошо видно, как движется машина президента. В то же время штабели ящиков закрывали его от тех, кто мог следить за ним из здания Даль-Текса, находящегося на противоположной стороне Хьюстон-стрит. Другие ящики послужили упором для прицеливания.

Конечно, укрытие было некомфортным, пыльным, с грязным полом, но дело того стоило.

Рабочие перестилали пол все утро. В 11.45 начался перерыв на завтрак, на который как раз и приходился проезд президентского кортежа. Люди стали выходить из здания склада на улицу, чтобы посмотреть на Кеннеди. Склад оставался пустым. Чарлз Гивенс, старший служащий книжного склада и бывший стюард на флоте, заметил Освальда, который стоял у двери лифта на пятом этаже, наблюдая, как сотрудники спускаются вниз. Тут Гивенс вспомнил, что забыл папиросы в кармане пиджака, и вернулся. На шестом этаже он встретился с Ли.

– А ты что, остаешься? – удивился Гивенс.

– Нет, сэр, – ответил Освальд и попросил: – Когда спуститесь, закройте, пожалуйста, дверь лифта.

Дело в том, что лифт в западной части здания можно было вызвать, только если его дверь закрыта. Ли готовил себе путь отхода. Он остался один, и у него было еще полчаса на последние приготовления.

Спустившись, Гивенс обнаружил, что нельзя закрыть двери западного лифта, так как кабина застряла наверху. Потом он вспомнил, что время было 11.55.

Позднее Чарльз Гивенс сообщил следствию, что видел Освальда на шестом этаже склада в 11.55, за 35 минут до

убийства. Однако другой сотрудник склада, Бонни Рэй Уильямс показал, что он отправился на шестой этаж обедать около 12.05 и был там по крайней мере до 12.10; он сказал, что за это время он не видел ни Освальда, ни кого-либо еще, на шестом этаже. Не исключено, что в то время, пока Р. Уильямс обедал, Освальд прятался за ящиками, или что в действительности Уильямс был на шестом этаже не до 12.05, а до 11.55, неправильно определив время по часам на рекламе. Ведь он мог увидеть не сами часы, а их зеркальное отражение, а в зеркале стрелки, показывающие 11.55, будут выглядеть как стрелки, показывающие 12.05.

В тот вечере накануне покушения, когда Освальд приезжал за винтовкой, они с женой поссорились. Совсем недавно, 20 октября, в семье Освальдов родилась вторая дочь, но это радостное событие не прекратило споров и ссор между супругами. Последняя ссора могло только укрепить Ли Харви в его намерении убить Кеннеди.

Кеннеди с его активной публичной деятельностью, с постоянными встречами с общественностью был особенно трудным объектом охраны. Он не склонен был прислушиваться к рекомендациям агентов секретной службы, поскольку считал, что они ограничивают его контакты с избирателями. Кен О'Доннел был прав, когда утверждал, что «активное участие в политической жизни и обеспечение безопасности несовместимы».

Марина Освальд, узнав, что президент ранен и что предположительно стреляли из здания склада школьных учебников, тайком от Рут проверила в гараже, на месте ли винтовка. Увидев, что одеяло по-прежнему свернуто, и не зная, что там ничего нет, она на время успокоилась.

Зато Майкл Пейн, узнав о покушении, по его словам, сразу заподозрил, что за ним может стоять Ли Харви Освальд, и собирался позвонить в ФБР, но сразу дозвониться не смог.

Вот краткая хронология действий Освальда и полиции, составленная У. Манчестером на основании материалов комиссии Уоррена.

По данным следствия, сразу после выстрела Освальд спрятал винтовку за ящиками и спустился по задней лестнице. Когда Освальд оставил ружье марки «манлихер-каркано» между двумя рядами коробок и ринулся вниз по лестнице, ему навстречу ринулись полицейский Маррион Л. Бейкер и директор склада Трулли, старавшиеся побыстрее попасть на шестой этаж, в окне которого видели винтовку. Освальд оставил несколько ниток своей рубашки, зацепившихся за пластинку приклада, а также многочисленные отпечатки пальцев и ладоней рук на самой винтовке, на бумажном мешке, в котором нес винтовку, когда

ехал из Ирвинга в машине с Фрэзиером, а также на картонной коробке, служившей опорой для винтовки. Это были бесспорные улики против него, но полиция о них еще не знала. Освальд, Бейкер и Трулли столкнулись на площадке второго этажа. Освальд входил в закусочную склада и был примерно в 6 метрах от Бейкера. Поскольку Освальд явно куда-то спешил и удалялся от полицейского, Бейкер вытащил револьвер и крикнул Освальду: «Подойдите сюда!» Затем полицейский спросил у Трулли: «Знаете вы этого человека? Он здесь работает?» Трулли ответил утвердительно. Ни Трулли, ни Бейкеру не могло прийти в голову, что к покушению мог быть причастен кто-то из работающих на складе. Тем более, что директор склада хорошо помнил, что Освальд поступил работать на склад более чем за месяц до приезда Кеннеди в Даллас, когда о предстоящее м визите президента никто не мог знать. И полицейский Освальда отпустил. Лишь потом Рой Трулли сообщил офицерам полиции, что Освальд был единственным сотрудником склада, который исчез после покушения.

Первоначально, сразу после покушения, начальник полиции Далласа Карри приказал обыскать Тройной тоннель под виадуком, поскольку было предположение, что стреляли именно оттуда. Но очень быстро стало ясно, что стреляли с шестого этажа склада учебников, так как очевидцы, включая полицейского Бейкера, видели винтовку в окне этого этажа. Если бы Бейкер застал Освальда на шестом этаже, он бы его, скорее всего, задержал. Но он его встретил у входа в закусочную и решил, что какой-то припоздавший работник вздумал позавтракать.

В 12.32 около главной лестницы склада Освальда встретил церковный попечитель, который спросил его: «Не правда ли, это ужасно?» Тот пробормотал в ответ что-то невразумительное.

Выйдя через главный вход, Освальд зачем-то сообщил корреспонденту Эн-би-си Роберту Макнейлу, что в здании есть телефон.

В 12.34 полиция Далласа ориентирует своих сотрудников на здание склада школьных учебников как место, откуда, вероятно, были произведены выстрелы. Через минуту полицейский Клайд Хэйгуд сообщил по радио в штаб-квартиру, что только что говорил с очевидцем, который утверждает, что выстрелы были сделаны из здания техасского книжного склада. Через две минуты он попросил, чтобы полицейские окружили это здание и опечатали главный вход. Около 12.40 это осуществляет группа полицейских во главе с инспектором Гербертом Сойером.

Как раз в это время Освальд в семи кварталах от склада сел на автобус на углу Элм-стрит и Мэрфи-стрит в деловой части

Далласа. В 12.44 он вышел из автобуса, взяв пересадочный билет. В это же время всем полицейским, патрулирующим деловую часть города, было приказано следовать в район Элм-стрит и Хьюстон-стрит. Инспектор Сойер, основываясь на показаниях водопроводчика Бренана, передал по полицейскому радио описание внешности Освальда как основного подозреваемого. Полицейскому Джону Д. Типпиту приказали патрулировать район Оук-Клиф.

В 12.47 в четырех кварталах от автобуса, с которого сошел, Освальд сел в такси около остановки междугородных туристических автобусов «Грейхаунд». Некоторое время он молча и неподвижно сидел рядом с шофером, и тот заподозрил, что пассажир сильно пьян.

В 12.50 главный агент секретной службы Соррелз выяснил, что черный ход склада не охранялся полицией, и приказал директору склада составить список всех его сотрудников.

В 12.54 Освальд, проехав 2,5 мили на такси, вышел на углу Бекли-стрит и Нилистрит в пяти минутах ходьбы от меблированных комнат, где он жил. Около 13.00 он был дома.

По словам его экономки Робертс, Освальд сразу же отправился в свою комнату, даже не ответив на ее приветствие, и вышел через несколько минут уже в куртке, которой на нем не было, когда он вошел. Затем Робертс видела Освальда на автобусной остановке.

В начале второго Трулли сообщает полиции, что отсутствует один из его сотрудников, Ли Харви Освальд.

В 13.12 заместитель шерифа Люк Муни нашел три гильзы от винтовочных патронов недалеко от окна на шестом этаже.

В 13.15 Типпит остановил Освальда около аптеки, недалеко от перекрестка Восточной 10-й улицы и Северной Паттон-авеню, менее чем в миле к юго-востоку от пансиона, где тот жил. Они беседовали через окно машины. Освальд выхватил пистолет из-под куртки и застрелил Типпита, когда тот выходил из машины. Это видели девять свидетелей, которые уверенно опознали Освальда.

На месте происшествия были обнаружены четыре гильзы, по заключению экспертов (составленному еще до работы комиссии Уоррена), извлеченные из револьвера, позже найденного у Освальда. Тем не менее пули, извлеченные из тела Типпита, не были идентифицированы как выпущенные из револьвера Освальда. На последнее обстоятельство нередко указывают сторонники конспирологического направления в исследовании обстоятельств убийства президента Кеннеди. Они использует этот факт, чтобы заявить, что в действительности Освальд Типпита не

убивал, а его просто подставили полиция или ФБР, чтобы подтвердить версию об убийце-одиночке. Однако хорошо известно, что оружие, из которого произведены выстрелы, идентифицируют именно по гильзам. По пулям без гильз надежную идентификацию произвести невозможно. Да и странно получается: Освальд, которого пытался задержать полицейский, стрелял зачем-то в воздух, а в это время какой-то другой злодей четырьмя выстрелами прикончил беднягу Типпита.

Уже через минуту после убийства Типпита шофер проезжавшего «пикапа» передал по радио погибшего полицейского: «Алло, полиция, у нас здесь стрельба».

В 13.22 Освальд с пистолетом в руке через Паттон-стрит бежал в сторону бульвара Уэст-Джефферсон. У бензоколонки «Тексако» напротив автостоянки он выбросил свою куртку.

В это время заместитель шерифа Юджин Бун нашел на шестом этаже склада учебников винтовку.

В 13.40 Освальд вбежал в кинотеатр «Техас», находящийся на расстоянии восьми кварталов от места, где был убит Типпит.

Уборщик магазина Джонни Брюер видел, как спустя несколько минут после убийства Типпита Освальд прятался в нише у входа в магазин. Посчитав его действия подозрительными, Брюер проследил за ним и заметил, как Освальд прошел по улице и вошел в находящийся рядом кинотеатр «Техас», не взяв билет. Он сообщил об этом контролеру кинотеатра, который позвонил в полицию примерно в 13.40.

В 13.45 диспетчер полицейского управления сообщил полицейским патрулям, что «какой-то подозрительный человек только что вошел в кинотеатр «Техас» на бульваре Уэст-Джефферсон», где показывали боевик «Война – это ад». Патрульные машины стали стягиваться к «Техасу». Когда приехала полиция, Брюер опознал Освальда.

В 13.50 Освальд был арестован прямо в кинозале, причем при аресте он пытался застрелить одного из полицейских со словами: «Ну все, это конец». Когда его выводили из театра, Освальд кричал, что он жертва жестокости полиции, и еще, по некоторым свидетельствам, гордо заявил полицейскому офицеру: «Теперь все будут знать, кто я!»

В 14.15 капитан полиции Д.У. Фритц, которому Трулли рассказал об исчезновении сотрудника, отдает приказ об аресте Освальда, но ему сообщают, что он уже в полиции.

В 14.30 в здании Департамента полиции Освальд был впервые допрошен детективом Джимом Лавелом по делу об убийстве полицейского Типпита. На допросе присутствуют агент секретной службы Соррелз и представитель ФБР Хости. Позднее

Освальду предъявили обвинения в обоих убийствах, президента и Типпита.

Вскоре после своего ареста Освальд, встретившись с журналистами в коридоре, заявил: «Я ни в кого не стрелял… Меня задержали потому, что я жил в Советском Союзе. Я просто козел отпущения!» Позже, на пресс-конференции, журналист спросил: «Вы убили президента?» Освальду, которому к этому времени уже было предъявлено обвинение в убийстве Типпита, но еще не было предъявлено обвинение в убийстве Кеннеди, ответил: «Нет, меня в этом не обвиняли. Мне никто не говорил про это. Впервые я услышал об этом, когда кто-то из репортеров в зале спросил меня об этом». Когда его выводили, ему был задан вопрос: «Как вы повредили свои глаза?» Освальд ответил: «Меня ударил полицейский».

Освальда допрашивали несколько раз в течение тех двух дней, что он находился в Департаменте полиции Далласа. Он отрицал убийство Кеннеди и Типпита, отрицал владение винтовкой, сказал, что две его фотографии с винтовкой и пистолетом в руках были фальшивками, отрицал, что говорил Фрэзиеру, что хотел ехать в Ирвинг за карнизами, отрицал, что принес длинный пакет на работу в утро убийства. Комиссия Уоррена также отметила, что Освальд отрицал знакомство с А.Д. Хиделлом, а когда ему показали поддельную карту, которая была у него в момент ареста, отказался отвечать на любые вопросы, касающиеся его, сказав: «…у вас есть карта, и вы сами знаете о нем столько же, сколько и я». Комиссия Уоррена отметила, что поддельная карта была выписана на имя «Алек Джеймс Хиделл». Как установила комиссия Уоррена, человека с таким именем вообще не существовало в природе, и, разумеется, он никак не мог служить в корпусе морской пехоты.

Ли Харви Освальд с Мариной и Джун

Когда Ли позвонил матери из тюрьмы и сказал, что хочет поговорить с Мариной, Маргарита грубо оборвала разговор, показав, что не хочет иметь с ним дело.

Во время первого допроса в пятницу 22 ноября на вопрос, где он был в момент убийства президента, Освальд ответил Джеймсу Хости и Уиллу Фрицу, что он обедал на первом этаже склада, а затем поднялся на второй этаж за кока-колой, где встретился с полицейским. Во время своего последнего допроса 24 ноября, по свидетельству инспектора Гарри Холмса, Освальд опять говорил, что в момент убийства Кеннеди он работал на верхнем этаже, а после стрельбы спустился вниз, где столкнулся с полицейским.

Освальд несколько раз во время допросов и встреч с журналистами требовал адвоката. Но когда представитель Коллегии адвокатов Далласа встретился с ним в камере в субботу, Освальд отказался от его услуг, заявив, что хочет, чтобы его интересы представлял Джон Абт, главный юрисконсульт Коммунистической партии США, либо юрист, связанный с Американским союзом защиты гражданских свобод. Нью-

йоркский юрист Абт был широкой известен своей защитой тех, кто обвинялся в совершении политических преступлений. Марина и Маргарита Освальд и Рут Пэйн несколько раз пытались связаться с Абтом по телефону в субботу и воскресенье, но он на уикенд уехал за город и был недоступен. Освальд также отклонил предложение своего брата Роберта воспользоваться услугами местного адвоката.

У. Манчестер прав, когда отмечает, что далласская полиция организовала охрану Освальда из рук вон плохо: «Двери были фактически открыты настежь для всех. Видеопленки телевидения, запечатлевшие события тех дней, напоминают массовые свалки из гангстерских кинофильмов. На ролях статистов выступают истцы и свидетели по другим делам, оказавшиеся в это время в здании полиции, заключенные и их родственники, родственники полицейских, жулики и пьяницы, забравшиеся сюда из злачного района Харвуд-стрит. Одним словом, любой помешанный, захотевший поглазеть на самого нашумевшего преступника, содержащегося под стражей самой нашумевшей полиции, мог свободно прийти на организованную вечером в пятницу в подвальном этаже здания полицейского управления пресс-конференцию Карри – Уэйда – Освальда. И один такой психопат действительно явился посмотреть на Ли Освальда, сидевшего на специальном возвышении для лучшего его обозрения».

Беда была еще и в том, что, согласно американским законам, Освальд подлежал ведению местной техасской юстиции, хотя и обвинялся в убийстве президента США. Вот если бы его обвиняли только в неудавшейся попытке покушения на президента, тогда его бы забрали в Вашингтон, и следствием по его делу вплотную занялось бы ФБР. И можно быть уверенным, что тогда убийца Кеннеди благополучно дожил бы до суда, где ему была бы гарантирована смертная казнь за два убийства – президента и полицейского.

У. Манчестер так описывает будущего убийцу Освальда: «Посетитель, о котором идет речь, появился в очках в роговой оправе, с блокнотом в руках и с заранее подготовленным лживым предлогом для пребывания здесь. Он выдал себя за переводчика для израильской печати. Он зря лгал. Его и так пустили бы, ибо пресс-конференция была организована по принципу: кто успел, тот и сел. Капитану Фритцу из отдела по расследованию убийств уголовной полиции, опоздавшему на пресс-конференцию, не хватило места. Самозванец же беспрепятственно взгромоздился на один из столов. Он даже задавал вопросы. Проявленная впоследствии кинопленка показывает, что он в упор рассматривал арестанта. И Освальд, и мужчина, пристально

разглядывавший его, внешне не имели ничего общего. Однако в эмоциональном отношении в них сказывалось нечто родственное. Оба были неудачниками с нарушенной психикой. Оба были отверженными, но жаждавшими известности. Оба затаили обиду против всего света, проявляли авантюристическую готовность на любой необузданный поступок, по своей натуре питали даже склонность к убийству, не смогли обеспечить нормальных отношений с окружающими их людьми, особенно с женщинами, и были равнодушны к общественной жизни».

В воскресенье 24 ноября Освальда вели через подвал полицейского управления Далласа для перевода в окружную тюрьму. Для освещения этого события было опять допущено множество журналистов. В 11.21 владелец ночного клуба в Далласе Джек Руби вышел из толпы и выстрелил Освальду в живот. Освальд умер в 13.07 в той же больнице Далласа, где двумя днями ранее умерла его жертва – президент Кеннеди.

О переводе Освальда в окружную тюрьму вели прямую трансляцию ведущие американские телеканалы. Покушение на Освальда в буквальном смысле стало убийством в прямом эфире, за которым наблюдали миллионы телезрителей.

Руби позднее утверждал, что преклонялся перед покойным президентом и потерял голову от убийства Кеннеди. Он говорил, что убил Освальда для того, чтобы «миссис Кеннеди не расстраивалась во время рассмотрения этого дела в суде». Но в момент проезда кортежа Кеннеди по улицам Далласа Руби даже не вышел на улицу посмотреть на него, что как-то не вяжется с версией о пламенной любви к президентской чете, которую выдвигал Руби в оправдание убийства Освальда.

Сторонники конспирологических теорий утверждают, что действия Руби были составной частью заговора и были направлены на устранение опасного свидетеля.

Освальд был похоронен на кладбище Форт-Уэрт Роуз Хилл Парк Мемориал. На надгробии теперь есть только надпись: «Освальд». Это надгробие появилось после того, как оригинальное надгробие, на котором было полное имя и даты рождения и смерти, было украдено фанатами то ли Кеннеди, то ли самого Освальда.

Джек Руби стреляет в Освальда

На первой пресс-конференции с участием Освальда прокурор Далласского округа Генри Уэйд заявил, что не сомневается в виновности Освальда, что против него есть примерно пятнадцать свидетелей, что других подозреваемых в преступлении нет, что Освальд психически вменяем и ему уже предъявлено официальное обвинение. Зато он затруднился ответить на вопрос, есть ли у обвиняемого адвокат. Уэйд обещал информировать прессу обо всех деталях следствия, и сообщил, что обвиняемый вскоре будет переведен в окружную тюрьму. Чтобы реабилитировать Даллас в глазах американской общественности,

прокурор добавил, что Освальд проживал в Далласе всего лишь около двух месяцев. Правда, Уэйд забыл, что Освальд провел в городе детство, да и позднее неоднократно приезжал туда.

Посмотрев на Руби, прокурор вспомнил, что несколько дней назад видел его на процессе о преступлениях против нравственности. Руби радостно подбежал к Уэйду и поздоровался: «Эй, Генри! Вы не узнаете меня? Я – Джек Руби, владелец ночного клуба «Вегас». Это заведение пользовалось сомнительной репутацией места, где легко можно было найти наркотики и девочек.

Генри осведомился: «А что вы тут делаете?»

Руби же быстро перевел тему разговора, заявив по поводу присутствующих в зале: «Я знаю всех этих парней». По поводу присутствующих в зале полицейских это было чистой правдой. Владельцу «Лас-Вегаса» не раз приходилось улаживать проблемы с полицией. А после пресс-конференции он вручил нескольким полицейским приглашения на представления со стриптизом в двух принадлежавших ему ночных клубах, «Лас-Вегас» и «Карусель». Детектив Август Эберхардт знал Руби уже пять лет и не раз бывал в его клубах вместе с супругой. Хотя порой ему приходилось арестовывать кое-кого из клиентов Руби, они с хозяином были добрыми приятелями. Вот и на этот раз они перекинулись несколькими словами. Руби повторил басню о том, что пришел на пресс-конференцию в качестве переводчика одного израильского корреспондента. Эберхардт знал, что Руби владеет ивритом, хотя и был не слишком высокого мнения о его лингвистических способностях. Почему-то детектив не задался вопросом, как может израильская газета держать в Америке корреспондента, не владеющего английским. Руби также сказал, что принес с собой кофе и бутерброды, чтобы угостить журналистов. Затем разговор зашел об убийстве Кеннеди. Руби возмущался: «Не могу понять, как подобное ничтожество, абсолютный ноль, мог убить такого человека, как президент Кеннеди». И грустно заметил, что для Далласа это весьма прискорбное происшествие.

В 19.10 по далласскому времени Ли Харви Освальду в кабинете капитана полиции Уилла Фритца было предъявлено официальное обвинение в убийстве полицейского Дж. Д. Типпита. Это сделал мировой судья Дэвид Л. Джонсон. В половине второго ночи, после ряда повторных появлений перед прессой, Освальда привели на четвертый этаж в следственную часть, где тот же мировой судья Джонсон предъявил ему официальное обвинение в убийстве Джона Кеннеди.

После предъявления первого обвинения Освальд сообщил

журналистам, что заявил протест мировому судье, имя которого так и не разобрал. Он утверждал: «Мне не дали возможности воспользоваться услугами адвоката. И сами слушания были поспешно организованными и невнятными. Поэтому я понятия не имею, в чем меня обвиняют».

Поздно вечером в пятницу в полицейское управление Далласа прибыла делегация юристов Американского союза борьбы за гражданские свободы. Они хотели выяснить, почему Освальду отказано в защитнике. Делегацию заверили, что вопрос скоро будет улажен. Встретиться с Освальдом им не разрешили.

Как отмечает У. Манчестер, «несмотря на все богатство Далласа, муниципальный бюджет был нищенским. Далласское полицейское управление не имело даже современного киноаппарата. Каждый раз, когда возникала необходимость в просмотре кадров об убийстве, заснятых Запрудером, полицейским приходилось ехать к нему в контору.

По какой-то неведомой причине, так и оставшейся неизвестной, всех секретарей полицейского управления в этот день распустили по домам. Таким образом, историки лишены даже элементарной стенографической записи этих важных допросов. Единственное, чем мы располагаем, – это воспоминания тех, кто вел допрос».

Освальд прекрасно понимал, что улик против него – выше крыши, и что за одно только убийство полицейского ему гарантирован электрический стул, а за убийство президента – и подавно. Но он, очевидно, хотел, чтобы его процесс приобрел политическое значение. Он хотел, чтобы его защищали адвокаты, связанные с компартией и левыми и правозащитными организациями. Возможно, его вдохновлял пример супругов Джулиуса и Этель Розенбергов, казненных за атомный шпионаж в пользу СССР. В США и во всем мире коммунистическими и левыми силами при поддержке Москвы была развернута мощная кампания, представлявшая советских шпионов невинными жертвами разгула маккартизма в Соединенных Штатах.

Освальд, как и его убийца Руби, разумеется, не мог знать, что в 1964 году Верховный суд Техаса приостановит исполнение смертных приговоров в штате. Оно было возобновлено только в 1976 году, причем вместо электрического стула, признанного негуманным орудием казни, стала применяться смертельная инъекция. Это смертельная доза наркоза, которая вводится в вену приговоренному. Он засыпает и безболезненно умирает в течение пяти минут. Это если исполнители правильно рассчитают дозу и попадут в вену. На практике бывают накладки, приносящие страдания приговоренным. Ведь казнят тюремщики, а не медики,

поскольку членам Американской медицинской ассоциации запрещено принимать участие в осуществлении смертной казни под страхом лишения диплома и лицензии.

Ли Харви Освальда, останься он жив после выстрелов Джека Руби, могли бы казнить не ранее 1976 года, если бы до этого времени он не умер в тюрьме. Теоретически Освальда могли бы помиловать, заменив смертную казнь на пожизненное заключение, однако, учитывая огромный резонанс, которое вызвало его преступление, подобный исход представляется невероятным. Хотя сторонники теории заговора наверняка выступали бы за помилование, утверждая, что в этом случае он еще сможет назвать соучастников и заказчиков убийства Кеннеди.

Директора магазина спортивных товаров фирмы «Клейн» в Чикаго, затратив на поиски шесть часов, в четыре часа утра по центральному стандартному времени нашли талон журнала «Американ райфлмэн», по которому Освальд заказал винтовку с оптическим прицелом.

Когда Освальда снова стали допрашивать, Форест Соррелз понял, что обвиняемый издевается над капитаном Уиллом Фритцем в надежде, что тот отвесит ему пару тумаков, что дало бы повод говорить о жестоком обращении с ним полиции. Маленькая комната для допросов была забита полицейскими Далласа, Техаса и федеральной полиции. Некоторые вопросы имели чисто метафизический характер. Так, Фритц спросил Освальда, верит ли он в Бога. Позднее капитан вспомнил, что Освальд заявил, что «не намерен обсуждать этот вопрос». На допросе Освальд жалко лгал и изворачивался. Он утверждал, что не мог купить винтовку, зарабатывая всего 1 доллар 25 центов в час. Он также говорил, что он «не коммунист, не марксист-ленинец, а просто марксист». А насчет убийства президента Освальд заметил: «Люди забудут обо всем этом через несколько дней, так как будет другой президент». Здесь он ошибся, а вернее, сказал заведомую неправду. Ли как раз был уверен, что об убийстве Кеннеди будут помнить очень долго, а в связи с этим будут помнить и о нем, Освальде. Он уже не узнал, как сторонники конспирологических теорий будут пытаться лишить его славы убийства президента Кеннеди.

Фритцу Освальд заявил, что не может сказать «ничего особенного о президенте», заметив только, что у того «милая семья». Когда Освальду разрешили свидание с женой, матерью и братом, он был крайне сдержан в выражении чувств. Во время пятиминутной встречи с родственниками он почти не обращал внимания на мать и по-русски расспрашиваял жену о детях. Марина рассмеялась и сказала свекрови на ломаном английском

языке: «Мама, он говорит, что любит меня и купит Джун туфли».

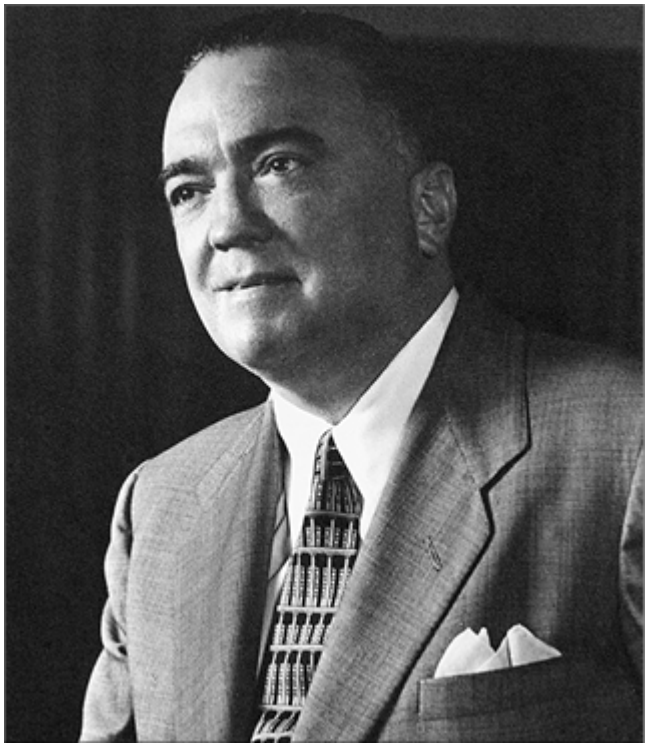
Марина не спрашивала мужа, убил ли он Кеннеди, но позднее вспоминала: «По его глазам было видно, что он виновен».

Брат Освальда Роберт утверждал: «Ли вел себя осмысленно, но его поведение было каким-то механическим. Я с удивлением понял, что все происходящее его не трогает. Я смотрел ему в глаза, но в них не было мысли… Когда я снова посмотрел ему в глаза, он сказал: «Брат, не смотри, ты ничего в них не увидишь».

Улики против Освальда не вызывали сомнений. К утру субботы (23 ноября) его опознали свидетели, а фантазия насчет карнизов для занавесок рассеялась как дым. В лаборатории Министерства юстиции в Вашингтоне подтвердили принадлежность Освальду отпечатков пальцев и обрывков хлопчатобумажной ткани на винтовке, найденной на месте преступления.

К рассвету 23 ноября Освальд был признан бесспорно виновным. Поводов для сколько-нибудь обоснованных сомнений в его виновности не существовало. Поэтому в субботу капитан Фритц в интервью «Нейшнл бродкастинг компани» с гордостью заявил об Освальде: «Мы имеем совершенно железные доказательства, что этот человек убил президента».

Когда ФБР уведомило начальника полиции Карри о заключении экспертов, что почерк на заказном талоне журнала «Американ райфлмэн», посланном фирме «Клейн», принадлежит Ли Харви Освальду, Карри подробно сообщил об этом на пресс-конференции, передававшейся по телевидению. Директор ФРБ Эдгар Гувер, узнав об этом, был взбешен. Он позвонил в Даллас и предупредил, чтобы впредь улики, добытые его ведомством, не обсуждались публично.



Эдгар Гувер

Шумиха вокруг Освальда подрывала принцип презумпции невиновности и давала его будущим адвокатам определенные козыри при последующем рассмотрении дела в жюри присяжных. Но Освальда по-прежнему делали публичной персоной.

Председатель Верховного суда Эрл Уоррен, наблюдая по телевизору, как оглашаются улики против Освальда, вспомнил, как в одном из южных штатов шериф передал по телевидению признание обвиняемого. И, хотя суд низшей инстанции признал обвиняемого виновным, Верховный суд вынужден был пересмотреть приговор.

Намек Уэйда, заботившегося о собственном пиаре, что Жаклин Кеннеди, возможно, попросят дать показания в техасском суде, привел в ужас многих техасцев, считавших, что это бесчеловечно и что для вдовы президента будет слишком большим потрясением вернуться в город, где был убит ее муж. Об этом говорил, в частности, Джек Руби, и как раз стремлением любой ценой «в память о нашем любимом президенте» избавить Жаклин от страданий, связанных с будущим процессом, он мотивировал свое желание убить Освальда. По мнению У. Манчестера, «всю свою жизнь Джек считал себя мстителем – достаточно было какого-нибудь антисемитского замечания, чтобы

он потерял самообладание, а в своем мщении он всегда прибегал к насилию. Руби был физически слабым человеком, прямым и простодушным. Подобно ребенку, он не был способен предусмотреть последствия бурной вспышки, сопровождающейся применением физической силы».

О том, что перевод Освальда в окружную тюрьму состоится в 10 часов утра в воскресенье, 24 ноября, было широко объявлено. Это событие собирались обставить как настоящее телешоу. Сам Ли обе свои ночи в тюрьме спал настоящим сном праведника. Он свою миссию выполнил. Теперь оставалось ждать суда. Я думаю, что на допросах он лгал совсем не из страха. Просто он решил максимально затруднить задачу следствию и суду, продолжая тем самым сражаться с ненавистным ему буржуазным государством.

Сначала полицейское управление Далласа собиралось перевезти Освальда в субботу в 22.00, и в Вашингтоне думали, что так оно и произошло. В адрес убийцы Кеннеди уже неоднократно раздавались угрозы убийства, поступавшие как в полицию, так и в ФБР. Памятуя о традициях линчевания на юге, к ним надо было отнестись со всей серьезностью. В воскресенье утром Соррелз предложил Фритцу вывезти Освальда, не объявляя о времени отъезда, в момент, когда никого поблизости не будет. Эту идею поддерживали и многие далласские полицейские, но окружной прокурор Уэйд очень жаждал солидного телешоу и не хотел обманывать телевизионщиков. Он не верил, что Освальда могут убить, хотя полиция и распорядилась на всякий случай приготовить операционную в парклендском госпитале. Карри и Фритц опасались, что Освальда может похитить «комитет ста» – объединение далласцев, собиравшихся расправиться с убийцей. Поэтому были приняты повышенные меры безопасности по всему предполагаемому маршруту перевозки Освальда. Но никто не ожидал, что опасность затаилась среди репортеров, собравшихся в полицейском департаменте Далласа для съемок этого исторического события. Освальда, пристегнутого наручниками к детективу и окруженного полицейскими с гранатами со слезоточивым газом, и под эскортом других полицейских, вооруженных огнестрельным оружием, должны были доставить в тюрьму, подняв сперва из подвального этажа. Ливел, детектив в штатском, к которому Освальд был пристегнут, по дороге к лифту на пятом этаже в сердцах сказал: «Надеюсь, что тот, кто вздумает в тебя стрелять, будет стрелять не хуже тебя». Освальд в ответ пробормотал: «Никто в меня стрелять не будет». Но не угадал.

В 11.17, за три минуты до того, как Освальда спустили к гаражу, Руби еще был в отделении телеграфа на Мейн-стрит, в 100 метрах от верхней части подъездной дорожки, ведущей к

гаражу со стороны этой улицы. Он пересылал 25 долларов двадцатилетней артистке стриптиза Карин Карлин. Сохранился бланк со штампом, где указано именно это время. Чтобы дойти до гаража, Руби потребовалось полторы минуты. Он смог беспрепятственно пройти мимо охранника дорожки, хотя никакого документа при себе не имел.

Когда в 1901 году полиция Буффало переводила убийцу президента Маккинли Леона Ф. Чолгаша из одной тюрьмы в другую, его, чтобы избежать самосуда, переодели в форму полицейского. Но далласские полицейские не догадались так сделать.

Проходя мимо тюрьмы, Руби заметил на тротуаре толпу народа. Позднее он уверял председателя Верховного суда Эрла Уоррена, будто «был уверен, что Освальда уже увезли». Позднее он пытался убедить следствие и присяжных, будто убил Освальда, повинуясь мгновенно возникшему порыву. Но утром, когда ему позвонила Карин Карлин и сказала, что сидит без денег, Руби ответил, что отправит ей денежный перевод, поскольку все равно собирается в деловую часть города. Это говорит в пользу того, что он собирался присутствовать при перевозке Освальда. Предварительное же посещение почтамта позволяло потом выстроить версию о «спонтанном решении».

В полуподвальном этаже Фритц и четверо детективов провели Освальда по полукругу через тюремную контору и ввели в гараж. Более двух десятков репортеров бросились к Освальду, стремясь задать ему вопросы. Засверкали фотовспышки. Освальд успел пройти не более трех метров, когда слева к нему между журналистом и полицейским в штатском протиснулся Руби и выстрелил в него из пистолета, который всегда носил с собой, почти в упор со словами: «Ты убил президента, крыса!» Пуля попала в аорту, печень и селезенку. Полицейские тут же сбили Руби с ног и прижали его к бетонному полу гаража. Он закричал, опасаясь расправы: «Я Джек Руби, вы все меня знаете!» Освальда, у которого началось внутреннее кровоизлияние, унесли обратно в тюремную контору. Карри, докладывавший мэру города, что перевозка началась, вместе с Соррелзом бросился вниз, когда ему доложили, что в Освальда стреляли. Через десять минут он был уже на операционном столе. Первоначально его хотели поместить в операционную № 1, где двумя днями ранее безуспешно пытались спасти Кеннеди, но спохватились, что это будет неудобно с точки зрения истории, и в последний момент переадресовали Освальда в операционную № 2. Но рана была смертельной, и спасти Освальда было нельзя. Внутреннее кровотечение врачам так и не удалось остановить. В 13.07 была

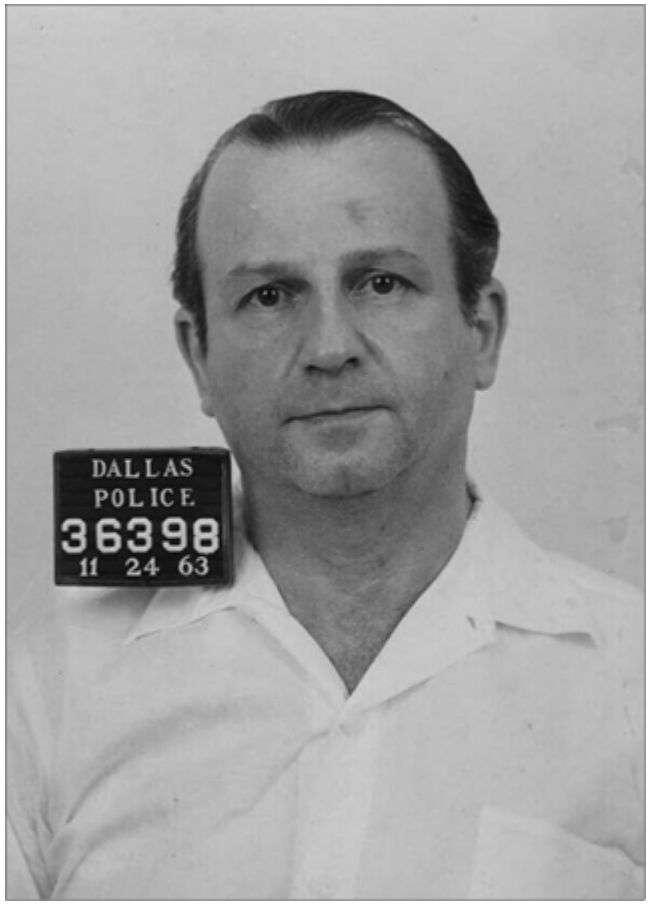
зафиксирована смерть Освальда.

Мать и жена Освальда не видели его последних минут, так как в этот момент агенты секретной службы как раз перевозили их из одного отеля в другой. Повторов этого сюжета они смотреть не стали.

Секретная служба похоронила Ли Харви Освальда на кладбище Роуз Хилл в Форт-Уорте, в тридцати милях от Далласа, под вымышленным именем «Уильям Бобо».

После ареста Руби попросил адвоката Тома Ховарда представлять его интересы, но потом заменил его на более известного адвоката из Сан-Франциско Мелвина Белли, согласившегося представлять Руби на общественных началах, то есть безгонорарно, из-за большого резонанса дела. В принципе можно было попытаться трактовать деяние Руби как «убийство без злого умысла» со сроком лишения свободы до пяти лет. Однако Белли хотел доказать, что Руби был неадекватен и у него в семье были случаи психических заболеваний (его мать около года провела в психиатрической лечебнице). В ходе следствия он показал, что Руби сказал, что перед стрельбой он принимал стимулятор центральной нервной системы – фенметразин, но невменяемым или действующим в состоянии аффекта его не признали. Суд не согласился с доводами защиты, и 14 марта 1964 года Руби был признан виновным в преднамеренном убийстве и приговорен к смертной казни.

Руби неоднократно устно и письменно просил комиссию Уоррена допросить его. Только после того, как сестра Руби, Эйлин написала несколько писем комиссии и обнародовала их, члены комиссии прибыли в Даллас для встречи с Руби. Руби несколько раз просил Уоррена, чтобы его отвезли в Вашингтон, где он сможет дать дополнительные показания, так как в Далласе его жизнь в опасности, но Уоррен объяснил ему, что в функции комиссии не входит предоставление защиты свидетелям, что для этого Руби должен обратиться к полиции и ФБР. Руби утверждал: «Я хочу сказать правду, но не могу сказать ее здесь». Он заявил главе Верховного суда, что хочет убедить президента Линдона Джонсона, что не участвовал в заговоре с целью убийства Кеннеди. Можно предположить, что Руби просто хотел попасть в Вашингтон, чтобы еще больше привлечь внимание к своей персоне, а если повезет, то встретиться с самим президентом Джонсоном.



Джек Руби в тюрьме

Руби, будучи осужден к смертной казни, естественно, подал апелляцию. Но тут в 1964 году приведение в исполнение смертных приговоров в штате Техас было приостановлено на целых 12 лет. Руби так и не дождался рассмотрения своей апелляции. 3 января 1967 года он умер от эмболии легочной артерии, вызванной раком легких, в том же парклендском госпитале, где умерли и Кеннеди с Освальдом. Вполне возможно, что как раз с этой болезнью и было связано поведение Руби. Скорее всего, в тот момент, когда он стрелял в Освальда, Руби уже знал свой диагноз – рак в последней стадии и понимал, что жить ему осталось, в лучшем случае, три-четыре года. А тогда смерть на электрическом стуле не могла пугать владельца «Лас-Вегаса». С учетом времени следствия, суда и последующих апелляций у Джека Руби было бы очень мало шансов дожить до приведения смертного приговора в исполнении (а с учетом последующего техасского моратория на приведение в исполнение смертных приговоров, о чем Руби, правда, не мог знать, – вообще

никаких шансов). Значит, ему суждено умереть, причем примерно в одно и то же время, в палате парклендского госпиталя, независимо от того, убьет он Освальда или нет. Но, убивая, он гарантировал себе, что войдет в историю, и честолюбие толкнуло ресторатора на это преступление. А версия о страданиях вдовы и дочери президента Кеннеди как причине убийства была подсказана адвокатами, чтобы разжалобить присяжных. В записке к одному из своих адвокатов, Джозефу Тонхэйлу, относящейся к концу 1963 года, Руби писал: «Джо, вы должны знать это. Том Ховард сказал, чтобы я сказал, что я стрелял в Освальда, чтобы Кэролайн и миссис Кеннеди не нужно было бы приезжать в Даллас для дачи показаний. Ок?»

Специальный комитет по терроризму в 1979 году отметил, что «выстрел Руби в Освальда не был спонтанным актом, в этом была определенная преднамеренность». Было также сочтено маловероятным, что «Руби вошел подвал полиции без посторонней помощи, хотя помощь могла быть предоставлена без какой-либо информации о намерениях Руби». Было также указано на незапертые двери по маршруту, по которому вели Освальда, и удаление охранников с территории гаража и с ближайшей лестницы незадолго до убийства. Были высказаны подозрения, что департамент полиции Далласа скрывает информацию, «касающуюся доступа Руби на место перевода Освальда». Тут надо заметить, что после того, как полицейские проверили гараж, они могли счесть излишним оставлять там дополнительную охрану до прибытия арестанта, а полагались исключительно на охранника у внешнего въезда в гараж. Наличие открытых дверей в принципе никак не могло помочь осуществлению намерений Руби. Что же касается того, как убийца Освальда попал в гараж, то тут вероятны оба варианта. Руби мог попасть туда, воспользовавшись оплошностью охранника, на короткое время покинувшего свой пост или отвлекшегося для приемки машины, предназначенной для транспортировки Освальда. И с тем же успехом он мог проникнуть в гараж, воспользовавшись знакомством с охранником или каким-то другим офицером полиции. Ведь мы помним, что владелец «Лас-Вегаса» и «Карусели» хорошо знал далласских полицейских. Естественно, что после ареста этот невольный пособник Руби предпочел молчать, чтобы его не уволили из полиции. А Руби, вполне вероятно, решил его не выдавать, поскольку это все равно не только не могло облегчить участь убийцы Освальда, но и подрывало версию об убийстве как «спонтанном акте». В пользу второго предположения может свидетельствовать тот факт, что материалы теста на полиграфе сержанта Патрика Дина,

отвечавшего как раз за безопасность в гараже, были утрачены, хотя сам Дин признался, что тест провалил. А как раз Дин был первым человеком, которому Руби объяснил, как он попал в гараж.

Сторонники версии заговора упирают на возможные связи Руби с кубинской и итальянской мафией как на доказательство того, что мафия организовала убийство Джона Кеннеди или сама по себе, или выполняя чей-то заказ. Однако бывший окружной прокурор Лос-Анджелеса Винсент Буглиози считали связи Руби с организованной преступностью, если они вообще были, в лучшем случае минимальными, то есть такими, какие вынужден был иметь практический каждый ресторатор или владелец ночного клуба в Далласе. Писатель Александр Билл, занимавшийся расследованием убийства Освальда, пришел к выводу, что Руби не был связан ни с заговором, ни с организованной преступностью. Он утверждал, что теория заговора основана на предположении, что «если А знал В, и Руби знал В в 1950 году, то он должен был знать и тех, кто мог участвовать в заговоре против Кеннеди».

Брат Руби Эрл исключил связь с рэкетом ночных клубов Чикаго, а писатель Джеральд Познер предположил, что Руби спутали с осужденным в Чикаго мафиози Гарри Рубинштейном (настоящая фамилия Руби – Джейкоб Леон Рубинштейн).

И совсем уж анекдотичным выглядит версия журналиста Фрэнка Ширана, ссылающегося на беседу с профсоюзным боссом Джимми Хоффа, тесно связанным с мафией и ко времени публикации беседы давно уже бесследно исчезнувшего. В ходе беседы Хоффа будто бы заявил, что Руби должен был координировать действия полицейских, друживших с владельцем клуба «Лас-Вегас», которые должны были убить Освальда, когда он был в их власти. Руби якобы неправильно понял, что у него был выбор – убить Освальда или сохранить ему жизнь. Но Руби оказался такой дурак, что не понял, что от него требуется, и перестарался, решив любой ценой убить Освальда. И, конечно, трогательно смотрится Руби, отдающий команды техасским полицейским.

Я не буду разбирать подробно различные версии о связях Руби с кубинской, итальянской или какой-то другой мафией (а среди его боссов иногда называют даже хорошо знакомого нам чикагского гангстера Сэма Джанкана). Не буду просто потому, что сама по себе любая связь Руби с мафией никак не доказывает его участие в заговоре с целью убийства Кеннеди. Представим себе, что Руби действительно занимал какое-то место в структуре какой-то из далласских мафиозных группировок, а не просто был

жертвой рэкета со стороны одной из них. Но это совершенно не отнимает у него мотив убийцы-одиночки. Даже если он был мафиози, знали его только завсегдатаи клубов «Лас-Вегас» и «Карусель». А тут, после убийства Освальда, о его существовании узнал весь мир.

Версии же о том, что Руби кто-то нанял для устранения Освальда, не вызывают доверия хотя бы потому, что наемные убийцы не нанимаются для того, чтобы гарантированно закончить свои дни или в тюрьме, или на электрическом стуле. А уж утверждение, что Освальда с помощью Руби убили американские спецслужбы (вероятно, ФБР и секретная служба, а также далласская полиция), чтобы скрыть какие-то провалы в своей работе, которые бы непременно всплыли во время суда, и комментировать не хочется. Все эти провалы и так оказались зафиксированы комиссией Уоррена, что привело к кадровой чистке и в ФБР, и в далласской полиции, и в секретной службе. И что сюда мог добавить живой Освальд на суде, даже если бы выступил вдохновенным критиком нелюбимого им ФБР?

21
Похороны

Вечером 22 ноября Линдон Джонсон написал письма соболезнования детям Кеннеди – Джону и Кэролайн. Сыну покойного президента он писал: «Пройдет еще много лет, прежде чем ты по-настоящему поймешь, каким великим человеком был твой отец. Его смерть – большая личная трагедия для всех нас. Но мне бы хотелось, чтобы ты знал, что я разделяю твое горе. Ты всегда будешь гордиться своим отцом». Письмо Кэролайн оказалось немного пространнее: «Смерть твоего отца – большая трагедия как для тебя самой, так и для всей нашей нации. Я хочу, чтобы ты знала, что я все время думаю о тебе. Он был мудрый и преданный своему делу человек. Ты всегда сможешь гордиться всем тем, что он сделал для своей страны».

В Восточном зале Белого дома был оборудован помост под траурным балдахином. Сюда поставили гроб с телом Джона Кеннеди. Поскольку голова президента была сильно изуродована, потребовалась косметическая обработка, после которой президент стал выглядеть как восковый манекен, мало напоминающий его прижизненный облик. Поэтому по требованию Жаклин для публичного прощания гроб выставили закрытым. Она не хотела, чтобы нация видела своего президента мертвым. Вдова президента утверждала: «Это не Джек, а скорее экспонат из музея мадам Тюссо». Гроб открыли только для родных и близких. Тот факт, что был выставлен закрытый гроб, многие телезрители истолковали как указание на то, что в деле об убийстве президента есть что скрывать.

Закрытый гроб с телом Кеннеди в Восточной зале Белого дома

На траурной церемонии в воскресенье, 24 ноября 1963 года, присутствовали главы государств и правительств 92 стран мира, а также бывшие президенты США Трумэн и Эйзенхауэр. Советский Союз представлял первый заместитель председателя Совета министров А.И. Микоян. Орудийный лафет с гробом президента Кеннеди должен был проехать по Пенсильвания-авеню до Большой ротонды Капитолия, где были произнесены первые прощальные речи. Вот как описывает похороны Уильям Манчестер: «У Девятой улицы и Пенсильвания-авеню, рядом с входом в Федеральное бюро расследований, находящееся в здании министерства юстиции, все неожиданно изменилось. Собравшаяся в конце траурного кортежа толпа заполнила улицу и двинулась вперед. Шедшие в колонне полицейские остановили ее и, сомкнув руки, образовали поперек улицы заслон. Они кричали, что не нужно идти за кортежем, что площадь Капитолия уже забита людьми. Это было действительно так, но взывать теперь к здравому смыслу этих людей было все равно что спорить с надвигающимся прибоем. Ибо весь квартал между министерством юстиции и министерством финансов был черен от стремившихся вперед людских толп. Но это была самая спокойная толпа из всех когда-либо прорывавших полицейские заслоны. Прорыв этот был столь быстрым и произошел так легко, что никто из ехавших впереди не заподозрил ничего необычного. Зрелище было действительно впечатляющим. Взобравшись на конную статую

напротив здания Национального архива, трое полицейских попытались определить число людей. По их подсчетам, Джона Кеннеди провожало сто тысяч «прочих участников процессии».

Это была подлинная всеамериканская скорбь.

Когда на площади Капитолия гроб покрывали национальным флагом, прозвучал салют из 21 артиллерийского залпа. Затем оркестр ВМФ исполнил гимн «Слава вождю». То, что на похоронах играли военные моряки, подчеркивало, что Кеннеди служил именно в этом виде вооруженных сил.

Во время траурной церемонии пришло сообщение о ранении, а потом и смерти Освальда, ради этих экстренных новостей была даже прервана телестрансляция о траурной церемонии. В тот момент весть об убийстве Освальда большого сочувствия к нему не вызвала. Но впоследствии Роберт и другие члены семейства Кеннеди выражали сожаление, что «застрелили этого парня в Далласе», поскольку это помешало расследовать версию о заговоре. Также начальник комитета начальников штабов генерал Тейлор был убежден, что «возникнет подозрение, будто Руби убил Освальда, чтобы что-то скрыть», хотя сам считал его таким же убийцей-одиночкой, как и сам Освальд. Но большинство американцев и тогда, и сейчас верят, что оба убийства были следствием заговора.

Траурная процессия

До 9 часов утра понедельника, 25 ноября, в Ротонде Капитолия мимо гроба Кеннеди прошли 250 тыс. человек. Потом семья Кеннеди и воинские части сопровождали гроб на лафете из Капитолия до Белого дома. Здесь вдова президента вышла из машины и во главе процессии пошла пешком до собора Св. Матфея. Здесь на заупокойной мессе присутствовали и зарубежные гости. После мессы участники похоронной процессии снова сели в автомобили и отправились вслед за лафетом к Конститьюшн-авеню, обогнули памятник Линкольну, проехали по Мемориальному мосту и затем отправились по проспекту Павших Героев на Арлингтонское кладбище. По всему этому маршруту протяженностью шесть миль стояли толпы из сотен тысяч скорбящих людей. Когда агенты секретной службы намекнули президенту Джонсону на возможность нового покушения и посоветовали воздержаться от пешей прогулки, он возмутился: «Чертовы ублюдки, вы хотите, чтобы я выглядел идиотом! Я пойду пешком, и все тут!» Примерно так же, хотя и в менее резких выражениях, охарактеризовал подобное предложение Роберт Кеннеди. А Эрл Уоррен просто сделал вид, что не слышал предупреждения. Из иностранных гостей особенно беспокоились за де Голля и Микояна, которых, правда, охраняли не только американские, но и свои телохранители. Но иностранцы тоже предостережения проигнорировали по принципу: террористов бояться – на похороны не ездить. Всего в траурной процессии шли 64 сотрудника ЦРУ, 40 агентов ФБР, 250 сотрудников службы безопасности Госдепартамента, не считая иностранных охранников, а на улицах стояли 4 тыс. солдат и полицейских. Но все прекрасно понимали, что если найдется человек, желающий совершить покушение на кого-то из американских или зарубежных лидеров, предотвратить его вряд ли удастся. Были и предупреждения об угрозах в адрес различных лиц, как и перед роковой поездкой в Даллас. Однако все обошлось благополучно. На выходе из собора оркестр последний раз сыграл «Славу вождю». Здесь Жаклин, наклонившись к маленькому Джону и вспомнив, как малыш любил играть с отцом в солдатики, сказала: «Теперь, Джон, ты можешь отдать честь папе и попрощаться с ним». И малыш поднял ручку в салюте. Кэролайн простилась с отцом накануне. Эйзенхауэр и Трумэн на похоронах кратко обсудили, было ли убийство Кеннеди результатом заговора, и решили, что нет. Третий здравствовавший в тот момент бывший президент США, 89-летний Герберт Кларк Гувер, по состоянию здоровья на траурных церемониях не присутствовал.

Гроб опустили в мраморный склеп. Прозвучал еще один

артиллерийский салют. Над кладбищем пролетели 50 реактивных истребителей и президентский самолет. Над могилой был зажжен вечный огонь. Эра президента Джона Кеннеди кончилась. Он ушел в историю.

22
Комиссия Уоррена

Первоначально президент Джонсон собирался поручить расследование обстоятельств убийства президента Кеннеди техасским властям, но затем под влиянием чиновников Министерства юстиции, указавших на мировой резонанс дела и относительно низкую квалификацию техасских следователей и полицейских, изменил решение.

29 ноября 1963 года президент Линдон Джонсон сумел уговорить председателя Верховного суда Эрла Уоррена возглавить комиссию по расследованию всех обстоятельств, связанных с убийством президента Кеннеди. Уоррен вспоминал: «Президент сказал мне, что дело приобрело очень серьезный оборот. Распространяются самые дикие слухи, и следует все время помнить о международном положении. Он сказал, что только что беседовал с Раском и тот крайне озабочен. Он упомянул также данные председателя Комиссии по атомной энергии о том, сколько миллионов людей могут погибнуть в случае атомной войны. Единственное, что позволит положить конец подобным слухом, как сказал он, это создание независимой и ответственной комиссии по расследованию. Ее может возглавить только человек, занимающий самый высокий пост в судебной иерархии государства.

Я высказал ему свое мнение на этот счет (Уоррен не любил, чтобы его отвлекали от прямых обязанностей председателя Верховного суда. – *Авт.*). Он сказал, что если американское общественное мнение будет враждебно настроено против Кубы и Советского Союза, то это может привести к войне (именно эти страны молва подозревала в причастности к убийству Кеннеди. – *Авт.*).

– Вам пришлось уже однажды носить военную форму, – сказал он, – и если бы я попросил вас об этом, то вы вновь надели бы форму во имя интересов вашей страны?

– Конечно, – ответил я.

– Сейчас я прошу вас оказать гораздо более важную услугу, – сказал он.

– Если вы ставите вопрос таким образом, – ответил я, – мне остается только согласиться».

В состав комиссии, кроме Уоррена, вошли: сенатор-демократ от Джорджии Ричард Рассел, сенатор-республиканец от Кентукки Джон Шерман Купер, член палаты представителей от Луизианы

демократ Хейл Боггс, член палаты представителей от Мичигана Джеральд Форд (будущий президент), бывший директор ЦРУ Ален Даллес и бывший директор Всемирного банка Джон Маклой.

Эрл Уоррен

94 свидетеля были вызваны на заседания комиссии с участием одного или более ее членов. Отдельные сотрудники аппарата комиссии за полгода с небольшим успели опросить 395 человек. Письменные показания под присягой дал 61 человек, а президент Джонсон и его супруга свои свидетельства прислали в письменной форме. 24 сентября 1964 года полный текст доклада комиссии Уоррена был передан президенту и опубликован в 27 томах (один том доклада и 26 томов материалов).

Комиссия пришла к выводу, что убийцей президента был Ли Харви Освальд, и все выстрелы были произведены им с верхнего этажа здания склада школьных учебников. Какого-либо заговора, имевшего целью убийство, согласно докладу, выявить не удалось. Освальд был признан убийцей-одиночкой.

Эрл Уоррен вручает Линдону Джонсону итоговый доклад комиссии

Комиссия Уоррена заявила, что не может достоверно установить мотивы преступления. По поводу душевного состояния Освальда комиссия отметила следующее: «Очевидно, что у Освальда была изначальная враждебность по отношению к окружающим. Ему, как представляется, не удавалось установить серьезные отношения с другими людьми. Он был вечно недоволен окружающим миром. Задолго до убийства он выразил свою ненависть к американскому обществу, и в его действиях был протест против него. Освальд искал идеальное, как он считал, общество, но эти поиски с самого начала были обречены на провал. Он хотел остаться в истории, примерял на себя роль «великого человека», который был бы признан в свое время, хотя бы посмертно. Его приверженность к марксизму и коммунизму, как представляется, была еще одним важным фактором в мотивах преступления. Он также продемонстрировал способность действовать решительно, невзирая на последствия, если такие действия помогут достижению цели в данный момент. Этот и многие другие факторы могли сформировать характер Ли Харви Освальда и превратить его в человека, способного убить президента Кеннеди».

Большинство американцев проект одобрили. За рубежом в ряде стран он подвергся более жесткой критике за то, что отвергал все существующие теории заговора.

Менее 2 % материалов комиссии Уоррена до сих пор остаются под грифом «секретно», что порождает разного рода

спекуляции среди сторонников различных теорий заговора. Неопубликованные документы касаются возврата налогов, имен агентов и секретных методов работы спецслужб.

В докладе комиссии подверглись критике действия полиции Далласа, ФБР и секретной службы. Последнюю было рекомендовано подчинить непосредственно кабинету министров, что так и не было осуществлено.

Никаких предложений по ужесточению контроля над оборотом стрелкового оружия в США комиссия Уоррена не внесла, посчитав, что это находится за пределами ее компетенции. Вскоре после убийства Кеннеди и Освальда ряд сенаторов и конгрессменов внесли ряд законопроектов по этому вопросу, и, в частности, о запрете продажи оружия по почте, но они не были приняты. Один из журналистов по этому поводу устроил довольно злую шутку. Он послал одной из оружейных фирм заказ и приложил денежный чек с подписью «Л.Х. Освальд», после чего благополучно получил заказанную винтовку.

Тем не менее уже после публикации доклада Комиссии Уоррена в Америке и за границей появились многочисленные статьи и целые исследования, авторы которых утверждали, что Джон Кеннеди стал жертвой заговора и что Освальд его не убивал. Об убийстве Джона Кеннеди писали ученые и юристы, журналисты и историки. Большинство из них выдвигают различные версии, согласно которым Освальд не был убийцей-одиночкой, а существовал заговор группы лиц. При этом насчет мотивов убийства и состава заговорщиков никакого единодушия среди авторов множества независимых расследований нет. А тот факт, что подавляющее большинство писавших и продолжающих писать на тему убийства Джона Кеннеди придерживается различных теорий заговора, объясняется очень просто. Книга или статья, в которой повторяется всем давно уже хорошо известная официальная версия об Освальде как об убийце-одиночке и утверждается, что она соответствует истине, не вызовет большого читательского интереса и, следовательно, не принесет автору больших доходов. Хуже того, по мере того, как накапливаются все новые и новые версии о заговоре, повторение прежних версий, с уже озвученными мотивами убийства и кругом заговорщиков, перестает интересовать редакторов и издателей. Поэтому, чтобы произвести сенсацию и, соответственно, заработать на ней, журналистам и писателям приходится изобретать все новые и новые версии заговора и включать в круг заговорщиков ранее не фигурировавших в нем персон. Авторы всех этих публикаций учитывают также глубокое недоверие большинства американцев (и не только американцев) к любым официальным версиям, веру в

то, что правительство им что-то недоговаривает и в чем-то сознательно обманывает. А тут еще убийство такого президента – самого молодого в истории, красивого, обаятельного, энергичного, обещавшего Америке и американцам «новые рубежи», завоевавшего немалый авторитет в мире, пользовавшегося успехом у женщин. Помните, Цветаева про Пушкина писала: «Он красивых женщин любил любовью не чинной, и даже убит он был красивым мужчиной». Дантес-то действительно был настоящий красавчик, правда, пользовавшийся успехом не только у женщин, но и у мужчин, в том числе у своего приемного отца барона Геккерна. Представить же себе, что президента Джона Кеннеди убил такой невзрачный, некрасивый человек, как Ли Харви Освальд, американская общественность просто не могла, как и то, что такого выдающегося человека мог убить убийца-одиночка. Нет, тут непременно был заговор, а состав заговорщиков и мотивы преступления каждый выбирал на свой вкус и в зависимости от своих политических и эстетических предпочтений. Благо, что авторы посвященных убийству Джона Кеннеди произведений обеспечили огромный выбор самых невероятных версий.

К установлению истины все эти публикации не имеют никакого отношения. Если почитать все книги и статьи, написанные о выстрелах в Далласе (хотя один человек в принципе не в состоянии это сделать, поскольку таких публикаций насчитывается многие тысячи), то у читателя должно создастся впечатление, будто с утра 22 ноября 1963 года в Далласе выстроилась целая очередь стрелков-снайперов, собиравшихся убить президента Кеннеди по заказу тех или иных персон, групп, организаций или государств, и Ли Харви Освальд (или какой-то другой, до сих пор не установленный убийца) оказался наиболее удачливым, сумев выстрелить первым. Есть также небольшое ответвление от основной теории, согласно которому заговор был против губернатора Конналли, а случайно попали в президента Кеннеди. Однако большинство авторов такую версию всерьез не рассматривают. Ей противоречат следующие факты. Президент получил одно безусловно смертельное и одно очень тяжелое ранение, а Конналли – одно несмертельное и выжил. Профессионалы так не ошибаются, тем более, что спутать Конналли и Кеннеди, глядя в телескопический прицел, никак нельзя. Они друг на друга совершенно не похожи. В то же время фотографии и губернатора, и президента многократно публиковались, и убийца, разумеется, не мог не знать их в лицо.

Вот к каким интересным выводам пришла специальная

комиссия палаты представителей конгресса США, созданная в 1979 году под давлением общественности, среди которой все большей популярностью стали пользоваться к тому времени разнообразные теории заговоров. Комиссия, составленная на основе специального комитета по терроризму, отметила, что ряд данных экспертиз можно истолковать так, что в Кеннеди стрелял не один человек, а двое, что должно было бы служить доказательством существования заговора. В то же время были отвергнуты версии о причастности к убийству Кеннеди КГБ, кубинских спецслужб и ЦРУ. Были отмечены и недостатки в работе секретной службы по организации охраны президента и в работе ЦРУ и ФБР по расследованию убийства. Ряд членов комиссии пришел к заключению, что комиссия Уоррена недостаточно тщательно расследовала версию заговора, в том числе и потому, что комиссия не смогла добиться получения всех необходимых сведений от ряда правительственных учреждений. Труды комиссии составили 12 увесистых томов. Там, в частности, утверждалось: акустическая экспертиза установила – 22 ноября 1963 года в Далласе в президента Кеннеди было произведено не три, а четыре выстрела. Следовательно, Кеннеди, «вероятно, был убит в результате заговора. Собранные научные данные требуют пересмотра всего того, что считалось правильным в прошлом». Ну, цена акустической экспертизы хороша известно, учитывая неизбежное эхо и посторонние шумы. Сама эта аудиозапись была представлена в последний момент, перед самым концом работы комиссии, которая до этого склонялась к официальной версии убийцы-одиночки. Достоверность записи сразу же была поставлена под сомнение. Некоторые эксперты вообще не считали эту запись записью убийства. Главный адвокат комитета Г. Роберт Блейк рассказал ABC News в 2003 году, что по меньшей мере 20 человек слышали выстрел с травяного холма и что заговор доказан на основе свидетельских показаний и акустических данных, но в 2004 году он говорил об этом куда менее уверенно. А полицейский Маклейн, чья запись рации, установленной на его мотоцикле, использовалась в качестве доказательства, неоднократно заявлял, что он еще не был на Дили-плаза в момент убийства. Маклейн спрашивал: «Если бы это было мое радио на моем мотоцикле, то почему не слышно езды с ускорением и воя моей сирены, когда мы тут же понеслись в больницу?»

Факт же четырех выстрелов, если бы они действительно были тогда произведены, должен был бы однозначно подтверждаться куда более надежной в данном случае баллистической экспертизой. Однако ссылок на такое подтверждение в трудах комиссии 1979 года нет. А на практике это означает, что в

действительности выстрелов было три, а не четыре, а пассаж про акустическую экспертизу понадобился только для того, чтобы кинуть кость критикам выводов комиссии Уоррена. Кроме того, комиссия 1979 года полагала, что Освальд стрелял из положения стоя, а при таком положении и на той дистанции, что отделяла его от машины президента, добиться столь кучных попаданий практически невозможно. Однако, если он стрелял в положении с упора (а наверняка так и было), результат его стрельбы отнюдь не выглядит чудом снайперского искусства. Здесь можно предоставить слово компетентному эксперту – Уильяму Манчестеру, автору одной из наиболее популярных книг об убийстве Кеннеди. Он пишет: «Автор (то есть он сам. – *Авт.*) внимательно изучил место событий в Далласе и, получив ранее звание отличного стрелка на стрельбище морской пехоты США на острове Паррис, штат Южная Каролина, он стрелял из винтовки М-1 так же, как и Освальд, с расстояния 500, 300 и 200 ярдов. С шестого этажа книжного склада Освальд должен был видеть медленно движущуюся цель на расстоянии менее 90 ярдов, а его оптический прицел приближал цель до 22 ярдов. На таком расстоянии он вряд ли мог промахнуться».

Поэтому совершенно право было ФБР, когда осенью 1980 года передало Министерству юстиции доклад всего на 22 страницах, где вполне убедительно доказывалось, что акустическая экспертиза комиссии конгресса основывалась на ложных предпосылках и потому является недействительной.

В 1982 году группа из двенадцати ученых, назначенных Национальной академией наук (НАН), во главе с Норманом Рамзеем, сделала вывод, что запись, представленная в Комитет по терроризму, имела серьезные недостатки и не могла служить доказательством.

Одного из авторов, некоего Д. Лифтона, выводы комиссии 1979 года вдохновили на совсем уж фантастическую теорию. Якобы за те полчаса, пока тело президента перевозили самолетом в Вашингтон, какие-то мифические пособники заговорщиков успели убрать из черепа осколки четвертой пули, выпущенной не Освальдом.

Английский журналист А. Саммерс, настаивавший на теории заговора, тем не менее установил поразительный факт. Один американский журналист, когда понял, что его документированные статьи о деле Кеннеди перестали печатать, обратился к одному очень уважаемому редактору. Тот ответил письмом, в котором высказал сожаление, что журналист ставит вопросы, на которые нет ответа. Вместо этого, писал редактор, следует подчеркивать, что предположения комиссии 1979 года

отражают всеобщее настроение веры в наличие заговора. Поэтому не стоит разубеждать публику.

Похороны Ли Харви Освальда

Замечу, что входившие в комиссию конгрессмены и сенаторы в своих выводах неизбежно должны были учитывать мнение своих избирателей. А среди избирателей, повторю, преобладало мнение, что президент Кеннеди стал жертвой какого-то заговора. Если бы члены комиссии просто безоговорочно подтвердили, что нет никаких серьезных оснований для сомнений в официальной версии об Освальде как об убийце-одиночке, то это могло не понравиться избирателям и ухудшить шансы состоящих в комиссии членов палаты представителей и сенаторов на переизбрание. Поэтому комиссии конгресса гораздо выгоднее было, исходя из чисто политических соображений, отвергнуть идею заговора с участием как внешних, зарубежных сил, так и американских правительственных учреждений и ведомств, сохранить некоторую вероятность того, что заговор против президента все-таки мог существовать. А в октябре 1981 года даже вскрыли могилу Освальда и установили, что там похоронен именно он. Так проверялась версия писателя Майкла Эддоуса о том, будто во время пребывания в СССР Освальда заменили на двойника и что именно этот двойник, а не Освальд, убил Кеннеди и был похоронен в могиле Освальда. В этом случае на эксгумированых останках не должно было быть хирургического шрама, который, как известно, был у Освальда. Строго говоря, если бы КГБ действительно захотел бы заменить Освальда на своего человека, о такой существенной мелочи, как шрам, там бы

наверняка позаботились. Тем не менее сравнение стоматологических снимков Освальда и эксгумированного трупа однозначно подтвердило, что похоронен именно Освальд. Шрам на его теле также присутствовал.

Заодно рухнула еще одна версия, будто вместо Освальда похоронен совсем другой человек, а Ли Харви здравствует поныне и пребывает под охраной как важный свидетель.

23
Теории заговора

Существуют десятки конспирологических версий убийства Кеннеди. Об этой трагедии написаны сотни книг и тысячи статей, снята добрая дюжина фильмов. Некоторые авторы утверждают, что Освальд вообще стрелял по машине или что он не был единственным стрелком, предполагается связь убийства с различного рода крупными фигурами политики и бизнеса, усматривается намеренное устранение свидетелей и т. п.

В самых экзотических теориях заговора среди заказчиков преступления назывались мафия, КГБ, кубинские эмигранты и ЦРУ, что было вызвано многочисленными книгами и фильмом Оливера Стоуна «ДФК», вышедшим на экраны в 1991 году. Пожалуй, только еще инопланетян не было среди возможных убийц президента Кеннеди.

Критики официальной версии обычно задают следующие вопросы. Почему секретная служба, охраняющая президента, допустила столько ошибок и легкомыслия при организации поездки Кеннеди в Даллас? Почему единственный подозреваемый, которому были предъявлены обвинения в убийстве Кеннеди, был вскоре убит на глазах целой толпы свидетелей и не успел дать никаких показаний? Почему убийца Освальда сам через сравнительно непродолжительное время скончался? Почему комиссия Уоррена не изучала всерьез версию заговора с целью убийства президента Кеннеди?

Кстати сказать, одним из первых версию о заговоре против Кеннеди выдвинул КГБ. 23 декабря 1963 года он направил в ЦК КПСС и МИД аналитическую записку, где утверждалось: «Имеющиеся в распоряжении Комитета госбезопасности разведывательные данные дают основание считать, что убийство 22 ноября с.г. в г. Далласе (штат Техас) президента США Д.Ф. Кеннеди организовано реакционными монополистическими кругами в союзе с профашистскими группами Соединенных Штатов с целью усиления наиболее реакционных и агрессивных аспектов в политике США. Указанные круги были недовольны отдельными сторонами внешней политики Кеннеди, в частности некоторыми мероприятиями по нормализации советско-американских отношений, расширению политических прав негритянского населения, а также известным ограничением интересов части буржуазии США, прежде всего нефтяных и металлургических монополий».

К сожалению, данная записка имела явно пропагандистский характер и была предназначена для нужд советской внешнеполитической контрпропаганды и должна была опровергнуть уже гулявшие в американской и мировой печати версии о том, что к убийству Кеннеди причастны СССР или Куба и что само убийство – месть за унижение, испытанное Хрущевым в дни Карибского кризиса. В действительности никакой информацией об убийстве Кеннеди, кроме сообщений американских СМИ, в КГБ не располагали.

Поэтому нельзя быть стопроцентно уверенным, что Хрущев и другие советские руководители действительно верили в теорию о заговоре американского монополистического капитала против президента Кеннеди. Однако, учитывая, что Никита Сергеевич и его коллеги привыкли мыслить в категориях заговоров и различных козней, которые «империалисты» и «монополистические капиталисты» постоянно строят то «первой мире Стране Советов», то друг другу. Поэтому Хрущев действительно мог верить, что Освальд был лишь орудием в руках заговорщиков.

Хотя в своих мемуарах, написанных после отставки, Никита Сергеевич вспоминает об убийстве Кеннеди только тогда, когда описывает свой визит в США, и там о возможном заговоре ничего нет: «Машина тронулась, и мы поехали, но очень медленно. Охрана президента бежала справа и слева от нашей машины, вытянувшись цепочкой. Спереди и сзади она тоже прикрывала ее. Было проделано то, что мы уже видели во время пребывания в Женеве. Нам был непривычен такой порядок. Но когда позже я узнал, на что способны люди в Америке, то все понял. За короткое время там убили президента Джона Кеннеди и его брата Роберта, который выставлялся кандидатом в президенты. Убили потом негритянского лидера Мартина Лютера Кинга, боровшегося за равноправие своего народа в США. Совершались и другие политические убийства. Может быть, процедура охраны, разработанная там, которой я стал свидетелем, была поэтому оправданна. Хотя это тоже не дает гарантии. Убийства, которые были совершены, подтверждают это. И все же охрана затрудняет возможность совершения террористических актов. О том, что там имелось много врагов (не у меня лично, а у Советского Союза), мы догадывались. Я, конечно, это знал, но искренне признаюсь, что абсолютно ни о чем таком не думал и никакой тревоги не испытывал. Это я сейчас говорю о возможной опасности. А тогда у меня и мыслей не было о каком-либо террористическом акте».

Н.С. Хрущев в автомобиле во время визита в США

Таким образом, Никита Сергеевич на опыте своего визита в США уверовал, что у американского президента очень надежная охрана, и поэтому после того, как убили Кеннеди, мог решить, что покушение удалось только потому, что в заговоре участвовали сотрудники охраны (или те, кому они подчиняются). Но со временем он также мог прийти к выводу, что заговора не было. Никита Сергеевич не был профессионалом и не мог оценить недостатки в системе охраны американского президента.

Надо сказать, что в США очень быстро убедились, что руководство СССР никаким боком не причастно к убийству американского президента. Федеральное бюро расследований получило подтверждение о непричастности КГБ к убийству президента из неожиданного источника. Второй человек в руководстве компартии США, Моррис Чайлдс, как раз в день убийства Кеннеди оказался в Москве. Он должен был получить деньги, которые ЦК КПСС регулярно выделял американским коммунистам. Чайлдс как раз беседовал с секретарями ЦК КПСС М.А. Сусловым и Б.Н. Пономаревым и своими глазами наблюдал их смятение, когда они получили известие об убийстве Кеннеди и аресте Освальда. Михаил Андреевич и Борис Николаевич настолько растерялись, что, полагая, что американский гость не владеет русскими, начали горячо обсуждать, как выкрутиться из неприятной истории с Ли Харви Освальдом, который длительное время жил в СССР. Сотрудники Пономарева, сообщившие об аресте Освальда, кратко ввели его в курс дела, сообщив все то,

что было известно о беглом морском пехотинце. Освальд, дескать, перебежал в Советский Союз и жил там со своей русской женой. Советские психиатры, обследовавшие его после того, как он в Москве пытался покончить с собой, пришли к выводу, что он – человек весьма неуравновешенный, и нельзя с уверенностью сказать, что он вообще психически здоров. Когда Освальд попросил разрешения вернуться в Соединенные Штаты, от него рады были отделаться. С ним не поддерживали никаких контактов, за исключением нескольких последних недель. Тогда он вдруг появился в советском посольстве в Мехико и попросил визу для возвращения в СССР, указав, что хочет лететь через Кубу. Посольство, как это принято, запросило указаний из Москвы. В КГБ, просмотрев его досье, посчитали Освальда бесполезным неудачником и приказали посольству от него отделаться. поэтому посольство в Мехико сообщило, что не может выдать визу, пока он не получит соответствующую визу для въезда на Кубу. Предупрежденные же заранее сотрудники кубинского посольства сказали Освальду, что не могут выдать ему визу, пока он не получит визу на въезд в Советский Союз. Круг замкнулся, и Освальд уехал ни с чем.

Дело было нешуточное. Американское руководство могло подумать, что Москва организовала убийство Кеннеди для того, например, чтобы, пока в Америке будет неизбежная сумятица, связанная со сменой власти, нанести первый ядерный удар. А это грозило новой военной тревогой, как во времена Карибского кризиса. Поэтому тут же версию о непричастности СССР к убийству Кеннеди повторили почти дословно для Чайлдса, уже через переводчика. Советские руководители были заинтересованы в том, чтобы американские товарищи как можно скорее обнародовали эту информацию, доведя тем самым ее до Вашингтона. Официальным советским представителям выступать с заявлением, что мы не имеем никакого отношения к убийству Кеннеди, было как-то неудобно.

Но на самом деле Моррис Чайлдс знал русский язык очень хорошо, хотя и тщательно скрывал этот факт как от советских товарищей, так и от своих коллег по американской компартии. Он был давним агентом ФБР. И теперь Чайлдс уверился в том, что КГБ и советское руководство непричастны к покушению на Кеннеди. Суслов вообще был одним из наиболее влиятельных членов Президиума ЦК КПСС, и вряд ли мог бы остаться не в курсе дела, если бы советские спецслужбы действительно готовили покушение на Кеннеди. КГБ же, как понял Чайлдс, клятвенно заверил Президиум ЦК, что никогда не пытался использовать Освальда ни как агента, ни как информатора, и

копия досье Освальда, представленная Пономареву Сусловым, подтверждала этот вывод. Вернувшись из Москвы, Чайлдс сразу же, в мотеле рядом с аэропортом, пересказал сотруднику ФБР разговор Пономарева и Суслова, из которого следовало, что все происшедшее в Далласе было для них полнейшей неожиданностью. После этого ФБР и Госдепартамент пришли к заключению, что нет оснований полагать, будто Россия, Куба или какая-либо другая страна замешаны в убийстве Кеннеди. Госдепартамент сделал также соответствующее заявление.

Возможность инсценировки со стороны Суслова и Пономарева исключалась. Советская сторона не знала о работе Чайлдса на ФБР и продолжала поручать ему весьма деликатные миссии по снабжению деньгами американских коммунистов вплоть до 1980 года (всего через Морриса прошло 28 млн долларов). В 1975 году в честь Чайлдса был организован прием в Кремле, на котором Л.И. Брежнев наградил его орденом Красного Знамени, тогда как Рональд Рейган вручил ему президентскую медаль Свободы только в 1987 году. Да и в такой инсценировке просто не было смысла. Если бы убийство Кеннеди действительно было организовано КГБ, то это могло быть сделано только для того, чтобы предпринять какую-то крупную военную или политическую акцию либо против США, либо против их союзников. Но ничего подобного не последовало. В своем отчете Моррис Чайлдс писал, что советские руководители сами были в настоящей панике и пытались сами разузнать у него возможные мотивы покушения. По впечатлению Чайлдса, советские вожди пытались прежде всего оценить политические последствия убийства, но некоторые из них, как казалось, по-человечески жалели о гибели молодого и симпатичного президента, хотя он и был их врагом.

Моррис Чайлдс

Чайлдс уверил советских коллег, что покушение на Кеннеди вряд ли было следствием заговора. Он оговорился, что, не зная всех обстоятельств дела, не может утверждать, нарушили ли работники секретной службы свой долг, разрешив президенту воспользоваться открытой машиной, но заметил, что президенты и так рискуют, постоянно смешиваясь с толпой на встречах с избирателями. Поэтому, возможно, вины охраны в гибели Кеннеди нет. Чайлдс также сделал следующий исторический экскурс. На жизни президентов США ранее было совершено множество покушений, но лишь одно – убийство Авраама Линкольна Джоном Уилксом Бутом – было политически и идеологически мотивировано. Остальные покушения были осуществлены психически неуравновешенными людьми. Любой гражданин США имеет право на приобретение и хранение огнестрельного оружия; при этом, согласно оценкам психиатров, один процент населения, то есть более миллиона взрослых американцев, являются душевнобольными, и их действия могут

быть непредсказуемыми. Убийца Кеннеди как раз и может быть из числа таких людей.

Этот анализ, проведенный Моррисом, значительно укрепил его репутацию в глазах советских руководителей. Очевидно, Хрущев и его коллеги через КГБ довольно быстро выяснили, что Освальд был как раз в высшей степени психологически неуравновешенным человеком. Но для пропагандистских целей Москва продолжала использовать теорию заговора, будто бы составленного «реакционными кругами монополистического капитала», используя в этих целях и материалы КГБ.

Чайлдс также убедил советских руководителей, что в ближайшем будущем не произойдет какого-либо изменения внешней политики США. Джонсон сосредоточит все усилия на том, чтобы выиграть президентские выборы 1964 года, и, по крайней мере до этих выборов, сохранит на своих постах главных советников Кеннеди по вопросам внешней политики и не рискнет выступить с новыми внешнеполитическими инициативами. Этот его прогноз также полностью подтвердился.

Советскому руководству невыгодно было убивать Кеннеди еще и потому, что американское обещание не вторгаться на Кубу было джентльменским обещанием президента Кеннеди. Формально его преемники, в том числе и Джонсон, не были связаны этим обещанием (хотя фактически выполняют его до сих пор). Убивая Кеннеди, советская сторона могла только облегчить осуществление американского вторжения на Остров свободы с формально-юридической точки зрения. И по этой же причине не было никакого смысла кастровской Кубе организовывать убийство Кеннеди.

Такое убийство приобретало бы смысл только в том случае, если бы от преемника Кеннеди можно было ожидать перемен к лучшему в американской политике по отношению к Советскому Союзу и Кубе. При Джонсоне первые робкие ростки разрядки напряженности, появившиеся в последний год президентства Кеннеди, исчезли. Причиной этого, однако, была скорее не злая воля нового президента, а эскалация конфликта во Вьетнаме, вновь обострившая советско-американские отношения. Но не было никакой гарантии, что на дальнейшее расширение американского участия во вьетнамской войне не пошел бы и сам Кеннеди, останься он жив. Что же касается Кубы, то в президентство Джонсона ей вообще уделялось гораздо меньше внимания, чем при Кеннеди. Но вызвано это было объективными причинами. Внимание американской администрации все больше привлекал Индокитай, а также интервенция в Доминиканскую Республику. Кроме того, после Карибского кризиса задача

свержения режима Кастро уже не стояла в повестке дня. Скорее всего, Кеннеди, останься он у власти до 1968 года, тоже уделял бы Кубе гораздо меньше внимания в свой второй президентский срок.

Иногда по поводу «убийства века» приходится читать совсем уж анекдотические суждения. Так, российские исследователи А.А. Громыко и А.А. Кокошин в книге «Братья Кеннеди», написанной в советское время, утверждают: «Можно, конечно, верить или не верить официальной версии убийства Кеннеди. Можно принимать или отвергать приводимые в ней факты и суждения, порой более похожие на полуправду. Но нельзя, на наш взгляд, следовать точке зрения, будто убийство в Далласе было совершенно случайным явлением. И дело здесь не в личности убийцы, кто бы он ни был.

Вопрос о том, кто убил президента, может никогда не получить четкого и ясного ответа. По-другому, однако, обстоит дело с вопросом, почему был убит Кеннеди. Ответ на него представляется возможным».

Интересно, каким же образом можно определить причины убийства Кеннеди, если неизвестна, по мнению авторов, ни личность убийцы, ни то, было ли само убийство результатом тщательно спланированного заговора или действий убийцы-одиночки. Но у историков-марксистов есть волшебная методика, позволяющая отвечать на все вопросы. Громыко и Кокошин продолжают: «Убийство века» могло иметь целый ряд причин, которые, сплетаясь в тугой зловещий клубок, побудили убийцу или убийц совершить свое преступление. Общеизвестно, например, какую яростную конкурентную борьбу ведут между собой различные группы американского монополистического капитала и к каким трагическим последствиям это нередко приводит отдельных даже очень влиятельных и богатых лиц. Принадлежавший к бостонской финансовой группировке, тесно связанной с Уолл-стритом, Джон Кеннеди, без сомнения, не устраивал многих соперников-монополистов. Они не только завидовали ему, но и побаивались его. Ведь, находясь в Белом доме, Джон Кеннеди обладал широкими возможностями давать «зеленую улицу» одним воротилам бизнеса, «не замечая», а то и ущемляя других».

Вот оно что! Выходит, Кеннеди стал жертвой борьбы различных монополистических группировок в США. Хороша теория! Только она вызывает некоторые вопросы. Ведь, согласно искренним убеждениям по-советски мыслящих российских авторов, борьба монополистических группировок не с президентства Кеннеди началась и не им закончилась. Но в этом

случае монополистические группировки должны были бы отстреливать американских президентов через одного. Кому-нибудь из соперников он всегда не угодит. Кстати, я бы посоветовал Анатолию Андреевичу и Андрею Афанасьевичу рассмотреть еще и противоположную версию: Кеннеди чем-то не угодил поддерживавшей его монополистической группировке и потому был убит. Хорошо известно, что предателей карают еще более сурово, чем врагов.

Громыко и Кокошин также намекают, что Кеннеди мог быть убит противниками потепления советско-американских отношений, которое он пытался осуществить в последние месяцы своей жизни: «Водоворот безжалостной конкурентной борьбы, втягивающий в себя в капиталистической Америке всех и вся, породил кое у кого в отношении молодого, энергичного и в общем-то удачливого президента чувства сначала зависти и недовольства, а затем, по мере того как Кеннеди стал проявлять реализм во внешней политике, и злобы, переросшей в ненависть. Яростным нападкам он, в частности, подвергался за то, что проявил определенную сдержанность и благоразумие в самые острые моменты карибского кризиса, устояв против натиска экстремистов, толкавших мир к третьей мировой войне. Ведь ни для кого не секрет, что в ряде штатов США, в том числе и в Техасе, местные газеты, находящиеся под контролем влиятельных сил, изо дня в день подвергали нападкам президента, сравнивая его с «уголовным преступником».

Да, подобные листовки, где под фотографией Кеннеди было написано «Разыскивается за вознаграждение», как это обычно пишут на плакатах с объявлением о розыске опасных уголовных преступников, распространялись в Далласе, да и во всем Техасе накануне поездки Кеннеди. Но изготовляли эти листовки не противники нормализации советско-американских отношений, а прежде всего противники проводимой президентом политики расовой десегрегации. Кстати сказать, одна из популярных версий убийства в Кеннеди заключается в том, что заговор против него организовали расисты. Правда, здесь опять-таки встает вопрос, почему сторонники расовой сегрегации пощадили Эйзенхауэра и Линдона Джонсона, которые также проводили политику постепенной ликвидации расовой дискриминации.

Возвращаясь же к версии об убийстве Кеннеди противниками разрядки напряженности в отношениях с СССР, надо заметить, что тогда тем, кто организовал покушение в Далласе, надо было бы непременно избавиться от Ричарда Никсона, в президентство которого разрядка напряженности действительно стала фактом международной жизни. Однако Никсону дали спокойно

переизбраться на второй срок, и лишь позднее вынудили уйти в отставку под угрозой импичмента. Конечно, тут можно выдвинуть еще одну версию. Дескать, антисоветчики на этот раз решили попробовать более изощренный способ устранения неугодного президента, чем убийство. Однако все обстоятельства Уотергейтского скандала слишком хорошо известны, чтобы подозревать, что Никсон мог стать жертвой чьей-либо провокации. Он действительно покрывал своих людей, установивших подслушивающие устройства в штаб-квартире Демократической партии, а потом не догадался уничтожить магнитофонные записи, содержащие его указания о том, как надо замять Уотергейтское дело. И, между прочим, фанатики-антисоветчики по этой логике должны были стремиться ликвидировать Рональда Рейгана, к концу второго президентского срока которого разрядка напряженности в советско-американских отношениях приобрела действительно необратимый характер. Однако единственное покушение на Рейгана произошло еще тогда, когда он называл Советский Союз «империей зла», а покушавшийся оказался психически неуравновешенным человеком.

Если же искать возможных заговорщиков внутри Соединенных Штатов, то здесь в первую очередь приходят на ум сторонники расовой сегрегации и противники предоставления полных гражданских прав негритянскому населению, с которыми Кеннеди приходилось вести напряженную борьбу. Однако с точки зрения этих врагов Кеннеди его убийство ничего не могло изменить, поскольку Линдон Джонсон был точно таким же противником расовой дискриминации, как и Кеннеди. Напомню, что именно в президентство Джонсона в 1964 году был принят внесенный в конгресс еще при Кеннеди Акт о гражданских правах, окончательно уничтоживший расовую сегрегацию на Юге США.

Между прочим, секретарь Кеннеди Эвелин Линкольн утверждала в мемуарах, вышедших в 1968 году, что Кеннеди подумывал о замене Джонсона на выборах 1964 года в качестве вице-президента на губернатора Северной Каролины Терри Сэнфорда. Она ссылалась на разговор с Кеннеди, записанный ею 19 ноября 1963 года, перед самым покушением. Судя по записи Кеннеди будто бы также собирался, в случае переизбрания на новый срок, превратить карьеру на государственной службе в почетное и желанное для многих американцев занятие. Кеннеди будто бы собирался объединить (буквально «сшить») законодательные и исполнительные ветви правительства, чтобы они могли оставаться в курсе гигантских сдвигов и прогресса в других областях. Президент также будто бы собирался отменить

ряд устаревших правил в деятельности конгресса, в том числе правило старшинства, в соответствии с которым председателем комитета сената назначается сенатор с наибольшим стажем работы в данном комитете. Якобы потому, что Джонсон вряд ли бы поддержал эти нововведения, Кеннеди и собирался заменить его Сэнфордом.

Эвелин Линкольн

Это свидетельство Э. Линкольн вызывает очень большие сомнения. Разделение законодательной, исполнительной и судебной власти – это основополагающий принцип американского государства. Чтобы в той или иной форме соединить законодательную и исполнительную власть, требуется ряд изменений конституции, осуществить которые практически невозможно, тем более на протяжении всего одного президентского срока. Точно так же процедурные правила конгресса – вещь консервативная, следствие ряда двухпартийных договоренностей, и меняются они с большим трудом. То же правило старшинства благополучно существует по сей день. Более того, в свой первый срок Кеннеди показал себя

президентом, не собирающимся предпринимать каких-то радикальных и революционных шагов, а старающимся добиться ряда частных изменений, постепенно перерастающих в новое качество, и достигающим, где это возможно, компромиссов со своими оппонентами. Так было, в частности, при решении наиболее острой проблемы расовой сегрегации в южных штатах. Если уж на то пошло, гораздо более радикальный Акт о гражданских правах, внесенный в конгресс еще при Кеннеди, равно как и ряд законопроектов о медицинском страховании и страховании от безработицы, был принят уже администрацией Джонсона. И точно так же при Джонсоне были приняты важные законы о жилищных субсидиях и пособиям беднякам. Поэтому можно предположить, что откровения Э. Линкольн отражают реалии не 63-го, а 68-го года, когда Линдон Джонсон был крайне непопулярен из-за войны во Вьетнаме и отказался от выдвижения своей кандидатуры на новый срок вследствие плохого состояния здоровья (он умер в возрасте 64 лет 22 января 1973 года от сердечного приступа). Некоторые сторонники конспирологических теорий убийства Кеннеди увидели в свидетельстве Э. Линкольн подкрепление версии о причастности. Джонсона к гибели своего предшественника. Прямо Джонсона никто никогда не обвинял. Обычно говорили о неких связанных с ним кругах или лицах, заинтересованных в его приходе к власти, в том числе о миллиардере Говарде Ханте, поддерживавшем Джонсона во время кампании 1960 года. Что ж, своя логика в этом есть. Против Ли Харви Освальда как убийцы-одиночки президента Кеннеди имеется такая бездна улик, что для того, чтобы всерьез обсуждать любые теории заговора с теми или другими исполнителями, необходимо доказать, что все улики против Освальда были сфабрикованы. Собственно, такие доказательства и стараются найти авторы различных конспирологических теорий. Но они упускают из виду одно важное обстоятельство. Чтобы сфабриковать такую массу улик, одновременно скрывая подлинные улики против настоящих преступников, да еще так, чтобы линия фабрикации улик не вступала в противоречие с линией сокрытия улик, необходимы скоординированные усилия сотен и тысяч людей, направляемые с самой вершины пирамиды власти. Теоретически для такой роли подошел бы только президент Линдон Джонсон. Но вот беда. Для того, чтобы произвести такую фальсификацию доказательств, причем буквально с самого дня покушения, готовиться к этому весь дружный и большой коллектив фальсификаторов должен был начать еще за несколько недель до самого убийства Кеннеди, уже тогда развернув бурную деятельность. Не мог же он

организовывать покушение на себя самого. К тому же вовлеченность большого числа людей в процесс фальсификации доказательств не могла не вызвать многочисленных утечек как в американской, так и в зарубежной прессе. Главное же, какой смысл был для самого Джонсона или поддерживавших его бизнесменов и политиков добиваться устранения Кеннеди. Даже если свидетельство Эвелин Линкольн соответствует действительности, далеко не факт, что об этих намерениях был осведомлен Джонсон. Но, как мы уже говорили, свидетельство бывшего секретаря Кеннеди не выглядит убедительными. К тому же репутация самой Линкольн оказалась основательно подмоченной после ее смерти, последовавшей в 1995 году в возрасте 85 лет. В 2005 году Национальные архивы США обнародовали данные о том, что многие вещи и документы Кеннеди, которые ей доверили собрать после убийства президента, были либо безвозвратно утрачены (уничтожены? или, возможно, никогда не существовали?), либо проданы коллекционеру Роберту Уайту, собиравшему наследие Кеннеди.

Но даже если бы Джонсон вдруг узнал о предстоящей отставке с поста вице-президента, это вряд ли бы его слишком уж сильно огорчило. Пост вице-президента – больше представительский, не имеющий серьезного политического значения. Одна из наиболее часто исполняемых обязанностей вице-президента – присутствие на похоронах видных зарубежных политиков, по поводу чего есть немало шуток в американских СМИ. Вице-президенту редко удается стать президентом сразу после окончания второго срока вице-президентства, в том числе и потому, что у него мало шансов сделать что-нибудь выдающееся на вице-президентской должности. Наоборот, уйдя в 1964 году с поста вице-президента, Джонсон мог бы даже повысить свои шансы на избрание президентом четыре года спустя.

Между Кеннеди и Джонсоном никаких разногласий вообще не возникало. В главных вопросах внутренней политики, таких как борьба с расовой дискриминацией и проведение социально-ориентированных реформ, направленных на создание «Великого общества», где не будет бедных, они были едины. Джонсон продолжал и углублял линию Кеннеди в этих вопросах. И сам термин «Великое общество» был введен в обращение уже в президентство Джонсона. Что же касается внешней политики, то здесь Джонсон пошел на дальнейшую эскалацию американской военной интервенции во Вьетнаме. Но в ноябре 1963 года невозможно было сказать, пойдет ли Кеннеди во Вьетнаме так же далеко, как Джонсон. Точно так же и сам Джонсон в тот момент вряд ли имел ясное представление, как следует действовать во

Вьетнаме. Принципиально замена Кеннеди на Джонсона никому не могла привести очевидных выгод, и как возможный мотив убийства Кеннеди ее рассматривать как-то странно.

Иногда в кандидаты на пост главы заговора против президента Кеннеди выдвигают главу ФБР Эдгара Гувера. Дескать, Кеннеди шантажировал Гувера сведениями о его гомосексуализме и грозился отправить в отставку. Что ж, слухи о гомосексуализме Гувера ходили давно, поскольку он был известен как убежденный холостяк, утверждавший, что всю свою жизнь без остатка отдает работе в Федеральном бюро расследований. Заместителя Гувера Клайда Толсона, с которым тот не расставался почти все служебное время и вместе с которым обедал и ужинал, подозревали в том, что он – любовник своего шефа, тем более, что все свое состояние Гувер завещал Толсону. Однако если даже слухи о гомосексуализме Гувера соответствуют истине, глава ФБР был слишком опытным полицейским и никаких улик на сей счет современникам и потомкам не оставил. А если Кеннеди вдруг решил уволить его с должности, Гуверу не было никакого смысла убивать президента. Ему достаточно было бы только обнародовать данные о том, что любовница Кеннеди одновременно является любовницей главаря чикагской мафии, и политическая карьера президента рухнула бы окончательно и бесповоротно. Тут никакие миллионы клана Кеннеди не помогли бы.

Часто говорят о странных смертях некоторых лиц, так или иначе связанных с последней поездкой Кеннеди в Даллас, и толкуют эти события как доказательства существования заговора. Так, Уоррен Рейнольдс, служащий магазина по продаже подержанных автомашин, случайно оказавшийся одним из свидетелей бегства Ли Освальда после того, как он застрелил полицейского Типпита, был застрелен из ружья на стоянке у своего магазина вечером 23 января 1964 года. По этому делу был задержан один подозреваемый, но его отпустили после того, как его алиби подтвердила одна женщина. Она, в свою очередь, некоторое время спустя была задержана за какое-то правонарушение и повесилась и тюремной камере в Далласе. В том же 1964 году скоропостижно скончались далеко еще не старые люди – генерал, приветствовавший Кеннеди от имени ВВС на аэродроме в Сан-Антонио, официант, приносивший ему последний завтрак в Форт-Уорте, и заведующий отделом рекламы «Морнинг ньюс», принимавший провокационное объявление «Добро пожаловать в Даллас, г-н Кеннеди!». Умерли также несколько офицеров, участвовавших в траурных церемониях в связи с гибелью Кеннеди. У них не выдержало сердце. К числу

жертв дела Кеннеди относят умершую в 1966 году от инсульта домохозяйку Освальда Эрлину Робертс и погибшего в том же году в автокатастрофе таксиста Билла Уолли, который вез Освальда после покушения. Но тут надо иметь в виду, что к событиям, связанным с пребыванием президента Кеннеди в Далласе и его убийством, были причастны тысячи людей, и смерть в последующие два-три года даже нескольких десятков из них не выходит за пределы теории вероятности. Если же проанализировать указанные смерти, то их очень трудно каким-то образом связать с возможным заговором против президента. Что мог рассказать о возможном заговоре один из многочисленных свидетелей бегства Освальда? Вряд ли он как-то мог участвовать в заговоре. Чем могли помешать заговорщикам офицеры, встречавшие Кеннеди в Техасе или участвовавшие в траурных церемониях? А уж официанта-то какой смысл было устранять? Неужели Кеннеди еще и отравить пытались! Или кто-то всерьез верит и может доказать, что публикация объявления в «Морнинг ньюс» и выстрелы Освальда были звеньями одного заговора? Как могло объявление помочь успеху покушения? И почему через три года после убийства Кеннеди и Освальда не могла умереть от инсульта домохозяйка последнего и какую тайну она хранила три года? Если эта тайна была столь значительна, то почему ее так долго оставляли в живых предполагаемые заговорщики? То же самое касается и таксиста Уолли. Если Освальд ему что-то сказал о возможном заговоре, почему он утаил эту информацию от комиссии Уоррена? А если Освальд ничего существенного ему не сказал, то зачем его убивать? Неужели американский таксист не может погибнуть в автокатастрофе в результате своей или чужой ошибки, а только по чьей-то злой воле? А то, что значительная часть умерших свидетелей умерла насильственной смертью, удивлять не должно. Ведь, как мы уже говорили, Техас и Даллас занимали тогда первое место в Америке по числу убийств на душу населения.

В целом показания отдельных свидетелей по делу Кеннеди содержат ряд противоречий и порой не совпадают друг с другом. Однако это обычная вещь при любом серьезном полицейском расследовании. Каждое из этих противоречий имеет свое объяснение, и все они не затрагивают основ версии об Освальде как об убийце-одиночке. Например, никто не верит утверждению Джека Руби о том, что он убил Ли Харви Освальда из-за своей любви к президенту Кеннеди и чтобы облегчить страдания его вдовы. Мы уже приводили доказательства того, что эта версия была подсказана Руби его адвокатами. Однако опровержение данной версии совсем не означает, что убийца Освальда

выполнял чей-то заказ. Его мотив мог быть точно таким же, как у самого Освальда, когда тот убивал Кеннеди: обрести всемирную славу и войти в историю, пусть даже таким геростратовским образом.

24
Убийство Роберта Кеннеди

Российские авторы А.А. Громыко и А.И. Кокошин полагают, что причиной убийства Джона Кеннеди, как и его брата Роберта, стала политическая и человеческая неординарность братьев Кеннеди: «Гибель двух братьев, как представляется, была тесно связана с их предшествующей деятельностью, часто носившей неординарный характер, выходящей за рамки, в которых действует подавляющее большинство буржуазных политиков. Они далеко не всегда были последовательны в вопросах внутренней и особенно внешней политики, совершали немало зигзагов, осложнявших международную обстановку. Однако Джон и Роберт Кеннеди были причастны и к ряду конструктивных внешнеполитических шагов, в том числе в американо-советских отношениях, вызывавших бешеную злобу со стороны их противников на правом фланге американской политической элиты».

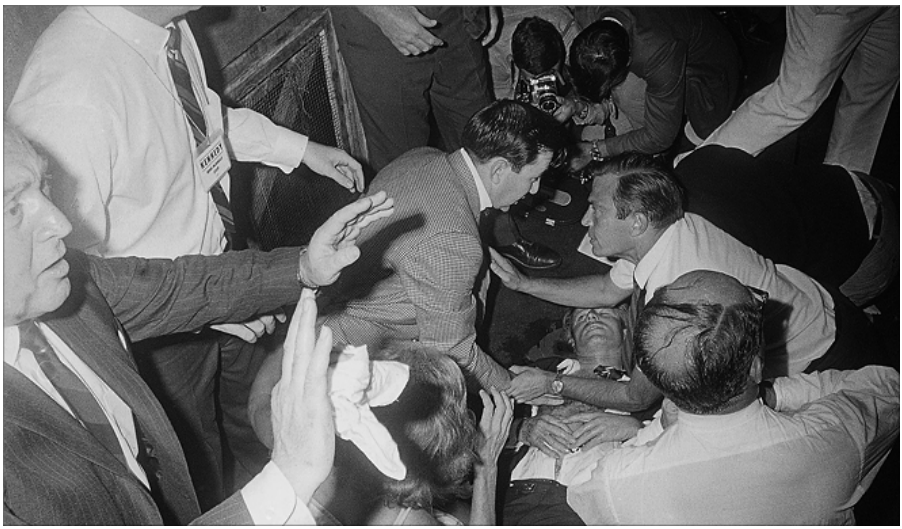
В общем, не вписались Джек и Бобби в систему монополистического капитала, видной составной частью которого сами были, оттого и пострадали. Тут, верно, стоит оговориться. Если Джона Кеннеди еще можно оценить как неординарную фигуру, то его брата Роберта назвать таковой довольно трудно. В администрации Джона Кеннеди он, будучи министром юстиции, оставался постоянно в тени президента. В предвыборной же кампании 1968 года он, будучи одним из фаворитов Демократической партии, ничем особенно выдающимся не успел себя проявить вплоть до своего убийства. Как известно, 5 июня 1968 года в Лос-Анджелесе было совершено покушение на сенатора Роберта Кеннеди. Сенатор был смертельно ранен в голову и на следующий день скончался. Убийца же Роберта Кеннеди, 24-летний палестинский араб Сирхан Бишара Сирхан, уроженец Иерусалима, мстил сенатору за его поддержку Израиля. Согласно выводам следствия, Сирхан был убийцей-одиночкой. Даже если это в действительности не так, на человека, убившего Роберта Кеннеди по поручению неких реакционных американских кругов, мстивших Бобби за его неординарность, Сирхан уж точно не похож, как не похож он на человека, который действовал как наемник по чьему-то заказу, и которому, в сущности, безразлично, кого убивать.

То, что Сирхан не был наемником и вряд ли мог участвовать в каком-то заговоре, доказывают обстоятельства покушения на

Роберта Кеннеди. 5 июня 1968 года, после произнесения речи в зале лос-анджелесского отеля «Амбассадор» в связи со своей победой на демократических праймериз в Калифорнии, Роберт решил покинуть место выступления не через густую толпу поджидавших его поклонников, а через подсобное помещение кухни ресторана. Там в толпе официантов и поваров его поджидал ничем не примечательный человек небольшого роста, в синем костюме, у которого в руках был плакат с призывом голосовать за Кеннеди. Пока кандидат в президенты пожимал руки присутствующим, человек в синем костюме подошел к нему и в упор сделал два выстрела из револьвера. Тут его схватил двое служителей отеля, и остальные шесть пуль из восьмизарядного «айвер-джонсон кадет» ушли в пол и, срикошетив, ранили еще пять человек. Но, к несчастью, и двух пуль хватило, ибо они попали в голову. Роберт был еще в сознании, когда его увозили, но вскоре впал в кому. Его доставили в ближайшую больницу, где не оказалось нейрохирурга. Больного пришлось транспортировать в другую больницу, что заняло почти 20 минут. Через полтора часа после ранения ему сделали краниотомию – трепанацию черепа, чтобы уменьшить кровоизлияние в черепную полость и ослабить внутричерепное давление. Стало ясно, что мозг серьезно травмирован, в нем засела часть осколков костей черепа. Опухоль мозга и внутреннее кровоизлияние не давали шансов на выживание. На следующее утро, 6 июня, Роберт Кеннеди умер. Операция оказалась бесполезной. Замечу, что покушение удалось Сирхану только благодаря случайности. Из-за большой толпы на обычном выходе из зала Кеннеди предпочел воспользоваться черным ходом. Заранее такие его действия просчитать было никак нельзя. А если бы он воспользовался обычным выходом, у Сирхана было бы мало шансов приблизиться к Кеннеди в густой толпе. Заговорщики так, на авось, покушения не планируют. И на наемника Сирхан совершенно не похож. Обстоятельства покушения были таковы, что у него не было никаких шансов убежать. Зато Сирхан больше похож на фанатика-одиночку, поборника независимой арабской Палестины, готового мстить всем тем, кого он считает «друзьями Израиля». В связи с этим губернатор штата Калифорния Рональд Рейган заявил, что убийство было совершено «не из-за американских мотивов».

Сирхан Бишара Сирхан в 1969 году был приговорен к смертной казни, замененной на пожизненное заключение, вероятно, для того, чтобы не провоцировать волнения в арабском мире и среди арабов Америки. Формально же замена смертной казни была произведена после того, как в 1972 году Верховный суд Калифорнии признал смертную казнь неконституционной.

Защита тщетно пыталась доказать, что в момент покушения Сирхан был лишь ограниченно вменяем. То, что он давно готовился к убийству именно Роберта Кеннеди, доказывают записи в его дневнике: «18 мая 1968 года. Мое желание ликвидировать Р.Ф.К. становится все более непоколебимой одержимостью… Роберт Ф. Кеннеди должен быть убит. Роберт Ф. Кеннеди должен быть убит до 5 июня 68». 5 июня было первой годовщиной начала Шестидневной войны 1967 года, в которой Израиль разгромил армии арабских государств.



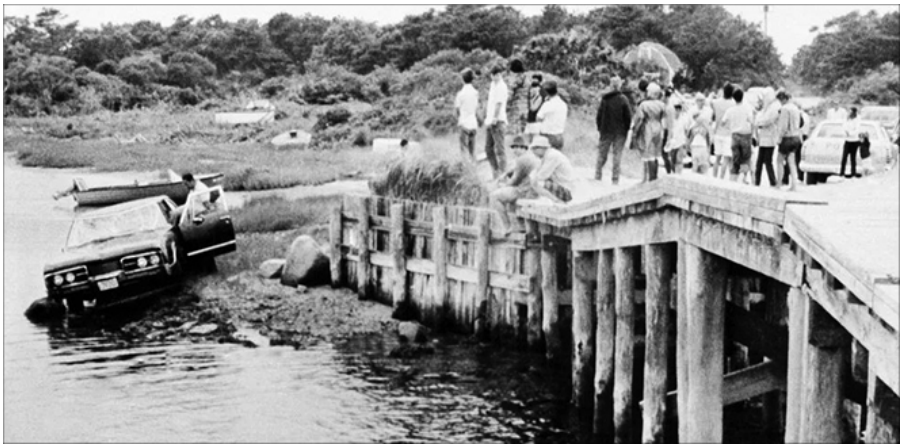
Убийство Роберта Кеннеди

Казалось бы, с убийством Роберта Кеннеди все ясно, тем более, что Сирхана никто не убивал, и он по сей день благополучно отбывает пожизненное заключение. Однако вокруг этого преступления продолжает существовать масса альтернативных теорий заговора, хотя их и существенно меньше, чем по поводу убийства Джона Кеннеди. Наряду с Сирханом выставляются и другие альтернативные убийцы, в том числе охранник Роберта Кеннеди Тейн Сезар, предоставленный, между прочим, властями Калифорнии. Тут, кстати, появляется и замечательная возможность обвинить тогдашнего губернатора Калифорнии и будущего президента США Рональда Рейгана в заговоре с целью убийства Роберта Кеннеди. Согласно заключениям некоторых судебно-медицинских экспертов, пуля в голову сенатора была выпущена со спины, тогда как покушавшийся, по показаниям некоторых свидетелей, стрелял в Кеннеди спереди. Однако другие свидетели показывают, что в момент выстрела Роберт повернулся, чтобы пожать кому-то руку,

и оказался к своему убийце вполоборота. В 1975 году ФБР опубликовало доклад, свидетельствующий, что в пользу версии о втором стрелке нет сколько-нибудь серьезных доказательств. Существует версия, что Сирхан был зомбированным убийцей, запрограммированным на убийство с помощью гипноза или каких-то новейших психотехнологий, разрабатываемых ЦРУ. Что тут скажешь? Действует та же закономерность, что и в случае с гораздо более громким убийством Джона Кеннеди. Публике неинтересен убийца-одиночка, тем более оставшийся в живых. Публике интересен заговор темных сил, то ли в самой Америке, то ли за ее пределами. Спрос рождает предложение. Потому-то и плодятся бесчисленные книги и фильмы, доказывающие, что братья Кеннеди стали жертвами чудовищного заговора. Одна из теорий, кстати сказать, гласит, что Роберта Кеннеди убили потому, что он обещал, если станет президентом, вернуться к расследованию убийства брата. Дескать, убийцы пытались замести следы первого преступления и ради этого пошли на второе. Так, Роберт Кеннеди в беседе с группой студентов в колледже Сан-Фернандо 3 июня 1968 года будто бы заявил: «Теперь я наконец понял – только став президентом, я смогу раскрыть тайну смерти моего брата». Тут надо сказать, что члены клана Кеннеди, по всей вероятности, верили, а некоторые из Кеннеди, возможно, верят до сих пор, что и Джек, и Бобби стали жертвами заговора, что, однако, не делает эту версию истинной.

25
Происшествие на Чаппаквидике

Интересно, что через год с небольшим после смерти Роберта, в ночь с 18 на 19 июля 1969 года, произошло событие, которое практически закрыло дорогу к президентскому креслу младшему из братьев Кеннеди, Эдварду. В небольшом, уединенно стоящем коттедже на островке Чаппаквидик была устроена вечеринка для тех, кто близко знал убитого сенатора. На ней присутствовали шестеро мужчин, включая сенатора Эдварда Кеннеди и его двоюродного брата Джозефа Кеннеди, и шесть молодых женщин, принимавших самое активное участие в избирательной кампании Роберта (среди последних была и 28-летняя блондинка Мэри Джо Копечне, бывшая секретарша Роберта Кеннеди). Эту вечеринку называли еще вечеринкой для «девушек из бойлерной» – девушки сидели в подвальном помещении без окон, действительно напоминающем бойлерную. Выпито было изрядно, и вечеринка затянулась допоздна, едва ли не на всю ночь. Около полуночи Эдвард Кеннеди вместе с Мэри Копечне сел в свой «олдсмобиль» и попытался выехать с острова. Но алкоголь сыграл с ним трагическую шутку. Ранним утром около старого заброшенного моста Дайк Бридж, который соединяет Чаппаквидик с находящимся на другой стороне маленького пролива городком Эдгарстаун, в воде был обнаружен полузатонувший «олдсмобиль», а в нем труп молодой женщины. По номеру немедленно пробили, что автомобиль принадлежит сенатору Эдварду Кеннеди. В погибшей довольно быстро опознали Мэри Джо Копечне. А вот самого сенатора Эдварда Кеннеди нигде поблизости не было.



Происшествие на Чаппаквидике. 1969 г.

Эдвард объявился только тогда, когда сообщение о найденном автомобиле и о погибшей Мэри Джо Копечне передали по радио и опубликовали в утренних газетах. В полиции сенатор рассказал, что в ночь с 18 на 19 июля, покинув вечеринку, он и Мэри Копечне хотели выехать к последнему парому, который шел на материк, в Эдгарстаун, но в темноте сбились с дороги (не исключено, что они просто опоздали к отходу парома и решили воспользоваться старым мостом, поскольку мост находится в прямо противоположном направлении от парома, и так сбиться с дороги было довольно мудрено). В результате большой «олдсмобиль» оказался на старом узком мосту без перил, не удержался и рухнул в воду. Эдвард сумел разбить окно и вылезти, а вот Мэри Джо Копечне, сидевшая рядом с ним на переднем сиденье, утонула.

Разразился скандал. Мало того, что Эдварду Кеннеди грозило обвинение за вождение автомобиля в нетрезвом виде, повлекшее по неосторожности трагические последствия, так еще он предстал перед американской публикой как человек трусливый и подлый. Спасая свою жизнь, он не позаботился о спасении своей девушки. Тут даже тема возможного адюльтера Эдварда и Мэри Копечне отошла на второй план. Сенатор даже не обратился в полицию, не вызвал помощь, которая, возможна, еще могла бы поспеть вовремя. Ведь по свидетельству водолаза, поднимавшего тело, в салоне машины образовался воздушный мешок, и положение тела свидетельствовало, что Мэри Джо могла быть жива еще в течение двух часов после происшествия. Тогда получалось, что если бы Эдвард Кеннеди немедленно обратился за помощью в полицию и службу спасения, девушку можно было бы спасти. Впрочем, история с воздушным мешком, позволившим Мэри Джо прожить еще два часа, кажется мне спекуляцией, исходящей от

противников Кеннеди. Трудно поверить, что за два часа Мэри Джо не попыталась бы выбраться самостоятельно, что наверняка отразилось бы на положении ее тела. Да и вряд ли воздушный мешок сохранился до прибытия спасателей. Конечно, она могла потерять сознание сразу после аварии, но тогда бы ей никакой воздушный мешок не помог.

Впрочем, можно было догадаться, почему сенатор поспешил скрыться с места происшествия незамеченным. Он явно не хотел представать перед полицией в состоянии сильного алкогольного опьянения и ждал, пока улетучится запах алкоголя, а он сам примет более пристойный вид. Возможно, Эдвард еще надеялся, что Мэри позднее тоже смогла выбраться из затонувшей машины, и все обойдется, трагедии и скандала удастся избежать. К несчастью, не обошлось. Но сам Эдвард сумел отделаться сравнительно благополучно. Он признал себя виновным в том, что удрал с места, где произошел несчастный случай, не оказав помощи потерпевшей, но категорически отрицал, что перед злополучной поездкой употреблял алкоголь. Если бы было доказано, что Эдвард Кеннеди сел за руль в пьяном виде, ему грозило бы очень серьезное наказание в виде нескольких лет тюрьмы, и условным сроком он бы не отделался. Но тест на содержание алкоголя в крови незадачливого водителя делать не стали, то ли из уважения к семейству Кеннеди, то ли из уважения к их деньгам. Нельзя исключить, что какие-то весьма солидные суммы перекочевали в карманы полицейских чиновников. Американские полицейские взятки, как известно, не берут. Но это тогда, когда речь идет о том, чтобы взять мзду с шофера, задержанного за езду в пьяном виде, или с человека, задержанного за пьяный дебош в баре. Если же речь идет о людях действительно богатых и о скандалах действительно серьезных, как показывает ряд громких процессов над крупными полицейскими чинами, сумма взяток может достигать весьма солидных величин, а сами взятки предназначаться очень высокопоставленным чиновникам. Доказательств того, что семейство Кененеди платило взятку, нет, но относительно благоприятный для Тэдди исход происшествия на острове Чаппаквидик наводит на некоторые размышления. Кстати сказать, Эдвард мог бы заявить, что за рулем была погибшая, но эта неправда грозила еще больше уронить его репутацию в глазах публики. Сенатор, пытающий свалить все грехи, включая вождение в пьяном виде, на девушку, погибшую по его вине, выглядел бы слишком смешно и жалко.

Младший из братьев Кеннеди отделался тем, что заплатил родителям Мэри Джо Копечне 90 тыс. долларов (это официально;

реальная сумма могла быть больше). Еще 50 тыс. долларов за смерть молодой женщины заплатила страховая компания. Кеннеди получил минимально возможное наказание за оставление в беде потерпевшего: два месяца тюрьмы условно и сохранил за собой место в сенате. На этом дело было закрыто. Тело Мэри Джо Копечне похоронили без вскрытия и без проведения тестов крови на наличие алкоголя. Позднее, в сентябре, окружной прокурор, которому, вероятно, от щедрот семейства Кеннеди еще не перепало, попытался в судебном порядке добиться эксгумации и проведения вскрытия и судебно-медицинских экспертиз на том основании, что на одежде погибшей обнаружена кровь. Но родители Мэри воспротивились эксгумации. Ходили слухи, что она была беременна от Эдварда Кеннеди, но эти слухи так никогда не были ни подтверждены, ни опровергнуты. Наличие же крови на одежде Мэри может свидетельствовать о том, что она могла получить повреждения при падении автомобиля и в результате либо сразу же погибла, либо потеряла сознание, отчего и не смогла выбраться самостоятельно.

Но смерть Мэри Копечне породила массу конспирологических теорий. Согласно одним из них, Мэри была убита самим Эдвардом, поскольку слишком много знала о делах клана Кеннеди, а потом ее смерь была представлена как несчастный случай. Согласно другим теориям, она, будучи любовницей Тэдди, требовала развода и женитьбы, в противном случае угрожая оглаской их связи. Была также версия, что изрядно пьяный сенатор врезался в дерево, в результате чего его пассажирка погибла, а потом он представил ее жертвой несчастного случая на мосту. Хотя не очень понятно, чем для него лучше было утопить машину, чем разбить ее о дерево. Да и в случае столкновения с деревом на «олдсмобиле» должна была бы быть изрядная вмятина, которую полицейские вроде бы не обнаружили, да и на фотографии поднятой из воды машины ее незаметно.

Некоторые сторонники версий об убийстве Джона и Роберта Кеннеди также утверждали, что и на этот раз Эдварда подставили все те же враждебные клану силы, которые убили Мэри Копечне, а затем подстроили все так, что он оказался причастен к ее смерти. Эту теорию из-за ее очевидной абсурдности даже обсуждать не стоит.

Все эти версии, честно говоря, не внушают доверия. У клана Кеннеди было достаточно денег, чтобы купить молчание экс-секретарши Роберта Кеннеди. Очень трудно представить, что она оказалась столь несговорчивой, чтобы пришлось идти на крайние

меры. Зато противники Демократической партии и клана Кеннеди, конечно, не упустили бы возможность озвучить компрометирующие Тэдди версии рокового происшествия.

Скандал с гибелью Мэри Джо Копечне был далеко не единственный скандал в жизни Эдварда Кеннеди, но он оказался главным. Труса, который бросил в беде девушку, спасая свою шкуру, американцы президентом точно бы не выбрали.

Мэри Джо Копечне

В версию же происшествия от самого Эдварда Кеннеди, которую он озвучил сначала в полиции, а затем в специальном выступлении по телевидению, могли поверить разве что дети младшего школьного возраста. По словам Тэдди, дело обстояло так. В субботу 18 июля он вместе со своим племянником Джо приехал на остров Марта-Вайньярд для участия в Эдгартаунской

регате, в которой семья Кеннеди принимала участие уже почти на протяжении 30 лет. При этом «плохое состояние здоровья не позволило моей жене Джоан быть вместе со мной». В это же время на соседнем острове Чаппаквидик проходила вечеринка, организованная для технических сотрудников, наиболее отличившихся в предвыборных кампаниях Роберта и Эдварда Кеннеди. Среди них совершенно случайно оказалась 28-летняя Мэри Джо Копечне, которая на протяжении четырех лет работала секретаршей Роберта Кеннеди. Она и находилась в одной машине с Эдвардом, который не справился с управлением, переезжая узкий мостик, соединяющий два острова, и машина очутилась в воде. Из затонувшей машины сумел выбраться только Эдвард. Произошло все это около полуночи, место было пустынным. Объясняя случившееся, сенатор утверждал, что он предпринял несколько попыток спасти Мэри Джо, но прекратил их после того, как полностью выбился из сил.

Находясь в состоянии сильного шока, он вместо того, чтобы найти ближайший телефон, отправился в дом, где проходила вечеринка, в которой он будто бы вовсе не участвовал, и попросил своего кузена Джо и двух приятелей помочь извлечь Мэри из машины. Но и они не добились успеха.

Надо отметить, что утром, прежде чем отправиться в полицию, Тэдди позвонил своему личному адвокату Берку Маршаллу. Тот, очевидно, и объяснил ему, что ни в коем случае нельзя признаваться, что участвовал в вечеринке. Иначе никто не поверит, что он был трезвым, сидя за рулем. Поэтому Эдвард категорически отрицал как наличие сексуальной связи с Мэри Джо, так и свое участие в вечеринке и нахождение за рулем в нетрезвом виде. Но поверили ему, и то, вероятно, небескорыстно, только полицейские. Ни журналисты, пытавшиеся проводить независимые расследования, ни широкая общественность Эдварду Кеннеди не поверили.

Да и чему тут было верить? Каким образом девушка, приехавшая на совсем другое мероприятие, уезжает с острова вместе с сенатором, да еще в то время, когда на вечеринке веселье было в самом разгаре? Если у них намечается любовное свидание, тогда поведение обоих вполне понятно, если же между ними ничего нет, то их поведение совершенно алогично. Как признал сам Эдвард, его кузен Джо в вечеринке участвовал. Встает вопрос: а почему Эдвард от такого участия отказался? И что он делал вечером до полуночи, пока Джо зажигал с секретаршами? Неужели просто смотрел в звездное небо? Или все-таки присутствовал на вечеринке, но пил исключительно молоко?

Действия Эдварда по спасению девушки выглядят довольно странными. Во-первых, в месте, где упал «олдсмобиль», наверняка было мелко, почему он и не затонул полностью. Почему же Тэдди, как и все Кеннеди, неплохой пловец, так и не смог извлечь свою попутчицу в первые же секунды после того, как выбрался сам? Ведь только такие действия оставляли реальные шансы сохранить ей жизнь. Она же сидела рядом с ним, и ее вполне можно было попытаться вытащить через то же окно, через которое выбрался он сам. Тем более, как показывают фотографии машины, поднятой спасателями, в результате падения она не была деформирована, и Мэри Джо не могло зажать в салоне. Не исключено, что в действительности он был слишком пьян, чтобы предпринять какие-либо спасательные действия, а потому, выбравшись на мост, добрался до Эдгарстауна, а там уже связался с родными и адвокатами. Скорее всего, так и было. Но даже если он действительно пытался спасти Мэри Джо и потерпел неудачу, то не мог не понимать, что шансов достать ее живой почти нет. Через разбитое стекло автомобиль затопит, и Мэри Джо неминуемо захлебнется. Единственный, пусть крошечный, шанс на ее спасение – это поскорее найти телефон и вызвать полицию, пожарных или службу спасения. Эти люди умеют делать реанимацию. Если они быстро примчатся из Эдгарстауна, может быть, еще успеют откачать пострадавшую. Вместо этого, Эдвард возвращается на вечеринку и берет себе в помощь Джо и их друзей. Вероятно, пока они прибыли к месту аварии, с момента падения «олдсмобиля» прошло уже не менее получаса. Спасать уже в сущности некого. И Тэдди, и его товарищи, протрезвев, должны были это понять. А когда им не удалось извлечь из воды тело, их обязанностью было вызвать полицию и прочие службы. Кстати, почему никто не догадался позвонить в полицию из дома, где проходила вечеринка? Там же наверняка был телефон, а из Эдгарстауна полицейские на автомобиле наверняка добрались бы к месту происшествия быстрее, чем Эдвард Кеннеди и его товарищи на своих двоих. Но полицейские упорно закрывали глаза на все эти очевидные нестыковки в свидетельствах Тэдди, явившегося в полицию лишь через десять часов после трагедии. Хотя суд в версию о друзьях, пытавшихся вытащить потерпевшую, не поверил и осудил Кеннеди за неоказание помощи. Вероятнее всего, десять часов, прошедшие от момента трагедии до явки в полицию, Эдвард Кеннеди потратил на контакты с родными и адвокатами, чтобы придумать и выучить более или менее правдоподобную версию произошедшего, в минимальной степени затрагивающую его репутацию.

Другие же скандалы, связанные с Тэдди, в изобилии были

представлены в мемуарах бывшего начальника канцелярии Эдварда Кеннеди Ричарда Берка «Сенатор», которую сам Кеннеди назвал «собранием причудливых выдумок и лжи». По утверждению Берка, Эдвард – не только алкоголик, но еще кокаин нюхает, и прямо в офисе. К тому же, как и Джон, амилнитрат потребляет, но исключительно для поднятия остроты сексуальных ощущений. И по части сексуальной продвинутости, если верить Берку, младший Кеннеди мог дать фору любому из своих старших братьев. Он якобы занимался групповым сексом с сенатскими практикантками, а однажды затащил к себе в постель 14-летнюю дочь своего сотрудника, щедро оплатив его молчание из денег налогоплательщиков, то есть попросту многократно подняв ему зарплату. Когда практикантки в результате сексуальных утех с сенатором попадали в «интересное положение», правоверный католик Эдвард Кеннеди вынуждал их делать аборты, порой нелегальные, который сам же и оплачивал.

Конечно, что-то Берк мог и присочинить, например, насчет 14-летней любовницы Тэдди. Но, с другой стороны, в какой-либо конкретной лжи Эдвард Кеннеди вывшего своего главу канцелярии не уличил. А ведь книга Берка была впервые опубликована в 1992 году, и ее герой прожил еще целых 17 лет.

Эдвард Кеннеди в 1960-е гг.

В конце концов, первая жена Джоан, урожденная Беннет, бывшая модель телерекламы и пианистка – учитель музыки, в 1978 году разъехалась с Кеннеди, а в 1982 году добилась развода, что для католички было весьма трудным поступком, причем в виде отступного получила поместье стоимостью в 4 млн долларов. Впрочем, их брак трещал по всем швам еще с середины 60-х годов как из-за многочисленных супружеских измен Эдварда, так и из-за давнего алкоголизма Джоан, в котором она впоследствии неоднократно публично признавалась. Учитывая алкоголизм первой жены, алкоголизм сенатора также становится весьма вероятен. Также принимая во внимание то, что отношения Эдварда и Джоан с середины 60-х годов были уже довольно напряженными, сексуальная связь Эдварда и Мэри Копечне представляется весьма вероятной, особенно если роковая поездка на Чаппаквидик пришлась на очередной запой Джоан.

В 1991 году Эдвард встретил 37-летнюю адвоката Викки Реджи Рахлин, дочь банкира, происходившего из ливанских христиан, и в июле 1992 года женился на ней, причем ради этого брака Викки развелась со своим первым мужем. Брак Тедди и Викки был гражданский, а не церковный, то есть без венчания. В новом браке о сексуальных скандалах Тэдди уже не было слышно. Очевидно, возраст брал свое, да и интерес к жизни сенатора постепенно падал. А может быть, Тэдди все-таки нашел свой идеал под конец жизни.

26
Судьба Жаклин Кеннеди

В одном интервью, данном вскоре после убийства мужа, Жаклин вспоминала о нем как о «галантном мужчине», танцевавшем с красивыми женщинами и собиравшем в Белом доме поэтов и артистов, но не допускавшем туда варваров. Она, разумеется, не уточнила, что с красивыми девушками Джек не только танцевал. Джекки с умилением описывала, как любил ее покойный муж слушать запись бродвейского мюзикла «Камелот» Алана Дж. Лернера и Фредерика Леве, и назвала президентство Кеннеди «волшебным моментом американской истории». С невыразимой тоской она добавила: «Этого больше никогда не будет. Никогда не будет нового Камелота». Окружение Кеннеди очень часто называли Камелотом, в честь легендарного замка короля Артура и рыцарей Круглого стола.

В 60-е годы американцы считали Жаклин Кеннеди своим подлинным национальным достоянием. Но она отнюдь не стала вечной вдовой, обязавшейся до гроба хранить верность покойному президенту. Уже летом 1964 года, еще до истечения годичного траура, у Джеки случился роман с великим и легендарным актером Марлоном Брандо. Легендарным был не только его талант, но и слава донжуана и пьяницы. Они познакомились на ланче в одном из клубов и проговорили подряд три часа. Бывшая первая леди Америки была совершенно очарована актером и ради него переехала из Вашингтона в Нью-Йорк. Но их взаимная страсть довольно быстро угасла. Между прочим, Брандо не мог простить Джону Кеннеди, что тот еще в бытность сенатором обидел его, заявив во время дружеской попойки, что тот слишком толст, чтобы сниматься в кино. Теперь Брандо думал, что взял реванш.

Молва причисляла к любовникам Джекки Бобби Кеннеди, Роберта Макнамару, его заместителя Росвелла Гиллпатрика, а также мужа Патриции Кеннеди актера Питера Лоуфорда. Трудно сказать, относительно кого из них эти подозрения действительно справедливы. Бесспорно только, с Гиллпатриком действительно что-то было, поскольку впоследствии в прессе появилась их любовная переписка.

25 октября 1968 года Жаклин вышла замуж за Аристотеля Онассиса. По предположению Эвелин Линкольн, личного секретаря сенатора и президента Кеннеди в 1953–1963 годах, роман Джекки с Аристотелем Онассисом начался в октябре

1963 года, всего за месяц до злодейского убийства ее мужа в Далласе, штат Техас. Онассис говорил, что в Жаклин есть что-то провокационное. Он все чаще и чаще навещал Джекки в Нью-Йорке. Они регулярно встречались в ее квартире и порой даже ужинали в ресторанах. На них мало кто тогда обращал внимание. Предполагалось, что Онассис, который любил коллекционировать знаменитостей, всего лишь оказывал знаки внимания самой известной даме в Америке. Джекки же чувствовала себя в безопасности с этим человеком, который во многом походил на ее свекра посла. Ей приятно было находиться в его обществе, она словно брала энергию от этого человека, обладавшего огромной жизненной силой. Жаклин нравилось как внимание к ней Онассиса, так и его необыкновенная щедрость. Она начала делиться с ним сокровенными мыслями, рассказывала правду о своем браке, о жизни в Белом доме, о том, как непросто было быть первой леди. Жаклин жаловалась, что в финансовом отношении она полностью зависит от семьи Кеннеди, что зачастую не позволяет ей купить то, что очень хочется.

То, что Жаклин вышла замуж за Онассиса, вызвало разочарование и американской, и мировой общественности, которая не могла простить вдове президента Кеннеди, что она вышла замуж за «мешок с деньгами». Хотя ее первый брак был ровно тем же самым. Американцы и особенно американки негодовали: «Она предала память мужа», «Джекки, как ты могла?», «Джон Кеннеди умер вторично». Жаклин тоже возмущалась: «Они убили моего мужа и еще смеют меня осуждать?»

Любовница Онассиса знаменитая певица Мария Каллас вдову Кеннеди поддержала: «Джекки поступила правильно, обеспечив своих детей дедушкой. Аристотель богат, как Крез».

Пять лет люди восхищались Жаклин и испытывали чувство вины за убийство Джона Кеннеди. В тот миг, когда она вышла замуж за человека иной, православной, веры, миллиардера с шестиклассным образованием, многие от нее отвернулись.

Свадьба Жаклин Кеннеди и Аристотеля Онассиса

На греческом острове Скорпио православный архимандрит обвенчал Жаклин Кеннеди и Аристотеля Онассиса. На церемонии присутствовали дети Жаклин, ее мать и отчим. Теперь Джекки могла не думать о деньгах. Аристотель одаривал ее ведрами бриллиантов, собольими шубами стоимостью в 60 тыс. долларов, картинами и антиквариатом. Он безропотно оплачивал ее счета, говоря: «Бог свидетель, Джекки очень много страдала, пусть покупает, что ей угодно». В распоряжении Жаклин была роскошная яхта «Кристина», квартира в Париже, особняк в Уругвае и вилла в Греции.

Однако муж и жена редко бывали вместе. Жаклин получила деньги, а Онассис – самую известную женщину в мире. Настоящей любви между ними не было.

Ежемесячно на карманные расходы Аристотель выдавал жене 300 тыс. долларов. Она скупала полностью последние коллекции Валентино, Ив Сен-Лорана и Диора. Тогда годовой доход среднего американца составлял всего 9 тысяч долларов.

Все было хорошо, пока Аристотель не задался трудным вопросом: куда девает жена бесчисленные наряды? Ведь обычно она носит джинсы со свитерами, а на светских раутах появляется не так уж часто. А в одном только 1969 году Жаклин закупила 300 пар туфель. Вскоре Онассис выяснил, что, надев каждую вещицу один-два раза, а то и вовсе не распаковывая, Джекки отправляла их в фирму «секонд-хэнд», увеличив свой счет в банке на несколько миллионов долларов за время брака с «танкерным

королем».

Тогда Аристотель урезал ежемесячные выплаты до 200 тыс. долларов, что вызвало у Джекки истерику. Но пришлось смириться.

Характер Джекки стал совсем не подарок. По любому поводу она увольняла прислугу, иной раз зло подшучивала над необразованностью Ари.

А когда в прессе были опубликованы письма Жаклин к Гиллпатрику, Онассис понял, что она ему изменяла. По слухам, ревнивый грек будто бы стал ее поколачивать, благо, она всегда любила носить темные очки.

В 1972 году Онассис приказал своему адвокату связаться с американскими юристами, чтобы начать переговоры о бракоразводном процессе. А через несколько месяцев в авиакатастрофе погиб сын Онассиса Александр. Он был еще жив, когда у постели собрались многочисленные родственники, включая Жаклин. Выразив соболезнование невесте Александра, она живо поинтересовалась, сколько ей перепадет в качестве наследства.

Через четыре года после свадьбы мировые эротические журналы опубликовали фотосессиию абсолютно голой Жаклин на острове Скорпио. По слухам, папарацци на нее навел сам Онассис, сообщив им, в какое именно время они смогут застать его супругу на пляже в чем мать родила.

Аристотель Онассис умер 15 марта 1975 года в возрасте 69 лет, так и не успев развестись с Жаклин. Но перед смертью он изменил завещание, оставив жене только 200 тыс. долларов в месяц и по 25 тыс. ежемесячно каждому из ее детей. Тяжба Жаклин и ее падчерицы Кристины Онассис продолжалась больше года. Джекки в итоге получила 26 млн долларов, хотя претендовала на 125 млн.

Денежный вопрос всех испортил. Кристина признавалась, как она «любит» мачеху: «Я не могу сказать, что плохо к ней отношусь. Я ее люто ненавижу».

Когда в 1973 году Онассис начал безнадежную борьбу с неизлечимым заболеванием мышц, госпиталь, где он лежал, находился на Манхэттене. Но Джекки его ни разу не навестила, хотя жила в нескольких минутах ходьбы от госпиталя.

О кончине умершего во Франции мужа она узнала в Нью-Йорке и тут же перезвонила Валентино, чтобы срочно заказать траурный наряд. После смерти Онассиса она заявила в одном интервью: «Аристотель спас меня в тот миг, когда моя жизнь была полна призраков. Он много для меня значил. Вместе с ним я обрела любовь и счастье. Мы пережили много чудесных

мгновений, которые я никогда не забуду и за которые я буду вечно благодарна ему». Впрочем, этим дежурным словам мало кто поверил.

Вернувшись в Нью-Йорк после похорон на Скорпио, Жаклин завела, а точнее продолжила роман с Фрэнком Синатрой. Затем у нее была тайная связь с главным секс-символом Голливуда актером Уорреном Битти. А потом Джекки все-таки нашла свое счастье. Ее последним любовником стал пожилой бизнесмен Морис Темплсмен, брокер по алмазам и бриллиантам, который во время кризиса конца 70-х годов помог оказавшейся на грани банкротства мадам Кеннеди-Онассис весьма ценным советом, постепенно увеличив ее состояние более чем вчетверо, до 120 млн долларов. С Морисом они познакомились еще в 1962 году, а после смерти Онассиса вновь сошлись. Темплсмену, который был ее ровесником, в 1979 году исполнилось 50 лет. Ради Жаклин Морис оставил жену и трех детей, что было тяжелым решением для ортодоксального еврея. Он искренне любил Жаклин и буквально целовал землю, по которой она ходила. Жаклин обрела в нем надежную опору, а он – заботливую и любящую жену. В официальный брак они не вступали, но жили вместе до самой смерти Жаклин.

По словам двоюродной сестры Мориса Розы Шрайбер, «Джекки в первый раз вышла замуж ради обретения высокого социального статуса; во второй раз вступила в брак для гарантированной обеспеченности. А третья интимная связь была основана на большой дружеской привязанности и взаимоуважении. Эти последние отношения были самые чистые и здоровые».

Теперь вдова Джона Кеннеди могла вести ту жизнь, которую хотела, а не ту, которую от нее ждали. В 46 лет она устроилась редактором в издательство «Викинг пресс» за 200 долларов в неделю, а затем перешла в издательство «Даблдей». Жаклин готовила к печати мемуары и альбомы по искусству, заключив, например, договор с Майклом Джексоном на публикацию его автобиографии. Пресса вновь умилялась тем, что Джекки сама готовит себе кофе, работает в кабинете без окна и отвечает на множество писем. Ей писали тысячи поклонников, чтобы получить ее автограф. Жаклин была счастлива. Симпатии американцев к ней вернулись.

19 июля 1986 года Жаклин выдала замуж дочь. На Каролине было белое платье с отделкой в виде листьев клевера от Каролины Эррера, а на Джекки – бледно-зеленый туалет от Валентино. На обеде она сказала: «Дети – это самое лучшее, что я сделала в жизни. Я стала тем, что есть, только потому, что стала

матерью».

Жаклин по-прежнему выглядела великолепно – и не только благодаря пластическим операциям. В последние годы своей жизни Джекки снова сблизилась с семьей первого мужа, часто бывала в Мемориальном музее Кеннеди. Она жила либо в загородном поместье под Нью-Йорком, либо в Париже, коллекционировала антиквариат, посещала выставки и театры, занималась благотворительностью. В начале 1994 года у Жаклин обнаружили рак лимфатической системы.

На 30-ю годовщину гибели Джона Кеннеди Жаклин принимала участие в скачках и упала с лошади. Несмотря на травму, она оправилась удивительно быстро. В свои 64 года Джекки выглядела замечательно. И дело было не только в чудесах пластической хирургии. Но рак сгубил ее в несколько месяцев. Когда боль стала совсем невыносимой, Джекки потребовала, чтобы ее выписали из больницы и прекратили всякое лечение.

Она умерла вечером 19 мая 1994 года в возрасте 64 лет от рака лимфатических желез.

Жаклин Кеннеди похоронили на Арлингтонском кладбище рядом с Джоном. На похоронах президент Билл Клинтон сказал: «Бог дал ей многое и возложил на нее тяжкую ношу. Она несла ее с достоинством, грацией и необычайным здравым смыслом». Симпатии к Жаклин еще больше возросли после ее смерти.

Скажем пару слов о судьбе родителей Джона Кеннеди, которые значительно пережили его, особенно мать. 19 декабря 1961 года Джозеф Патрик Кеннеди перенес апоплексический удар, в результате которого был парализован на правую сторону и лишился дара речи. Позднее Джозеф-старший с помощью различных видов лечения смог частично восстановить речь и даже начал передвигаться с помощью трости. Однако в 1963 году он настолько ослабел, что мог перемещаться только в инвалидном кресле, в котором почти безмолвно провел последние годы жизни. Перед публикой в последний раз Джозеф Патрик появился вместе с Роуз и Тедом на видеозаписи, сделанной через несколько недель после гибели Роберта Кеннеди. Он выглядел очень плохо. Джознф Патрик Кеннеди-старший тихо скончался 18 ноября 1969 года, на шесть лет пережив Джека. Роуз, в свою очередь, пережила мужа на 25 лет и скончалась 22 января 1995 года в возрасте 104 лет.

Из их сыновей только сенатор Эдвард Кеннеди в возрасте 77 лет умер от естественных причин – раковой опухоли головного мозга 26 августа 2009 года. После того, как в мае 2008 года он перенес удар, Вики неизменно выполняла роль сиделки при своем муже. Она отказалась временно занять место Эдварда в Сенате, а

затем выступить кандидатом демократов на внеочередных выборах. Старшая сестра Эдварда Розмари Кеннеди, родившаяся с задержкой развития, перенесла операцию лоботомии, после чего оставалась недееспособной вплоть до своей смерти в 2005 году.

А вот что известно о судьбе некоторых других героев книги. Марина Освальд получила около 70 тыс. долларов в качестве добровольных пожертвований и энергично занялась бизнесом. Дневник ее мужа помог заработать 20 тысяч долларов, а фотография Освальда с винтовкой «манлихер-каркано» в руках ушла еще за 5 тыс. долларов. Она также попыталась вернуть винтовку мужа, указывая, что, поскольку он погиб, винтовка более не может являться вещественным доказательством. Нефтепромышленник из Денвера, пожелавший приобрести винтовку как сувенир, перевел Марине 10 тыс. долларов задатка, а затем предъявил судебный иск Министерству юстиции, требуя передать ему оружие, из которого был убит Кеннеди. Но тут нашла коса на камень. В начале 1966 года федеральный суд иск отклонил, и осенью того же года Министерство юстиции стало вечным владельцем исторической винтовки № С 2766.

В 1965 году Марина Освальд вышла заму за бизнесмена Кеннета Джесса Портера, с которым у них есть взрослый сын. Обе ее дочери также живы. В октябре 1974 года Марина и Кеннет развелись. В 1990 году Марина наконец получила американское гражданство. Она бессменно живет в Далласе. Теперь она заявляет, что ее первый муж не виновен в смерти Кеннеди, но и не отказывается от тех показаний, которые она дала перед комиссией Уоррена, а потом повторила перед комиссией 1979 года, о виновности Освальда.

Ни Рут Пейн, ни Маргарита Освальд не поддерживали отношений с Мариной после ноября 1963 года. Маргарита продала за хороший гонорар журналу «Эсквайр» одно из писем Ли, и после этого смогла сразу же купить двухцветный «бьюик» взамен старого, хоть немного заработав на том, что сделал ее сын. Маргарита скончалась в Форт-Уорте 17 января 1981 года в возрасте 63 лет.

27
Место в истории

После трагической смерти Кеннеди родилась легенда, что это был президент-рыцарь, безусловно преданный ценностям свободы и гуманизма, президент, чьи великие дела изменили страну. По выражению американского историка Нейла А. Хамильтона, позднейшие исследования привели к тому, что «рыцарские доспехи изрядно потускнели. В свете этих исследований Кеннеди выглядит скорее как оппортунист и эгоист, чем моралист и гуманист».

Джон Фицджеральд Кеннеди. Таким он остался в истории

Что же великого сделал Кеннеди за время своего президентства? Что мы вспоминаем при упоминании его имени? Джон Кеннеди стоял у истоков значительных перемен в американской внешней и внутренней политике, которые были начаты при нем, но в полной мере проявились уже при его преемниках. Он сделал американское общество более социально ориентированным, и заданный им курс перемен в экономике сохранился почти на два десятилетия. Он положил начало более гибкой политике по отношению к развивающимся странам и стал более активно применять экономическую и образовательную помощь государствам третьего мира для достижения американских целей. Сегодня забылся провал высадки в заливе Свиней, и мало вспоминают о кризисе 1961 года в связи с постройкой Берлинской стены, хотя бы потому, что стана давно

разрушена, а Германия объединена. А вот Карибский кризис навсегда остался в истории как высшая точка напряжения в холодной войне, когда мир оказался на грани «горячей» термоядерной войны. И вечная заслуга Кеннеди перед человечеством заключается в том, что эта грань так и не была перейдена, хотя соблазны перейти ее были, и немалые, начиная с желания свергнуть коммунистический режим на Кубе и кончая подавляющим американским превосходством в ракетно-ядерной сфере. Кеннеди научился достигать компромиссов с Советским Союзом, не поступаясь главными американскими принципами и интересами, и ввел дальнейший ход холодной войны в более спокойное русло, создав предпосылки для разрядки напряженности, начавшейся в конце 60-х годов.

И можно сказать, что пули Освальда действительно обеспечили Кеннеди бессмертие. Если бы не они, то он бы, скорее всего, оказался ответственен за широкомасштабное использование американских вооруженных сил во Вьетнаме, и зловещая тень вьетнамской войны перечеркнула бы в памяти потомков его роль в урегулировании Карибского кризиса.

Библиография

Бэррон Дж. Операция «Соло». Агент ФБР в Кремле / Пер. с англ. М.: Терра, 1999.

Горовиц Д., Кольер П. Клан Кеннеди. Американская драма / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1988.

Громыко А.А., Кокошин А.И. Братья Кеннеди. М.: Мысль, 1985.

Ефимов И. Кто убил президента Кеннеди? М.: Терра, 1991.

Манчестер У. Убийство президента Кеннеди / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1969.

Нечипоренко О.М. Три пули для президента. Смертельный треугольник Далласа. М.: Печатные традиции, 2009.

Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания). Т. 1–4. М.: Московские новости, 1999.

Хрущев С.Н. Кризисы и ракеты. Т. 1–2. М.: Новости, 1994.

Яковлев Н.Н. Силуэты Вашингтона. Политические очерки. М.: Политиздат, 1983.

Dallek Robert (2003). An Unfinished Life: John F. Kennedy, 1917–1963. Boston, MA: Little, Brown and Co.

Escott John. The Great Crimes. Oxford Univ. Press, 2001.

Hamilton Neil A. Presidents: a biographical dictionary. 2nd Ed. N.Y.: Facts On File, Inc., 2005.

McNamara Robert S. Argument Without End: In Search of Answers to the Vietnam Tragedy, 2000.

Parmet Herbert. Jack: The Struggles of John F. Kennedy. N.Y.: Dial Press, 1980.

Reeves Richard. President Kennedy: Profile of Power. New York: Simon & Schuster, 1993. Report of the House Select Committee on Assasinations. Wash., 1979.

Report of the President's Commission on the Assassination of President Kennedy. N.Y., 1964.

Schlesinger Arthur M. Jr. A Thousand Days: John F. Kennedy in the White House. Boston: Houghton Mifflin, 2002.

Sorensen Theodore. Kennedy. New York: Bantam, 1966.

Sorensen Theodore. Counselor: A Life at the Edge of History. N.Y.: Harper, 2008.